

М. Г. ВОСКОВОЙНИКОВ

ЭВЕНКИЙСКИЙ ФОЛЬКЛОР

УЧЕБНОЕ ПОСОВИЕ
ДЛЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УЧИЛИЩ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Ленинград • 1960

Настоящее издание является первым опытом создания учебного пособия по якутскому фольклору для учащихся якутских национальных педагогических училищ и студентов северных отделений педагогических институтов. Это пособие может быть также использовано учителями начальных и средних школ якутских районов.

В книгу включены образцы всех жанров (видов) устного народного творчества якутов. Сведения о сборании и публикации, распространении и бытовании якутского фольклора, а также о его взаимосвязи с молодой, нарождающейся якутской литературой даны во введении. Здесь же имеются краткие сведения о расселении якутов, о их прошлой и настоящей жизни, биографические данные о народных сказителях и певцах. Кроме введения, каждый раздел состоит из текстов и краткого анализа соответствующего жанра фольклора.

В конце книги помещены указатель текстов, включенных в настоящее издание, и библиография по фольклору якутов.

В работе по отбору текстов и подготовке их к печати приняли активное участие Г. М. Васильевич, Н. Н. Гладкова, В. А. Горфинская, В. Д. Колесникова, О. А. Константинова, Е. П. Лебедева, Т. Э. Пукшанская, Н. И. Суворов, В. И. Циндзуг.

Всем этим специалистам-тулгусоведам, студентам якутам, а также проф. В. Я. Проппу за внимание и постоянную помощь автор выражает признательность и глубокую благодарность.

ВВЕДЕНИЕ

На огромном пространстве Сибири и Дальнего Востока расселены небольшими компактными группами эвенки — одна из сравнительно многочисленных народностей Севера.

В дореволюционной этнографической литературе эвенки были известны как тунгусы и орочены.

В частности, эвенки, обитавшие в местности Хабаровск и Белые воды (в 25 км по прямой от села Баргузина), именовались «баргузинскими тунгусами», сами же себя они называли «эвенки» (эвенки). Все группы витимских, нерчинских и зейских эвенков, занимавшиеся оленеводством, были известны как ороченны, и самоназвание их было «орочэр» (от слова орон — олень).

По языку эвенки относятся к группе тунгусо-маньчжурских народностей, куда входят также эвены (ламуты), негидальцы, солоны, нанайцы, ульчи, ороки, удэгейцы, орочи.

На протяжении многих столетий эвенки и окружающие их племена и народности, в частности монголо-тюркоязычные, испытывали взаимовлияние в области материальной и духовной культуры, а иногда и вступали в родственные связи. На востоке с эвенками тесно соприкасались бураты, якуты, юкагиры, нивхи; на западе — угро-самодийские народности: ненцы, селькупы, энцы, иганасаны, ханты, а также кеты (енисейские остяки).

Эвенки относятся к малым народам советского Крайнего Севера в числе 26 народностей.

Для эвенков характерна территориальная разбросанность. Советские археологи, этнографы и лингвисты считают, что более древней территорией расселения эвенков является район Прибайкалья. Но в результате продолжительных столкновений с наиболее сильными по тому времени тюрко-монголоязычными народностями эвенки передвигались в районы енисейского Севера и Дальнего Востока. Часть же из них осталась по сие время в Прибайкалье и Забайкалье.

В административном отношении места расселения эвен-

ков входят в Тюменскую и Томскую области, в Красноярский край (Туруханский район; Эвенкийский национальный округ с районами Байкитским, Илимийским и Тунгусо-Чунским; Таймырский национальный округ с районами Дудинским и Авамским), в Иркутскую область (районы: Бодайбинский, Катынский, Качугский, Киренский), в Читинскую область (районы: Каларский, Тунгиро-Олекминский и Тунгукочонский), в Амурскую область (районы: Джелтулакский, Нюкжинский, Зейский, Зейско-Учурский, Верхне-Селемджинский, Верхне-Бурейский), в Бурятскую АССР (районы: Баргузинский, Курумканский, Баунтовский и Северо-Байкальский), в Якутскую АССР (районы: Аяно-Майский, Олекминский, Токмокий, Усть-Майский, Верхне-Колымский, Алданский, Томмотский, Учурский и Тимптонский), в Хабаровский край (район Тугуро-Чумиканский), в Сахалинскую область (районы: Восточно-Сахалинский и Рыбновский) и др.

Всего эвенков в СССР 24,5 тысячи. Несколько тысяч оленных эвенков обитает в северных районах Китайской Народной Республики.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила судьбы народов России, в том числе и малых народов Севера. Чрезвычайно отсталые в экономическом и культурном отношении, поголовно неграмотные, политически бесправные, обездоленные и угнетенные народности и племена северных окраин царской России с приходом Советской власти стали равноправными членами братской семьи народов СССР.

Нигде на всем пространстве Российской империи жестокая эксплуатация и национальное угнетение не проявлялись в столь резких и грубых формах, как на Крайнем Севере.

Среди эвенкийского населения свирепствовали эпидемические болезни, в результате которых вымирали целые стойбища и даже отдельные роды. Частые голодовки, обусловленные оскудением пастбищ и охотничьих угодий, также приводили к болезням и вымиранию. Царские чиновники, русские и иностранные купцы хищнически выкачивали богатства Севера, особенно пушнину: шкурки соболей, лисиц, песцов, росомех, горностаев, но ничего не делали для улучшения быта эвенков, как и других «инородцев».

Вплоть до Великого Октября эвенки находились на стадии разложения патриархально-родового общества. Для них была характерна вера в духов-охранителей, вера в чудодейственную силу шамана. Многие эвенки одухотворяли природу, что в этнографии принято называть анимизмом, от латинского слова «animus» (душа). В наиболее глухих, отдаленных

стойбищах сохранялись элементы тотемизма, то есть веры в происхождение того или иного звенкийского рода или племени от животного, птицы, рыбы и т. д. Больше всего пережитки тотемизма проявлялись в обрядах, связанных с промыслом, в частности медвежьих праздниках.

У звенков строго соблюдалась экзогамия. Представитель одного рода мог вступать в брак только лишь с представительницей другого рода, например юноша из рода Киндыгир мог стать мужем девушки из рода Туруагир и т. д.

Перегон оленей на новое стойбище. Колхоз «Путь к коммунизму» на Витиме.

Исконным занятием звенков была охота на пушных и копытных зверей, в меньшей степени рыболовство. Все население звенков таежной полосой занимается оленеводством. Часть звенков, живущих среди бурят и якутов, еще в дореволюционные годы имела в своем хозяйстве рогатый скот и лошадей. Все кочевое население жило в чумах. Конический остов из 25—30 жердей обычно покрывали юками — покрышками из роадуги, белого полотна, реже сукна или шитой бересты. Некоторые звенки жили в рубленых домах, заимствуя такие жилища у местных русских.

В настоящее время в исконную хозяйственную деятельность звенков пришло много нового. В глубинных районах

можно встретить огороды и теплицы для выращивания овощей, в наиболее южных широтах созревает рожь, овес и ячмень; развивается клеточное звероводство. Развитие новых отраслей хозяйства, транспорта потребовало вовлечения местного населения в новую для них производственную жизнь: многие эвенки работают сейчас по охране лесов, охотоводами, звероводами, в лесообрабатывающей и рыбной промышленности, мотористами, шоферами, трактористами, комбайнерами, зоотехниками, бригадирами и руководителями колхозов, совхозов.

Коммунистической партией и Советским правительством проделана огромная работа по освоению богатств Севера и осуществлению на практике ленинской национальной политики среди коренных жителей тайги и тундры. В. И. Ленин в 1918—1919 гг. подписал ряд документов, связанных с организацией научных экспедиций по обследованию и изучению районов Севера. Ленинские указания о строительстве социализма среди народностей, не прошедших капиталистического пути развития, легли в основу резолюции X съезда партии.

С каждым годом на советском Севере увеличивалось количество культурных баз, интегральных кооперативов, охотоведческих станций, отрядов Красного Креста. Сотни советских патриотов — посланцев партии и комсомола — помогали малым народам Севера поднимать экономику и развивать социалистическую по содержанию и национальную по форме культуру. Неизмеримо выросло политическое сознание эвенков. Наряду с другими народами эвенки участвуют в управлении государством. За годы Советской власти народы Севера, в том числе и эвенки, совершили грандиозный скачок от примитивных форм хозяйства к социализму.

Для эвенков создана своя национальная письменность, все районы покрылись широкой сетью школ, детских яслей, детских домов, амбулаторий, больниц.

Еще в дореволюционные годы в этнографическую литературу просачивались краткие упоминания о фольклоре эвенков. Случайно публиковавшиеся тексты, главным образом в переводах с эвенкийского на русский язык, не отражали картины подлинного богатства устного творчества народа.

Узкому кругу ученых были известны отдельные тексты фольклора баргузинских эвенков, опубликованные И. Георги в XVIII в. на немецком языке¹. Несколько эвенкийских

¹ Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahre 1772 von Joh. Gottl. Georgi, Erster Band, Pfb., 1775, стр. 238—295.

Перевод текста на русск. яз. в сб. «Материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору», сост. Г. М. Василевич, стр. 233.

Этнограф и собиратель фольклора В. Н. Васильев.

текстов записаны в конце XIX в. у енисейских эвенков и включены в статью Г. Гута ¹.

В 1905 г. в илимпийской тундре, на территории Эвенкийского национального округа, записал несколько эвенкийских преданий этнограф Виктор Николаевич Васильев. Собиратель владел в совершенстве якутским языком, все записи производились через переводчика якута, знавшего эвенкийский язык.

Тексты преданий в записях Васильева были опубликованы в 1909 г. на русском языке и затем полностью включены в сборник «Материалов по эвенкийскому фольклору», составленный Г. М. Василевич и опубликованный в 1936 г.

С 1903 по 1913 год с небольшими перерывами занимался собиранием эвенкийского фольклора в бывшем Туруханском крае, Енисейской губернии, политический ссыльный, большевик Константин Михайлович Рычков. Им были созданы научные труды в области этнографии, археологии, лингвистики. В дореволюционные годы и за советский период К. М. Рычковым опубликованы многие публицистические

¹ Г. Гут. Тунгусская народная литература и ее этнологическое значение, «Известия Академии наук», № 3, Пгб., 1901. Перевод имеется в сб. «Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору», сост. Г. М. Василевич, стр. 235.

Этнограф, литературовед и собиратель фольклора
Е. И. Титов.

статьи, рассказы и переводы сказок северных народностей. Но почти все значительные материалы по фольклору енисейских эвенков, собранные Рычковым, до сих пор не опубликованы и находятся в рукописном архиве Института востоковедения АН СССР (в Ленинграде). До тысячи страниц эвенкийских текстов с параллельным русским переводом, подготовлявшиеся Рычковым к печати, содержат большое количество сказок, преданий, устных рассказов, загадок, шаманских песнопений. К. М. Рычков умер в 1923 году в г. Семипалатинске¹.

В первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции вопросами этнографии и фольклора сибирских народов занимались главным образом различные научные учреждения Сибири и Дальнего Востока. Так в 1919 г. в Томске состоялся съезд по организации института иссле-

¹ О рукописных материалах К. М. Рычкова по фольклору енисейских эвенков см. в статье М. Г. Воскобойникова: «О собрании и публикации устного народного творчества эвенков за годы Советской власти», Ученые записки Лен. пед. ин-та им. А. И. Герцена, том 167, 1956 и «К. М. Рычков как собиратель фольклора енисейских эвенков», журн. «Советская этнография» (печатаются).

дования Сибири. На съезде была организована специальная историко-этнографическая секция. Участники секции заслушали доклады И. В. Анучина «Организация изучения туземных языков Сибири» и А. Н. Липского «Об изучении фольклора туземцев Сибири». В этот период неоднократно выступал с докладами «Об изучении языков и фольклора народов Сибири» М. К. Азадовский (Омск, Томск, Иркутск, Верхнеудинск, Чита). В 1925 г. на первом Восточно-Сибирском краеведческом съезде по докладу М. К. Азадовского «Об изучении туземных племен Сибири» было принято решение о собирании фольклора якутов и эвенков.

Со времени организации университета в Иркутске в 1918 г. на историко-филологическом факультете стал проявляться интерес к собиранию якутского, бурятского и эвенкийского фольклора. С 1919 по 1925 год организовывались неоднократные поездки к эвенкам Северобайкалья, Витима и Качуга Е. И. Титовым, автором тунгусско-русского словаря. Материалы по фольклору эвенков, собранные Е. И. Титовым, опубликованы в сборнике, составленном Г. М. Василевич. В двадцатых годах записывал фольклор у катангских и якутских эвенков научный сотрудник Иркутского университета В. Ксенафонтов. Часть его записей опубликована в книге «Ураанхай Сахалар», Иркутск, 1937 г.

В 1923 г. занимался собиранием фольклора у енисейских эвенков коренной туруханский житель, впоследствии ученый и общественный деятель, И. М. Суслов. Отдельные записи эвенкийского фольклора были сделаны И. М. Сусловым в 1910—1911 гг., в бытность его учащимся Енисейской гимназии. В 1914 г. И. М. Сусловым были записаны эвенкийские песни на валики, хранящиеся в Фонограммархиве Института русской литературы АН СССР.

Под влиянием И. М. Суслова в начале двадцатых годов записал у енисейских эвенков и впоследствии опубликовал большой цикл сказок советский писатель Михаил Ошаров, автор романа «Вольшой аргин».

Писатель и собиратель фольклора
Михаил Ошаров

Вся собирательская работа по фольклору эвенков сибирскими научными учреждениями и учебными заведениями не носила планового, организованного характера, не имела единого координационного центра.

Научный центр по собиранию и изучению эвенкийского фольклора наметился в 1925 году в Ленинграде. Положительное влияние на развитие интереса к изучению фольклора имела этнографическая школа, во главе которой стояли крупные ученые Лев Яковлевич Штернберг и Владимир Германович Богораз. Начиная с 1925 года, ежегодно приезжали на учебу в Ленинград сами носители фольклора — представители эвенкийской народности.

Г. М. Василевич, одна из первых советских тунгусоведов, с 1925 года совершала многократные выезды в различные районы эвенков. Ею записаны фольклорные тексты у эвенков Эвенкийского национального округа и Туруханского района, а также Иркутской, Читинской, Амурской областей и Якутской АССР.

До Великой Отечественной войны занимались собиранием фольклора у эвенков Сибири и Дальнего Востока З. И. Айзенберг, А. Ф. Анисимов, Г. М. Василевич, М. Г. Воскобойников, В. А. Горцевская, А. П. Козловский, В. Д. Колесникова, О. А. Константинова, Е. П. Лебедева, В. И. Левин, Н. П. Никульшин, Т. И. Петрова, М. Ошаров, И. М. Сулов, Е. И. Титов, эвенки Г. А. Нергунеев и В. С. Пежемский.

Свыше 150 текстов сказок и преданий, несколько десятков текстов песен, заговоров, загадок было записано В. И. Цинциус и К. М. Мыльниковой у негидальцев, родственных по языку и фольклору эвенкам. Часть этих материалов опубликована в 1931 году¹.

В послевоенные годы продолжалось собирание эвенкийского фольклора на Дальнем Востоке (Г. М. Василевич, Е. П. Лебедева, Т. З. Пукшанская), на Сахалине (К. А. Новикова), в Бурятии (М. Г. Воскобойников, Н. И. Гладкова), в Иркутской обл. (О. А. Константинова), в Эвенкийском национальном округе (В. А. Горцевская, З. И. Ковалева, В. Д. Колесникова, О. А. Константинова, Е. П. Лебедева).

Систематически участвуют в работе по собиранию эвенкийского фольклора старые учителя-энтузиасты И. И. Суворов (Эвенкийский национальный округ) и М. Л. Пянегина (Читинская область). Большая группа из эвенкийской интеллигенции (М. С. Молоков, В. Д. Лоргактоев, В. Е. Доколев, С. Н. Комбагир, Л. Г. Васильева и др.) также занимается собиранием национального фольклора. Активными собирателями эвенкийского фольклора являлись студенты эвенки

¹ К. М. Мыльникова и В. И. Цинциус, Материалы по исследованию негидальского языка, «Тунгусский сборник», Л., АН СССР, 1931.

Собиратели эвенкийского фольклора Н. И. Суворов и Н. Удыгир

в Ленинграде, начиная от первых посланцев (Пантелеймон Баранов), студентов Института народов Севера, ЛГУ и обучающихся в настоящее время на отделении народов Севера Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена.

До настоящего времени имеется единственное научное издание по фольклору эвенков—это сборник «Материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору», составленный Г. М. Василевич¹. Все остальные сборники, главным образом—эвенкийских сказок, содержат в себе только тексты в переводе с эвенкийского на русский язык.

Фольклор, представленный в сборнике Г. М. Василевич, записывался самим составителем, а также и другими собирателями: Т. И. Петровой (Иркутская обл.), А. П. Коаловским и Г. А. Нергунеевым (Читинская обл.), Е. И. Титовым (Иркутская, Читинская области и Бурятия), В. И. Левиным (Якутия). Кроме текстов, эвенкийских с параллельным русским переводом, в сборник включены записи, публиковавшиеся ранее только на русском языке: В. Васильева, К. Рычкова, Н. Ошарова, В. Пежемского и других.

«Фольклорный сборник» Г. М. Василевич объединил записи советских тунгусоведов, произведенные у представителей различных говоров эвенкийского языка. Сборник используется для исследования эвенкийского языка как советскими, так и зарубежными тунгусоведами. Собственные записи

¹ Сокращение «Фольклорный сборник» Г. М. Василевич.

Г. М. Василевич «Материалы по фольклору эвенков Сибири» распределены в восьми разделах: 1. Сказки о животных. 2. Мифы. 3. Исторические предания. Былины. 4. Бытовые сказки. 5. Детские сказки. Загадки. 6. Шаманские песнопения. 7. Песни и припевы. 8. Новые песни. Следует отметить, что некоторые фольклорные произведения распределены по разделам не вполне точно. Сборник Г. М. Василевич имеет существенные недостатки: так, в введении неверно трактуется вопрос об угасании фольклора и приоритета в сказкотворчестве шаманов. К некоторым текстам дается подстрочный русский перевод, совершенно не раскрывающий художественного содержания текстов.

В 1948 г. Г. М. Василевич была опубликована книга «Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка». Кроме лингвистических материалов, в книге представлены небольшие отрывки из фольклорных текстов, а также обычные рассказы эвенков о их трудовых буднях. Тексты, помещенные в этой книге, дают представление о некоторых мотивах и сюжетах фольклора симских, токминско-верхоленских, подкаменно-тунгусских, непских, илимийских, тунгирских, учурско-зейских, кур-урмийских и сахалинских эвенков.

Все издания сборников по эвенкийскому фольклору на эвенкийском и русском языках указаны в приложенной в конце книги библиографии¹.

Большая часть материалов по эвенкийскому фольклору, собранных за годы советской власти, не опубликована и находится у собирателей, а также в учебных заведениях.

В послевоенные годы по фольклористике народов Севера защищены четыре кандидатские диссертации (по фольклору ненцев, эвенков, нанай и чукчей). В кандидатской диссертации М. Г. Воскобойникова «Устное творчество баунтовских эвенков» дана первичная классификация жанров, а также исследованы некоторые проблемы сказки, песни, загадки и других видов фольклора.

Вышли в свет статьи по вопросам собирания и публикации фольклора (Е. П. Лебедева), об эвенкийской сказке и песне (Г. М. Василевич, М. Г. Воскобойников, М. А. Сергеев), об эвенкийских и негидальских загадках (М. Г. Воскобойников и В. И. Цинциус), о воспитательном значении фольклора для учащихся эвенкийских школ (И. И. Суворов).

¹ См. подробнее в статье М. Г. Воскобойникова «О собирании и публикации устного народного творчества эвенков за годы советской власти», Ученые записки Лен. пол. ин-та им. А. И. Герцена, том 167, 1960 г.

Ряд эвенкийских сказок переведен на якутский, бурятский, украинский, эстонский и другие языки народов СССР. Некоторые эвенкийские сказки переведены и опубликованы в Англии, Китае и в странах народной демократии.

В трудах советских историков, археологов, этнографов используются материалы по эвенкийскому фольклору. Фольклор народов Севера начинает широко привлекаться в работах крупных советских фольклористов, исследующих проблемы эпоса и сказки.

* * *

У всех народов СССР имеются свои знаменитые певцы и сказочники. Навсегда в историю русской фольклористики вошли такие имена сказателей и певцов-самородков, как Рябинины, Марфа и Аграфена Крюковы, Ирина Федосова, Коргуев, Голубкова, Сорокинов-Магай и другие.

Широкой популярностью в Сибири и на Дальнем Востоке пользуются сборники фольклорных произведений якута Тимофеева-Терешкина и бурята Тороена. Далеко за пределами Архангельской области стало известным имя ненецкого государственного деятеля и сказителя Тыко Вылка.

Много прекрасных знатоков своего национального фольклора, мастеров исполнения сказки, эпоса и песен мы можем встретить и среди эвенков. «Давлаланы», «икалэны» (певцы) и «нимцакаланы» (сказители) пользуются глубоким уважением своих сородичей. Слава о каком-либо сказителе передается из рода в род, разносится от стойбища к стойбищу. О сказителе, живущем на Витиме, узнают эвенки Алдана в Якутии, а слава о знаменитом сказителе Северобайкалья доходит до эвенков, живущих на Лене.

Еще в дореволюционные годы начальник Хатангской экспедиции И. П. Толмачев, под руководством которого и работал в илимпийской тундре В. Н. Васильев, отмечал достоинства известного сказочника эвенка Даниила Хирогира, своего проводника. Между прочим, все опубликованные в сборнике Г. М. Василевич предания в записи В. Н. Васильева были сообщены последнему в 1905 г. Даниилом Хирогиром. От дяди этого сказителя, Николая Хирогира, записал несколько позднее те же самые и другие предания и сказки К. М. Рычков. О Николае Хирогире И. П. Толмачев вспоминал, что он был большим любителем рассказывать сказки. «Николай Хирогир... любит рассказывать тунгусам, собравшимся в длинные зимние вечера перед гостеприимным камельком его балагана, о том, как жили тунгусы прежде, какие они были удалцы... Одним словом, является хранителем традиций и преданий своего времени... Все

Эвенкийская сказительница Е. Н. Худая.
Якутия.

тунгусские сказки и предания, сообщенные нам Данилой, он слышал от своего дяди, что, конечно, делает их еще более для нас интересными¹.

На талантливого сказочника среди талочских эвенков (Читинская обл.) С. А. Баксанова указал Е. И. Титов. В середине тридцатых годов автору настоящего труда довелось наблюдать исполнение песен и сказок Баксановым, чум которого был всегда заполнен любителями послушать произведения национального фольклора. В зарисовке Е. И. Титова были даны портреты сказочника Качугского района Д. Полина и сказочников Северобайкаля Шошото, Н. И. Асулева и О. Асулевой².

Многие замечательные сказители в эвенкийских районах были открыты советскими тунгусоведами, местными собирателями фольклора, особенно эвенками В. С. Пежемским, В. А. Нергунеевым, Н. В. Салаткиным, Г. Коненкиным, З. В. Монаховой, Л. М. Васильевой, В. Г. Догончиным и другими.

Исключительными знатоками фольклора и передовыми людьми в своих районах являются Н. Т. Лоргактоева, П. Г. Марков и Е. Н. Баранов (Бурятская АССР).

Как бывалый человек и знаток фольклора Е. Н. Бара-

¹ Цитируется по сборнику Г. М. Васильевич, стр. 263.

² Там же, стр. 213.

нов известен не только в своем Курумканском районе, но и далеко за его пределами, неоднократно бывал участником районного и республиканского смотра национальной художественной самодеятельности. Исполнителем эвенкийских народных песен является северобайкальский «давлалан» П. Г. Марков. Свое мастерство сказочницы и глубокие знания обрядовой поэзии передает молодому поколению баунтовская колхозница Н. Т. Лоргактоева.

Одна из характерных черт в творчестве современных «нимцакаланов» и «давлаланов», как пожилых, так и молодых эвенков, — их патриотизм. Исполняя репертуар старого фольклора, они воспевают и новую жизнь, которая пришла к трудящимся эвенкам в тайгу и тундру с первыми Советами.

* * *

С древнейших времен существовали у эвенков элементы пиктографического письма в виде отдельных знаков-рисунков на затесах деревьев, передававших мысли одного человека или даже группы людей. Знаки эти не зафиксировали для истории памятников народной литературы, возникших во времена глубокой старины. Но на этом основании нельзя делать вывод об отсутствии бытования фольклора у эвенков. «Фольклор, — писал В. Г. Богораз, — словесные документы бесписьменных народов. Эти народы не имеют папирусов и пергаментов... их воспоминания, предания и сказки, заклинания и песни, обычаи и даже законы запечатлены в народной памяти и передаются устно — от сказителя к сказителю — в течение многих поколений»¹.

Еще совсем недавно можно было встретить скептиков, отрицавших существование у народов Севера собственной поэзии. Теперь уже советские фольклористы и лингвисты располагают достаточным материалом, чтобы опровергнуть это старое, неправильное утверждение.

Материалы по фольклору эвенков, собранные как в дореволюционное время, так и за советский период, позволяют произвести классификацию эвенкийского устно-поэтического творчества на следующие жанры:

I. Сказка — нимцакан (нимцакавун), включающая в свою очередь следующие виды или группы сказок:

- 1) сказки о животных,
- 2) волшебные сказки,

¹ В. Г. Богораз-Там, Предисловие к сборнику В. Чернецова «Восточные сказки», Л., 1937, стр. 3.

3) бытовые сказки,

4) детские сказки,

5) новые сказки.

II. Героическое сказание или эпизоды из героического эпоса — улгур. Сахалинские звенки героическое сказание называют термином «хувун» и «нимкан». Некоторые забайкальские звенки героическую песнь называют, как и буряты, «улигер».

III. Предание о давно минувших событиях, а также и современные устные рассказы — улгур.

IV. Песня.

1) Песня-пляска или круговая пляска — икэвун.

2) Песня-импровизация и припевы в улгурах или нимжан, различного рода скороговорки, импровизация без слов во время исполнения песни-пляски — хэзэвун.

3) Песня-импровизация и песня с устойчивым текстом — давлэвун.

V. Загадка — изэвкэ (изэвкэчинун, изэвкэвун, тагивка).

VI. Считалка — тацивка.

VII. Пословицы и поговорки — гунмэк.

VIII. Шаманское песнопение — саман нимжанни.

IX. Заговоры. Заклинания.

Звенкийского термина заговоры не имеют. У негидальцев по материалам В. И. Цинциус для заговоров существует специальная терминология.

В соответствующих разделах книги о каждом из жанров звенкийского фольклора будет сказано особо. В связи с тем, что шаманские песнопения и заговоры не выделяются в отдельные разделы, необходимо сказать о них хотя бы в самых общих чертах.

В статье Г. Гута «Тунгусская народная литература и ее этнологическое значение», перепечатанной в сборнике «Материалов по звенкийскому (тунгусскому) фольклору», имеются фрагменты заклинаний шаманов. Вот один из отрывков этих заклинаний.

Женись на той женщине [девушке] ¹.
(Возьми в жены ту женщину).
Я люблю ее [ее люблю].
Одну из всех женщин на свете [сколько-то будучи].
Пойдя к ее родителям и скажи это каким-нибудь
образом им!
[Что-либо скажут ее родители].

Наиболее подробно описаны обряды шаманства у енисейских звенков К. М. Рычковым. Однако эти материалы до

¹ Полоснения, заключенные в квадратные скобки, даны Г. М. Васильевич.

5887885

сих пор не опубликованы и находятся в рукописном архиве Института востоковедения АН СССР (в Ленинграде), фонд 49. Всего Рычковым описываются три обряда камланий, сопровождающихся песнопением. С первым обрядом связывается 18 песен, со вторым — 12 и с третьим — 5. Очень многие места из записей Рычкова современному поколению эвенков совершенно непонятны. Лексический состав шаманских песнопений свидетельствует о том, что они создавались в наиболее древние времена. Многие слова из песен шаманских камланий как в записях Рычкова, так и других собирателей требуют особой расшифровки. В настоящее время песни, связанные с камланием, повсеместно исчезают, а молодое поколение их почти уже совершенно не знает.

Заговоры эвенков носили характер уподобления и имели ритуальное значение.

Автором настоящей книги у эвенков Прибайкалья, а также К. М. Рычковым у енисейских эвенков зарегистрированы заговоры уподобления грозе, дождю, снегу, добыванию различных зверей. Следует отметить, что В. Г. Богоразом в 1895 г. у колымских эвенков (ламутов) записаны «заклинательные молитвы» солнцу, земле, огню, луне, медведю¹.

Остановимся на двух заговорах.

1. Заговор против грозы

Брали прутья тальника или другого кустарника и связывали несколько пучков. Махали этими пучками в разные стороны, приговаривая:

«Уңһаһакуһ гһдудли Һәһәкәл, өбдудли, эридудли, дәрәрдудли. Миндуклә һәдудләкәл, эригдәли лапунтыкәл». (Гроза к другим уходит, по верху, вот сюда, по верховьям рек. Впереди меня проткни, вниз проткни.)

2. Заговор против дождя

Летом, во время сенокоса, эвенки пользовались заговором против ненастной погоды. Брали ведро или чайник с водой и разбрызгивали ее в разные стороны, подливая в воду немного оленьей крови. Когда кончалась вода, то все присутствующие говорили: «манам» (закончил). Затем те, кто разбрызгивал воду, произносили слова:

¹ В. Г. Богораза, Материалы по ламутскому языку. «Тунгусский сборник» I, Л., 1931, изд. АН СССР, стр. 61—65.

«Экал тыгдэре эситкэн. Тыми-ээл, чагуду-ээл тыгдэдэни. Би чукава кадудяракиа, эдэи тыгдэрэ». (Пусть не будет дождя сегодня. Завтра ли, послезавтра пусть будет дождь. Когда я кошу траву, пусть не будет дождя.)

* * *

В настоящее время еще трудно сказать, где, в каком районе обитания эвенков больше всего распространен фольклор. Но известно, что, например, у енисейских эвенков широко бытуют огромные пласты сказок и преданий, у ангарских и баунтовских эвенков, наряду со сказками и малыми жанрами фольклора, имеет широкое распространение песня-импровизация, а также песни с устойчивым текстом о старой и новой жизни, у сахалинских эвенков имеются мастера исполнения героического эпоса. Процесс формирования фольклора отражает культурное и экономическое развитие народа. Исчезают такие жанры, как шаманские песнопения, заговоры и т. д.

Но появляются новые виды, например, поговорки, пословицы, сказки, песни, в которых находит отражение новая действительность. Большое влияние на создание новых произведений эвенкийского фольклора оказывает печать, радио, кино и литература.

Благотворное влияние на формирование фольклорных произведений эвенков оказывает фольклор русского народа, а также фольклор якутов и бурят. Отрывки якутского олонхо и бурятских улигеров можно встретить в фольклоре эвенков, например «Хани-Хубун-Хэхер (Гэсэр — М. В.)-Богдо» у качугских эвенков.

Почти у всех эвенков-сказителей, а также и слушателей исчезли в основном анимистические воззрения, которые собиратели фольклора могли наблюдать лет тридцать назад. Это является исключительно важным моментом, особенно при классификации фольклорных жанров. Если в дореволюционные годы можно было зафиксировать распространение у эвенков мифов, то в настоящее время мифы как жанр уже исчезли, сохранились лишь в виде отголосков в сказках, героическом эпосе и эпических сказаниях.

До недавнего времени существовали табу (запреты) на рассказывание некоторых фольклорных произведений. Это было связано с религиозными представлениями, с целым рядом предрассудков у людей старого поколения. Занимавшийся собиранием фольклора у баунтовских эвенков П. Малых отмечал, что «основной причиной, почему эта область народного творчества остается скрытой, является то, что

большинство сказок, легенд, песен связано с ритуальным моментом, является элементами религиозных обрядов, а следовательно выявляется лишь в определенных случаях, при известных условиях»¹.

Некоторые фольклорные произведения нельзя было рассказывать в определенное время года. Весной, когда телются матки, нельзя загадывать загадки; летом, когда видна на небе Венера, нельзя рассказывать сказки, а когда на небе видно созвездие Орион, нельзя слушать никакие фольклорные произведения. У соседей эвенков — долган нельзя рассказывать былины перед отправлением на охоту; во время эпидемии можно рассказывать только «хорошие» былины². За последние годы исчезают ритуальные обряды и табу, связанные с фольклором, но все-таки в отдельных районах они еще продолжают сохраняться.

Появляются новые формы бытования фольклора или сохраняются старые, но наполняются новым содержанием. Это своего рода фольклорные викторины, соревнования между сказителями, встречи весенних праздников в честь обильения природы и наступления тепла, вечера сказок и т. д. Вот как вспоминает об одном таком вечере учитель эвенк Н. Коянович: «Все слушатели сидели, боясь пошевелиться. Мы, ребята, сидели, окружив ее (сказительницу. — М. В.), и не смели встать с места. Мы целый день работали, и нам очень хотелось спать, но мы отгоняли сон, слушая рассказ о все новых и новых подвигах героя».

Сказительница говорила ровным голосом, несколько повышая тон, если хотела подчеркнуть какие-либо черты характера героя. Она индивидуализировала язык всех персонажей произведения. Каждое лицо говорило своим языком. Удивительно тонко она придавала своему голосу различные оттенки.

...Говорит она легко, совсем не затрудняясь в подборе слов. Откуда берет она такие сравнения?! Какой богатый запас слов и выражений?»³

Совершенно неправильно высказывалась точка зрения, что основными носителями фольклора и лучшими мастерами исполнения фольклорных произведений являлись шаманы. Это неверно. Во всех эвенкийских районах можно встретить прекрасных знатоков национального фольклора, не имеющих никакого отношения к родословной шаманов.

¹ Малих П. П., Несколько слов об эвенках и их фольклоре, сб., «Изучайте родной край», Записки Забайкальского отд. РГО, Чита — Владивосток, 1924, опубли. в «Материалах по этно. (тунг.) фольклору», Л., 1926.

² А. А. Пепов, Долганский фольклор, Л., 1927, стр. 15—16.

³ Е. П. Лебедева, Об использовании устного народного творчества в начальной северной школе, «В помощь учителю школ Крайнего Севера», № 5, Л., 1955, стр. 117.

Сказки могут рассказывать равноценно все: мужчины, женщины, пожилые эвенки, молодежь и дети. «Улгуры — песни героического эпоса и эпические сказания больше всего поют мужчины, но иногда и женщины. «Улгуры» исполняются только лишь при наличии определенных условий: при хорошей погоде, при удачном промысле и т. д.

Если при рассказывании сказки присутствующие в основном являются пассивными слушателями, то в «улгурах» или «улигерах» от слушателей требуется непременно активное участие. Большинство припевов в песнях героического эпоса слушатели поют вместе с исполнителем, «давлаланом» или «римкаланом».

Совершенно новым явлением в тайге стало активное участие русского населения, особенно молодежи, в организации игрищ и исполнении эвенкийских «икэвун» (песен-плясок). Это проявление великой дружбы народов также видно в массовом участии русских и других народов Якутии и Бурятии в исполнении национальных «йохоров» (хороводных песен-плясок).

* * *

ГЕДЛАЛЛУМ, УЛГРИВАЗИ

(Хор)

Иксонь оловонкур,
Германь Иксонкур,
Кифрионь дигилонь,
Уксонь оловонкур

Уксонь оловонкур —
Кифрионь оловонкур,
Митонь оловонкур,
Уксонь оловонкур

Глубокими корнями с устно-поэтическим творчеством связана литература младописьменных народностей Севера.

С возникновением в тайге первых кочевых школ, с приездом небольшой группы учащихся-северян в Ленинград появлялись и первые произведения начинающих авторов из эвенков.

Песни, а затем пьеса «Калым» витимского эвенка Г. Нергунеева созданы по мотивам национального фольклора. В стихотворениях катангского эвенка В. Пежемского встречаются многие мотивы героических и волшебных сказок. Г. Нергунеев и В. Пежемский явились первыми собирателями фольклора

Текст из поэмы эвенкийского писателя
Алексея Салаткина.

своего народа. Изданный в 1937 г. Иркутским издательством сборник эвенкийских сказок в литературной обработке В. Пежемского пользуется вниманием у читателей и в настоящее время.

Следы благотворного влияния фольклора видны на многих стихотворениях и песнях сборника «Тайга играет», автором которого является один из зачинателей эвенкийской художественной литературы А. Салаткин. Вышедший студент Института народов Севера Алексей Салаткин создал поэму «Гегдаллукуи и Улгэриикэи». Автор в стихотворной форме рассказывает легенду катангских эвенков о любви девушки Улгэриикэи и юноши Гегдаллукуна в далекие времена, когда происходили между эвенками межродовые столкновения.

Сахалинский автор Григорий Чинков, подобно А. Салаткину, опубликовал, также в стихотворной форме, сказку-сказание «Гарпаниндя», объединив в ней песни героического эпоса сахалинских эвенков. Хорошо зная многие сюжеты сказок о животных, Г. Чинков собрал цикл сказочных сюжетов о похождениях лисы в одно произведение в стихотворной форме. По этому же пути пошла ныне работающая учительницей в Катангском районе, бывшая студентка Ленинградского университета А. Салаткина. Ей принадлежит книжка «Ицтылгучан» (Совёнок). По композиции «Ицтылгучан» А. Салаткиной напоминает «Сулакичана» («Хитрого лиса») Г. Чинкова.

В поэзии и художественной прозе других эвенкийских авторов — Н. Сахарова, А. Платонова, Н. Ламатканова, П. Савина, В. Доколева — также ярко выражено влияние фольклора.

Советский ученый-северовед М. А. Сергеев указывает, что эти произведения не просто подражание национальному фольклору, на них «лежит явная печать новых взглядов писателей как передовых представителей народа... Характерно, что сильное влияние фольклора наблюдалось на самом раннем этапе развития литературы народов Дальнего Востока. С ростом культуры традиционные формы перестали удовлетворять писателей, которые не могли уже с помощью старых изобразительных средств отразить новые явления и вызванные ими переживания... Новаторство пришло в их творчество под прямым влиянием русской литературы»¹.

Наряду с эвенкийскими песнями, поэмами, рассказами, очерками, повестями появляется новый жанр, напоминающий

¹ М. А. Сергеев, Литературное творчество народов Дальнего Востока, журн. «Дальний Восток», 1954, № 4, стр. 173—174.

уральские сказы в обработке писателя Вазова. Такие сказы с современной тематикой опубликовал катангский эвенк Г. Коненкин и работающий в Северобайкалье литератор эвенк В. Доколев.

На широкий путь выходят молодые литературы народов советского Крайнего Севера, и все они вносят свою долю в многонациональную советскую культуру.

СКАЗКА — НИМЏАКАН

СКАЗКА

Сказка — нимцакан (нимцакавуи, нимцакачивуи) является одним из основных, распространенных и любимых жанров эвенкийского фольклора. Это устный прозаический рассказ бытового или фантастического характера. Сказка как жанр сама по себе классифицируется на несколько видов: сказки о животных, волшебные, бытовые, детские и другие. Из жанра «нимцакан» вполне можно выделить сказки исторические, героические и сатирические. У эвенков имеют широкое распространение космогонические рассказы или предания о сотворении мира, о происхождении планет, грома, дождя, животных и т. д. Такие рассказы сказители также называют термином «нимцакан» — сказка. Большинство эвенкийских сказок рассказывается, но некоторые поются. Есть и такие сказки, при исполнении которых вставляются короткие песенные куплеты. Для каждого персонажа сказки мелодия песенных куплетов бывает различна.

Ниже мы остановимся на каждом из видов сказки.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

1. ЖИВОТНЫЕ И ЧЕЛОВЕК

ПЕРЕЖИТКИ ТОТЕМИЗМА В СКАЗКАХ О ЖИВОТНЫХ

Один из распространенных и наиболее древних видов этого жанра — сказки о животных. В фольклористике сказки о животных часто называются животным эпосом. Большинство фольклористов отмечает, что в настоящее время сказки о животных в фольклоре народов сохраняются только как сказки для детей.

У эвенков сказки о животных распространены в равной мере как среди взрослого населения, так и среди детей. Если у лучших русских сказочников, например Коргуева, репертуар сказок о животных занимает весьма небольшой процент, то у сказителей эвенков сказки о животных играют нередко первостепенную роль.

Слушая или читая эвенкийские сказки о животных, мы замечаем некоторые их общие черты, сходство с сюжетами русских сказок, встречаются и мировые сюжеты.

Со сказками эвенков большое сходство по композиции и содержанию имеют якутские, селькупские, ненецкие и особенно долганские сказки о животных.

По своему происхождению животный эпос является одним из наиболее древних видов устного творчества и связан с тем периодом человеческого общества, когда жизнь человека всецело зависела от животных. Поэтому человек смотрел на животных как на высшие существа и преклонялся перед ними. Это древнее мировоззрение получило в науке название тотемизма, от слова тотем. Слово тотем обозначает животное (иногда растение или какой-нибудь предмет), являющееся предметом культа и считающееся обычно родоначальником племени.

Тотемизм у эвенков давно уже исчез, и в дореволюционные годы можно было лишь заметить отдельные его пережитки. Особенно часто эти пережитки сказывались в различных обрядах и табу (запретах). У эвенков это выражалось в почтительном отношении к медведю (по представлениям эвенков, считалось, что медведь является предком эвенков, и называли его ама, амимикан — дед, батюшка). Нанайцы считали своим прародителем тигра, поэтому его нельзя было убивать. Особо почтительное отношение было у чукчей, коряков и эскимосов к ворону. У некоторых сибирских народов названия родов происходили от названия животных, птиц, например, у селькупов был род «Гагара».

Первобытный охотник или рыболов одухотворял природу и отождествлял себя с тем или иным животным. Этнограф и фольклорист Сибири Д. К. Зеленин писал, «что... первобытные народы видят в животном существо, во всем похожее на человека»¹.

Некоторые сюжеты сказок о животных начинаются как бы с присказки о том, что раньше некоторые животные были наделены даром речи. «Наши старики, — говорили автору баунтовские эвенки Е. А. Доколев и П. И. Никанчин, — всегда считали, что лиса, волк, медведь, россомаха, бурундук, заяц говорить умеют. Другие звери говорить не умеют. Беда раньше лисица говорить была мастерицей».

В материалах О. А. Константиновой имеются такие же присказки в сказках о животных. Сказка «Сулаки» («Лиса») начинается со следующего вступления: «Тогда все говорили. Россомаха говорила, медведь, горноста́й говорил, колонок го-

¹ Д. К. Зеленин, Табу слов у народов Европы и Северной Азии, Сборник МАЭ, т. VII, 1934, стр. 10.

ворил. Ворон тоже разговаривал. Волк тоже говорил, сохатый, дикий олень говорил»¹.

Часто то или иное животное заставляло человека и членов его рода, племени преклоняться перед отдельными качествами животного. Со временем человек переносил на животное какие-либо качества, присущие только ему, человеку, и, наконец, человек мог переносить на тотемы-животные и на окружающую его фауну вообще социально-родовую организацию общества. Человек не выделял себя из природы, он верил, что животные живут так же, как и человек. Это нашло свое отражение в сказках о животных.

Так, в сказках лиса пасет на пастбище оленей, как будто этот процесс выполняется пастухом-звенком. Лиса едет с женщинами по реке в берестяной лодочке, словно это едет настоящий человек. Кукша приходит к себе на стойбище в чум и рассказывает об отдельных деталях кочевой жизни, то есть так, как на самом деле происходило кочевание звенков. У животных имеются свои шаманы, иногда для общего камлания они собираются в большой чум на стойбище. В одной из сказок заяц вступает в брак с богом. Таким образом, в животном эпосе у звенков находит отражение производственная деятельность, многие обычаи и обряды, характеризующие тот или иной период социально-общественной организации звенков.

Постепенно, с усовершенствованием орудий, накоплением знаний и опыта, человек начинал верить в силу своего превосходства над животными (у катангских звенков в сказке повествуется, что лиса ведет на скалу и сбрасывает человека. Но появился новый вариант: человек разоблачает обман лисы и убивает ее из лука).

Основными персонажами в сказках о животных выступают следующие представители фауны: сулаки — лиса, иргичи — волк; амака — медведь, туксаки — заяц, дянтаки — росомаха, сежан — налим, колемто — карась, гаг — лебедь, тураки — ворона, хинуки — рябчик и другие. Причем животные-персонажи в каждом районе имеют свои диалектные названия, которые даются описательно, что связано с древнейшими пережитками тотемизма. Так, например, звенки Баунта волка называют байчи, волка, чоно, гичэмэчин, долбосик; звенки Качуга — дихуко; звенки Байжита — иргичи и т. д. По материалам советских тунгусоведов, в различных районах обитания звенков в сказках можно встретить свыше пятнадцати диалектных названий медведя — хомоты, амака, ама, амимикан, дед, дедушко, мауи, тактыкагды, накита, обай, эбэха и другие.

¹ О. А. Константинова и В. Д. Колесникова, Материалы по фольклору байжитских звенков, Рукопись, стр. 20.

Из домашних животных очень редко выступают цыпаки — собака, хукур — корова, чаще появляется орон — олень.

Коза, овца, петух, кошка встречаются очень редко, а у баунтовских эвенков в сказках о животных их нет вовсе.

Самыми распространенными персонажами в животном эпосе эвенков являются медведь и лиса, волк и росомаха.

В одних и тех же сюжетах часто героями оказываются различные животные. Например, на скалу идет спать с лисой не только медведь, но и росомаха, иногда человек. Примораживать в проруби или в наледи хвост может волк, иногда медведь. Лисица бежит взапуски с налимом, иногда с карасем, но не с какими-либо другими рыбами. Это не просто механическое перенесение функций и действий с одного животного на другое, а это уже установившаяся фольклорная традиция, безусловно уходящая в древнейшие времена.

2. ОСНОВНЫЕ СЮЖЕТЫ В ЭВЕНКИЙСКИХ СКАЗКАХ О ЖИВОТНЫХ

Из опубликованных текстов сказок на эвенкийском и русском языках (Г. М. Василевич, М. Г. Воскобойников, М. Ошаров, В. С. Пежемский, М. Л. Пинегина, К. М. Рычков, И. И. Суворов и др.), а также по довольно значительным рукописным собраниям целого ряда советских тунгусоведов можно судить о широкой, разнообразной тематике сюжетов животного эпоса.

Собираемыми зарегистрировано свыше пятидесяти сюжетов с вариантами о похождениях лисы. Ниже мы остановимся на основных 50 сюжетах животного эпоса, известных эвенкам Сибири и Дальнего Востока¹.

1. Лиса обманывает медведя (росомаху, старика), сбрасывая его во время сна со скалы.

2. Лиса бежит взапуски с налимом, который всегда побеждает лису.

3. Лиса договаривается с человеком, иногда с рыбчиком пасти оленей. Лиса поедает оленей на пастбище, обманув старика (рыбчика).

4. Лиса уговаривает женщин ехать добывать рыбу. По пути лиса, обманув женщин, поедает из торсуков муку (мясо).

5. Лиса бежит взапуски с карасем. Побеждает всегда лиса.

6. Лиса, запугав птичку, поедает ее яйца (птенцов).

7. Лиса обманом заставляет волка (медведя) приморозить

¹ Этот краткий указатель сюжетов сделан по сборникам, составленным Г. М. Василевич, М. Г. Воскобойниковым, М. Ошаровым, В. Пежемским, а также по рукописным материалам В. А. Горцевской, В. Д. Колесниковой, О. А. Константиновой, Н. П. Никульгина и К. И. Рычкова.

в проруби (в наледь) хвост. Если отрывает хвост медведь, то это и является причиной отсутствия хвоста у медведя.

8. Лиса, обманув курицу, заставляет ее убить своих детей.

9. Лиса убивает росомуху (человека) и, переодевшись, приходит к его жене. Ночью дети росомухи (человека) пытаются зарубить лису, но убивают свою мать.

10. Лиса (соболь, росомуха) поедает мать рыбок (дятла, курицы). Рыбки плачут до покраснения глаз; курица — до побурения перьев.

11. Лиса, наобещав человеку, заставляет человека везти ее на нартах.

12. Лиса крадет рыбу с воза (на реке), притворившись спящей.

13. Лиса связывает волка и поедает добытое им мясо (сохатого, изюбра).

14. Лиса, обманув человека, заставляет его у самого себя откусить язык.

15. Лиса успевает незаметно для человека (курицы) повернуть в обратную сторону лодку и обманывает его (ее).

16. Лиса, съез на пастбище оленей старика, обманывает его жену (дочь). Жена (дочь), поверив лисе, отдает ей кусочки сала.

17. Лиса, испугавшись человека, влезает в горло или в живот коровы.

18. Лиса, одарив охотника чудодейственным котелком (поварешкой), забирает у охотника оленей.

19. Лиса ведет на скалу человека. Человек одерживает верх над лисой и убивает ее.

20. Росомуха (соболь, волк) не боится птиц, но боится человека. Медведь не боится человека. Медведь отправляется добывать людей, росомуха — птиц. Звери убивают медведя.

21. Медведь в знак благодарности проводит лапой по спине бурундука и оставляет на его спине пять полосок.

22. Зайцы ослепляют медведя (росомуху) во время камлания и убегают.

23. Медведь, рассердившись на карася, ударяет его лапой. С тех пор карась становится плоским.

24. Старик (старуха) вытаскивает у медведя занозу, за что медведь добывает ему (ей) зверей.

25. Кабан обменивается клыками с кабарожкой. Раньше клыки кабана были больших размеров.

26. Соболь обменивается шерстью с хорьком. С тех пор шкурка соболя становится самой ценной.

27. Зверь (змея) похищает сына одной матери. Зверя (змею) подрывают порохом. Все содержимое в животе зверя (змеи) — золото. Здесь же оказывается и похищенный сын.

28. Лебедь (или другая птица) берет с собою в теплые края глухаря. Последний не может лететь и плачет до по-

краснения глаз. Лебедь же дает глухарю в его крылья свои белые перышки.

29. Кедровка обманывает медведя, заставляя его бегать в разные стороны за орехами. С тех пор она наказана богом (духом) — вечно бывает голодной.

30. Собака, узнав о силе человека, бросает волка и переходит навсегда жить к человеку.

31. За непослушание богу (духу тайги) у медведя отрывают шестой палец.

32. Заяц женится на лягушке или обменивается с ней оленями.

33. Заяц выходит замуж за бога (гром) или становится шаманом.

34. Летяга ведет спор с мышью о качествах людей. Побеждает летягу мышь, и люди продолжают здравствовать на земле.

35. Чтобы отличить медведя от человека, бог не дает медведю большого пальца.

36. Ворон (клёстики) спасает волка, связанного лисой.

37. Лиса выстраивает на берегу моря медведя, нерпу, тюленя и считает их. Обманув медведя, лиса убивает его.

38. Лиса обманула волка. Он узнает плутовку по сломанному зубу и закалывает ее ножом.

39. Бог (дух), рассердившись на гагару, отрывает у нее ноги от живота и приставляет их к ее хвосту. С тех пор гагаре трудно ходить.

40. Мышь одерживает верх над пищухой, после чего пищуха навсегда уходит в россыпи.

41. Мышь переносит насекомых на голову старухи. С тех пор появились у людей вши.

42. Жена, ревнуя мужа, бросает принесенную им домой лягушку в болото. С тех пор лягушки живут в болотах.

43. Дятел спасает имущество росوماхи, украденное лисой. За это старик росوماха сковал дятлу острый клюв и когти, а старуха сшила дятлу цветную куртку и шапочку.

44. Лиса (росوماха) идет проверять ловушки человека, поставленные на зайцев. Лиса попадает в ловушку.

45. Один из духов наказывает дятла за то, что он помогает волку съесть появившегося на земле первого оленя. С тех пор дятел вечно долбит дерево.

46. Медведь живет в одной берлоге с человеком. Медведь поедает своих детей, за что его бог наказывает. Он делает медведя косолапым.

47. Лиса (медведь) под видом лесоруба забирает у человека сало и убегает.

48. Человек женится на лягушке, но затем раскаивается в этом. Лягушка погибает (или человек оставляет ее).

49. Лебедь (ворон) ест на свадьбе плохое мясо. С тех пор вороны стали черными, а у лебеда лапы и клюв черные.

50. Нерпы поедают рыб, а бобры, делая дамбу, спасают рыб от смерти.

Большинство сюжетов животного эпоса, распространенного в равной мере широко во всех эвенкийских районах, имеет общий зачин. По данному выше указателю 6-й сюжет начинается так: «Умне сулаки чипича умукталван салчан» (Однажды лиса узнала про яйца птишки). Сюжет 28-й имеет такой зачин: «Городу-городу бидачэн умун гаг» (Давным-давно жил один лебедь).

3. СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ С ЭТИОЛОГИЧЕСКИМИ КОНЦОВКАМИ

В сказках находит также отражение своеобразная древнейшая философия людей. В эпосе и в волшебных сказках эвенков вводятся три мира (верхний — небо, средний — земля, и нижний — подземный мир), в космогонических преданиях объясняются явления, связанные с солнцем, месяцем, громом, временем года, снегом, дождем, росой и т. д. В этнологических концовках сказок о животных имеют место попытки человека объяснить явления окружающей природы (в основном животного мира). Эти концовки говорят об исключительно тонкой наблюдательности эвенков за отдельными качествами, повадками животных, птиц, рыб, встречающихся в тайге. В различных сказках рассказывается, например, почему у бурундука на спине пять полосок, почему у глухаря надбровные дуги красные, почему карась стал плоским и т. д. Эти концовки утрачивают прежние воззрения эвенков и имеют теперь только лишь художественное значение. Немало эвенкийских сказок с подобными концовками, обработанные и переведенные на русский язык, с интересом читаются детьми других народов СССР.

4. КОНТАМИНАЦИЯ СЮЖЕТОВ В ЖИВОТНОМ ЭПОСЕ

В фольклоре различных народов встречается такое явление, когда из отдельных фольклорных произведений составляется новое, сюжетную линию которого создает продолжающееся от рассказа к рассказу действие. Такое явление называется *к о н т а м и н а ц и е й* (объединением) сюжетов.

Русские сказки о животных представляют короткий рассказ. Этого нельзя сказать об эвенкийских сказках, так как многие из них контаминируются (объединяются). Одна часть сказок о животных распространена в виде законченных коротких рассказов, другая — объединяет в себе сразу по несколько сюжетов, и получается довольно длинное произведение. Особенно много таких контаминированных сказок

Исполнительница народных сказок и песен
Н. Т. Лоргантова. Баунтовский район
Бурятской АССР.

записано Васильевым и Рычковым, встречаются они и в других публикациях. Контаминация сюжетов животного эпоса навела на мысль эвенкийских авторов Г. Чинкова и А. Салаткину создать сказку-поэму о похождениях лисы («Сулакчан») и похождениях сови́нка («Ицтылгучан»).

5. ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ

Сказки о животных имеют не только развлекательный характер. Многие из них, напоминая басни, выполняют воспитательные функции.

На животные-персонажи переносятся черты характера человека, как положительные, так и отрицательные: дружба, верность, товарищество, алчность, хвастовство, хитрость, обман, коварство, глупость и т. д.

Лиса наказывается за свое коварство, бахвальство и хвастовство. Кедровка, посмеявшая обидеть старика медведя, теперь вечно мучается, оставаясь голодной. Вурундук и дятел за их добрые дела одаряются цветными одеждами, им вручают самые дорогие подарки. Люди, вызволившие из беды медведя, получают в награду множество зверей.

За последние годы в традиционные сюжеты сказок о животных проникают мотивы, отражающие новую жизнь, новую идеологию носителей фольклора. }

В сказке лиса уговаривает женщины отправиться с ней на лодке, на это они ей отвечают, что могут сами ехать на моторной лодке без лисы. Лиса просит у старика понасти оленей, а он ей отвечает: «Ведь олени не мои, а колхозные» (запись И. И. Суворова—енисейские звенки 1946 г.). Во время повествования одного из сюжетов о коварстве лисы, рассказчик добавил от себя: «Тар сулаки элдер дёроко, разбойник Гитлергачи бичэн» (Та лиса ужасный разбойник, подобно Гитлеру была. Запись М. Г. Воскобойникова—Баунтовский район, 1958 г.).

1. Сулаки

Атыркан атырканнион бидебатын утэндүвэр. Нуңардутын аадутын биңкин, елан ороңил бичатын. Атыркан тугәниду бәюктәүкин. Атыркан дюдуйи бидеңкин, мойви моладенә, чайникки хуюбденә.

Умнакан нуңардулатын сулаки әмәрән, гуңән:

— Әхәкәә! Әдјачас?

— Бу бидерәв, муңду хутәвун-да ачин. Авдувун бихин, елан ороң. Тариңилбар-да кеңи әхив әксәрә оңколо.

Сулаки атырканду гуңән:

— Атыркан, би сюнду омолоғихун окта!

Сулаки туги гуңәкин, атыркан урунун, атыркандуйи улгучанән:

— Тавар сулаки, митту омолоғит одави, әтчәрән!

Атыркан урунун:

— Тали би әтам мойвар моларә. Омолоғивун моладигуң. Сулаки атырканду билән. Молатын молаалән, муңнетын муләлән.

Умнакан атыркан сулакитки гуңән:

— Орорбор оңколотын сурувкул!

Сулаки орорби суруврун. Сурувуксәкан, дюлави әмәрән. Атыркан улгумирән:

— Орорбор сурувунни? Тынәнни?

— Тынәм. Оңкодөчол!

Тадук нуңартын бидекил. Тадук атыркан гуңән:

— Сулаки, орорбор ичәнакал!

Сулаки чәнәхинән орордулави. Умун ороңми дөптән тадук мучуран дюлави. Атыркан улгумирән:

— Ороты оң бихил?

— Орорты дөлбимә бургучул, — гуңән сулаки.

Атыркан урунун. Нли бидекил горозо. Сулаки мойви моладевки, муевн муладевки. Умнакан атыркан гуңән:

— Ка, сулаки, орорбор ичәнакал!

Сулаки нли сурурун. Орордулави истан, нли умун ороңми дөптән. Мучуран әхәкәдуйи, гуңән:

— Орорты дөлбимә аҗчал.

Атыркан урунун. Атыркан улгумирән:

— Тәдемә-дә буругучал орорты?

— Әми тәдерә, ичәнагәт, — сулаки гуңән.

Чәнәхинә. Сулаки нбәран, атыркан амардун. Орорбо да-гамадјакса, сулаки атырканмә сунтычан. Атыркан чәнәдөңкин, орорби-да удјатын әхин ичәрә. Тар чәнәдәнә, умун отула истан. Тар отуду орор гирамналин, нанналин бидәрә. Атыркан сулакива арирән:

— Сулаки, әмәкәл!

Сулаки эчэ эмэрэ. Дюлави туксадыхинак. Этыркан ахаматтан, тэпкэрэн атыркандула:

— Сулакива дявакал!

Сулаки эмэрэн дюлави. Атыркан улгумирэн:

— Экумма атыркан тэпкэрэн?

— Сулакиду имурэнэ будэс, гуэнэ.

Атыркан сулакиду имурэнимэ бурэн, иргидун уйрэн. Сулаки үнэрэн. Үнэнчэлэн, атыркан дюлави эмэрэн, гуэнэ:

— Ири сулакиңит?

— Үнэрэн, — атыркан гуэнэ.

— Эда уңинни?

— Си гучэ бихинни, сулакаду имурэнэ будэс!

Этыркан дэлби тыкулчан, улгучанэн сулаки улаккидериван. Атыркар атыркар бидеңкитыи. Сулаки үнэнхинэн гороло. Үнэнденэ, долбохикка бакалдыран.

— Долбохик, дорово! Илэ үнэнденини?

— Би үнэндем, дебгаеви галактэнами. Тавар экуи иргидус уитчэрэн?

— Тавар минңи иргихэв — имурэн.

— Тавариңдукки минду бэрирэкис, он бимчэ?

— Эхим бурэ, — сулаки гуэнэ.

— Сатэр ахукуканэ-да букэл!

Сулаки ахукуканмэ нуңандун бурэн. Долбохик тара дептэн, гуэнэ:

— Эду аятаран! Экундук бакачас?

— Би бакачав, иргиви хэңкэду дычэксэ.

— Төдөмэ-дэ бакачас, иргиви хэңкэду дычэксэ?

— Эми төдөрө, иргиви дыкэл хэңкэду.

Долбохик иргиви хэңкэду дырэн. Тэгэтчэви. Иңинирэн, гуэнэ:

— Эда иңинтэрэн? Иргив доңоторон.

— Имуксэ одиңан, — сулаки гуэнэ.

— Делив-да энуллэн, — долбоохик гуэнэ.

— Ая бидиңан, экэл ңалэрэ, — сулаки гуэнэ.

Тадук долбохик тэгэтчэмнин доңоторон хэңкэду.

Сулаки үнэнхинэн гороло. Үнэнденэ, ңакэвэ бакачан. Сирунчаллэн тыңғидини. Сирунчадыкин, дыгидин амака эмэрэн. Амака гуэнэ сулакитки:

— Дорово, сулаки!

Сулаки дороваран. Амака улгумирэн:

— Эдиңни?

— Би сирунчадем ңакэдук.

— Сирунчариду ая?

— Эдуктая! Си, амака, сирунчакэл миннион!

Амака сирунчаллэн. Сирунчадерэн. Сирунчаденэ, сулакитки гуэнэ:

— Уриэ энуллэн!

— Ая бидиңан!

Амака нян сирунчадевки, Нян сулакитки гунэн:

— Урин энудерэн!

— Би анчилдиңав!

Сулаки амакава урван анчиллан. Уринин энурин хавдявки. Сулаки антчавки, амакан будэлэн.

Сулаки цэнэхинэн гороло. Дюкэли цэнэдевки. Тар цэнэденэ, умун этырканимэ бакалдыран. Этыркан толгокичи бөжөктөдөрэн. Этыркан сулакива гунэн:

— Илэ цэнэденин?

— Би дебгаени гөлөктөдем!

— Би гиркив ачин. Си минду гиркив одиңас?

— Одиңав!

Этыркан сулакиду, толгокива ердан, бурэн. Дюкрэ ерданал, цэнэдевкил. Умун бугаду анчалла. Этыркан дюяви олан. Сулаки мойви молаллэн. Мойви моладяна, сулаки халганми токтохинан. Тадук этыркан инэңитыкни манин бөжөктөллэн. Сулаки дюдуви бидевки. Этырканңива дебгаван дебденэ. Сулаки халганин аёллан. Нуңан, гунэн:

— Кэ, этыркан, би нян бөжөктэ!

— Экэл бөжөрө, халганин аёчалан, бөжөдани!

Этыркан бөжөрэн. Сулаки дюдуви эмэштэн. Эмэбуксэкан, этыркан дебгалван дептэн, сурурэн. Сулаки суручалан, этыркан дюлави эмэрэн. Ичэрэн — сулакиңуин-да ачин, дебгалван депча, тогон-да эхин дегдөрө, сивчан. Этыркан сулакива арирэн. Сулаки ачин. Тар эчэ эмэрэ. Этыркан эмукин биллэн, дебган-да ачин одан.

Сулаки цэнэхинэн гороло. Цэнэксэкан, умун гакива бакаран.

— Дорово, сулаки!

— Дорово, гаки!

— Идук эмэнини?

— Би городук эмэм. Си эда тэгэтчэнини?

— Оллово дебдем!

— Минду оллоңдукки букэл!

Гаки эчэ бурэ. Сулаки текуллан. Текуликса, сурурэн гороло. Цэнэденэ, этыркан удяван ичэрэн. Удялин цэнэдевки. Этыркан бөрканман бакаран. Тар бөрканмэ чукчаран. Тадук этыркан удяялин цэнэдевки. Дюлан эмэрэн. Дюдуви этыркан ачин. Сулаки нян этыркан дебгалван дептэн. Дебуксэкан, цэнэрэн. Сулаки цэнэчалан, этыркан эмэрэн. Ичэрэн, дюдуви экун-ка некадечни, дебгалван депча. Этыркан текулчан. Анчаран. Тематнэ эрдэкан тэгэрэн, цэнэхинэн. Сулаки удяван удиллан. Сулаки удядун бөрканмэ туларэн. Тадук дюлави мучуран.

Сулаки цэнэденэ, этыркан бөркарван гөлөктөдевки. Тар некадечнэ, умун бугаду этыркан бөркандун гарпавран. Сулаки будави-да некерэн, гунэн:

— Эда би эхэкэви дебгалван-да девчэ? Эчкин дептэ бихикив, бэрканин эмчэ вара.

Этыркан эмэксэ, бэрканин ичэрэн. Бэрканду сулакицин бучэ. Этыркан сулакицин джолан эксэрэн. Хигрэн. Наннаван телэрэн, тадук городтула эксэхинэн, бурэн.

Мудан.

1. Лиса

Жили старик со старухой в своем чуме. Было у них хозяйство, трех оленей имели. Старик зимою охотился. Старуха была дома. Носила дрова и кипятила чайник.

Вот однажды к ним пришла лиса и спросила:

— Как живете, старики?

— Живем ничего, только вот детей у нас нет. В хозяйстве у нас всего три оленя, но даже и их не можем гонять на пастбище.

Лиса говорит старику:

— Дедушка, а ну, если я буду у вас сыном?

Когда лиса так сказала, старик обрадовался и рассказал старухе:

— Вот эта лиса просится к нам в сыновья!

Обрадовалась и старуха.

— Ну, тогда мне не надо будет ходить за дровами, сын наш будет ходить.

Стала лиса жить у старика со старухой. Стала ходить за дровами и за водой.

Однажды старик говорит лисе:

— Отведи оленей на пастбище!

Повела лиса оленей на пастбище. Отвела и вернулась домой. Старик спросил:

— Ну как, отвела оленей? Отпустила их?

— Отпустила. Они уже пасутся.

Так вот они и живут. Однажды старик говорит лисе:

— Сходи, посмотри оленей!

Лиса отправилась. Пришла к оленям. Одного съела и вернулась домой. Старик спрашивает:

— Ну, как наши олени?

— Уже делаются жирными, — отвечает лиса.

Старик не на радуется. Живут дальше. Лиса ходит за дровами, носит воду. Однажды старик говорит лисе:

— Ну, лиса, сходи посмотри оленей!

Лиса пошла. Опять одного оленя съела. Вернулась к старику и говорит:

— Олени очень хорошо поправляются.

Старуха радуется, а старик спрашивает:

— А правда ли, что хорошо поправляются?

— Не веришь, так пойдем, посмотрим, — говорит лиса.

Пошли. Лиса впереди. Старик позади. Когда стали подходить, лиса оставила старика далеко позади себя. Старик идет и не видит даже следов оленей. Так шли, шли и дошли до пеньницы. На пеньнице кости и шкуры оленей. Старик стал кричать лисе:

— Лиса, подойди!

Лиса не подошла, а побежала домой. Старик бежит за нею и кричит старухе:

— Держи лису!

Прибежала лиса домой. Старуха и спрашивает:

— Что он кричит?

— Сказал, чтобы лисе сала дала.

Старуха дала лисе сала, на хвост привязала. Лиса убежала. После этого пришел старик домой и говорит:

— Где же наша лиса?

— Лиса ушла, — говорит старуха.

— А зачем отпустила?

— Ты же сам сказал, чтобы лисе дала сала.

Старик очень рассердился и рассказал, как лиса его обманула. Старики остались жить, а лиса отправилась дальше. Идя, повстречала волка.

— Здравствуй, волк, куда идешь?

— Да вот ищу себе еды. А что у тебя на хвосте привязано?

— Это дорожные припасы — сало.

— А если бы ты со мной поделилась, то что было бы?

— Не дам, — говорит лиса.

— Дай хоть немного!

Лиса дала ему маленький кусочек. Волк съел и говорит:

— Какое вкусное! Где ты нашла?

— Я нашла, опустив свой хвост в прорубь.

— Правду ли говоришь, что нашла, опустив хвост в прорубь?

— А если не веришь, то попробуй сам опустить свой хвост.

Волк опустил свой хвост в прорубь. Сидит. Холодно стало ему и спрашивает:

— Почему так холодно? У меня хвост примерз!

— Зато сало будет, — говорит лиса.

— Голова разболелась, — говорит волк.

— Хорошо будет, не бойся, — говорит лиса.

Так волк и сидел, пока совсем не замерз.

Лиса пошла дальше. Нашла горушку. Скатилась с горушки. Скатившись, увидела, что из леса вышел медведь. Говорит медведь лисе:

— Здорово, лиса!

Лиса поздоровалась. Медведь спрашивает:

— Что делаешь?

— С горы катаюсь.

— А хорошо кататься?

— А как же! Покатайся и ты, Миша, со мною!

Медведь стал кататься. Катается. Говорит лисе:

— Что-то у меня живот заболел!

— Ничего, хорошо будет.

Медведь, продолжая кататься, говорит лисе:

— Живот болит!

— Давай полечу!

Стала лиса лечить медведя. А живот у медведя болит сильнее. Лиса лечила до тех пор, пока медведь умер.

Пошла лиса дальше. Идет по льду. Когда так шла, встретила старика. Старик с нарточкой идет охотиться. Говорит лисе:

— Куда идешь?

— Еду себе ищу.

— У меня нет товарища по охоте. Будешь моим товарищем?

— Хорошо, буду тебе товарищем.

Старик дал лисе тащить нарту. Вдвоем тащат. В одном месте остановились ночевать. Старик стал делать чум, а лиса пошла за дровами. Рубя дрова, разрубила себе ногу. Тогда старик каждый день один ходит на охоту, а лиса сидит дома, старикову еду ест. Наконец, нога у лисы поправилась. Говорит она старику:

— Теперь я буду ходить на охоту.

— Не ходи, пока совсем не поправишься. Выздоровеешь, тогда и пойдешь.

Старик ушел на охоту, а лиса осталась дома. Оставшись дома, лиса съела всю еду старика, а съев, ушла. Когда лиса ушла, старик пришел домой. Смотрит — лисы нет, еда съедена, огонь не горит — погас. Старик позвал лису, а ее нет. Так и не пришла лиса. Старик один стал жить, остался без запасов.

Отправилась лиса дальше. Идя, увидела ворону.

— Здорово, лиса!

— Здорово, ворона!

— Откуда идешь?

— Я издалека пришла. А ты чего сидишь?

— Рыбку ем.

— Дай и мне рыбки!

Ворона не дала. Рассердилась лиса и пошла дальше. Идет и видит следы старика. Идет по следу. Нашла лучок старика. Сломала его. Потом, идя по следу старика, дошла до его чума. Старика дома нет. Лиса опять съела все запасы старика и ушла. После ухода лисы пришел старик домой. Видит, что дома кто-то был и все съел. Рассердился ста-

рик. Переночевал. А утром рано встал и пошел. Пошел старик по следу лисы. Поставил на ее дорожке самострел и вернулся домой.

Лиса тем временем ходит и ищет стариковы лучки. В одном месте нашла стариков самострел и была им убита. Стала лиса умирать и говорит:

— Зачем я съела старикову еду? Если бы не съела, лучок не убил бы меня.

Старик, придя, увидел свой лучок, а в лучке мертвую лису. Принес старик лису домой. Освеживал. Шкуру распялил, а потом сvez в город и сдал.

Конец.

2. Сулаки

Сулаки бичэн. Атыркандула, этыркандула эмэрэн, гунэн:
— Хутасун он одяңав?

Нуңартын примирэ. Видевки эсилэ. Этыркэрду короватын бичэн. Сулакива уңивкил, коровава ичэнэдэн. Нуңан коро-
вава завки, депчэммен.

Этыркэн ичэнэсинэн мэнэкен, эмэрэн, корова ачин. Этыр-
кэн дюлави эмедерэн, атыркантыкиви екэтчэрэн:

— Дявакал сулакива!

Атыркантин гунэн: «Эва оредяран?»

Юрэн тулски. Гундерэн сулаки:

— Потава букэл, имуксэтэйивэ.

Улэкчирэн атырканмэ. Тадук дядутын тэгэрэн, эсимуснэн.
Потава суруврэн, да дява суруврэн.

Этыркэн эмэрэн дюлави, ханцуктаран:

— Ир сулаки?

Атыркан гунэн:

— Сулаки гучэн, би потава будэв. Би буме.

Этыркэр эмэнмуре, соңолкокуттэ дюктэ.

Дэгрэн кирэктэ, гучэн:

— Эт соңодёрос?

Этыркир гунэ:

— Сулаки улэкчичэ, коровавун деврэн, потававун имук-
сэтэйивэ суруврэн.

Тар кирэктэ гунэн:

— Вокондёллим сулакива.

Вокончуснэн. Боковон эсилэ нуңанман дэврадарива гун-
девки:

— Сулан, давувкал минэ!

Тэгэрэн дяду эсилэ.

— Дэручэ бисим,— гунэн,— давувкал минэ!

Дэвраснан нуңанкюнни эсилэ, кэрэн-дэ дява осиктатви санжотсөн. Агрэ бира дяпкалан. Сулаки гунэи кирэктэвэ:

— Нючае гөлнәкәл, даява нючадави!

Нуңан сурурән, нючае әвкәи әмүврә. Коринкал, гараканә әмәуэвкәи, нючава даяча манадуви. Сулаки мәнәкәи нючәләс-нән әсилә, кирәктә нючанитәи нючәрән, кәрән даярасиниимән әтыркәрдулә. Сулаки әмәнмурән. Әмәврән әсилә әтыркәрдулә идәгәләвәтәи — даявәтәи, потавәтәи. Әтыркән әсилә оңоктоғи тавитсан. Атыркән алуанан оран хуламаканә. Кирәктә сурурән. Әтыркән гүчән:

— Әңнәкәл гаралду дорә!

Кирәктә доран хукитәви пәсигәммен кәрән. Аран әмәрән нән әтыркәрдуләтәи. Атыркән саңанәрән хукитәвән, тар сурурән нуңардуктәи.

Тәлиитәдук әрдәлән кирәктә оңоктон бидерән манни, алу-нин хулама, осыктәлиин әмәрил сәлавунңачир.

Манавран нимңакан.

2. Лиса

Жила лиса. Пришла она к старику и старухе и сказала:

— Что, если я буду вашей дочерью?

Те приняли ее в дочери. Вот живет лиса у них. У стариков была корова. Послали они лису смотреть за коровой. Лиса корову загрызла и съела.

Старик сам пошел посмотреть корову, а коровы нет. Старик идет домой и кричит своей старухе:

— Держи лису!

Старуха думает: «Чего орет?» Вышла на улицу, а лиса и говорит:

— Сумку дай с салом!

Обманула старуху. Затем села в лодку и уплыла. Сумку унесла, да и лодку увела.

Старик пришел домой и спрашивает:

— Где лиса?

Старуха отвечает:

— Лиса сказала, чтобы я ей сумку дала, я и дала.

Старики остались ни с чем, горько заплакали оба.

Прилетел дятел, спросил:

— Чего вы плачете?

Старики ответили:

— Лиса обманула, съела корову и сумку с салом унесла.

Дятел сказал:

— Догоню лису!

Отправился за ней вдогонку. Догнал ее — лиса плыла в лодке.

Дятел говорит:

— Лиса, переправь-ка меня!

Он сел в лодку.

— Устал, — говорит, — переправь меня!

Поплыл с ней. Взял да когтями своими лодку продырявил. Пристали к берегу. Лиса говорит дятлу:

— Принеси смолы, чтобы лодку засмолить.

Тот пошел, но смолы не принес. Корье и сучки принес, а смолу спрятал у себя в пальцах ноги. Тогда лиса сама пошла за смолой, а дятел засмолил своей смолой лодку, да и уплыл к старикам. Лиса осталась на берегу. Дятел же привез старикам их вещи — лодку и сумку. Старик тогда ему клюв сковал, а старуха сшила красненькую шапочку. Ушел дятел. Старик на прощание сказал ему:

— Не садись, смотри, на сучки!

А он сел, да и распорол себе живот. Еле добрался опять до стариков. Старуха зашила ему живот, и он ушел от них.

С тех пор клюв дятла крепкий, шапка красная, когти острые, как шило.

Кончилась сказка.

3. Сулаки, амакачи

Илан бэел бичэтын: сулаки, амакачи, илэ.

Умнокон амакачила сулаки эмэрэн. Амакачи эхса оёи адечан. Сулаки амакачива гунэн:

— Амака, дюктэ асинап! Ви цели окта, си, амака, дыли аскэл!

Асинэ. Амакачи сомамат асинан. Долбо сулаки меллан, дыски одан. Тадук сулаки улокитчэнэ амакачива гунэн:

— Амака, дыли окал! Ви бурудем, амака, дыли! дыли! Амакачи цели одан.

Нин астэ. Тадук сулаки амакачива анаран эхсали. Амакачи хужэлистен. Сулаки инектэллэн. Амакачи эхса хэргин будэн.

Сулаки амакачива хигрэн, уллэвэн толирэн, силукталван кучицнан, тадук сурурэн.

Нэнэдэнэ, бэевэ бакаран. Тар бэе киглэлэни молдаджран. Сулаки бэевэ гунэн:

— Си, бэе, девугнэни кучия?

— Девугним. Си иду бакани?

— Ви эр кучива чолидукни очав. Кэ, эруктакал, ая девми! Бэе амтаран.

— Ала, — нуңан гунэн.

— Кэ, хоккал, би-дэ дэбдов, — гунэн сулаки.

Бэе хогран, будэн. Вудэкин, сулан дюткин сурурэн, киглэлэон увадяна. Эмэрэн дюлан бэе. Тар бэе хуталин юрэ, гуллэ эинимэр:

— Ама эмэрэн, эни, ет-ка ами чулбича?

— Няте, он-ка эден чулбина!

Сулаки эмерэн, гунэн:

— Ехиңэвэ эмэпкэллэ, ника!

— Эва, ами, кэдэрэвэ? — экил тыллэ куңакар.

— Ехиңэвэ, ехиңэвэ!

Куңакар нян гунэ:

— Эва, эва, ами, чучуимэ?

— Эчэ, ника, ехиңэвэ!

Омолгилин тыллэ, тар хуңту. Иктэллэ нуңанман. Сулаки адагаран, суруран.

3. Лиса и медведь

Жили трое: лиса, медведь и эвэнк.

Однажды пришла лиса к медведю. Медведь спал на вершине скалы. Говорит лиса медведю:

— Миша, давай вдвоем спать! Я лягу к краю, а ты, Миша, ложись вглубь.

Легли. Медведь заснул очень крепко. Ночью лиса проснулась и перешла вглубь. А потом притворно говорит медведю:

— Миша, подвинься вглубь! Я падаю, Миша, вглубь, вглубь, подвинься!

Медведь лег к краю.

Опять заснули. Потом лиса столкнула медведя со скалы. Покатился медведь вниз, а лиса смеется. Медведь под скалою издох.

Тогда лиса ободрала медведя, завялила его мясо, из кишок сделала колбасу и отправилась дальше.

Идя, встретила человека. Человек делает себе лыжи. Лиса говорит ему:

— Ты, друг, ешь колбасу?

— Ем. А ты где нашла колбасу?

— Я сделала эту колбасу из своего языка. Посмотри, как вкусно!

Человек попробовал.

— Вкусно, — сказал он.

— А ты отруби свой язык, чтобы и мне попробовать, — сказала лиса.

Человек отрубил свой язык и умер.

Когда человек умер, лиса пошла к его дому, таща на себе его лыжи. Подошла к дому. А дети того человека вышли и говорят матери:

— Мама, папа идет, но почему он так похудел?

— Как же не похудеть, родные!

Подошла лиса и говорит:

— Рубанок принесите, малыши!

— Что, папа, мялку? — не поняли дети.

— Рубанок, рубанок!

Дети опять спрашивают:

— Что, что, отец? Скребок?

— Да, нет, малыши, рубанок!

Поняли сыновья, что это чужой, и стали ее бить. Лиса увернулась и убежала.

4. Амака-да сулаки

Умнэкэн цэнэдечэн амака. Ичэрэн сулакива адеривэ. Сулаки эчэ мэдэрэ амака эмэринэн. Амака сулакива длааран, сулаки ичэсинэн, ичэрэн амакава. Гуллэн:

— Амака, амака, мулликал минэ! Би синду уягучэнделим, — тар мийңи хутэв чоңкидьяран, ичэнэвэт нуңанман!

— Кэ, ичэнэвэт!

Нуңартын сурурэ, эмэллэ мутдэкан дагалан, хилакта коңкидьяран. Амака хануукталлан:

— Эты-ка нуңанңи арканин мэрүмэ?

— Би нуңанман хужкэмэ исивкатчав тогоду, тадук нуңанңи арканин очан мэримэ.

— Си-кэ минңивэ арканмав мэрикадеңс?

— Мэрикэми-вал, экуи-ка одян?

— Тар нуңан чоңкидьяран аркандуливи, эчэ нуңандун биси энү!

— Минңи-до арканми оракин тути, тэли-дэ этэн биси энү, тэли-дэ муңнукан аркандулав бурүрэкин, этэн энун биси? Кэ, они-ка олдавн кэденин?

— Тогово иладяңар хэгдые, таду си исичилдяңас арканми.

— Кэ, илаалгат!

Илара тогово, сулаки гуллэн:

— Капунакал буксэкэлэ!

Амака капуран буксэкэлэ. Сулаки гунэн:

— Кэ, эсилэ, хуклэскэл!

Сулаки хэркэллэн амакаду халгарван.

— Кэ, эсилэ, манңивдаткал!

Амака танэн, упкатав буксэкэлэ нэктэтсэн.

Сулаки гуллэн:

— Эрумэллэ буксэкэллэ эмэчэ бисини. Сурувэт дюксэ, капунасинмат буксэкэлэ!

Капунара. Сулаки гуллэн:

— Кэ, эсилэ хуклэскэл!

Амака хуклэсинэн, сулаки хэркэллэн халгарван. Хэркэрэн.

— Кэ, эсилэ манңивдаткал!

Амака танчэллэн, албаран нэктэтчэми буксэкэлэ. Кэ, эсилэ сулаки аняллан амакава тоготни, того дэгдэдечэн сомамат. Аран-аран аняран амакава тоготки арканди. Амака инңактан дэгдэллэн, амака эриэллэн:

— Хэкукэ!

Сулаки гунэн:

— Окня-вал экал эриэра, эсилэ хулинтэндэлэс лургивдя-
лим синэ, эдэс минэ дэзавсира.

Амака эриэдиллэн тогоду. Сулаки-да хуктыдесинэн.

4. Медведь и лиса

Однажды шел медведь. Увидел он спящую лису. Лиса и не почувала, как подошел медведь. Схватил медведь лису, тут только она и увидела медведя. Стала она говорить:

— Дедушка, дедушка, пожалей меня! Я расскажу тебе — это ведь мое дитя стучит, пойдем его посмотрим!

— Ну, пойдем!

Пошли они, стали подходить поближе к пеньку и видят — стучит дятел. Спрашивает медведь:

— Почему у него спинка пестрая?

— Это я его маленького на огне закаляла, вот и стала его спинка пестрой.

— А не разрисуешь ли ты мою спину?

— Разрисовать-то что тут. Вот он стучит по спине и ему не больно.

— Если моя спина будет такой, тоже не будет больно? Хотя и заяц упадет на спину, не будет больно? Ну, как ты это хочешь делать?

— Давай огонь большой разожжем, там ты свою спину и закалишь.

— Ладно, разожжем!

Разожгли огонь, лиса и говорит:

— Наломай прутьев!

Наломал медведь прутьев. Лиса говорит:

— Ну, теперь ложись!

Лиса стала связывать медведю ноги прутьями.

— Ну, теперь попробуй порвать!

Потянул медведь и все прутья порвал.

Говорит лиса:

— Плоские ты прутья принес. Пошли вдвоем наломаем прутьев!

Наломали. Говорит лиса:

— Ну, теперь ложись!

Улегся медведь, лиса стала связывать его ноги. Связала.

— Ну, теперь попробуй порвать!

Потянул медведь и не может порвать прутья. Вот теперь стала лиса медведя к огню толкать. Огонь сильно горел. Едва-едва подтолкнула она медведя спиной к огню. Загорелась шерсть медведя. Застонал медведь:

— Жарище!

Говорит лиса:

— Сколько ни стони, теперь я тебя спалю, не сможешь больше ловить меня.

Стонал медведь в огне. Лиса же убежала.

5. Кукокчэн сулакива улокчинэн

Кукокчэн сирун-оронин бичэн. Тар кукокчэн сирун будэн. Тар сирун будэкин, кукокчэн соңодочон сирудун. Тадук сулаки эмэран кукокчэндуло. Кукокчэн гунэн:

— Сулан, джэрэкотногог бирала, сэлэдов. Би сирудун соңодэм, этадеңов соңодеми.

Сулан гунэн:

— Ка, джэноготе, сэлэдеңош.

Бира джэкомоте бичэн. Кукокчэн гунэн сулакива:

— Викэткон джэрэктэ, си амаргут.

Кукокчэн джэрэсинэн элэ-маннимама. Гунэн:

— Сулан! Ка, си-до эмэскэл удалив.

Сулан джэрэсинэн, джэа белдургаран. Сулан ээран. Екорэн:

— Кукокчэней, нэлгэт, нэлгэт айкал минэ!

Тадук кукокчэн нэлгэнэ эмэран, суланма тырэрэн джэа доскин. Сулан таду-да ханунан. Тадук кукокчэн, инектеденэ, суруран.

Мудан.

5. Сойка лисицу обманула

У сойки был бык-олень. Бык этот умер. Сойка плакала по своему быку. Тогда пришла к сойке лисица. Сойка ей сказала:

— Лисица, пойдем на реку, попрыгаем по льду, чтобы мне развлечься. Я плачу по своему быку. Пойдем, и я перестану плакать.

Лисица сказала:

— Ну, побежим по льду, развлечешься.

Река была покрыта льдом. Сойка сказала лисице:

— Сперва я пробегу по льду, а потом ты.

Сойка побежала. Очень крепкий лед. Сказала:

— Лисица, ну и ты беги по моим следам.

Лисица побежала, лед проломился. Стала она тонуть. Закричала:

— Коряжиной, коряжиной спаси меня!

Тогда сойка принесла коряжину и придавила ею лисицу так, чтобы та очутилась подо льдом. Там лисица и задохнулась. Тогда сойка, смеясь, ушла.

Конец.

6. Сула, чивкан

Сула бичэн. Чивка бичэ, утэкэрин тунца, умуккин ирэкэдэ угила. Сула дептэн надэ.

— Чивка, утэлды ады?

— Тунца.

— Чивка, туннини букэл.

— Этэм, этэм.

— Чиңидиңав, туктыдиңав.

Умукэнимэ бучэ.

Сула опеть суручэ, опеть эмэчэ.

— Чивка, ады утэлды?

— Дыгини.

— Букэл уталви.

— Этэм, этэм.

— Мукурэку мугдаканидус мукэдиңав, чэкурэку чэкэкэ-нидус чэкэдиңав чиңидиңав, туктыдиңав.

Бучэ. Сулаки суручэ.

...Чивкан утэн умукэи оча. Чивкан соңолчо. Эр-кэ инуки эмэчэ.

— Эда соңодёнды, чивкан?

— Суламиня уталвэ депчэрэн, гунденэ: «чиңидиңав, туктыдиңав».

— Си гундави, эмэрэкин: «Экунңитви туктыдиңас, экунңитви чиңидиңас».

Опеть эмэчэ.

— Чивка, утэлтэ ады?

— Умукэкан.

— Букэл умукэканни.

— Этэм, этэм.

— Чиңидиңав, туктыдиңав.

— Экунңитви чиңидиңды, экунңитви туктыдиңды?

— Экуи алагучан синэвэ, Чивка?

— Инэмияки.

— Илэ суручэн инэмия?

— Босагачонни, кардулави увгахинчадинача.

Сула суручэ, инуки увгасинчадерэн. Нюрмача, сокидача, букэликанди нимнэч.

— Кэ! Суламиня, амңави аңачэдекэл, ңэнадекэл, нюңники-вар кэңдэдэтыи.

Амңави аңаденэ, ңэиэлтэиңэчэ, дэгилячэ.

6. Лисица и пташка

Была лиса. Пташка была, детей у нее пять, гнездо высоко на лиственнице. Лисе есть надо.

— Пташка, сколько у тебя детей?

— Пять.
— Пташка, пятого дай.
— Нет, не дам.
— Подрублю (твое дерево), влезу.
Одного дала.
Лиса опять ушла и снова пришла.
— Пташка сколько у тебя детей?
— Четверо.
— Дай деток.
— Нет, не дам.
— На круглом пеньке запах испорчу, на кочку сяду, подрублю, влезу.

Отдала. Лисица ушла.

Остался у пташки один детеныш. Заплакала пташка. Но вот пришел рябчик.

— Чего плачешь, пташка?
— Лисица детей поедает, говоря «подрублю, влезу».
— Ты скажи, когда придет: «Как влезешь, чем подробишь?»

Опять пришла (лиса).

— Пташка, детей сколько?

— Один.

— Дай одного.

— Нет, не дам.

— Подрублю, влезу.

— Чем подробишь, как влезешь?

— Кто научил тебя, пташка?

— Рябчик.

— Куда ушел рябчик?

— На север, в снег пролез.

Лисица ушла, нашла по следу рябчика. Подкралась, бросилась, схватила. Рябчик и говорит:

— Ну! Лисица, открой рот и иди, чтобы гуси хвалили. (Лиса), открыв рот, пошла. (Рябчик) вылетел.

7. Муниукан

Умун этыркэн бичэн, умун сома красавица унадилкан. Нуңардулатын сома баран бэе эмэчэ, ахавучал нуңанман. Гөлэчэл, гөлэчэл, нуңан ахин үнэдэви аеттэ.

Нуңан гуниттэн:

— Ви гэрбин сакэялу, тар сача бэсду би үнэдэҕэн.

Тадук последний муниукан эмэчэн. Тар муниукан бэегэчин турэчиттэн, гунчэн нуңан:

— Ви хунадин гэрбивэн садеҕан.

Тадук нуңан сача, гэрбин бичэн Идимиланко. Тар унатпа муниукан ахияви гача. Тар муниукан тар хунатпа гакса, мин буталави үнэвэрэн.

Тадук нуңан дюдун экун-да ачин, эмукин бичэ мун-
нукан. Тар гунэн:

— Хунатпа дюдун калтаран.

Тадук муниукан ахиви девдэн бэюрэн. Надаллан бэжк-
сакэн, тадук эмэрэн, сектакарба токтоchon, эмувчэн. Эмэвук-
сакэн, ахидуви бучэ девдэн.

Ахин гунчэн:

— Би эхим депрэ бичэв, минду бакакал хуңту депкитнэ.
Би мова эвки депиврэ бихим.

Муниукан нян эмэчэ ахила. Таду туиңаракин анҷача. Таду
нуңан эмэвчэ ахидуви девдэн чукава. Ахидуви бурэн.

— Депкэл! — гунчэ.

Ахи гунчэ:

— Би эхим депрэ бихим чукава, бакакал бэюнэ минду.

Нян эмэчэ агила, окоточа. Со хорова бичэн муниукан.
Дыракан анҷакса, эмэчэн. Нуңан эмувчэ ахидуви девдэн
мешочекту сөргивэ.

Ахин гунчэ:

— Последний инэни, — гунчэн муниуканма, — инэниңмэн
минду эхикис эмуврэ девдэв, би синэвэ гарададьяңав.

Муниукан гунчэ:

— Эми-да бакадьяңав.

Муниукан селай умун часпа соңочо, гунчэ: «Он некэксэ
бакадым?»

Тадук нян тайгала ңэнэчэн, иларакан анҷача, тадук эмэчэ
муниукан, эмувчэ умун кутуй-ака. Ахи эчин депрэ. Ахи ну-
наман гарадача.

Ахи тадук ңэнэчэ тайгатки. Тайгаду бакалдыча эхэвэ.

Эхэ гунчэ:

— Дорово, хунат, илэ ңэнэденин?

Ахи гунчэ:

— Муниуканма гарадакса, эмэдем.

Эхэ гунчэ:

— Си минду эмэкэл, би со охотник бихим.

Ахи нуңандун ңэнэчэ. Эхэ ахива джлави эмуврэн. Дюн
сома ая. Эмэвуксэ, эхэ ңэнэрэн, окотаран.

Умнэкэн анҷакса, эмэрэн; умун оллово вача.

— Эрэ депкэл! — гунчэ.

Ахи гунчэ:

— Эрэ дебденэв.

Дебчэ. Ахи гунчэн:

— Нян вакал!

Эхэ окотача, — иларакан анҷача, эмэрэн. Умун нюңиякива
вача. Тара ахи депчэ.

— Нян бэжкэл, бэюнэ вакал.

— Вадьяңав.

Эхэ умун бэюнэ вакса, эмуврэн.

Гэ, тар нуңартын билчэтын умунду.

7. Заяц

Жил один старик с очень красивой дочерью. К ним пришло очень много людей, чтобы посватать девушку. Просили ее, просили, а она не хочет ни за кого идти.

Говорит она:

— Узнайте мое имя; кто отгадает, за того и пойду.

Последним пришел заяц. Тот заяц заговорил человеческим голосом, он сказал:

— Я узнаю имя его дочери.

Узнал заяц, что имя ее было Индымиланко. Ту девушку взял заяц в жены.

Взял ее заяц в жены и привез в свою страну.

В его доме никого не было — заяц жил один. Он сказал:

— Девушку эту в своем доме закрою.

Закрыв. Потом отправился на охоту, чтобы добыть еду. Поохотился дней семь и принес срубленные ветки, дал их жене поест.

Жена сказала:

— Я это не ем, найди мне другую еду. Я не ем веток.

Снова пошел заяц в тайгу. Ночевал там пять дней. Потом принес жене траву. Дал жене и говорит:

— Ешь.

Жена сказала:

— Я не ем траву, найди мне сохатого.

Опять пошел в тайгу заяц охотиться. Долгое время пробыл там заяц. Десять ночевок провел и пришел. Принес он поест жене в мешке песок.

Жена говорит:

— Если ты не принесешь сегодня еды, я тебя оставляю.

Говорит заяц:

— Непременно найду.

Целый час плакал заяц и думал: «Как же найду?»

Затем он снова пошел в тайгу. Переночевал три дня и вернулся. Принес одну мышь. Не стала есть жена. Оставила его.

Отправилась женщина в тайгу. В тайге она встретила медведя.

Медведь сказал:

— Здравствуй, девушка, куда идешь?

Женщина сказала:

— Бросила зайца и вот иду.

Медведь сказал:

— Иди ко мне, я очень хороший охотник.

Женщина пошла к нему. Медведь привел женщину домой. Дом его очень хороший. Привел медведь ее и пошел на охоту.

Переночевал одну ночь, пришел; одну рыбину добыл.

— Ешь это,— сказал.

— Поем это,— ответила женщина.

Съела и сказала:

— Добудь еще!

Охотился медведь, ночевал три дня, убил одного гуся. Съела его женщина.

— Еще промыслий, сохатого добудь.

— Добуду.

Добыл одного сохатого медведь и принес.

Итак, стали они жить вместе.

8. Эвэнки тадук муинукар

Эвэнки буксан бидэн. Тадук муинукар кэтакэкур эмэрэ. Муинукар эвэнкива ирура дюлан, локоро икоптунду, нуңан арудан. Эвэнки мудероттэн. Тадук асиви гунэн:

— Дюва хакукал, муинукарэ иктукал!

Муинукар кэтамэмэ. Тадук атыркан иктуллэн оллонде сердулин.

Эмуон муинукан куктырэн, атыркан сендулин иктэрэн. Тар сонали юмэлчэрэн, туксанэн эрделин бидэдэн.

Муинукар сертын лунчурил ода.

8. Эвэнк и зайцы

Эвэнк сделал вид, что умер. Пришло очень много зайцев. Зайцы приволокли эвэнка в его чум и повесили на поперечную жердь в чуме, чтобы он ожил. Эвэнк притворяется мертвым (хитрит), но все слышит. Потом говорит своей жене:

— Закрой со всех сторон чум и бей зайцев!

Зайцев очень много. Старуха стала бить их крюком, на который вешают чайник и котел.

Один заяц полез вверх. Старуха ударила его по уху. Он, чтобы остаться в живых, выскочил в дымовое отверстие и убежал.

С тех пор уши зайцев стали черные.

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

У восточных и западных эвенков распространены оригинальные фольклорные произведения, которые по своим сюжетам и мотивам близки к русской волшебной сказке. Но большинство сказок этого жанра по композиции и содержанию значительно отличаются от тех произведений фольклора, которые включаются русскими фольклористами в разделы «волшебных сказок».

Все волшебные сказки эвенков по своему содержанию можно подразделить на три группы:

1) Сказки с оригинальными сюжетами. К таким произведениям относятся сказки: «Манги», «Нивэникэн», «Крылья Лотылько» и другие¹.

2) Сказки оригинальные, которые имеют общие темы со сказочным репертуаром русского, бурятского и якутского фольклора, например «Мальчик с золотым затылком». (Отдаленные варианты этого сюжета встречаются не только в русском фольклоре, но и в юкагирском и тофаларском.)

3) Сказки с заимствованными сюжетами из русского и бурятского фольклора.

Широкое распространение среди эвенков имеет несколько измененная русская сказка о двух умных братьях и третьем — дурачке. Полностью сохраняются эпизоды, связанные с женитьбой младшего брата-замарашки на царской дочери. Загустрирован вариант русской сказки «Конек-Горбунок». Из бурятского фольклора в репертуар волшебных сказок забайкальских эвенков вошли сюжеты, связанные с похождениями Куладай Мэргэна, и сказки о Чаган-кане. Что же касается сходства некоторых сюжетов волшебных сказок у эвенков и якутов, то пока еще в нашем распоряжении слишком мало текстовых записей, чтобы делать вывод о заимствовании якутами сюжетов из репертуара эвенкийских волшебных сказок.

Иногда из богатой сокровищницы фольклора бывает трудно

¹ См. некоторые волшебные сказки в сборниках «Сказки народов Севера», Л. Гослитиздат, 1951 г. и 1959 г.; «Фольклор эвенков Бурятии», Улан-Удэ, 1958; Эвенкийские народные сказки, Якутск, 1960.

выделить волшебную сказку, так как в эту же сказку включаются элементы мифических сказаний и космогонических преданий; у дальневосточных эвенков зарегистрирована сказка «Орданиндя», которая по своей композиции напоминает обычную эвенкийскую волшебную сказку, но здесь имеются и эпизоды из богатырского эпоса, и персонаж из русского фольклора — Баба Яга.

Трудно подчас провести границу между волшебной и бытовой сказкой, между волшебной сказкой и эпосом. Дело в том, что некоторые волшебные сказки исполнителями поются так же, как эпос. В них встречаются куплеты-припевы, напоминающие припевы отдельных героев в эпосе. Если у эвенков дифференциация отдельных видов сказки все же более отчетлива и не так уж трудно отличить сказку от эпоса, то у некоторых других северных народностей сделать это значительно труднее. «Дифференциация волшебной и волшебнo-геронческой сказки, дифференциация сказки и эпоса едва намечена в фольклоре эскимосов и чукчей»¹.

[В волшебных сказках эвенков, как и в сказках всех народностей Севера, отображены древнейшие периоды жизни людей, их материальная культура, элементы духовной культуры: пережитки верований в различных духов-охранителей, пережитки представлений о мире, преклонение перед некоторыми животными, обычаи и обряды. Еще до недавнего времени эвенки верили, что если выпить кровь из сердца дикого животного, то она принесет человеку удачу; человеку будет сопутствовать удача в его битве с врагами, если он съест сырые почки кабарги. Эти верования нашли отражение в сказках.

Наряду с картинами древней жизни эвенков в волшебных сказках отображаются культурно-бытовые явления, характеризующие позднейшую эпоху, когда коренные народности Севера и Дальнего Востока вступили в тесный контакт с русским народом.

1. ОСНОВНЫЕ СЮЖЕТЫ, ТЕМЫ И ИДЕЙНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ВОЛШЕВНЫХ СКАЗОК

В сказке о животных или в бытовой сказке проще заметить и определить сюжет. В волшебной сказке это сделать гораздо труднее. Дело в том, что во многих волшебных сказках контаминируется несколько различных сюжетов.

Анализируя волшебную сказку как целое, В. Я. Пропп приходит к выводу, что многие из сказочных сюжетов восходят к различным социальным институтам; основное место в них занимает обряд посвящения, большую роль играют

¹ Е. М. Мелетинский, Герой волшебной сказки, М., 1957, стр. 41.

также представления о загробном мире и путешествия в иной мир. «Сложение этих двух циклов, — отмечает В. Я. Пропп, — дает уже почти все (но все же не все) основные слагаемые сказки»¹. Эти положения в какой-то степени могут быть применимы и к эвенкийской волшебной сказке.

К циклу представлений о смерти могут быть отнесены следующие мотивы:

Разновидности чудесного воскрешения героя: а) при помощи шкуры животного. Герой воскрешается после того, как его зашивают в шкуру животного;

б) при помощи изготовленных из дерева птиц. Птицы эти оживают и переносят героя сказки в свою страну. Иногда герой воскрешается в «Нижнем мире» и переносится в свой, «Средний мир»;

в) при помощи «живой воды» или других волшебных средств, например зуба.

Большой цикл волшебных сказок эвенков связан с солнцем. Герои часто совершают путешествия к солнцу, обращаются к нему с различными просьбами, жалуются на свою горькую судьбу и вступают в брак с дочерью солнца.

В сказке «Ниркушка-Емерген», записанной у енисейских эвенков К. М. Рычковым, рассказывается, как один простой охотник был доставлен своим волшебным помощником — девятиногом конем — на солнце. Там охотник эвенок берет себе в жены дочь солнца, опускается с нею на землю и ведет обычный трудовой образ жизни. У них вырастает сын, но для него нет невесты. При помощи девятиногого волшебного коня родители направляют его на солнце искать жену. Приведем один из эпизодов:

«Ниркушка-Емерген послушал мать и говорит:

— Вы посылаете меня к дочери Солнца, но как же я смогу туда добраться? Дайте мне девятиногого коня.

И стал говорить отец сыну:

— На этой земле нет девятиногого коня, нигде не найти. Делай себе амулет. Когда сделаешь амулет из чистого серебра, садись на него и говори: «О дух мой добрый, подай мне девятиногого коня».

Все это выслушал Ниркушка-Емерген, сделал из серебра амулет и сидел на нем три дня. Потом он обратился к доброму духу — Майику — с такими словами:

— Э, Майини! Подай мне девятиногого коня, я поеду к солнечной дочери.

Только на четвертый день появился девятиногий конь»².

Когда Ниркушка-Емерген прибыл на солнце, то подошли к нему «посемьдесят человек и взяли его под руки, каждый

¹ В. Я. Пропп, Исторические корни волшебной сказки, стр. 330.

² Сказки народов Севера, Л., 1959, стр. 223—224.

из двенадцати человек взял по два соболя и положил этих соболей к ногам Ниркушки-Емергена»¹.

В другой сказке, «Мальчик и Солнце», записанной нами у забайкальских эвенков, рассказывается о покровительстве солища эвенкийскому мальчику-сиротинке. После многочисленных страданий сиротка попадает на солище. В «Верхнем мире» мальчик встречается со своими врагами, которые приносили ему много горя на земле, и мстит им, убивая их коней. Сказка отражает имущественное неравенство эвенков и социальные противоречия в более поздний период их истории.

Ряд сказок, распространенных у эвенков и якутов, говорит о покровительстве Месяца эвенкийским (якутским) детям, находящимся в услужении у богатей.

В сказке «Девочка-сиротинка» рисуются картины издевательства хозяев над сироткой. Наконец, Месяц помогает подняться девочке вверх, и сказка заканчивается тем, что до сих пор сиротинка-девочка счастливо живет на Месяце. Большое количество сказок о сироте отмечено в чукотском фольклоре, но сюжеты этих сказок отличны от эвенкийских, в них не упоминается о покровительстве Солнца и Месяца сиротам, все действия происходят в реальной обстановке².

Встречаются сюжеты сказок о злом отце, стремящемся погубить своих детей, увести их из чума навсегда в горы. В сказке осуждаются действия отца. Детям сопутствует удача, и отец посрамлен.

Во многих эвенкийских сказках встречаются мотивы борьбы с людоедами, иногда в такие сказки вставляются отдельные эпизоды из русских сказочных сюжетов. Жена людоеда запирает мужа в железный сундук. В образе людоеда выступает Баба Яга. Переносится в эвенкийскую сказку и выражение: «У-у-у, русским духом пахнет».

Зарегистрировано много сюжетов о змеборстве, в которых змеи изображаются одноголовыми и многоголовыми. Герои выступают против чудовища-змеи с луком и мечом в руках. В ряде сюжетов змеи выступают покровителями или помощниками человека: в сказке «Табакерка» змея дарит человеку чудесную табакерку, при помощи которой бедный охотник может получить в любое время еду. Волшебный змей-дядбар часто приносит бедным людям счастье. Человек находит в животе «дядбара» много золота. На Енисее и в Забайкалье отмечены сюжеты сказок об исцелении слепых эвенков, после того как они попробуют мясо змеи.

Исключительный интерес представляют сказки о борьбе человека за обладание огнем. У многих народов Севера встречаются варианты одного и того же сюжета о добывании огня.

¹ Сказки народов Севера, Л., 1959, стр. 225.

² Там же, стр. 421.

Огонь обычно хранится у старика волшебника и в эвенкийских вариантах сказок говорится о том, что старик просит рассказать семь веселых рассказов, после чего победителю отдается вечный огонь.

Многие сюжеты волшебных сказок разворачиваются на фоне борьбы добра и зла, правды и обмана. Осуждаются неверные жены, наказываются женщины, изменяющие своему племени и вступающие в заговор с чужеродцами. Сказка «казнит» коварство старших сестер, надевающихся над младшей («Мальчик с золотым затылком») ¹. В сказке о беспутном муже рассказывается: «и ушла от него жена-красавица куда глаза глядят, куда ноги несут — туда, где красивые, сильные и добрые мужчины живут» ². Правдивость и искренняя любовь к простому охотнику заставляют пойти на любые уступки царя (Чаган-кана), он даже разрешает дочери стать женой простого охотника ³.

В сказках, возникших в позднейшие периоды, встречаются цари и их слуги, царские дворцы, купцы, местные богачи, шуленги, полицейские, скупщики пушнины и духовенство. Враждебными силами, с которыми герои ведут борьбу, являются злые духи, черти, водяные, а также реальные враги — злые цари, купцы, полицейские. Еще в дореволюционные годы в сказках народностей Севера встречались отдельные антишаманские мотивы, в позднейших записях их значительно больше. В сказке «Ниркушка-Емерген» герой бьет тальниковыми прутьями шамана за его грубый обман.

У эвенков Забайкалья во многих сказках встречается сатира на чаганканов (белых царей, или белых ханов).)

Народный герой Куладай Мэргэн вызывает на битву чаганкана и побеждает его в рукопашной схватке. «Вышли на улицу. Схватились. Стал он (Куладай Мэргэн. — М. В.) славаться. Куладай Мэргэн схватил его (царя. — М. В.) за шею. Полилась кровь из шеи царя. Царь сказал: «Сдаюсь тебе. Что запросишь, я дам тебе».

Осуждаются злые цари. С ними жестоко расправляются. Иногда герой сказки бедняк женится на царской дочери. Почти всюду среди эвенков бытует вариант русской сказки о женитьбе младшего брата-замарашки на царской дочери. Действие, конечно, разворачивается в тайге, на фоне северной природы.

В эвенкийской сказке «Табакерка» рассказывается, как охотник, спасший змею, берет от нее подарок — чудодейственную табакерку. Но жадный купец отнимает у охотника табакерку. Охотник мстит купцу при помощи ягод, от которых

¹ См. сказку «Монгун» в сб. «Сказки народов Севера», стр. 229.

² Там же, стр. 196.

³ Добрый молодец и дочь Чаган-кана, сб. «Фольклор эвенков Вурятин», стр. 72.

вырастают у купца на лбу рога. Он долго мучается. Затем охотник приносит другие ягоды и исцеляет жадного купца. В сказке забайкальских эвенков изображается бесправие народа: «Тот купец злой был. Вез Тындей его по тайге, купец с оленя упал, видно, пьяный был. Тот купец Тындеея семь раз по лицу ударял, семь раз по ногам ударял, семь раз по спине ударял. Тындей умер, а купец на Мую уехал»¹.

Таким образом, во многих волшебных сказках эвенков развивается социальная — тема, народная мечта о счастье и справедливости. Эти мотивы, как и в русских сказках, отражали ожидания и чаяния народные.

2. ВОЛШЕБНЫЙ ПОМОЩНИК И ВОЛШЕБНЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Чаще всего волшебным помощником героя бывают конь и олень; конь золотой, с золотой гривой, иногда с золотыми подковами; конь и олень летают по воздуху. Они оказывают помощь герою, доставляют его в Верхний мир, часто дают ценные советы, воскрешают его. Волшебными помощниками могут быть звери тайги, рыбы и птицы, а также домашние животные: собака, кошка, жеребенок. Эти помощники могут вместе с героем сказки переживать радость, страдание и горе.

Наряду с волшебными помощниками действуют волшебные предметы. Устойчивых волшебных предметов, как это наблюдается в русской сказке, у эвенков нет. Нет «скатерти-самобранки», «ковра-самолета», «графинчика-самоставчика», «сапог-сорокоходов», «топора-саморуба», «дубинки-самобоя» и т. д., но все-таки широко известны волшебные предметы, могущие выполнять определенные функции. Так, например, волшебная табакерка доставляет человеку яства, волшебный ящичек приносит охотнику богатства; люлька превращается в мальчика, гребень — в чашу, ножницы — в скалу, камни — в горы, платок — в непроходимую топь, бич вызывает волшебного коня, шуба может усилить и приостановить течение реки, зуб воскрешает и умерщвляет человека.

Некоторые чудесные предметы герою даются без особого труда, другие же он добывает после ряда походов. Ему предстоит пройти много испытаний, пока найдет он необходимый волшебный предмет. Охотник получает табакерку после того, как он убивает медведя. Для того чтобы добыть чудодейственные почки кабарги, надо убить ее без лука и

¹ Сборник трудов по филологии Вурят-Монгольского института культуры, выпуск III, Улан-Удэ, 1968, стр. 266—267.

ружья. Как правильно отмечает В. И. Чичеров, «Человек должен их (волшебные предметы.—М. В.) добыть в упорном труде, неустанным стремлением вперед»¹.

3. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРИЕМЫ

В волшебной сказке встречаются песенные диалоги различных героев. Многие припевы, вводимые в сюжет волшебной сказки, бывают без слов, некоторые же из них содержат устойчивый текст. Каждому припеву свойственна своя мелодия.

Для волшебной сказки характерна речевая экспрессия: «хэгдыкэун или хэгдыхэ» (большущий), «эмэкутта» (примчались). Чаше, чем в других видах сказок, здесь употребляются суффиксы увеличительные, уменьшительные, ласкательные и другие. Встречаются междометия: «кэ», «орой», «обай» и «кайк», «гороле», «бадикана», «кэй», «кайран», «элдэр», «ба», «онь» и т. д. и идиомы.

Как и русской сказке, эвенкийской волшебной сказке присуща гиперболизация: «Гора, небо подпирающая», «Маленький старичок, борода его до колен», «Шаг его, как бубен шамана», «Шаг коня, как выстрел из ружья», «Конь у него был — птицу догонит».

Большую силу, как и в русской волшебной сказке, имеет слово. При помощи слова происходят различные действия волшебных помощников и волшебных предметов. «Алыкоун, калкоун!» — говорит ворон, выполняя волшебство по заданию героя сказки.

Большинство волшебных сказок строится на диалоге.

Все волшебные сказки начинаются кратким реалистическим зачином. Сначала изображается реальная жизнь охотника-оленовода, либо скотовода, рыболова, и лишь позднее разворачиваются «волшебные», или «чудесные», события.

Вот типичные зачины волшебных сказок:

«Жила женщина с мужем. Муж ее ушел в город. Долго был...»; «Одна девушка жила с младшим братом. Была измовщиком. Братишка ее был непослушный»; «Было это давным давно, кочевали по тайге три девушки»; «Был один человек с младшим братом. Куладай Мэргэн было имя его»; «Жил-был один человек с тремя сыновьями».

Подобно русским, в волшебных сказках эвенков можно встретить выражения: «Долго ли, коротко ли», а также концовки: «Стали жить-поживать, да добра наживать» или «Итак, с тех пор стали они жить хорошо и богато».

¹ В. И. Чичеров, Русское народное творчество, М., 1963, стр. 290.

9. Бэеткэн алтама гэткэчи

Тар горо-горо бичэн. Агили илан эвэнкимнил-унил энин-нунмэр нулгиктэдечэл. «Бөөлвэр аритнастар», — нуңартын гундечэтын. Эсилэ бөөлэ увай.

Кэ, умнэ нуңартын ушкат илани октокондули үнэдечэл.

— Ичэткэдду, нэкил, экун-ка октоду бидерэн, — экинтын гунчэн.

Кэ, нуңан яркодук тапчива гачан.

Ге гунэн:

— Эсилэ би или-да бакам эя-вал.

Гудэй лэпурэвэ гачан яркодук. Тарава гакса, кармандуни нэчэн.

Унил часки үнэдевкил — тураки дэгилдеривэн ичэчэтын.

— Кар-кар! Ёи сундук тапчива бакачан? — унилдук сурактачан тураки.

— Би бакам тапчивас, — экинтын гунэн.

— Минңи нулгив бидиңэс! — тураки тэпкэрэн.

Нуңан амардун иңтылгун дэгрэн.

— У-гу! У-гу! Ёи бакачан сундук минңи лэпурэвэ?

— Би лэпурэвэс бакам, — дулугутын гундерэн.

— Кэ, эсилэ агили миннун нулгидиңэс.

Эсилэ мөсадук далавкан гудэй бөүмөтчэри юдерэн.

— Ёи, унил, сундук октоконду пуртава бакачан?

— Би бакам, — нэкунтын гунэн-да пуртаван кармандукки гаран.

— Кэ, минңи нулгив одиңас.

Туги очатын, гулдырэ. Иланну дюлэ оксал, умун агланду умуконду бидеммер. Дулугу — иңтылгучэинун, экиндыгу — туракинун нэкундыгу — бэенун.

Тураки бөүсиняки, эмэвүски куликарэ, асидуви дөптөн. Иңтылгучэн бөүсинэн, эмэвүски уникучэрэ, чивкарэ. Бөө бөүктөдөнэ, бөүрө навки, эмэвүски улдэе, улукилэ.

Умнэ бөүсилдэ илани бөөлтын.

Нэкунтын гундэ бэеткиви:

— Би бөөдуви нэкседиңэ омолгия алтама гэткэчие.

Бөүстэ бөөлтын.

Горой-гу бөүктэчэл, дагая-гу. Асин утэчи олан.

Экиилин гулдэ:

— Нуңанман сонала туктыгэт. Утэен качиканэ нэңиэт.

Утэен бирала нодами надо.

Туги очал. Утэен бирала нөчал кэре.

Бөөлтын эмэлдэ, экиндыгу гулдэн бэеткии:

— Асикакунды балдыран качиканмэ.

Бөөнин гунэн, тыкуддэнэ:

— Асидув алганман оннистан.

Экиилтын нэкундуви алганман онниста, гунчэл:

— Сераңилбар ирудякал. Иду уриндинэвун, тарава истала. Атырикан-эинитын амардулитын кулгиктэдечэн. Арайматын баакса, таду уриндэ.

Кэ, умнэ эинитын дюяви окса, бирала муластан. Бира диякадун ичэрэн, куңакаткан туксадыриан. Дявассадычан — аран. Мут угдустан, урдэнэ. Эинитын дюлави үнээрэн. Эмэксэ, бэркэнмэ оран, умун унтаканмэ оран-да нян муластан. Каласалви даякса, куңакатканмэ тыгичимини.

Эр куңакан юрэн. Ичэрэн — бэрэ, унтаканмэ. Үнээрэн эвлимизн. Унтаканмэ тэтылдэн. Туги кэдэрэкин, атырикан бэеткэнмэ даяаран.

Мурэли чэрүмэ оран, элэ бирадук игил долдывдычатын. Тар бираду сеначар соңолдо:

— Экал эксэстэ утэвэвун.

Эя-да атырикан даярэ. Нуңан эксэстэн куңакатканмэ дюлави. Дюлавэр эмэксэ, гунчэ:

— Би гоёкокуйма бэеткэнмэ бакам.

Кэ, эсилэ тар бэеткэн эгдылдечэн. Туги бидечэн-да бичэн.

Умнэ тар бэеткэн гулдэн:

— Кэ, би бэюсиктэ.

Осоколовун такса-да бэюстан. Вэюмэ сендукин элгэрэн.

Туги бидексэ, умнэ нян гулдэн:

— Би эиними аритнастикта.

Сурурэн, аритнастан.

Үнээденэ, үнээденэ, иртыкитэнэтки ичэтчэрэн. Уминэт асиа тургалдыран. Тар аси алгана увэй бичэн, сераңилби ирудечэ.

Аран-аран үнээденэ, тар аси соңолдон. Бэеткэнитыки гулдэн:

— Экал тукаттэ, би дегэдем.

Омолгикан гунчэ:

— Эдянды. Эда-ка мэнэкан эмукин сераңилби ирудянды? Этэкал туги ора.

— Би сот дегэдем, — нуңан гулдэн.

— Дюксэ үнээгэр!

— Би үлээдем экиилби.

— Дюксэ үнээгэр экиилдулас.

Тар аси гунчэ:

— Минэвэ экиилби вадиңатын, эсикив ирура сераңилби.

Омолгикан гунчэ:

— Гундем нодукал сераңилба, да үнээгэр дюлавэр.

Тар аси сераңилби нодукса, бэеткэнун үнээсинэн. Дюксэ үнээсинэ. Эсилэ дюлавэр эмэчэл. Эмэчэлдэкин, экиилин тэнкэлдэ:

— Эда-ка нодунды сераңилби? Ге алганмас оңносчиңот!

Нэкунтын, соңодёно, тулилэ бидечэн. Нуңан үлээдукин

силгиндечэн. Тэли бэетын эмэчэн. Нуңан сокакун бэюктэдэнэ, аран-аран ванзэи эмэврэн.

Бэетын асалдук суракталча:

— Эма-ка бэе эмэчэ? Идук-ка нуңан? Экунцун?

Витарокса, бэетын тар омологиканду алтама гэткэчнэ ичэчэн. Асалтыккун гунчэ:

— Эрикэлду нэкунмэр.

Нэкунтын дюлатын икса, тэгэммен, соңодёно. Тэли бэетын дёнчадэчэн асин гундэвэн. Нуңан, сот тыкулдэнэ, гунэн аситкун:

— Ёи синду алганмас оунистан?

Омологикакун тар аси утэн бичэн.

Бэе экиилвэн юврэн, атапты асинюнми билдэн, омологитай илани.

Асива аичилчан. Аллчан, нян дюр алгачи оран.

Амин хутэкунми бэюктэлчэтын. Хутэнин амигачин со ая бэюктэдери бичэн. Нуңартын илани со аят бичэтын. Бэюктэдери хутэи сот аявран. Тар сот беркэ бичэ.

Манам.

9. Мальчик с золотым затылком

Было это давным-давно. Кочевали по тайге три девушки эвенки со старухой матерью. «Пора бы нам и замуж выходить, — говорят они, — да женихов подходящих нет».

Вот идут они как-то раз все по тропе.

— Смотрите-ка, сестры, что это на дороге лежит? — говорит старшая.

И вот подняла она пуговицу.

Вторая говорит:

— Да и я что-то нашла.

И красивое птичье перо с земли поднимает.

Младшая же на тропинке охотничий нож нашла. Взяла его и в карман положила.

Идут девушки дальше, смотрят — ворон летит.

— Кар-кар! Кто из вас пуговицу нашел? — спрашивает ворон девушек.

— Я нашла пуговицу, — отвечает старшая сестра.

— Быть тебе моей женой! — кричит ворон.

А вслед за вороном сова летит.

— У-гу! У-гу! Кто из вас птичье перо нашел?

— Я перо нашла, — говорит средняя.

— Ну, значит, тебе со мной по тайге кочевать!

А тут из-за деревьев красивый молодой охотник выходит.

— Кто из вас, девушки, охотничий нож на тропинке нашел?

— Я нашла,— младшая сестра отвечает и нож из кармана достает.

— Быть тебе за мной замужем! — говорит охотник.

На том и порешили. Построили себе три чума рядом и стали вместе на одной полянке жить. Средняя — с совой, старшая — с вороном, младшая — с человеком. Ворон охотится, насекомых добывает, чтобы жена ела. Сова, отправляясь на охоту, мышей, птичек приносит. Человек на охоту ходит и крупных зверей бьет, мясо, белок приносит.

Однажды собрались на охоту трое их мужей.

Младшая сестра и говорит своему мужу:

— Я рожу паренька с золотым затылком.

Мужья их отправились на охоту.

Далеко ли охотились, близко ли. Жена охотника забеременела.

Сестры ее стали говорить:

— Надо ее к дымовому отверстию подвесить, вместо ребенка щенка положим. Ребенка ее надо в реку бросить.

Так и сделали. Бросили дите ее в реку.

Пришли их мужья, старшая сестра говорит мужу младшей:

— Женушка твоя щенка родила.

Муж ее сказал, сердясь:

— Жене моей надо ногу отсечь.

Отсекли ногу старшие сестры младшей и сказали:

— Таскай жерди. Где будем делать стойбище, там и остановишься.

Старуха мать позади их кочевала. Найдет чумовище их, там и остановится.

Вот однажды мать их сделала чум и пошла к реке за водой. Увидела на берегу реки, что бегают мальчик. Попыталась схватить его, но не смогла — в воду нырнул. Пошла их мать домой. Придя домой, она сделала лук, один унт смастерила да опять за водой пошла. Запрятала ведра и стала караулить мальчика.

Вышел тот мальчик. Смотрит — лук, унтик. Подошел и начал играть. Стал надевать унтик. Когда надевал, старуха схватила мальчика.

Вокруг стало тихо, только слышались какие-то звуки с реки. Это налимы плакали в реке:

— Не уноси нашего сына.

Ничего не ответила старуха. Она отнесла ребенка домой. Пришла домой и говорит:

— Я нашла красивого мальчика.

Так вот и рос этот мальчик. Так он жил да был.

Однажды говорит тот мальчик:

— Пойду-ка я мать свою поймаю.

Пошел на поиски.

Идет, идет и по сторонам смотрит. Вдруг повстречал

женщину. Та женщина была безногой, она тащила жерди. Едва-едва идя, она плакала.

Обратилась она к мальчику:

— Не наступи, ведь я мучаюсь.

Паренек спросил:

— Что с тобой? Почему ты сама тащишь жерди? Оставь это дело.

— Я очень мучаюсь,— сказала она.

— Пойдем со мной!

— Я боюсь своих сестер.

— Пойдем вместе к твоим сестрам.

Та женщина сказала:

— Убьют меня сестры, если я не принесу.

Паренек ответил:

— Говорю, брось жерди да пошли домой.

Женщина оставила жерди и пошла с мальчиком. Вдвоем отправились. Так пришли они домой. Увидя, что они пришли, сестры ее зарезали:

— Почему ты бросила жерди? Отсекем тебе вторую ногу!

Их младшая сестра осталась в слезах на улице. Она дрожала от страха. В то время пришел муж. Он промышлял очень удачно и едва-едва донес добычу.

Стал муж спрашивать у женщины:

— Что за человек пришел? Откуда и чей он?

Вдруг их муж у того паренька золотой затылок заметил. Он сказал женщинам:

— Позовите младшую сестру.

Сестра, в слезах в дом войдя, села.

Тогда человек вспомнил о том, что говорила ему жена. Он, очень сердясь, сказал своей жене:

— Кто тебе ногу отсек?

Паренек был сыном той женщины.

Человек прогнал ее сестер, стал жить с настоящей женой и сыном, троим.

Стали лечить женщину. Поправилась, стала снова с двумя ногами.

Сказитель Е. Е. Павлов из колхоза
«Чульба», Якутия.

Отец с сыном охотились. Сын, как и его отец, был прекрасным охотником. Жили они втроем очень хорошо. Любил охотник сына. Был он очень смелым.

Кончила.

10. Маңи

Хунат индечэн, бидечэн. Нуңанңи дюр нэкилини бичэты. Ге гэрбин бичэн Найпутов, ге Мудунэй бичэн. Нэкилини кавалнадачаты. Экинтын тыргахсанатын каларудячан.

Умнокон асаткан каларудяракин, Маңи эмэрэн. Нуңан аракива эмэрэн, тадук экинимэтын гунэн:

— Нэкиилле эмэрэктый, умивконэн аракива. Би синэ асиламудем. Эдылокэл минз!

— Ка, эдылодем синэ, си нэкиилвэв аят умивкокэл, этэрэ дёкэра, балдерэ.

— Гэнносинэм авшава, — гунэн Маңи, — нуңарватын умивконэв, какудячавун, морала удеңовун. Толи синэ сурубдем гуллэон. Си экэл ээви-да гада, би баймэмэ бисим.

Тадук Маңи эмэрэн эсилэ, авшава эмэрэн, гуллэон угидодун дикиллан.

Нэкилини эмэрэ, тыргахсанарэ. Муришмар уйе, дөбдэн бурэ. Экинтын тэвуллэн. Тадук девулла. Вочонкава хултатан, уңкулла. Нэкунин ханңукталлан:

— Эва бутчэниэ?

Экинтын гунэн:

— Умкал-нуу! умкал! Си-до умкал нэкоко! — гунэн нуңан гева нэкунми.

Умна веспа. Тадук нэкиилтын гуллэ:

— Уңско! Экунде дю хоролдёрон? Учивулча бисим, амэлча бисим!

Экинтын сэктерэн. Асина. Маннимама асина. Маңи коңколлон. Экинтын аңарэн. Маңи ирэн, гунэн:

— Тыңэптурэ бакачас?

— Бакачав дюрэ. Ипкэл авшан.

Маңи иврэн авшава. Экинтын гунчэрэн: «Сэриувлдерэ-вэл!»

— Этэрэ сэриувврэ, харукил! — Маңи гунэн, — дэваллап нуңарватын.

Дэвара адерилва. Маңи қалэлватын хэркэрэн. Экинтын дянмэ гвостила эмэрэн. Маңи гвостиран. Упкатпа этэрэктый, Маңи гунэн:

— Угиркэл мирэлов авшава!

— Эва-гла гучэс, эңэси бисим? Угиркэл монин, би ичэттов, эңэси бисинис, синэ эдылодем, эсикис, этон эдылора.

Маңи угиррэн, суруврэн. Экинтын хаңиран. Морала эмэрэ.

Маңи авшава кулэрэн, бира даякадукин усондорэн дянмэ гирасиктал. Тадук экинтын дядлун молиллан: «Эни-мора, нэкиллэв чувакар ойдудлатын угоскал! Би Маңиду сурулим, мироллим».

Тадук нуңартын Маңи гулэлон сурура. Сурурэ иланмэ дапасал. Иста Маңи гулэвон. Маңи гунэн:

— Кэ, чайңилкал, би гөһнөктэ бутаракилви!

Эмэрэн бутаракил дюлатын, гунэн:

— Су эчэсун сара, би асияви эмэвум!

— Кэ-сэ, сурувот, ичэноскот!

Эмэрэ Маңи гулэлон. Казакил гуллэ:

— Фэ, фэ! Он бисивэ асилачас, кире!

Маңи гунэн.

— Кэ-тэ, тэпутнокаллэ эңиэконэ оорордуккар!

— Эя? Нямуканэ?

— Э-э, нямуканэ. Калакачанэ сурумнэл сохсэ дярин.

Казакил сурура. Нэһэрэ даванмэ гела бирала. Эңиэконмэ дявара. Гиркин сохторон, суюкоимэ бакаран. Ге гиркин хэңкэчиллэн:

— Лешай, явул! Хусани гунэн нямуканмэ дявадат!

— Хэркивэ! — хэңкэттэн нуңан гиркиви.

— Эсэг, хусанидула эмэдеп!

Ге казак дяваран нямуканмэ. Тэпуттэ, хигиллэ. Хигрэ. Сохсэвон калакачанмэ дядум аликитта.

— Кэ, эңиэбдекэл сохсэвэ хусанидула, би уллэвон лован-дави некадем!

— Этом, этом, неливсе! Этом эмукин сурурэ!

Умуконду уллэвэ лованэ, одёдавэр свадьбэвурэвун. Этарэ лованэ, сурурэ гулэлон Маңиңи. Маңиду сохсэвэ бура. Ге гиркивмэе улгучоллэн:

— Нуңан суюкоимэ дявамуллан, минэ гунэн «хэрке».

Маңи гунэн:

— Асия эмэвмэктэи тэтмен лукнадем, нуңанман авлап-кандем!

Маңи сурурэн, асии хэркивон эмэврэн тадук гунэн:

— Кэ, казак, эмэкэл эло!

Казак баллэн, Маңи нуңантыкин гунэн:

— Илкал, а то синэ гарпадем!

Казак Маңила дагамаран, Маңи хэржит авлапканэи казакка. Тадук упкат гулэлэ ирэ. Сохсэвэ мут солла. Ушатэвэ дядум уңкура, сохсэвэ соливра. Маңи гунэн:

— Кэ, асия, ушатэду олошкэл! Казак, асияв силкикал!

Казак силкиран. Маңи асии гунэн:

— Кэ, тэтывкэл миндыкэлвэ тэтыниллэвэ!

Тадук Маңи казаккэ гунэн:

— Ушатэвэ уңкунокэл, эңиэдекэл гулэлон!

Толи нэкиллини мора уңурөндулли эбидерэ.

Нөкунин тэгэрэн, дивэллэн: «Иду би бидем?» Туңкулбул-

лэн авшан, гунэн: «Мули эйдем!» Акиними тэмиктэлэн.
Акиний тэгэрэн. Нэкуний акинтыкии гуллэн:

— Акий! Экундули эбидерэн?

Акиний симуладерэн, энэ сарэ. Нэкуний толи иколлэн:

Эийей — морей!
Чувакар оёлдулатын
Мунэю угоскал!
Угостакис, тамадаран!

Икочолон, мора чувакан оёлон угосинэн. Тадук Мудунэй
туңкулбуллэн авсава, гунэн эсилэ:

— Хикчөмөду бидерэн!

Кэсилэ, акиний иколлэн, гунденэ:

Нэкуей, Мудунэй!
Асиадуш оляиве!
Ееринде! Ееринде!
Асавар хокчискал!
Ееринде! Ееринде!

Тадук нэкуний хокчиснан авсан. Дунтэн. Албаран хок-
чисчани. Иколлэн:

Акий! Найпугот!
Амски-гэе сижгдөө
Надычөркив, кличчөкки!
Ееринде! Ееринде!

Тадук акиний хокчисиллан, гуллэн:

— Нэку, супкал чалалван!

Нэкуний суван чалалвон. Найпугот баңараллан, хокчи-
силлан. Авшана хокчистан.

Эсилэ авшадук юрэ, илголлэ, иртыки бинэн гулатын.
Солоки сурурэ. Дянмэ гурукал сурурэ. Тала ичэрэ багда-
кэвэ — авалакачанмэ. Асакталла. Боконо. Найпугот амардукин
дяваран, нуңанман часирэ. Багдакэтканмэ морала усоготтэ,
гунденэл:

— Мора, дебдекал!

Туги мора усондэлин тамара багдакэткан уллэвон. Тадук
часки сурурэ. Гулэвэр иста. Ирэ, экинтын ачин. Гөлэктэллэ,
иду-до ачин. Гуллэ: «Маңи сурулчэ бинэн!» Ичэрэ — мури-
нын модук уючадерэн. Бега дулинман уючадерэн. Эсалин
чопкорочол, демулдерэкин, монин чулбин. Муриинмар тынэ.
Акиний гунэн:

— Нэку, Мудунэй! Бэрилвэр такудякал, сурулденот Ма-
ңила!

Мудунэй бэрилвэр, гарпалва такуран, гунэн:

— Кэ, аки, суруллэн!

— Кэ, нэку, дывакал муриинмар, инишкэл иргисэлэвэр му-
рииду, угаскал!

Муринмар даяара. Сурура. Даваимэ цэнэрэ, элламтыва
бакара. Дагачандун тогойво илара. Эсилэ имухсэлвэ имты-
чиллэ. Элламты иколлэн:

Экуавэр минэ имтытчэс?
Калавэр!
Маңи экинмэсун сурунчэн!
Калавэр!
Маңиду өтэс төрөр!
Калавэр!
Силбачилдылам эсилэ!
Калавэр!
Долчаткаллы!
Калавэр!
Эдук сурудесчэс
илана даваһал!
Калавэр!
Тадук канимала сурудес!
Калавэр!
Тармалду цолутнал!
Калавэр!
Тадук чакки сурудесчэс!
Калавэр!
Коронал гуиматчадерэ!
Калавэр!
Тармалду цолутнал!
Калавэр!
Тадук чакки сурудесчэс!
Калавэр!
Мурисанакур согинтуматчадерэ!
Калавэр!
Тармалду цолутнал!
Калавэр!
Чуваканы туктыдес!
Калавэр!
Маңи гулан килуладен!
Калавэр!
Виралва джоргдөө дагдыс!
Калавэр!
Мукокунтын сохсөмө биден!
Калавэр!
Тармалду цолутнал!
Калавэр!

Эсилэ элламты өтөрөн икодеми. Найпугтов гүнэн:

— Кэ, нэку, суруллэн!

Сурура эсилэ. Виракакун оран. Найпугтов гүнэн:

— Он си дагдяине, нэкуко? Ви-до дагдым!

Микчанэн Найпугтов баргиски.

— Кэ, нэку,— гүнни Найпугтов,— икоктө!

Найпугтов иколлэн, гунденэ биратки:

Эниэй — бирай!
Беринде! Беринде!
Дулиади бурнал!
Беринде! Беринде!

Нэкумэ дагдэцэн!
Ериндэ! Ериндэ!

Тадук Мудунэйтыки гуэнэ:

— Кэсилэ микчакэл!

Нэкумин бурдулэ микчанэн. Бурдук гела баргидала микчанэн, дагран. Часки сурурэ. Мурчантын иколлэ:

Хуцераа, хуцераа!
Ге геруке!
Долбонна үнэдеми,
Чакералли хутаптыккэл.
Ге геруке!
Кокчарае токсиктылалэ.
Ге геруке!
Мацна исми,
Ге геруке!
Эүнэкал уйе!
Ге геруке!
Балыге бүдөцөе!
Ге геруке!
Эүнэкал уйе!
Ге геруке!

Тадук сурурэ часки. Канималва иста. Канимал каничара. Канималва котолдивар токторо.

Часки сурурэ. Чуваканмэ куктырэ. Маңи гулэн ичэвулэн. Гулэлэн эмэрэ. Найпутов гуэнэ:

— Би куктыкта угидолом, си нэку, хэргило тыгиткэл Маңива! Юрекии, морчалкал тадук иколкэл!

Кэ, мурирвар тынэ. Тадук Найпутов иколлэн. Маңива гуладукин ювкөндөнэ:

— Маңираа! Маңираа!
Ериндэ! Ериндэ!
Юкалэ! Юкалэ!
Ериндэ! Ериндэ!

Маңи нэкумин толи ёкөдөрэн:

— Саа! Саа! Саа!
Экөл-көлэ чамикан, чайтыктакан!
Саа! Саа! Саа!

Найпутов ния иколлэн:

— Чанчтангэ — мурикне чикенки!
Ериндэ! Ериндэ!

Маңи монин иколлэн:

— Эмемарон, эмемарон?
Саа! Саа! Саа!
Унталэе татыктэки!
Саа! Саа! Саа!

• Тадук Найпутов иколлэн:

— Маңиран, Маңиран!
Үҗатачарре ухсакумал!
Беринде! Беринде!

Маңи иколлэн:

— Эмамарен? Эмамарен?
Саһ! Саһ! Саһ!
Саллилэ тетиктэнэн:
Саһ! Саһ! Саһ!

Найпутов нян иколлэн:

— Маңиран, Маңиран!
Саллилэ, ылаксамаал!
Беринде! Беринде!

Эсилэ Маңи юллэ. Элэкэс нуңан казаккэ уңнэн. Мудунэй нуңанман гарпаран. Толи Маңи гева казаккэ уңнэн. Мудунэй гева гарпаран. Бурурэн — ласпас! Тадук Маңи юрэн, Мудунэйнуи морчаллан. Мудунэй иколлэн:

— Мурчанэй! Мурчанэй!
Беринде! Беринде!
Эмидатлэ гучэс,
Болгас бугуцэс!
Беринде! Беринде!

Мурин эмерэн, Маңива согинтуллан. Веспан хэкимнэрэн, тукарэн. Маңива варэн.

Тадук нуңартын Маңи гулэлөн ирэ, гөлөктөллэ гулэду. Экинтын ачин. Куликарнэ бакара, ириктөлвэ бакара, урэлвэ бакара, бадылакилва бакара, кумикорвэ бакара, экинмэр алба-дара бакадыми. Мудунэй гуңнэн:

— Кэ, аки, Һэнэдевот!

— Һэнэдевот, нэку!

Маңи уккатнан гатта. Саводалва, солотомалва, деньгилван. Гулэлөнэр эмэрэ. Аяа гулэвэр олла.

— Кэ, элдяп, аки?

— Чанңилдяп, экинмэр албарап — так бакадыми!

— Деньгил дяритын нулгивэр уннөдөн.

Ванл ора. Аямамат иннөвэр.

Муданан.

10. Манги

Жила-была девушка. У нее было два брата. Одного звали Найпутов, другого — Мудунэй. Братья ходили на работу, а сестра варила им обед.

Однажды, когда девушка варила обед, пришло чудовище Манги. Оно принесло вино и сказала девушке:

— Когда придут твои братья, угости их вином. Я хочу на тебе жениться. Выходи за меня замуж.

— Ну, ладно, я пойду за тебя, только ты хорошенько угощай моих братьев, а то они не согласятся отдать меня.

— Схожу за ящиком, — сказал Манги, — мы их напоим, закупорим в ящик и пустим в море. Тогда я уведу тебя в свой дом. Ты можешь ничего с собой не брать, ведь я очень богат.

После этого Манги вернулся, принес ящик и спрятал его.

Пришли братья обедать. Лошадь свою привязали и дали ей есть. Сестра стала собирать на стол. Потом начали обедать. Раскупорив бочонок, стала наливать. Младший брат спросил:

— Что это даешь нам?

Сестра сказала:

— Пей, знай пей! И ты пей, братец, — сказала она другому брату.

Выпили все. Скоро братья заговорили:

— Сестрица, почему-то дом кружится? Закружился я, сестрица, спать хочу!

Сестра постелила постели. Легли. Крепко заснули братья. Постучал Манги. Сестра открыла ему. Вошел Манги и сказал:

— Подруги нашла?

— Две нашла. Принеси ящик!

Манги внес ящик, а сестра думает: «Не проснулись бы!»

— Не проснутся! Пьяны, — говорит Манги. — Давай возьмем их!

Взяли спящих. Манги связал им руки. Сестра принесла гвозди. Манги заколотил. Когда все кончили, Манги сказал:

— Подыми мне на плечо ящик!

— А что же ты говорил, что силен? Подымай один, а я посмотрю, если и вправду силен, то пойду за тебя замуж, если нет, то и не пойду.

Манги поднял и понес. Сестра пошла провожать. Пришли на берег моря. Обхватил Манги ящик и с берега бросил на десять шагов в море. Тогда сестра стала мысленно молиться: «Матушка-море, выплесни братьев моих на поверхность горы, а я за Манги пойду замуж».

После этого они пошли к Манги. Прошли три горных перевала. Дошли до дома Манги. Манги сказал:

— Ну, приготовляй чай, а я схожу за своими батраками.

Пришел Манги в дом батраков и сказал:

— Вы еще не знаете, что я привел себе жену?

— Ну тогда пойдем посмотрим!

Пришли в дом Манги. Казаки сказали:

— Фе, фе! На какой женился! Дрянь!

Манги им приказал:

— Подите убейте теленка из наших оленей.

— Какого? Телочку?

— Да, телочку. Да смотрите, котелок возьмите с собой для крови.

Пошли казаки. Прошли один горный перевал и вышли на другую речку. Поймали теленка. Товарищ по ошибке поймал бычка. Второй стал ругать его.

— Леший, дьявол! Хозяин сказал, чтобы телку убили.

— Штаны! — обозвал тот своего товарища.

— Вот погоди ж ты, придем к хозяину!

Второй казак поймал телку. Убили ее и начали свежевать. Освежевали. Набрали полный котелок крови.

— Неси кровь хозяину, а я мясо вялить буду.

— Нет, нет, страшно, не пойду один.

Вместе завялили мясо, чтобы сохранить до свадьбы. Закончили и пошли в дом Манги. Отдали Манги котелок с кровью. Тогда один казак стал жаловаться на своего товарища:

— Он бычка хотел убить и обозвал меня «Штаны».

Манги сказал:

— Пойду к внонь приведенной жене, сниму с нее одежду и надену ему на голову вместо шапки.

Манги пошел, принес штаны своей жены и сказал:

— Ну, казак, подойди сюда:

Казак стал противиться, но Манги ему сказал:

— Встань, казак, а то стрелять буду.

Казак подошел к Манги, а тот надел ему на голову штаны. После этого все вошли в дом. Стали смешивать кровь с водой. Налили полный ушат. Тогда Манги сказал:

— Ну, жена, заходи в ушат. А ты, казак, мой мою жену.

Казак вымыл.

Манги сказал жене:

— Теперь надень мою одежду.

Потом Манги сказал казаку:

— Поди вылей ушат и отправляйся домой.

А тем временем братья плывут по середине моря. Младший брат, проснувшись, удивляется: «Где это я?» Стал он раскачивать ящик и говорит: «По воде плыву!» Нащупал брата. Встал и старший брат. Тогда стал говорить своему старшему брату:

— Братец, где это мы плывем?

Молчит старший брат, он и сам не знает. Тогда младший запел:

Матушка-море!
Выплесни нас
на поверхность горюшки!
Выплеснешь если,
заплачем тебе!

После того как пропел, море выплеснуло их на поверхность сопки. Мудунэй стал качать ящик и сказал:

— Мы находимся на мели.

Тогда старший брат запел, говоря:

— Младший братец, Мудунэй!
Ты во сне пребываешь!
Еринде! Еринде!
Ящик наш пробей ногой!
Еринде! Еринде!

Младший брат ударил ногой в ящик, но не мог пробить и запел:

— Старший братец, Найпугов!
На тебя лишь одного
Раньше я надеялся!
Еринде! Еринде!

Тогда старший брат ударил ногой в ящик и сказал:

— Младший братец, развяжи мне руки.

Младший брат развязал ему руки. Найпугов опять стал толкать. Пробыл, наконец, ящик.

Вышли братья из ящика и стали думать, где может быть их дом. Пошли они вверх по реке. Десять плесов прошли. Увидели там дикого оленя, двухгодовалую телочку. Стали преследовать ее. Нагнали. Найпугов схватил ее и разорвал. Бросили телку в море, говоря:

— Ешь, море!

Так уплатили мясом олененка за то, что море выбросило их на сушу. Потом отправились дальше. Дошли до своего дома. Вошли в дом, а сестры нет. Стали искать, но нигде нет. Тогда подумали: «Наверное, Манги увел сестру». Смотрят, а у дерева конь их стоит на привязи. Подмесеца стоит привязанным. Глаза его провалились от голода, сам исхудал. Отпустили они коня. Старший брат говорит:

— Младший брат Мудунэй, налаживай луки и пойдем к Манги.

Мудунэй наладил луки и стрелы, а потом сказал:

— Ну, брат, теперь пойдем!

— Иди, лови лошадь, навьючивай еду на дорогу и отправляйся с грузом.

Поймали коня. Отправились. Прошли горный перевал. Нашли горелый пенек. Разожгли возле него костер и стали лить в огонь жир. Тогда пенек запел и стал вещать:

— Зачем меня обливаете жиром?
Келавор!
Манги сестру вашу увел!
Келавор!
Манги вы не одолеете!
Келавор!

Предскажу сейчас!
Калавер!
Слушайте!
Калавер!
Отправляйтесь отсюда
за три перевала!
Калавер!
До ножниц дойдете.
Калавер!
Тех остерегайтесь!
Калавер!
Потом дальше пойдете.
Калавер!
Там коровы будут бодаться.
Калавер!
Тех остерегайтесь!
Калавер!
Потом дальше пойдете.
Калавер!
Лошадицы будут лягаться.
Калавер!
Тех остерегайтесь!
Калавер!
На горюшку заберитесь!
Калавер!
Дом Мауги мелькнет.
Калавер!
Через две реки переправитесь.
Калавер!
Их вода кровавая будет.
Калавер!
Тех остерегайтесь!
Калавер!

Вот горелый пенек кончил петь. Найпутов сказал:

— Ну пойдем, младший братец!

Пошли они. На пути большая речница. Найпутов говорит:

— Как же ты переправишься, братец? Я-то сейчас переберусь!

Ваял Найпутов да перепрыгнул через реку на другой берег.

— Ну-ка, братец, спую я сейчас.

И запел Найпутов, обращаясь к реке:

Ой ты, матушка-река!
Еркинде! Еркинде!
Посредине сделай остров!
Еркинде! Еркинде!
Младший брат мой перейдет!
Еркинде! Еркинде!

Потом, обращаясь к младшему брату, сказал:

— Ну, теперь прыгай!

Младший брат его прыгнул на остров, с острова на другой берег перепрыгнул, так и перешел. Поехали дальше. Вдруг конь их запел:

Эх, хозяин, хозяин!
Где герука!
Когда ночь я прошел,
Мои ножи покраснели.
Где герука!
Копыта мои пощелкивают!
Где герука!
Дойдя до Манги,
Не привязывай меня!
Где герука!
За это помощь онажу!
Где герука!
Не привязывай меня!

После этого отправились дальше. Дошли до ножниц. Ножницы сжимаются. Братья разрубили своими ножами (пальцами) ножницы. Пошли дальше. Поднялись на горюшку. Показался дом Манги. Пошли к дому. Найпутов сказал:

— Я, братец, подымусь вверх, а ты внизу карауль Манги. Как только Манги выйдет из дома, начинай бороться, об этом дай знать песней.

Вот отпустили они своего коня. Найпутов зашел, стараясь вызвать Манги из дома:

— Эх, Манги, ты, Манги!
Еркинде! Еркинде!
Выходите, выходите!
Еркинде! Еркинде!

Младший брат Манги кричит:

— Са! Са! Са!
Подождите, напьюсь чаю!
Са! Са! Са!

Найпутов опять зашел:

— Ну и чай у тебя!
Лошадкина моча!
Еркинде! Еркинде!

Тогда сам Манги зашел:

— Зачем пришел? Зачем пришел?
Са! Са! Са!
Подожди, унты надеву!
Са! Са! Са!

Опять Найпутов зашел:

— Эх, Манги, эх, Манги!
А унты-то у тебя
Из березовой коры!
Еркинде! Еркинде!

Манги в ответ зашел:

— Зачем пришел? Зачем пришел?
Са! Са! Са!
Подожди, надену латы!
Са! Са! Са!

Найпутов зашел:

— Эх, Манги, эх, Манги!
Твоя латы, что за латы!
На тальниковой коры!
Бернда! Бернда!

После этого Манги начали выходить. Сперва Манги выслал казака. Мудунэй в него выстрелил. Тогда Манги выслал второго казака. Мудунэй и в него выстрелил. Тот упал пластом. Тогда вышел сам Манги. Стал бороться с Мудунэем. Мудунэй зашел:

— Эй, конек, мой конек!
Бернда! Бернда!
Что же ты говорил,
Что окажешь помощь?
Бернда! Бернда!

Вот пришел конь и стал лгать Манги. Всего его истоптал своими копытами. Убил Манги.

После этого братья вошли в чум и стали искать свою сестру. Нет сестры. Червяков нашли, пауков нашли, муравьев нашли, дождевых червей нашли, лягушек нашли, а старшую сестру не могли найти. Мудунэй сказал:

— Ну, братец, пойдем тогда домой!

— Пойдем, брат!

Взяли они все, что было у Манги: его имущество, золото, деньги и пошли домой. Пришли. Стали строить хороший дом.

— Ну, что будем делать, братец?

— Раз уж сестру не могли найти, так давай сами варить чай.

— Мы на деньги купим себе хозяйку.

Вот они разбогатели. Стали жить хорошо.

Кончилась.

11. Нивэникэн

Умнэкен бичэл Нивэникэн Кукэки бичэ. Кукэки дюдүви мойви молавки, чаникъви уюууки. Нивэникэн бэювки эрдэ бадигиркан. Нивэникэн сома валан бичэ бэюнмэ, нуцартын бэюн дыллдин, халгардин дювар тырэвкэникыл.

Нивэникэн мата гэдэк бадинитын бэювки. Кукэки дюдүви бидевки. Умнэкен Кукэки дюдүви бидерэкин, икэн нүчүчэ:

— Нивэникэн мата овкал бэючэн?

Кукэки гунчэ:

— Эрде геванадиракин, бөяхинчэн.

Илан ахал дочал дэгам. Кукэкине гунчэл:

— Дылвас игдым-до?

— Игдыкаллу,— гунчэ Кукэки. Тадук игдыкам, дэтилчэл, цэнэхинчэл.

Нивэникэн мата эмэрэн. Сиксэ бөжүксэ, силуденэ, Кукэки дылван ичэрэн — сома аят игдымча дыллин. Улгумичэ Кукэкидун:

— Си он эракис, нюриктэс бултумама очан?

Кукэки гунчэ:

— Би олдоксокарди игдыракин, эргэчин одан,— гунчэ.

— Э-а,— гунэн Нивэникэн.

Тыминин или бөяхинэн Нивэникэн. Нян сиксэ эмэрэн, бөжүксэ ваксакан. Кукэки дыллин или сома аят бултумама оча. Нян эмэкэм, нуңанман игдычал. Нивэникэн сомат модаргерэн Кукэкине. Нивэникэн олдоксот игдым-да, нюриктэн он-да экин ора. Нян тыминин бөяхинэн Нивэникэн, тадук сиксэ эмэрэн. Нян ичэрэн Кукэки дыллин игдымчаван, сомат модаргекса, гунэн:

— Га, би ичэттыдув игдыкал олдоксот! Би игдым-да, нюриктэн он-да эчэн ора.

— Кукэки игдыматтан, нюриктэн он-да эчэн ора. Нивэникэн гувки Кукэкитки:

— Эда улэкичэ, мэтэвкэл, чи синэвэ игдычан, этэнды мэтэврэ-дэ, би эадли синэвэ эрмэду!

Кукэки мэтэвчэ:

— Илан ахал дэгниэл, эмэкэм, минэвэ игдычатми, иладда одан эмэхилноткитын. Тыматне эмэдэнотын,— гунэн.

Нивэникэн гунэн:

— Си минэвэ моламкидуви имадави. Би ондогдон сэгитки уйгэктэ.

Уиксэ, эмэрэн.

— Нуңартын гунэктын, овкал бөяхинчэн, си гундэви: урдэ цэрилдерэкин, бөжүчэн, гундэви,— гувки Нивэникэн.

Нивэникэне Кукэки моламкидуви имача. Илэңи дулин одяракин, ахал икэнин иңүчэ:

— Овкал бөжүчэн Нивэникэн мата, мэтэвкэл, Кукэки? Гунчэл.

Кукэки гунчэ:

— Ирде, элэкэс цэрилдерэкин.

Ахал дочал, дюла ичэл. Нивэникэн илмалчача, дютки нюрмача, дю олдондун илан дэктылэл илинчачал, умун мочундэрис гача, даяча. Даякам, ирэн. Ахал нунтырэнчэл, дэгиллэ. Умукэн ахи эмэгчэ. Нивэникэн ахиңияви гача тарава.

Бөяхинми, дэктылэвэн Кукэкиду даяванканча, Кукэкитки гунчэ:

— Эдэн бурэ, бурекис, вадеи синэва.

Бөжүчэлэн, Кукэкидук ахиини умучэл дэстылэвэе, гувки:

— Би синду эва бурекис, будэс,— гувки ахи Кукэкива,— мевана девдэс?

— Меванма девчэв, болла,— гувки Кукэки.

— Убдуе девдэс?

— Убдуэ девчэв, болла,— гувки Кукэки.

— Таңкирчака девдэс,— гунчэ.

— Девчэв, болла,— гунчэ Кукэки.

— Эңинис девдэс?

— Тар экуи гэрбун,— эңин,— гунчэ Кукэки.

— Си тарахин эңинивэ эчэс дептэ, будем эңинивэ,— гунчэ ахи. Икаду дэлим улэчэ эңинивэ ахи.

— Иррэн эңиниңис, Кукэки,— гунчэ ахи,— кэ, эмукул дэстылэвэе!

Кукэки бучэ дэстылэвэн. Икэвэ ичэчэ Кукэки: дэлим таңкирчак. Минэвэ улэкирэн ахи,— гунчэ Кукэки. Ахи дэгилчэ.

Нивэникэн эмэчэ.

— Илэ ахи ңэнэрэн?— гунчэ.

Кукэки гуиңи:

— Минэвэ улэкирэн, эчэс девтэ будэн эңинивэ, гуиңэ, улэчэ таңкирчанка, би дэстылэвэн бучэв, эңинивэ энэм сара.

Нивэникэн тыкуллан, Кукэкивэ варэн, ңэнэхинэн. Ңэнэрэн.

Тар ңэнэдэнэ, умун утэймэ ичэрэн. Утэндулэ ирэн. Атыркан, угэдуйи тэгэтчэнэ, ололдорон:

— Бачак чивкачан-да чив эчэ гуиңэ экуиңив ирэн,— гунчэ.

Атыркан силувкэиңчэ. Атыркан улгумичэн:

— Илэ ңэнэдэнни?

— Би ахиңи гэлэнедем,— гунчэ,— си санды-до, эвуке,— гунчэ бөө.

— Эчэв сара,— гунчэ атыркан,— элэ би экиними бихин, тар сарэн бидэн,— гунчэ.

Бөө ңэнэхинэн, истан атыркандула, улгумирэн:

— Би он банадыа ахиңи?— гунчэ бөө.

Атыркан гунчэ:

— Элэ икултэймэ кайра итыкия бихин, экуи курбуривэ дэгривэ эхи часки уңалда,— гунчэ,— тар чагидадун биракан дашкадун бомду эхэл, уйчэрэ сепут, курбуривэ эхил уңалда часки,— гунчэ,— тадук тар чагидадун сома эгдыңэ кадар бихин бидэн,— гунчэ,— сивайгачин, тарава туктырэкис, оёдун дюр ңэлэм бихин бидэн,— гунчэ.

— Тарава он би ңэнэдес?— гунчэ бөө.

— Си тарава ңэнэдес тыке,— гунчэ,— си итыкыява илтэңдэс, делэки оми, иманда долии гэнэми,— гунчэ,— би синду будэңэв игдысуума, си, кадарва исми, угиски гардадан, туктывуи онал!— гуиңэ, тариңин туктывуи одли,— гунчэ. Эхэлэв

илтәндәс тыкә,— гунчә,— антыки ичәнәкис — дюр бәюр оңкодәтын, тарава дюривән вами, илтәндәс,— гунчә,— дюр җаләтти дюривәтын даяакса, тәринтыки уләдән, илтәндәс әхәләз,— гунчә. Җәләмулвә илтәндәс тыкә,— гунчә,— окто дегинидәдун дюр боңнокор оңкодәдотын, тарава дюривән вакса, тәринтыки уләмдәк часки әтәкәңчәдәви,— гунчә.

Мата Нивәникән сурухинчән. Җәнәдәс, ичәрән со хәгды дәги, тәгәтчәс, дылачава кайчәри.

— Би дәләки окта!— гуңә, иманда долии ичә, дәләки окса. Иманда долии гәнәчә, чагидалан иючә, тадук часки җәнәдәс, бираканма исча. Тар биратками солохинча. Бәе ичәрин молкан бичә, биракантин бомма исча, ичәрән — дюр әхәл уйчәдеривәтын, антыки ичәхинән — дюр бәюр оңкодәро, тарилва нюрмача, дюривәтын, мот гарадакса, вача, дюривәтын тәри җаләтти җәлихинча, дюривәтын тәринтыки уләчә, уләмдәм әхәлтыки, әтәкәңчәчә, әхәңилин бәюңилвән тәвәри-дүвәр нуңанман-да әчәл сара. Җәнәдәс, исча сома хәгды кадарла, гугда бадн, он-да әкит туктырә, сома бултурин кадар, думайдакса, әвукәв гунчән,— гунчә, канмандуки игды-вунма гакса,— туктывун охал!— гуңә, уләчә угиски. Уләрәкин, тарири туктывун оча. Туктычә, часки җәнәхинчә. Җәнәдәс, октоду дюр иргичил уйчәл, бәе илча, дегинтыки дюр боңнокор оңкодәчәл, тарилва вакса, или тәринтыки уләчә, илтәнчә. Тадук җәнәдәс, урәкән ойдун дүва ичәчә. Ичәксә, җәнәчә, тала дү оёлон туктычә. Тарава мәдәчәл, турән иңнүчә:

— Нивәникән мата, әмәкәл әлә, силәвәр әмәкәлдыгәр,— гуңә.

Нивәникән гунчә:

— Гә, си-кәнә дүлә әлә әмәкәл,— гунчә.

Дюдукин иючә сома җоном нюриктәлкән ахи. Тарава Нивәникән мутдәкәндүлә нюриктәлдди булдакса, вача. Тадук дүла ичә, ахиңи гача, амаски мучухинча, геван дюдун әмәнчә. Нивәникән дүлави әмәчә, Кукәкивә аричә, тадук билчәл. Кукәки мова молавки, Нивәникән бәюктәвки иләңитыкин.

Кукәки умнә гунчә Нивәникәнтыки:

— Тала сома ая чалбан бихин,— гунчә,— сукә әхидун ая,— гунчә.

Ичәнәчәл.

— Тадемә ая,— гунчә Нивәникән, чиқадави дагамача, әргиски тыкчә тур әргидәтким. Турә әргиски хоктогочин тәнәку бичә, тали гәгдәк җәнәчә. Тар җәнәдәс, дюр ахаткар иймәвә тыхимәтчәчәл. Тарилва иймәвәтын гакса, дулиндулин дорбочо, дюриду бучә. Тариңилин тәринтыки җәнәхинчәл. Тадук часки сурүчә. Тар җәнәдерәкин, дюр омолоил куңакар лүкивә тыхимәтчәчәл. Тарилва илин боривәканча дулиндулин лүкивә тәринтыки, сурүчәл. Тадук нуңан атыркандула исча. Атыркан бәевә силүвәңчә, уләдәтывәңчә. Атыркан гунчә:

— Дыски-гу, җески-гу тырудас?

Бәе гуна:

— Кә, дыски-дә тырукта!

Вадигир мелча, ичәчә, джон дагадун укладырән. Бәе урунчә, джюлави эмәрән. Тадук нуңан Кукәки аранин эргиклән улчә бунинкан хоктолон мудан. Кукәки молакам, эмәкәм, арандуви тәгәксә, эргиски тыкчә. Тур эргидәткин туксахинчә, он-да амаски әртәтин туктырә. Тар җәнәдәнә, дюр коканма истан, дукиләвә тыхимәтчәриллә, тариңиләви дюривән варән. Часки җәнәрән, дюр ахаткарвар истан, нимәвә тыхимәтчәриллә. Тариңиләви нилә дюривән варән. Тадук часки сурурән. Атырканма истан. Атыркан силувканән, улдәтывикәнән. Асиянә.

— Иртыки, дыски-гу, җески-гу?

Кукәки гүнән:

— Җески-да,— гүнән Кукәки. Җәнән амаски әчән мучура. Әтәрән нимҗакан.

11. Нивәникән

Жили вместе Нивәникән и Кукәки. Кукәки носил дома дрова, чай кипятил, а Нивәникән с самого раннего утра уходил на охоту. Нивәникән был такой неутомимый охотник на дикого оленя, что они свою палатку укрепляли головами и ногами диких оленей.

Богатырь Нивәникән утром постоянно уходил на охоту, а Кукәки оставался дома. Однажды Кукәки, сидя у себя в чуме, услышал пение женщины:

— Когда богатырь Нивәникән ушел на охоту?

Кукәки им ответил:

— Давно, когда еще только начало светать.

Тут прилетели три женщины, они спросили у Кукәки:

— Твою голову не расчесать ли?

— Расчешите,— сказал Кукәки.

Женщины расчесали ему голову, а затем улетели.

Богатырь Нивәникән пришел с работы. Вечером за чаем посмотрел на голову Кукәки — очень красиво у Кукәки причесана голова. Спросил у Кукәки:

— Ты что такое делал, что твои волосы стали такими гладкими?

Кукәки сказал:

— Я их расчесывал древесной корой, так и получилось.

— Э-э,— сказал Нивәникән.

Рано утром Нивәникән опять пошел на охоту. Пришел вечером, убил несколько диких оленей. Голова у Кукәки опять очень красиво причесана. Опять прилетали и причесывали его женщины. Нивәникән удивляется. Пробовал причесываться корой, но от коры у него волосы никак

не ложатся. Утром Нивэникэн ушел на охоту, пришел вечером. Опять видит, что голова у Куэки красиво причесана. Удивился Нивэникэн и говорит Куэки:

— А ну, причесывай при мне свои волосы корой! Я причесывал — мои волосы никак не ложатся.

Стал Куэки причесываться, его волосы тоже не легли. Тут Нивэникэн говорит Куэки:

— Зачем меня обманывал? Рассказывай, кто тебя причесывал? Если не расскажешь, я тебя убью на этом месте!

Тут Куэки рассказал:

— Три дня как стали прилетать ко мне женщины. Прилетев, они причесывают меня и улетают. Завтра утром они опять прилетят.

Нивэникэн сказал:

— Ты забросай меня щепнем у чума. А сначала я пойду привяжу своего охотничьего оленя в тайгу.

Ушел, привязал и пришел.

— Если женщины будут спрашивать, когда же Нивэникэн ушел на охоту, ты скажи им: давно, едва только рассвело.

Куэки забросал Нивэникэна щепнем. В полдень послышалось пение женщин:

— Когда ушел на охоту богатырь Нивэникэн, скажи нам, Куэки!

Куэки ответил:

— Давно, едва появился первый свет.

Женщины спустились, вошли в чум. Нивэникэн поднялся, подкрался к чуму. Около чума стоят три пары крыльев. Одну пару серебряных крыльев Нивэникэн взял и спрятал. Спрятав, вошел в чум. Женщины вскочили и улетели, а одна женщина осталась. Нивэникэн взял эту женщину в жены.

Когда Нивэникэн уходил на охоту, то крылья своей жены оставлял хранить Куэки и говорил ему:

— Смотри, не отдавай крылья, а то убью тебя.

Когда Нивэникэн ушел на охоту, жена стала просить Куэки, чтобы он отдал ей крылья.

— И что бы такое тебе дать, чтобы ты отдал. Хочешь поесть сердца?

— Нет, уже ел сердце.

— Может «убду» поешь?

— «Убду» я тоже ел.

— Желудочка оленя поешь?

— Ел, не хочу.

— Ну, а «энгин» будешь есть?

— Это что за название «энгин»? — спросил Куэки.

— Ну, значит, ты не ел «энгин», дам тебе «энгин», — сказала женщина. Полный котел сварила «энгин».

— Готов для тебя «энгни», Кукаки, — сказала женщина, — неси мои крылья!

Кукаки отдал крылья. Взглянул в котел, а он полон оленьего желудка. «Обманула меня женщина», — подумал Кукаки.

Женщина улетела.

Пришел Нивэникэн.

— Куда ушла жена? — спросил Нивэникэн.

Кукаки говорит:

— Обманула меня твоя жена, сказала, что даст за крылья то, чего еще я не ел, а сварила желудочек. Я, не зная что такое «энгни», отдал ей крылья.

Тут Нивэникэн сильно рассердился, убил Кукаки, а сам ушел из дома.

Так шел и один домик увидел. Вошел в него. Сидящая на пороге старушка испугалась:

— Птичка «чив» не успела сказать, так неожиданно ты вошел.

Старушка напоила Нивэникэна чаем и спросила:

— Куда идешь?

— Я жену свою ищу, — сказал Нивэникэн, — не знаешь ли ты, бабушка?

— Нет, не знаю. Вот там дальше живет моя старшая сестра, она, наверное, знает, — сказала старуха.

Нивэникэн пошел. Дошел до другой старушки, спросил:

— Как, бабушка, мне жену свою найти?

Старуха сказала ему:

— Вот здесь живет закрывающий солнце коршун. Всех бегающих и летающих дальше этого места не пропускает, а за этим местом протекает река. На самом узком месте этой реки на обоих ее берегах прикованы к скалам железными цепями два медведя. Эти медведи из бегающих никого не пропускают. За тем местом еще есть очень большая скала. Скала эта совершенно гладкая. Если ты на нее залезешь, то увидишь на скале двух волков.

— Как же я пойду этим путем? — спросил Нивэникэн.

— А ты пойдешь этим путем так: коршуна минуешь, став горностаем. Как горностаем, ты под снегом пройдеши. Когда ты будешь идти мимо медведей, увидишь, что справа два диких оленя пасутся. Этих оленей убей, возьми их двумя руками и в разные стороны брось. Я тебе дам гребень, а ты, дойдя до скалы, брось его вверх, говоря при этом: стань лестницей! Тот гребень станет лестницей. Мимо волков пройдеши так: слева от дороги будут пастись две козы, ты убей их и брось в разные стороны.

Пошел богатырь Нивэникэн. Идет и видит: сидит очень большая птица и закрывает собой солнце.

— Пусть я горностаем стану! — сказал Нивэникэн.

Став горюстаем, Нивэникэн залез под снег и вышел дальше того места, где сидит коршун. Дальше пошел. Дошел до реки, вверх по течению пошел. Вместо хвороста на берегах этой речки лежат кости людей. Дошел до узкого места этой реки и увидел двух медведей, прикованных к скалам. Взглянул направо — два оленя пасутся. Подкрался к оленям и обоих убил, бросив в них палку. Взял этих оленей двумя руками и бросил их в разные стороны двум медведям, а сам в это время пробежал мимо них. Медведи же ловили брошенных им оленей и не заметили Нивэникэна. Нивэникэн пошел дальше. Дошел до очень высокой скалы. Никак не залезешь на эту скалу, такая гладкая. Подумал и вспомнил, что говорила ему старуха. Достал из кармана гребень и бросил его вверх, говоря: «Стань лестницей!» Гребень превратился в лестницу. Нивэникэн залез на скалу и дальше пошел. У дороги увидел двух привязанных волков. Остановился. Слева две козы пасутся. Убил коз, в разные стороны бросил. Волков миновал и дальше идет. На вершине одной горки увидел дом. Пошел к тому дому. Поднялся на вершину горки. В доме о его приходе узнали. Послышались слова:

— Иди сюда, богатырь Нивэникэн, померяемся силами!

Нивэникэн ответил:

— Ну, выходи сюда первым, кто естъ!

Из дома вышла женщина с очень длинными волосами. Нивэникэн прикрутил ее волосами к плечу и убил. Затем пошел в дом, взял жену и пошел к оставленному дому. Пришел Нивэникэн домой, оживил Кукэки и стали жить. Кукэки ходит за дровами, а Нивэникэн каждый день ходит на охоту.

Однажды Кукэки сказал Нивэникэну:

— Там очень хорошая береза есть, на рукоятку к топору хороша.

Пошли смотреть.

— Правда хорошая, — сказал Нивэникэн, подошел, чтобы срубить, и упал вниз под землю. Под землей как бы ровная дорога идет, по ней все время идет. Так шел и увидел: две девочки друг у друга отнимают иглу. Взял у них иглу, разломил пополам и обеим дал. Они в разные стороны разошлись. Затем дальше пошел. Так вот идя, видит: два мальчика друг у друга стрелу отнимают. Стрелу тоже разделил пополам на равные части, и они ушли. Затем он дошел до старушки. Старушка напоила его чаем, накормила мясом. Говорит:

— К горе или к берегу подушку положишь?

Человек ответил:

— Дай-ка, я к горе положу!

Рано проснулся, посмотрел — он у дома лежит. Чело-

век обрадовался, вошел в свой дом. Затем он под постелью Кукэки прокопал путь в мир мертвых. Кукэки, сходя за водой, пришел, сел на свою кровать и провалился вниз. Под землю побежал, назад никак не может вылезти. Так шел и дошел до двух мальчиков, отнимающих друг у друга стрелу, их обоих убил. Дальше пошел, дошел до двух девочек, отнимающих друг у друга иглу. Их тоже обоих убил. Затем дальше пошел. Дошел до старушки. Старушка напоила его чаем, накормила мясом. Стали ложиться спать.

— Куда, к горе или к берегу?

— К берегу, — сказал Кукэки.

Обратно не пришел.

Сказка кончилась.

12. Аңадиякан-да дылача

Умун бәеткәи-аңадиякан авалдычан баясалду. Нуңан эмукин иямади коңналдук зародва одячан. Тырганива авалдан эделикәини бутора. Умуе коңна сулапчалан, дылачанин дыкидан.

Нуңан дылачатни гундерән: «Алатмәлакәл, умун коңна сулапча. Эскини-нун дылача тыкчәлән бутора, тәли минду баясал дептәв будирәтин. Эдәлән бутора тыктәнис, минду баясал әтәрә бурә».

Дылача-нун тыктән, әдәлән бутора. Нуңан тыкулдән дылачаң. Нәкусинән. Нәнурәкин, баясал дептылән әси бурә. Мунәмивә үлдәмивә бурә.

Нуңан мунәми үлдәмивә давдачән дептәни.

Тыми-нун авалинасинән. Авалдывки, ороково бутотчавки. Горомомово авалдыракин, нуңандун баясал муричканимә бурә. Нуңан муричканимә әңкәусинән. Әңкәутталән муричканимә, нуңанман волкал дептә.

Нян авалдыми-нун авалдыран баясалду. Умиәкән баясал гуңә:

— Бугәт нуңандун картошкая балдыгадан!

Омәлгичән картошкая балдыгаран, мәнзәкән ороково кадудяңкин.

Нуңан кадудалан ороково, со тыгдәкәкун тыгдәлдән, бәнадяна. Нуңан картошкая уәй оран.

Нуңан тыгдәнә тыкулдән. Баясалдула сурусинән-да гулдән:

— Дептәв букалду.

Баясал гуңә:

— Синду буркәвун муричканимә.

Нуңан гуңән:

— Муричканимән волкал-бәйчәр депчәл.

Баясал гулдә:

— Бу әсивун әя-вал сарә. Синду муричканимә бисин.

Нуңан тыкулдан, гунденэ:

— Би сунду авалдым, букэлду дептэв.

Баясал гунэ:

— Синду буркэвун картошканъяс.

— Картошканмав бона буркичэн.

Нуңартын гунэ:

— Бу этэрэв экуна-вал бура.

Бэеткэн сомамат тыкулдэн, они-вал адэрэн кэтми. Нуңан гуичэлэн: «Би дарэ Һэнәделим дылачала. Эми Һэнәро, они-вал әмәлдәв нини». Бэеткэн суручэн дылачатки. Һэнәденә, Һэнәденә, истан дылачавә. Дылача нуңандукин сурактачан:

— Си-кә әмәденды әлә? Экун-ка синду кәрәгичи? Окин си әмәнды? Эрдәт би синзәв ичәм.

Бэеткэн гунән, соңодёно:

— Би сомат дёгодёксо баясалду, синдулә әмәм. Си они кәдиңс минзәв?

Дылача гулдән:

— Муланёк си бэеткән бисинды! Они-вал би синду әдиңзәв бәләрә.

Бэеткән гунән:

— Иртыкимәт-вал би синдух әтәм сурура. Будәләви синду бидәлим.

Дылача гулдән:

— Муланёк си бэеткән бисинды. Они-вал би синду әдиңзәв кәрә. Он-да кәдем. Видекәл минду. Әмәнды-дәк минду бәләмни бидзәви.

Бэеткән гунән:

— Кә, би бәләчиктә. Би сот демулим.

Дылача гунән:

— Тәгәми-нуи тыматнә, ирувукәнду тәгәкәл, октолив сурукал. Һәнәдиңзәс, Һәнәдиңзәс, исчиңзәс. Таду упкат дептыләл бәләткәвчәл бидиңзәтын. Си тарилва дәдиңзәс, тыгәлвә силкимнен. Няи сурудиңзәс. Исчиңзәс. Таду-да дептыләл ириңчәл бидиңзәтын, си тар-да депчиңзәс, тыгәлвә силкимнен. Һәнәденә, Һәнәденә, няи исчиңзәс. Дептыләл бәләткәчәл бидәдиңзәтын. Си депчиңзәс, тыгәлвә силкимнен, миндулә мучудиңзәс. Әсилә би сурудиңзәв. Си дюдү-вал әмәнмудиңзәс.

Бэеткән ирувунду сурурән. Һәнәденә, Һәнәденә, истан дептыләкәкурә бәләткәчәл. Нуңан дептыләкәкурә депилдән. Дәптән, тыгәлвәтын тыпарән, сот нодуран, силкира әсин, сурусиянә часки.

Һәнәденә, Һәнәденә, таду тургалдыран коңномококун муричи бәә әмәдериңнә. Нуңан бәәвә гадан, тәпукәкуттән, муриңман варән, инисчәдериң суларән. Часки сурурән.

Һәнәденә, Һәнәденә, истан. Дептыләкәкур бәләткәчәл. Нуңан дептыләкәкурә гадан, тыгәлвәтын тыпарән, усәгәттән, силкирә әсин, мәңзкән сурурән часки.

Һәнәденә, Һәнәденә, тургалдыран улама муричи бәәвә.

Тари бөөвэ гаран, тэпукэкуттэн, муринам варэн, мэнэкен
инисчэдэрит суларэн. Часки сурурэн.

Үнэдэнэ, үнэдэнэ истан, дептылэнэкур бэлэткэвчэл би-
дерилээ. Дептылэнэкурээ гадан, дөнтэн, тыгэлээ тыпарэн,
силкиран эсин, часки сурурэн.

Үнэдэнэ, үнэдэнэ, истан дылачаа.

Дылача суларэн:

— Кэ, аялди гиркунды? Аят депинды? Аят силкинды
тыгэлээ? Дялби тургалдыдиды?

Вэсткэн гулдэн:

— Аят гиркучан.

Дылача гунэн:

— Аят-нуи гиркуча бисинды, тыматнэ би сурунэм.

Вэсткэн гунэн:

— Сурудэви.

Дылача урундэнэ, вэсткэнтэки гунэн:

— Эсилэ би бөлэмничи очав. Эсилэ си минду бөлөдицэс,
тыгэлээ силкиндицэс.

Вэсткэн гунэн:

— Силкиндицэв, үнэдэви.

Эртэмээ тэгэксэ, дылача ирувунду тэгэрэн, мэнэкен
сурурэн. Үнэдэнэ, үнэдэнэ, истан, дептылэлдулави. Деп-
тылээ эчин бэлэнэ, тыгэлин тыпавчал, усэгэнивчэл. Дылача
тыкулдэн, деммукин сулаптан. Мэнэкен тыгэли силкиран,
часки сурурэн.

Үнэдэнэ, үнэдэнэ, ичэлдэн: «Эрэкэ минци дөв уклэдэрэн
бумэчэ, муринаи вавча».

Дылача нуңандулан үнэрэн, суракталдан:

— Кэ, синэвэ үи тэпурэн? Үи-ка муринамас варэн?

Вэе гулдэн:

— Минэвэ тэпурэн, муринамас эрэгэр варэн синци бөлэмнис.

Дылача тыкулдэн бөлэмнини, гулдэн:

— Депивураи бөлэмниэ усэгэтчэ. Или дүлэски үнэделим.

Исчицав депивураи, оии-ка бидицэтыи.

Дылача сурурэн, эмэниксэ деви. Үнэдэнэ, үнэдэнэ, истан,
дептылэви увэй. Тыгэлин усэгэнивчэл. Дылача тыкулдэн.
Тыгэли силкилдэн. Мэнэкен деммукин бисин. Тыгэли сил-
кикса, часки сурурэн.

Үнэдэнэ, үнэдэнэ, ичэрэн: «Таре-ка минци дөв уклэдэрэн
бумэчэ, муринаи вавча».

Дылача үнэрэн нуңандулан суракталдан:

— Кэ, үи-ка синэвэ тэпурэн? Үи-ка синци муринамас варэн?

Вэе гулдэн:

— Минэвэ тэпурэн, муринамас варэн синци бөлэмнис.

Дылача бөлэмнини тыкулдэн, часки сурурэн.

Үнэдэнэ, үнэдэнэ дептылэви истан. Дептылээ увэй,
тыгэл усэгэнивчэл, тыпавчал бидера. Нуңан деммукин сулап-
тан. Силкирэн тыгэли, часки сурурэн, мэндуви гунчаденэ:

«Би нуңантыккн гундеркэв, тыгэллэв снлжидан, эчэн снлжирэ, миннэв деммукинди суларэн».

Мандуви тыкулденэ, хэнэдэрэн. Истан бөлэмниви, бөст-кэнткнви гулдэн.

— Дентылэст бисин? Би демумлим, деммукин суланым. Эсилэ-кэ эдави си дялви вачас? Эсилэ-кэ эдави си тыгэлви эчэс снлжирэ?

Бөсткэн гулдэн:

— Тэдели би дялвас тэпум.

Дылача гунэн:

— Ка, эл-ка си вачас?

— Би тэдели нуңарватн тэпум. Коңномоду муринду угуча-ривэ би бурулин тэпум. Би баясалду, дёгодёно, авалдыракнв, баясал минду муринчиканнэ бурэ. Тари муринчиканнэ нуңан депчэн. Тэли би эситкэн нуңанман тэпум, муринман нам.

Дылача гулдэн:

— Ка, эл-ка улама муринду тэгэтчэривэ вачас?

Бөсткэн гулдэн:

— Нуңанман тэдели тэпум. Нуңан бурулин тэпум. Умнэ-кэн би, дёгодёно, авалдыракнв, баясал минду уликэн кар-тошкая бурэ балдыгадав. Би балдыгаракив, нуңан буркичэн. Би тэли нуңанман тэпум, муринман нам.

Дылача гулдэн:

— Тэдели нуңарватн тэпучэс. Тэли эдиңэв би эл-да гуна. Ка, эда си тыгэллэв эчэс снлжирэ?

Бөсткэн гунэн:

— Вурулис тыгэллэс эчэв снлжирэ.

Дылача гунэн:

— Эл-ка би синду усап очав?

Бөсткэн гунэн:

— Си-дэ буручи бисинды. Би авалдыракнв, си эчэс алатта, умун кошна сулаптакин. Тэли би деммукин сулапча бичэв. Тэли би синнэв сулапим деммукинди.

Дылача гунэн:

— Тэдели суланды. Эсилэ си миннун бидекэл, бөлэмнив окса.

Эсилэ тыкин аңадякан-бөсткэн дылачаду бидерэн аятку-мамат.

Дылача нуңандун эниниклэн очав.

Упкат.

12. Сиротка и солнце

Один мальчик-сирота работал у богачей. Он один из ста копен стог сена вершил. День работал, но не успел кончить. Когда осталась одна копия, солнце закатилось.

Говорит он солнцу:

— Пожалуйста, подожди, одна копия осталась. Если я до заката солнца кончу, тогда богатые дадут мне пищу. Если же не кончу до твоего захода, не дадут мне ее богачи.

А солнце закатилось до того, как он кончил.

Рассердился он на солнце. Стал возвращаться. Когда возвратился, богачи не дали ему хорошей еды. Дали ему протухшее мясо. Но не мог он есть испорченное мясо.

Назавтра пошел на работу. Работает, убирать сено заканчивает. Долго работал так, дали ему богатые жеребенка. Пустил он пастись жеребенка. А того жеребенка съели волки.

Снова работает и работает на богачей.

Однажды сказали богатые:

— Дадим ему картошку сажать.

Мальчик посадил картошку и стал косить сено. Пока он косил сено, полил ливень с градом, уничтожил картошку его.

Рассердился он на дождь.

Отправился к богачам и стал говорить:

— Дайте мне есть.

Сказали богачи:

— Мы дали тебе жеребенка.

Он сказал:

— Жеребенка моего волки съели.

Сказали богатые:

— Ничего мы не знаем. Есть у тебя жеребенок.

Начал он сердиться:

— Я работаю на вас, дайте мне пищу.

Богатые сказали:

— Мы дали тебе картошку.

— Картошку мою град уничтожил.

Они сказали:

— Не дадим мы ничего.

Очень рассердился мальчик. Ничего не хочет делать. Стал он говорить:

— Лучше я к Солнцу пойду. Если не пойду, то никак не смогу прожить.

Мальчик пошел к Солнцу. Шел, шел и дошел до Солнца. Спросило его Солнце:

— Зачем ты пришел сюда? Что тебе нужно? Когда ты пришел? Я впервые только теперь вижу тебя.

Отвечал мальчик, плача:

— Очень измучившись у богачей, я пришел к тебе. Что ты сделаешь для меня?

Стало говорить Солнце:

— Несчастный ты мальчик! Никак я помочь тебе не смогу.

Мальчик сказал:

— Никуда я от тебя не уйду. До смерти своей я буду у тебя.

Стало Солнце говорить:

— Несчастный ты мальчик! Ну что я могу для тебя сделать? Как же устрою? Будь у меня. Раз пришел, так будь моим помощником.

Мальчик сказал:

— Ну, стану помогать. Я очень голоден.

Солнце сказала:

— Как встанешь поутру ты завтра, в тележку садись, поезжай по пути моему. Поедешь, поедешь — доедешь. Там все яства будут приготовлены. Ты их поешь, да и посуду вымоешь. Опять поедешь. Доедешь, и там яства вареные будут, ты там тоже поешь, помоешь посуду, опять поедешь. Поедешь, поедешь, опять доедешь. Яства будут приготовлены. Ты поешь, посуду помоешь, ко мне возвратишься. Теперь я поеду. Ты дома пока останешься.

Поехал мальчик в тележке. Ехал, ехал и добрался до приготовленных яств. Стал он есть яства. Поел. Посуду запачкал, всю разбросал, не помыл, поехал дальше.

Ехал, ехал, встретил человека на вороном коне. Человека сильно избил, коня его убил, самого чуть живого оставил. Поехал дальше.

Ехал, ехал, доехал. Яств множество приготовлено. Взял он еду, поел, посуду запачкал, разбросал ее, не помыл. Дальше поехал.

Ехал, ехал, встретил человека на красном коне. Того человека сильно избил, коня его убил, самого чуть живого оставил. Поехал дальше.

Ехал, ехал, доехал до множества приготовленной еды. Яства взял, поел, посуду запачкал, разбросал, не помыл, поехал дальше.

Ехал, ехал, Солнца достиг.

Спросило Солнце:

— Ну, хорошо ли путь совершил? Хорошо ли поел? Хорошо ли посуду помыл? Встретился ли с моими друзьями? Стал говорить мальчик:

— Хорошо путь совершил.

Солнце сказала:

— Ну, раз ты благополучно съездил, я поутру поеду.

Мальчик сказал:

— Поезжай.

С радостью обратилось Солнце к мальчику:

— Теперь у меня есть помощник. Теперь ты будешь мне помогать, будешь мыть посуду!

— Буду мыть. Отправляйся.

Встав утром рано, Солнце село в тележку, само поехало.

Ехало, ехало, достигло яств. Пища не приготовлена, по-

суда запачкана, лежит разбросанная. Рассердилось Солнце. Осталось голодное. Само посуду помыло, дальше поехало.

Едет, едет и видит: друг его лежит умирающий, а конь убит.

Подъехало Солнце к нему, обращается:

— Ну, кто тебя побил? Кто убил коня твоего?

Стал говорить человек:

— Побил меня, а коня насмерть убил помощник твой.

Рассердилось Солнце на помощника своего. Сказало:

— Яства мои помощник мой разбросал, поеду вперед, доеду до яств своих, каковы они будут?

Отправилось Солнце, оставило друга.

Ехало, ехало, доехало. Нет пищи. Посуда разбросана. Рассердилось Солнце. Стало мыть посуду. Само голодное. Помыло посуду, поехало дальше.

Едет, едет и видит: друг его лежит умирающий, а конь убит.

Подъехало Солнце к нему, обращается:

— Ну, кто побил тебя? Кто убил коня твоего?

Стал говорить человек:

— Побил меня, а коня на смерть убил помощник твой.

Рассердилось Солнце на помощника своего.

Дальше поехало.

Ехало, ехало, достигло яств своих. Пищи нет. Посуда разбросана, выпачкана. Осталось оно голодным. Вымыло посуду, дальше отправилось, само про себя думает: «Говорило ему, чтобы помыл посуду, а он не помыл, оставил меня голодным».

Сердится про себя, едет. Доехало до своего помощника и обращается к пареньку:

— Есть ли еда? Я голодным осталось. Теперь скажи, почему же ты моих близких бьешь? Теперь скажи, почему же ты посуду не помыл?

Стал мальчик говорить:

— За правду я близких твоих побил.

Солнце сказало:

— Так за что же ты побил?

— За правду я побил их; за вину побил всадника на вероном коне. Когда работал я и мучился у богачей, дали мне богатые жеребенка. Того жеребенка съел он. Поэтому я его теперь избил, коня его убил.

Стало говорить Солнце:

— Ну, а за что ты побил всадника на красном коне?

Мальчик стал говорить:

— Его за правду я побил, за вину его побил. Однажды, когда я, мучаясь, работал у богачей, богатые дали мне немного картошки посадить. Когда я сажал, он ее уничтожил. За это я его побил, а коня прикончил.

Стало Солнце говорить:

— Справедливо ты побил их, поэтому ничего не скажу. Ну, а мою посуду почему ты не мыл?

Мальчик ответил:

— За вину твою я посуду не мыл.

Солнце сказало:

— Что же я плохого сделало тебе?

Мальчик сказал:

— И ты тоже вину имеешь. Когда я работал, ты не хотело обождать, а у меня одна копка оставалась. Тогда я остался голодным. Поэтому и я оставил тебя голодным.

Солнце сказало:

— Справедливо оставил. Теперь живи ты со мной, раз стал моим помощником.

Теперь сиротка-мальчик у Солнца очень хорошо живет.

Солнце ему вместо матери стало.

Все.

13. Аңадьякан-да бега

Умун орочен уринчедечен. Утэлин кэте бичэтын. Умун аңадьякан утан бидечен нуңандун, тар эние увэй бичен. Хатадыкин тар аңадьяканмэ сот лэгидечэтын, дептэн эңкитын бурэ. Нуңан ороровотын этэетчэчен, моладечен.

Умнэ долбо нуңандун гунчэтын:

— Бега нэридевки. Оророво тас надо, волкал депчицэтын ороровот.

Нуңан соңодёно урэлтыки суручэн. Нэиэчэн, нэиэчэн урэкэчэмэ туктычэн. Бегава ичэтчэнэ, соңодёрон. Ичэтчэвки-нуң бега горо бидеривэн. Такэнду тэгэксэ, коколдолви ге чалэдуви даяучадяна, гороово туги тэгэтчэчен. Ичэтчэвки бега дагамадьяригачинимэн. Бегадун совсем дага оран. Аңадьякан-да ичэтчэвки, ичэтчэвки. Эсилэ бега нуңандулан сот дагамадяна, гулдэн:

— Эдави соңодёнды?

— Минэ сот валадерэ. Минду увэй амина-вал, минду увэй эиниэ-вал. Минду со усакакун дептылэвэ бувкил, усамия тэтыгэе.

Бега нуңантыки гунчэ:

— Эсилэ би синэвэ гадилим. Тыкин минду бидицэс. Намсодьярактын-нуң синэвэ, эдэс дёгодёро.

Нуңанман бега гачан.

Гэлэктэлчэтын аңадьяканмэ. Шабаш — увэй оран. Упкат дялдадявкил: «Илэ-кэ нуңан мисоран». Увэй-да увэй аңадьяканмэ.

Умнэ долбо тар баян ороченду бега эмэрен. Нуңандулан эмэксэ, гунилдэн:

— Насмодяракис бѣеткэимэ амина увэйвэ, эиннэ увэйвэ, эрут одячас. Муландяна тар бѣеткэимэ, нуңанман мэндунгам. Эсилэ нуңан окмат-та минду бидиңэн. Тыкин нуңан упкат тэгэлвэ ичэтчиңэн, си-дэ нуңанман ичэтчиңэс. Нуңан илитчана, коколдолви давучадяран. Си амина увэйду, эиннэ увэйду усаа одяңкис, тарит дярин эсилэ си усат бидиңэс. Тэдемакун тар орочен эрут биделдэн. Оровсон волкал депчэтын, утэлин буркиледенэл, будечэтын.

Нуңан самандула ңэнэчэн, тарду аңчивкачан, нимңадячан. Саман нуңантыкин гуңэн:

— Би эл-да эңнэм кэрэ, эңнэм сиңду бэлэрэ, си мэнэкэн буру бисинды. Насмадякливи аңадяканмэ, бегадук уса оча сиңду. Ңэнэкэл борердула, ламала, лама аңчигин. Эсилэ саман-да, лама-да ороченду эчэл бэлэрэ.

Аңадякан бегаду эсилэ со аят бидевки. Буга мудан одалан, аңадякан бегаду бидедиңэн. Эситкэн упкат тэгэл тар аңадяканмэ бегаду ичэтчэвкил. Тар бегаду ичэвдерэн. Нуңан бега бэлэмнин. Би-да нуңанман ичэтчэм.

Упкат.

13. Сиротка и Месяц

Стоял один орочен стойбищем, было у него много детей. Держал он сиротку. Этого сиротку очень ругали и порой ему не давали есть. Он ухаживал за оленями, рубил дрова.

Однажды ночью говорят ему:

— Ведь Месяц светит, оленей надо пасти, волки оленей задавят.

Ушел сиротка с плачем к горам. Шел, шел, на сопку забрался. Глядит на Месяц и плачет. А Месяц далеко-далеко. Сел на колодину, взял в одну руку рукавицы и так долго сидел. Смотрит — будто Месяц приближается. Совсем близко стало до Месяца. А сиротка смотрит и смотрит. Вот Месяц подошел к нему и говорит:

— Почему ты плачешь?

— Меня очень обижают. Нет-то у меня матери, нет и отца. Дают мне плохую одежду и очень плохую еду.

Месяц говорит ему:

— Так я возьму тебя. Будешь жить у меня. Теперь уже не будут тебя обижать, не будешь маяться.

Взял его Месяц.

Ищут сиротку. Шабаш — нет. Все думают: «Куда же он подевался». Нет и нет сиротинки.

Однажды ночью к этому богатому оленеводу Месяц пришел. Пришел к нему и говорит:

— Это ты обижал мальчика, у которого не было ни отца,

ни матери. Плохо ты делал. Я пожалел того мальчика и взял его к себе. Он будет вечно жить у меня. Теперь он увидит все народы, и ты сам его увидишь. Он стоит и держит свои рукавицы. За то, что ты обижал сиротку, будешь теперь плохо жить.

Действительно, тот орочен стал совсем плохо жить. Олений его волки поели, а дети его болели и умирали.

Пошел он к шаману лечиться.

Говорит ему шаман:

— Ничего я не могу сделать, не могу тебе помочь, сам ты виноват. Ты обижал сиротку, теперь все плохое от Месяца идет. Иди ты к бурятам, к лама, пусть лама лечит. Но и лама не помог орочену.

Теперь сиротка у Месяца очень хорошо живет. Пока не настанет миру конец, до тех пор будет жить сиротка на Мesiце. Все народы этого сиротку на Мesiце видят. Виднеется он на Мesiце. Помощник он Мesiца. И я его вижу.

Все.

14. Гуш

Эниркахан чивкаканиюн гуматте умуканду бидавэр. Улэ-кэрэ умдэкигканимэ колобоё навунае. Улэкэкшэ, колобово джувулдэ, адавэр туэ дошотодёно тавдерэ колобово. Дялувукшэ умдэкигканимэ, ноартын гуматте, адавэр дептэ колобово, адеддын еманара.

— Эмэдави, элэкэшингы еманда еманалдакин, — эниркахан гунам чивкаканду.

Чивкакан дэилдэн. Эниркахан уктылдэн. Чивкакан амардун эниркахан унтуэ умдэкигканимэ улэкалдэн. Улэкэкшэ, джувулдэн колобово гедук умдэкигкандук. Дювукшэ упкатва, эниркахан этэчэн юдеми умдэкигкандук, депчэнэ колобово. Далдуви мулидечан: «Мииду элэкшидиңан колобово. Туэнивэ депчиңав, эдиңав эмиштэ.

Еманда еманалдан. Чивкакан эмэрэн умдэкигкандула. Угдушикша килгула умдэкигкандула, ичэрэн — колобоё-вол, эниркаханиё-вал ачин. Соңолдон чивкакан, валаденэ эниркаханимэ. Ноан дэилдэн лучал колоболтын бидякилдулатын. Киричива депикшэ, доран куре модун. Киричива дочамалакшэ, ичэчэн уктыдеривэ эниркаханимэ. Кэ, дёникша дёромодёкша, чивкакан чоңкиран эниркахан эшаван, чокоты окнания. Укчулчатын. Эниркахан судла чивкакандули дукулдан. Киричива бидекшэ, ноарватын дюкшэвэ судла эмэв-канэ.

Суд дылэ кэвэрду бичан. Тар кэвэрду кэте дэил, бэйцэл урунчэл бичатын. Ноардуктын наяшал бичатын: дэилдук

эгдыгутын гуш, бейнэлдук — лев. Гуш чивкаканду дысутчэрэн. Лев эниркачанду дышутчэрэн. Укчулилдэ. Тыкуликшэ, бэюн тэпурэн гушэ, лэпэрэли этэхэникинэнтын. Ҳалэликшэ, дэил дэилдэ, бэюр уктылдэ. Кэвэрду гуш шулаптан. Лэпэрэе ачин дүштэн дэилитми.

Тали-да деревняду бидечан, индечан бэе ашинан. Ашин шорка бичан, эрэвэр бэевэ валадеңкин. Умнакан аши тар, бэевэ валакшэ, уңчан, бэюматтан. Бэе бэюмаштэн, тар кэвэрла, шуд бидяклан, эмэчан. Ичэчан гушэ лэпэрэе ачин, пэктыравунми нэригүрэн, чокончилдан. Пэктыравун динэн. Гуш, динэвэн долдыкша, гүнэн:

— Экэл бэе минэ вара, би шинду гадициңав. Экшэкэл минэвэ мардула, уликэл лэпэрэлби балдыдалатын.

Бэе этэрэн пэктырудеми. Гадан гушэ, экшэрэн мардула. Ишивукша, ашин валалдэн:

— Эдан эмэвча бишинды гушэ? Колобоёвун депчиңан, мануцилдиңан! Бу манэкар эмишчирэ колоболди!

Горова-ву, давава-ву валадечан, этэрэн валадеми. Умукаймэ анңанива гуш бичан нсардутын. Лэпэрэли балдылда. Гэва анңанива бикшэ, гуш гүнэн бэетки:

— Тыкэл минэвэ тулишки, дэиктэмэлэдав. Ая бими, эмэдиңав.

Бэе тынэн. Гуш дэилдэн. Аши-да нян бэевэ валалдэн:

— Эдан гушэ тыча бисинды? Аюкши бичан!

Луңур гуш мучуран, гүнэн бэетки:

— Ата, нян умуканмэ анңанива минэвэ уликэл, талимак ая одиңан.

Нян бидештэн гуш бэеду. Нимңакалми, талие улгучандиңан. Аналим, эдиңан амакан этэрэ. Иланма анңаниа гуш бэеду бидечан. Илиду анңаниду гүнэн:

— Эшилэ би аялча бишим. Тыкэл минэвэ! Би тавар кэвэрла дэилдиңав, иду ши минэвэ ганды. Ши колобово, катаикша, эмадани тар кэвэрла.

Кэ, бэе тынэн гушэ. Катаикша колобово, манакан шурурэн тар кэвэрла. Ичэчан гушэ, дочадярива. Бэе эмэрэн, гуш гүнэн нсантыкин:

— Уккэл минэвэ, миты дэилдиңат!

Бэе угран. Дэилдэ. Горова-ву, давава-ву дэилдечатын, уңтуду кэвэрду дора. Докша, гуш гүнэн бэетки:

— Ҳэнэкэл городла. Городту мургукит бишин. Тала илэл мургудерэ амиканду. Ши-дэ мургукэл. Мургукшэ, юдави мургукиттук, тэдави уркэ даякадун. Этэрэктын мургудеми, илэл юлдиңатын. Мургукиттук гудей аши юдиңан, тар минңи экинми. Нван анңулдиңан минэвэ, тамана будиңан. Ши ашаканмэ галадави.

Бэе шурурэн городла. Мургукитла ичан. Ичэчан кэтэвэ илэл мургудерилэвэ. Бэе мургумэлэкшэ, ючан. Уркэ даякадун

тээрэн, алачилдэн. Тадук мургукиттук гудей аши ючан. Тэтмелин алтамал. Аши илэлдук анцулдан:

— Эчашун долчитта минцивэ нэкунмэв? Мардук шурудяк-тукни илан анцанил очал.

Упкаткар илэл шимуладерэ. Аши-да нян анцулдяран. Иливакин анцулдакин, тар бэе гунэн:

— Ичэтчав ноанман. Минду бидерэн.

— Эмэвакэл ноанман. Би шинду тамадиңав. Эя галаденды ноандулин.

— Букэл минду авшави, шинциду окошкодуш бидеривэ.

Звучинэн аши авшави, барэн будеми. Бэе гушла, кэвэрду бидерила, мучуран. Гунэн гуштыки, бадечан. Тали гуш нян бэевэ увивканэн шэгдэниэдуйн. Дэйлдэ чашки. Горово-ву, давава-ву дэгдекшэ, нян дора кэвэрду. Тематнэ унэкир гуш бэевэ ундэн мургукитла, мургунаштан.

Бэе шурурэн мургукитла. Ишилдакин, илэл юлдэ. Аши-да гудей юрэн. Анцулдан гушвэ:

— Эчашун-му ичэттэ? Давлавундуви даяларэ, нимцакар-дуви нимцакарэ гушвэ, минцивэ нэкунмэв?

Иливакин анцулдакин, бэе гунэн:

— Давлавурду давлачав, нимцакарду намцакачав. Кэрэнчи бишикин, эрдэт эмэвдиңав.

Эя галаденды ноандулин?

— Букэл минду авшава, шинциду окошкодуш бидеривэ.

— Иланма анцанил эчав нэкунми ичэттэ, таравэ авшава эдиңав бурэ.

Бэе мучуран гушла, улгучанэн упкатва. Нян увивканэн гуш бэевэ шэгдэниэдуйн, дэйлдэ чашки. Горово-ву, давава-ву дэйликишэ, нян кэвэрду дора. Анцитта. Тематнэ унэкир бэе тээрэн, мургунаштан. Мургумэлэкишэ, мургукиттук юрэн, алачилдэн. Гудей аши юлдэн, анцулдан гушвэ. Илива-кин анцулдакин, бэе гунэн:

— Нэкунмэш ичэтчав. Кэрэнчи бишикин, эрдэт эмэвдиңав!

— Эя галаденды ноандулин?

— Букэл минду авшава, шинциду окошкодуш бидеривэ.

— Кэ, гакал, эмэвакэл-нун нэкунмэв.

Тали бэе мучуран гушла, гунэн авшава будиңан. Нян бэе гушту угдан дэйлдэ. Дэгдекшэ, бэе ичэчан эргински гу-лэл бидерилвэ. Бэе гушнюн дора. Дорактын, гуш этэчан ичэвдеми, ачин оран. Бэе ичэрэн, гулэ дагадун илитчаран. Илитмалакишэ, уркэвэ иирэн, ирэн долан. Тала ноанман алат-чэрэ. Нелипкатчэрэ. Ноанман авканэ, тэтысеен тэтывканэ тадук тэвкэнэ, дептэн. Эр бэе депчан, умчан, шокточон тадук дялдуви мулидечан: «Адылдава би эду бишим?» Умнат гедук уржадук унту бэе ючан. Тэтмелин дякал. Анцулдан ноанман:

— Адылдава эду гоштинды?

— Илалдава эду бишим,— бэе гунэн.

Инекшэ, тар джэ бэе гунэн:

— Минэвэ такчэндэ? Би бишим гуш. Ши минду бишинды иланма аңанил. Гукэл, ҳонушмуденды-ву, э-ву?

— Ҳонушмудем,— бэе гунэн.

Тали гуш авшаканмэ атаптыва ганаштаи. Эмэвдэн тар авшаканмэ, аңуран:

— Он бишин авшакан?

— Эре авшакан экун бидиңэн?— бэе гунэн.

— Моңон бишинды! Эри авша шот тамура. Ювэт тулишки!

Тулишки юрэ. Гуш нирэн авшаканмэ, авшакандук гулэ оран. Гулэла ирэ. Гуш умуканмэ шэлэкан тырэрэн, дюр ашаткар юрэ. Аңулда:

— Эва кэрэнчи шунду?

— Деппылэе эматанэе эмэвкэлду,— гуш гунэн.

Ашаткар оштолава эмэвдэ, оштолду эматанэе деппылэе нарэ. Деппөлэкшэ, ашаткар наштолавык джуре. Тали гуш гева шэлэканмэ тырэрэн, нян дюр ашаткар юрэ, аңура:

— Эва кэрэнчи шунду?

— Эмэвкэлду накраватьевунмэ ая!

Ашаткар накраватьетын эмэвчал, гиркэвурэтын лэпэрэлдук. Босл аштэ. Киричнэ амалакшэ, тээрэ. Ашаткар гиркэвурэтын джуре. Гуш бэевэ аңуран:

— Он бишин эре авшакан?

— Шо ая,— бэе гунэн.

— Кэ, тун гулэвэ эрэвэ наттали авшакандула!— Гунэн гуш тадук ичэвканэн, он надавэр.

Бэе манэкан гулэвэ авшакандула нарэн тадук ҳонуштэн. Тырганива нэвэчан. Луңур авшава нирэн, деппөлэкшэ, аштэн. Темтиэ тээкшэ, чайтыран, нян гулэвэ авшаканду нарэн, шурурэн. Тырга дулиндун чайтылдан, никшэ авшаканмэ. Тадук тулишки юрэн, омңочон, он надави гулэвэ авшала. Тэвчан уркэ дйпкадун, мэргэлдэн. Тали эма вал этыркан шагды эмэчан, гунэн:

— Эва мэргаденды, бэе?

— Омңочов, он гулэвэ авшала надави,— гунэн бэе.

— Эва будиңаш, би нарекиз?

— Эва гадиңаш?

— Шинэ ачиндуш аши эя-вал очан, таравэ минду будани!

Бэе мулирэн: «Эва ашив одиңан минэвэ ачиндув?» тадук гунэн:

— Кэ, гакал!

Этыркан нарэн гулэвэ авшаканду. Тали бэе мардула шурурэн. Ишикшэ, ичэрэн утэви. Ноан ачиндун балдыран, эгды оран. Тали бэе тылдан, эва тавар этыркан галадечан. Кэ, бэе нирэн авшаканмэ, ирэ ашинан. Тадук бэеткан-да ирэн. Чайтыра, дептэ, аңишта. Бэе улгучалдан гиркудякан тадук гунэн:

— Утэви эмаду-вэл этырканду бучав гулэвэ авшаканду надякли.

Аши эчан эматые-вэл гунэ. Тематнэ тээрэ, чайтыра. Тадук бэе эмас-вэл уламава цинакинма ичэрэн. Тылдэн, утэли ичэрэн. Уңилдэн утэви. Утэн шурурэн цинакин амардун. Долбония цинакин бэеткан джолэдун уктыдечан. Тергалдакин, цинакин ачин оран. Дылача юча. Аят тергача. Бэеткан амутвэ ичэрэн. Амут дулиндун илан гавил тысактадечатын, дюр умуканду, или дарила. Бэеткан ичэча, амут дяхкадун тэтыелтын бидерэ, дюр умуканду, или дарила. Бэеткан умуканмэ тэтыелтын гачан.

Гавил мудук юрэ. Джокшэ тэттэ тэтыелвэ, или шоңолдон, аңуулдан:

— Ёи гадан тэтыелвэ, букэл амашки, би гагидицав.

Бэеткан бурэн тэтыелэн. Тар гав тэтыкшэ, гунан:

— Миндула эмадицаш, ичэдицаш умуканмэ гулэвэ чагилканду, тала гулэкандула идицаш,

Бэеткан тыргания тээтчечан амут дяхкадун. Луңур иян цинакин эмэчан, элгэрэн бэетканмэ чашки. Долбонива ноан цэнэчан цинакин амардун. Тематнэ тергалдакин, цинакин ачин оран. Джолэдун гулэл ичэвдечатын. Ишилдакин гулэлвэ, ичэчан тар гав гундерицэн гулэвэ. Ноан ичан тар гулэла. Икшэ, ичэрэн ашатканмэ. Ноан умивканэн чайвэ тадук уңдэн амакалани. Ёнэденэ бэеткан ичэча илитчарилва гидалва. Дян умуканду гидал илэл дылалтын локучадара, умукан гига иилгу. Бэеткан мулилден: «Тар иилгу гига минду шулапичадаран». Ноан гулэла ирэн, ичэрэн шагды этырканмэ.

Этыркан бэетканду авае бурэн, умукан долбониду гулэе одан. Бэеткан мулилден, мучуран таварла ашаткандула. Тээрэн, мэргэлден:

— Эдицав гулэвэ ора умукан долбониду.

Ашаткан бэеткантики гунэн:

— Экэл мэргэрэ, би бэлэдицав шииду. Ашкэл, тематнэ гулэ овча бидицан.

Бэеткан тэдэрэн, аштэн. Тематнэ тээрэн, гулэвэ алиуналдан Этыркан гунэн:

— Бөркэ бишинды!

Нян бэетканду авае бурэн.

— Минду муринами бишин, нади аңганилва эчан илэлэ ичэттэ, ши алаукал, дулумдукэткан одан.

— Бэеткан мулиштэн: «Муринама би шадем, эдицав цалэлдэ, адали-мал татыкандицав!» Ашаткандула мучуран, улгучанэн авае. Ашаткан гунэн:

— Эре шо ургэ ава. Тар эшин мурии биши, тар амака бивки оча мурииди. Ноан шинэвэ ведицан. Ши-дэ экэл мэргэрэ, би бэлэдицав. Ёнэкэл дышки, эрэктэе эмэвдан.

Бэеткан эрэктэе эмэвдан, ашаткан лочокоён, бэрэвунээн очан. Тали лочокоё, бэрэвуними гакша, бэеткан шурурэн. Курела

илдакин, тар мурий ноанман аракан некэчан шовиндицае. Баеткан бэрэвунди бэрэдадекаттан ноанман, мурий тыкиканнин. Тали баеткан илишчарилду мурийду угдан, этэрэн мэдэдеми, дэгдэрэн-му, уктыдэрэн-му. Баеткан бэрэдалдэн мурийма сердуклан, Мурий этэрэн шот уктыдеми. Баеткан-да эрэвэр таримэтнун таримэт шердуклан мурийма. Мурий тыктэн дундэла, тали баеткан этэрэн бэрэдадеми. Эмэрэн тар ашаткандула, гунэн:

— Татывканим мурийма, дулумдукаткан очан.

Анйичикша, тематнэ амакала шурурэн, авави аливунаштани. Икшэ, ичэрэн этырканиэ, печу облон укледеринэ.

— Ом ававаш,— баеткан гунэн.

Эшинды-вэл ши бэркэ биши, минңи утэв бэркэ, ноан шинэвэ алаудячан. Тали ши ашиламакчиңаш ноандун. Тематнэ эмэдэвэр банюла.

Тар бэе нелиптан, эмэкшэ, гунэн ашаткантыки:

— Ашилавакандерэн минэвэ шинду!

— Будэн миты. Ноан митэ иладиңан банюду.

Тематнэ тээрэ, банюнаште. Ирэктын, керосина улэкшэ, илара, баню дегдэлдэн. Дегдэдэрэн. Баню дондун эку оран. Тали ашаткан эрала тыкикшэ, инмэт оран, баетканмэ ниткат оран. Уркэ шаңаркандулин юрэ, тукнашта. Юрэктын, ашаткан ашатканди оран, баеткан баетканди оран. Ноартын баеткан амтылдулан тукнашта. Горово-ву, давава-ву тукшадычатын. Ашаткан дундэла тыктэн, долчаттави бокончудярилба. Долдыран, бокондэро. Баню этэрэктын дегдэдеми, этыркан ичан, тылдэн тукшашчалба. Тадук ундэн аваминилба, бокондатын.

Хаваминил бокондэроктын, ашаткан мургукитыт оран, баетканмэ мургукит эгдывундин оран. Мургукит киңгиладерилан илан пэктыравучил бэел мурийди эмэчал. Анйулда амакавэ киңгиладерива мургукит ойдун.

— Амака, эчаш-ку ичэттэ эду дюрбэ илэл? ашива бэенюн?

— Ичэтчав,— амака гунэн,— илтэндерилба, эрөвэ мургукитэ олдаквун. Эшикинш амакашун тэдэрэ, шу гадавэр мургукит оёдукин лавиктая, экишэдавэр ноандун.

Тар бэел гада лавиктая, экишэрэ этыркандулавэр. Бокончудярил этэрэктын ичэдеми, нян ашаткан ашатканди оран, баеткан баетканди. Тукнашта чашки.

Этыркан хаваминилин амакавэ ишикшпал, ичэвканэ ноандун лавикта. Тадук амака гунэн:

— Эдавэр эчашун даявара ноарбатын? Тар ноартын бичатын! Амин танденакэлду!

Нян бэел боконошта. Иштактын тала, иду ноарбатын ичэтчатын, ноартын ачир.

Ашаткан баетканиюн тукшадара, хэличэдэрэ. Ашаткан тыктэн дундэла, долчаттави бокондэрилба. Долдыран бокондэро. Нуңан авдут оран, баетканмэ этэечимнит оран, этэе-

чивкандан. Тар бәел әмәректин этәчимнидук аңуудактын, этәчимни гүнән:

— Ичәчав городу тукшадырилба. Эри авду минду умукан бичан, тали ноартын илтәчатын. Эрдат нямадидук эләкә ора. Адаля-мал эдиңашун боконо, мучушкәлду амашкивар. Эшикин амакашун тәдерә, эри авдудикин инҗактава гадавар, ноандун ичәвканиммен.

Бәел мокалавукша этәчимниду, мучура. Этәректин ичәвдеми, ашаткан ашатканди оран, бәеткан бәетканди оран. Тукшашта.

Амака ашамнилин мучура, улгучанә упката, авдундук инҗактава ичәвканә. Амака нян ноарбатын валарән, гүнән:

— Моңношол бишин, эшин тылдәрә ноарбатын, дыканчәдерилбә. Би манәкан ашанашиңав.

Ашаткан, бәеткан тукшадяра, хәлинчәдерә. Ашаткан дундәла тыктән, долчаттави бокодәрилба. Долдыран, манәкан амака бокодәрон.

— Кә, будәп миты, манәкан әмәдерән. Туги оват. Ши амутканди овал, би экәчанди овал.

Туги ора. Бәеткан амутыт оран, ашаткан экәчанди оран. Амака иштакин амутә, илдан, гүнән:

— Эду бидерәш, эрдат би шунәвә дявадиңав. Лукикша, амака чирукант оран. Чирукай экәчанмә ашалдан, нимҗә-муденә. Экәчан нимәчи бивки, чирукай эвки нимҗәрә ноанман амардук. Дәрукшә, чирукай экәчантыки гүнән:

— Экәчан, илвал олдонди!

— Ши, чирукай, има, депкәл экәчанмә амардук!

Тали амака дяпкала юрән, иләт оран. Экәчан чутумат оран. Тали амака гулдән:

— Он бичаш амут, амутыт бикәл, чутума, чутумат бикәл!

Тар чутума гүнән:

— Он бичаш ши дәлот амут дяпкадун, дәлот бикәл!

Амут амудит олдян, дәгичан дәгичанди олдян, дәло дәлот олдян. Амака эдави дәлот ора, нян гулдән:

— Он бичаш ши аши, ашит бикәл. Он бичав илә, иләт биктә! Кә! шу җәнушкәлду мардулавәр, би-да җәнушчиңав мандулави. Тали амака амакат оран, бәеткан бәетканди оран, ашаткан ашатканди оран. Ашаткан бәетканиюн нян шу-рүрә бәе амтылдулан. Иңилдактын, аши барән идиңав, гүнән:

— Икәл әмукин. Икшә, упкатиюн мәндумәткәл. Нәкундуш улукуткан утән бишин. Эдави ноанман гада-вәл, нюканә-вәл. Гадакиш, нюканәкиш минәвә омҗодиңаш.

Бәеткан гулала ирән. Иденман, мәндумәчилдә. Энинин әнекат оран, шагдыран. Әмәврә улукутканмә куҗаканмә, нюканивкалда. Бәеткан балдән нюкадави, эдави омҗоро. Энека утәви нюканавкалдан. Бәеткан нюканән куҗаканмә, манҗиви ашиви омҗорон. Амнинин гулдән:

— Утэв, ашилакал! Шиниңи нэкунды ашилача, утэчи оча. Ши шагдамар бишинды, ашиламакчиңаш.

Баеткан дёкилдыран. Горово-ву, давава-ву бичан ноан марду, амтылин бакачал ашинан. Тар омфовчо аши, ноаннюн эмедери, умуканду ашиду биллэй. Баеткан амтылин тар ашива колобокизканэ. Колобово иривкалдики, екшэрэн. Баеткан ашиннюн тэтчэрилду колобово бурэ. Настолду наректын тар колобово, баеткан минэлдэн. Дулин дулин миштэкин, колобо дондукин дюр чивкакар дэилдэ. Баеткан үалэлдэн. Нян баеткан миштэкин, нян чивкакар дэилдэ. Баеткан колобово эниндуви бурэн тадук гуәнэн:

— Ушундакэлду чинакирдула!

Колобово тулишки ушундаре чинакирду. Тали эмэчан эма-вал аши, тэтмелин уша, манэкан няңда. Тадук гулдэн:

— Би ичэвканикте шунду манңилби чивкакарби!

Бэе ичэвканизканэн. Тар аши олдокшово нарэн. Олдокшо оёлон колобокорбо наттэн. Тадук амутье оран, амутту экэчанмэ тынэн тадук чирукайва оран тадук чутумава. Чивкакар гиркулда мурали, колобово чоңкидяна. Ге чивкакан колобово чоңкишчиңан, гундиңан: «Омфовды! Омфовды!» Тадук ге туги-да гундиңан. Тали бэе омфовчонюн ашиннюн эмедекви, айдикван дёгчилдан. Упкатва дёкша, чакидараи эрэнэ ашива, няңдады тэтывчивэ, гуәнэн:

— Эри миниңи ашива одиңан! Эри минэвэ айча буденэдуки!

14. Оран

Сговорились однажды мышка с птичкой жить вместе. Вырыли они норку для хлебных запасов. Вырыли и стали запасать зернышки на зиму, чтобы зимою не мерзнуть. Наполнили свою норку хлебными зёрнами и договорились не трогать их до зимы.

— Вот, когда выпадет первый снег, тогда и приходи,— сказала мышка птичке.

Птичка улетела. Мышка убежала. А вскоре мышка стала рыть другую норку. Вырыла и перетаскала в нее все хлебные запасы. После этого перестала даже выходить из норки, зная себе хлеб ест. Ест и думает: «Теперь-то мне одной хватит на всю зиму, не буду терпеть недостатка».

Выпал снег. Прилетела птичка. Влезла в пустую норку и видит, что ни мышки, ни хлеба нет. Заплакала птичка, ругая мышь. Полетела она к тому месту, где лежал у русских хлеб. Немного поклевала, влетела и села на ограду двора. Посидела немного, видит—бежит мышь. Птичка, вспомнив о краже, выклевала мышке глаз, и мышка окри-вела. Заспорили. Мышка пожаловалась на птичку в суд. Вскоре их обеих позвали на суд.

Суд был в лесу на поляне. На суд собрались звери и птицы. Среди них были и начальники: старший из птиц был орел, из зверей — лев. Орел защищает птичку, лев защищает мышку. Заспорили звери. Рассердись, лев ударил орла так, что с того полетели перья. Испугавшись, птицы разлетелись, а звери разбежались. Остался на поляне один орел. Без перьев он не мог улететь.

В это же время в деревне жил мужик с женой. Жена была сердитой и всегда ругала мужика. Однажды, отругав мужа, она отправила его промышлять. Пошел мужик по лесу и вышел на ту поляну, где был суд. Увидел он орла без перьев, зарядил ружье и стал в него целиться. Ружье осеклось. Орел же, услышав осечку, сказал:

— Не убивай меня, мужик. Я тебе пригожусь. Унеси меня домой и корми до тех пор, пока не отрастут крылья.

Мужик не стал стрелять, взял орла и понес домой. Пришел домой, а жена ругается:

— На что принес орла? Только хлеб наш есть будет, весь прикончит. Нам ведь и самим не хватает.

Долго ли, коротко ли ругалась, наконец, перестала. Прожил орел у них год. Перья его начали отрастать. Прожив другой год, орел сказал мужику:

— Отпусти меня немного полетать. Если хорошо будет, вернусь.

Мужик отпустил. Орел полетел. А жена опять ругает мужа:

— Зачем отпустил орла? Ведь хороший был!

Вечером орел прилетел обратно и сказал:

— Деда, покорми меня еще год, вот тогда все будет хорошо.

Опять живет орел у мужика. Сказки начнет рассказывать, скоро не кончит. Работать если начнет, скоро не бросает. Прожил орел у мужика три года. На третий год сказал:

— Теперь я здоров. Отпусти меня. Я полечу на ту поляну, где ты меня нашел. А ты насуши хлеба на дорогу и приходи на ту же поляну.

Мужик отпустил орла. Насушив хлеба, он и сам пошел на поляну. Видит — орел сидит. Подошел мужик, а орел говорит ему:

— Садись на меня верхом, полетим вместе!

Мужик сел на орла. Полетели. Долго ли, коротко ли летели, на другую поляну сели. Говорит орел мужику:

— Иди в город. Там есть церковь. В ней люди будут молиться богу. Помолись и ты, а потом выйди из церкви и сядь у дверей. Помолившись, люди станут выходить. Выйдет из церкви одна красивая женщина, это моя старшая

сестра. Она будет спрашивать про меня, будет давать плату. Ты проси у нее ящик.

Пошел мужик в город. Вошел в церковь. Видит много людей стоят, молятся. Мужик немного помолится и вышел из церкви. Сел у дверей и стал ждать. Вот вышла из церкви красивая женщина. Одежда у нее золотая. Стала женщина спрашивать у людей:

— Не слышали ли про моего брата? Уже три года как он ушел из дому.

Люди молчат. А женщина спрашивает. Когда третий раз спросила, мужик сказал:

— Видел его, он у меня живет.

— Приведи его, я тебе заплачу. Что просишь за него?

— Отдай мне тот ящик, что стоит у тебя на окне.

Пожалела женщина ящик, отказалась отдать. Вернулся мужик к орлу на поляну и рассказал, что мол та отказалась отдать. Посадил опять орел мужика себе на спину, и полетели они дальше. Долго ли, коротко ли летели, опять опустились на поляну. А утром отправил орел мужика опять в церковь молиться.

Пошел мужик в церковь. Когда подходил, люди уже начали выходить. Вышла красивая женщина и стала спрашивать про орла:

— Не видел ли кто, не поют ли в песнях, не рассказывают ли в сказках об орле, о моем младшем брате?

Когда она спросила в третий раз, мужик сказал:

— В песнях пел и в сказках сказывал. Если хочешь, сейчас приведу его.

— А что просишь за это?

— Отдай мне тот ящик, что стоит у тебя на окне.

— Три года не видела брата, но тот ящик не отдам.

Вернулся мужик к орлу и рассказал обо всем. Опять посадил орел мужика себе на спину, и полетели они дальше. Долго ли, коротко ли летели, наконец сели на поляну. Переночевали, а утром рано мужик пошел молиться. Немного помолвившись, вышел из церкви и стал ждать. Вышла красивая женщина и стала спрашивать про орла. Когда спросила три раза, мужик говорит:

— Видел твоего брата. Если надо, сейчас приведу его!

— А что за него просишь?

— Отдай мне тот ящик, который стоит у тебя на окне!

— Ну, ладно, только приведи брата.

Вернулся мужик к орлу и сказал, что согласилась отдать. Сел он опять орлу на спину и полетел дальше. Видит мужик внизу дома. Мужик с орлом спустились. И как только сели на землю, орла не стало. Видит мужик, что стоит он около дома. Немного постоял, открыл дверь и вошел. А хозяева его уже ждут. Рады ему. Вымыли, дали новую одежду и

усадили есть. Вот мужик ел, пил, захмелел и думает: «Сколько же времени я нахожусь здесь?» А в это время из двери выходит другой мужик в красивой одежде и говорит:

— Сколько же дней ты прогостил здесь?

— Три дня,— отвечает мужик.

Засмеялся тот и говорит:

— А меня узнаешь? Ведь я и есть орел. А прогостил ты у меня три года. Скажи, хочешь ли идти домой?

— Хочу,— отвечает мужик.

Тогда орел принес ему тот ящик и спросил:

— Ну, каков ящик?

— А на что он мне?— говорит мужик.

— Глухой ты! Ведь этот ящик очень дорогой. Выйдем на улицу!

Вышли они на улицу. Орел открыл ящик, и вместо ящика стала изба. Вошли они в избу. Орел нажал на одну железку, вышли две девушки. Стали спрашивать:

— Чего вам надо?

— Еды принесите всякой,— сказал орел.

Девушки принесли стол и поставили на него всякой еды. Когда мужики поели, девушки убрали все. Тогда орел надавил на другую железку, опять вышли две девушки и спросили:

— Чего вам надо?

— Постелите нам хорошую постель.

Девушки принесли хорошую кровать и постелили постели из пера. Мужики легли спать. А когда встали, девушки все убрали. Тогда орел спросил мужика:

— Ну, каков ящик?

— Очень хорош,— ответил мужик.

— Так вот, складывать избу обратно в ящик нужно так!— сказал орел и показал, как сложить.

Мужик сам сложил избу в ящик и пошел домой. Шел целый день. Вечером открыл ящик, поел и лег спать. Утром встал, сложил избу и пошел дальше. В полдень опять раскрыл ящик и попил чаю. Потом вышел на улицу и забыл, как нужно складывать избу. Опечалился мужик и сел около двери. Подошел к нему какой-то старый человек и спросил:

— Чего ты задумался, паря?

— Да вот забыл, как избу сложить в ящик,— отвечает мужик.

— А что дашь, если сложу?

— А что ты просишь?

— Ты отдай мне то, что сделала без тебя твоя жена.

Мужик подумал: «Что баба без меня может сделать?» и согласился отдать. Старик сложил избу в ящик. Мужик пошел домой. Дойдя до дому, увидел ребенка. Без него родился. И уже большой вырос. Тогда мужик понял, чего

просил старик. Открыл он ящик, вошел туда с женой. Вошел и мальчик. Поели, попили, легли спать. Мужик стал рассказывать, как ходил, а потом сказал:

— Сына своего отдал какому-то старику, за то что он сложил дом.

Жена ничего не сказала. Утром встали, попили чаю. Потом вскоре мужик увидел какую-то красную собаку. Догадался он, что пришла она за сыном. Стал отправлять мальчика. Сынок пошел за собакой. Всю ночь собака бежала перед мальчиком. Когда рассвело, собаки не стало. А когда взошло солнце и стало совсем светло, парень увидел озеро. Посредине плавали три лебедушки, две вместе, а одна в стороне. На берегу он увидел одежды, две вместе, а одну в стороне. Парень взял и спрятал эту одежду.

Лебедушки вышли из воды. Две оделись, а третья стала искать свою одежду, заплакала и стала спрашивать:

— Кто взял мою одежду? Отдай! Ведь и я пригожусь.

Парень отдал одежду, а лебедушка, одевшись, сказала:

— Когда придешь к нам, то увидишь одну лебдушку поодаль от других, в нее и входи.

Целый день парень сидел на берегу. А вечером пришла красная собака и повела его дальше. Всю ночь он следовал за собакой. Утром же, когда стало светать, собаки не стало. Впереди уже виднелись дома. Парень стал подходить и видит, что в стороне стоит один домик, про который говорила лебедь. Парень вошел именно в этот дом. Войдя, увидел девушку. Она напоила его чаем, а после этого послала к своему деду. Идет парень и видит, стоят копыя. На одиннадцати копиях висят человеческие головы, а двенадцатое пустое. Парень подумал: «Вот это двенадцатое копые для меня оставлено».

Вошел он в дом и увидел старика.

Старик дал парню работу. В одну ночь приказал построить дом. Задумался парень и опять пошел к девушке. Сел опечаленный.

— Не построить мне избы в одну ночь!

Девушка стала утешать:

— Не печалься, я помогу. Ложись лучше спать, а утром дом будет готов.

Поверил парень девушке и лег спать. А утром встал и пошел сдавать старику готовый дом. Старик удивился и сказал:

— Молодец!

Дал парню другую работу.

— У меня есть лошадь, которая семь лет не видела людей. Ты обучи ее и сделай смирной.

Парень подумал: «Лошадей-то я знаю, не испугаюсь, все равно обломаю». Вернулся он к девушке и рассказал про новую работу.

А девушка ему в ответ:

— Это очень тяжелая работа. Ведь это не конь, а сам дед превратится в коня. Он будет пытаться тебя убить. Но ты не печалься, я тебе помогу. Сходи в лес и принеси корины.

Парень сходил в лес, принес корины, а девушка сделала из нее седло и бич. Взял парень седло и бич и пошел. Когда он стал входить во двор, конь пытался залезать. Но парень бичом так ударил коня, что тот от удара упал. Тогда парень сел на коня, пытавшегося встать, и сразу перестал чувствовать, бежит ли он или летит. Парень стал бить коня подле самого уха. Конь побежал потише. А парень все время бьет подле уха. Стегал до тех пор, пока конь не упал на землю. Пришел парень к девушке и говорит:

— Ну, обучил коня. Стал смиренным!

Переночевал парень и пошел утром к старику сдавать работу. Вошел и видит, что старик лежит на печи.

— Выполнил твою работу,— говорит парень.

— Молодец за это не ты, а моя внучка. Это она тебе помогает. Тогда ты, пожалуй, женись-ка на ней. Утром приходите в баню.

Обрадовался парень, пошел и рассказал девушке:

— Предлагает жениться на тебе!

— Ну, пропали мы с тобой. Ведь он хочет нас поджечь в бане.

Утром встали и пошли в баню. Когда они вошли, баню облили керосином и подожгли, чтобы сгорела. Баня загорелась. Внутри стало жарко. Тогда девушка упала на пол, превратилась в иголку, а парня превратила в нитку. Вылезли они в дверную скважину и побежали. Когда побежали, девушка стала девушкой, а парень стал парнем. Побежали они к его родителям. Долго бежали. Девушка упала на землю и стала слушать, не бежит ли погоня. Слышит, что догоняют. Когда баня перестала гореть, старик вошел в баню и понял, что они убежали. Тогда он послал своих работников в погоню.

Как только погоня стала приближаться, девушка превратилась в церковь, а парня превратила в церковного старосту. На колокольный звон пришли три человека с лошадьми и ружьями. Стали они спрашивать деда, который звонил на церкви.

— Не видал ли, дедушка, здесь двоих людей? Женщину с мужчиной?

— Видел,— говорит старик,— они проходили здесь, когда эту церковь еще только строили. Если ваш хозяин не поверит, вы покажите ему вот этот мох, который успел вырасти на церкви.

Люди ваяли мох и понесли к своему хозяину.

Когда погони не стало видно, девушка опять стала девушкой, а парень — парнем. Побежали дальше.

А стариковы слуги вернулись к своему хозяину, рассказали обо всем и показали мох. Старик сказал:

— Почему не схватили их? Ведь это они сами и были! Бегите в догонку да успеете их застать!

Опять люди побежали. Стали подходить к тому месту, где видели их, а там никого нет.

Вот бегут парень с девушкой, торопятся. Упала девушка на землю послушать, нет ли погони. Слышит, что опять догоняют. Превратилась она в стадо овец, а парня превратила в пастуха и приказала стеречь стадо. Когда погоня приблизилась и спросила о тех двоих, пастух ответил:

— Видел их, но очень давно пробежали. У меня тогда всего одна овца была, а теперь целое стадо, больше сотни. Все равно не догоните, возвращайтесь лучше обратно. А если хозяин не поверит, то покажите ему шерсть с моих овец.

Люди, обманутые пастухом, взяли шерсть и вернулись. А когда их не стало видно, девушка превратилась в девушку, а парня сделала парнем. Побежали они дальше.

А работники старика возвратились, рассказали обо всем и показали хозяину шерсть от овец. Старик стал ругаться:

— Дураки вы, не понимаете, что это они так спрятались. Теперь я сам пойду догонять.

Вот бегут девушка с парнем, торопятся. Упала девушка на землю и стала слушать, не бежит ли погоня. Слышит, что сам дед догоняет.

— Ну, пропали мы с тобой, сам бежит. Давай так сделаем. Ты стань озером, а я окунем.

Так и сделали. Парень стал озером, а девушка стала окунем. Старик дошел до озера, остановился и говорит:

— Здесь вы. Вот теперь-то я вас поймаю. — Снял дед свою одежду и стал щукой. Пустилась щука догонять окуня и хочет его проглотить. Но окунь колючий, и щука не может проглотить его с хвоста. Утомившись, щука говорит окуню:

— Повернись боком!

— Нет, щука, ты хитра! Вот лови окуня с хвоста!

Тогда старик вышел на берег и стал человеком. А окунь вдруг превратился в серую утку. Дед стал говорить:

— Как было озеро, так озером и останься, а ты как была серой уткой, так уткой и останься.

А серая утка тоже сказала:

— Будь ты камнем.

Озеро начало делаться настоящим озером, утка — настоящей уткой, а камень стал делаться камнем.

Тогда дед, чтобы не быть камнем, опять стал говорить:

— Как была ты женщиной, так женщиной и будь,

а я как был мужчиной, так мужчиной и буду. Ну, делать нечего, вы идите своей дорогой, а я пойду своей.

Тогда дед стал дедом, парень — парнем, а девушка — девушкой. Пошли парень с девушкой к его родителям. Когда стали уже подходить, девушка не захотела войти в дом и сказала:

— Ты зайди в дом один. Со всеми поздоровайся. У твоего брата есть маленький ребенок. Ты его только не бери на руки и не целуй. Если возьмешь и поцелуешь, то меня забудешь.

Парень согласился. Вошел в дом. Стали все с ним здороваться. Его мать стала уже бабушкой, состарилась. Принесли маленького ребенка и стали давать ему, чтобы поцеловал. А парень не целует, чтобы не забыть. Бабушка тоже стала давать ему ребенка. Вдруг парень поцеловал ребенка и забыл про свою женщину. Отец стал говорить ему:

— Сын, женись. Смотри, твой младший брат уже женился, уже имеет ребенка, а ты ведь старше его, пожалуй, и тебе жениться надо.

Парень согласился. Долго ли, коротко ли пробыл он дома. Родители нашли ему жену. А та, которую он забыл, стала жить у чужой женщины. Вот родители парня заказали ей состряпать хлеб. Состряпала она и отнесла. Дали хлеб жениху и невесте, парень стал резать. Разрезал пополам, а из хлеба две птички вылетели. Испугался парень. Стал опять резать, опять птички вылетели. Парень отдал хлеб матери и сказал:

— Выброси его собакам.

Выбросили хлеб собакам. В это время пришла какая-то женщина в плохой одежде, грязная и стала говорить:

— Дайте, я покажу вам своих птичек!

Парень разрешил показать. Вот положила она доску. На доску положила хлеба, потом сделала озеро, в озеро пустила окуня, потом сделала щуку, потом — серую утку. А ее птички ходят вокруг озера и хлеб клюют. Одна птичка клюет хлеба и скажет: «Забыл, забыл!». Потом другая так же говорит. И стал парень припоминать, как шел с этой женщиной, как она спасла его от смерти. Когда припомнил все как было, взял эту женщину в плохой одежде и сказал всем:

— Вот она и будет моей женой! Она спасла меня от смерти!

15. Дябдар

Дюре дябдарил абдунман тыхсэмэтчэре. Тар дябдарил экихсэчэл серебинал бичэтын. Нуңартын солотова девупкил.

Дябдарил тыхсэмэтчэре абдунмар. Ире энэсиче, тар правоен. Ире хуюкуи энэсиче, не правоен. Туги кусидере җинакинҗачыр.

Тадук дядбарил этэрэ кусидеми. Умукон дядбар, хуюкун эңсиче, суруран, Нуңан лучалва бакаран. Тарил лучал надан бичэтын. Дядбар уикатпа лучалва — наданма илэл хакураан. Дылитпи лапчануими хакураан. Лучал гундерэ: «Он гирандяп? Этэп гирана. Эду будеп. Эауна митпэ дядбар хакураан. Оне пустыден митпэ?»

Тадук дядбар думаттан: «Нюун илэл пустидем, умуконмэ хакудым. Минэ умукон илэ бөладен, гиркидун дабдатчам дядбарэ эңсичивэ. Мини эңсив хуюкун. Тар дядбар абдунмав тыхсадерен, эңситпи гаситчаран абдунмав. Би гиркидун дабдатчам. Нуңан эңсиче».

Тар умукон илэ беднан сомама бичэн, эн-да ачин бичэн, хуюкун дептылэн.

Тадук дядбар тар илэне гунэм, согдоннодун угдан. Таре угран. Тадук дядбар илэ пэктыровуимен ичэрэн. Таре пэктыровуимен гадап, гундерэн:

— Пэктыровуими гакал! Дюктэ сурудеп дядбардула эңсичила. Сурудеп! Си минэ бөладенне пэктыровундизи, нуңанман вадеп.

Тадук дядбар эңсине ачин тутт илэне гундерэн:

— Пэктыровуими тэпкэл, Эмэрекин, пэктырекал оллолин.

Тадук дагамара, кусилдавер. Дядбар кикэллэн, луча пэктырондон. Луча пэктыронэн, дядбарэ эңсичивэ дагамаракин. Варэн дядбарэ, оллолин пэктыронэ. Тадук дядбар солотова оллодукин укуллэн. Тар солотот аиваран. Тадук хуптырэ хукитэвои. Солотова хукитэдун бакара. Эмугдэвои хуптэрэ, силукталван хуптэрэ. Таду солотова бакара. Тадук солотова дулиман дядбар бориран лучаду. Тар луча илэрияду солотавэ бурэн. Ниңи осиктава — хөглөимэ бурэн. Тадук луча солотавэ бегаду бурэн. Тадук долбои ая одан, чөрипчу одан. Тадук луча солотова дылачаду бурэн, тыргани со ияманчу одан.

Тэли тегөмөр думаттан, тар бөе со бай бисин. Гундерэн илэне:

— Би хутэн будем синду.

Тадук тар луча кутуче одан, дядбар солотова нуңанман бориракин.

15. Чудовище

Два чудовища отнимали друг у друга берлогу. Те чудовища были покрыты серебряной чешуей. Они питались золотом.

Чудовища отнимали друг у друга берлогу. Кто сильнее из них, на стороне того было право на берлогу; у кого силы было мало, тот не имел этого права. Так дрались они, как собаки.

Потом они бросили драться. Одно чудовище, у которого

было мало силы, ушло, встретило русских. Тех русских было семь человек. Чудовище всех русских — семь человек — закрыло со всех сторон. Окружило, соединив свою голову с хвостом. Русские думают: «Как же мы перешагнем? Не перешагнем ведь. Здесь и умрем. Зачем нас чудовище закрыло со всех сторон? Как оно выпустит нас?»

А чудовище думает: «Шесть человек отпущу, а одного закрою. Мне этот один человек поможет. Вместе с товарищем одолею сильное чудовище. У меня силы мало, а то чудовище очень сильное. Оно отняло у меня мою берлогу. Силой захватило мою берлогу. Я с товарищем его одолею. Он сильный».

Тот один человек был очень бедный, ничего у него не было. Мало было средств для существования. Потом чудовище сказала русскому, чтобы он сел ему на спину. Тот сел. Затем чудовище увидело ружье человека, тот ружье свое забыл на земле. Чудовище свистнуло, взяло ружье человека и говорит:

— Возьми ружье свое! Пойдем вдвоем к чудовищу сильному. Пойдем! Ты мне поможешь своим ружьем, убьем его.

Потом чудовище, у которого было мало силы, так говорит человеку:

— Ружье свое заряди. Когда приблизишься, стреляй прямо тому в череп.

Приблизились, чтобы драться. Чудовище стало свистеть, чтобы русский стрелял. Русский выстрелил, приблизившись к сильному чудовищу. Убил то чудовище, выстрелив ему прямо в череп. Потом другое чудовище стало сосать золото из его черепца. Золотом насытился. Затем вспороли брюхо его. Золото нашли в брюхе. Внутренности его вспороли, кишки разрезали. Там тоже золото нашли. Половину золота чудовище отделило русскому. Тот русский небу золота дал. Небо звезду Хэглэн сделало. Потом русский месяцу золота дал, после этого ночь хорошая стала, светлая. Затем русский солнцу золота дал, день очень теплый стал.

Тогда царь подумал, что этот человек очень богатый, и сказал ему:

— Я дочь свою за тебя отдам.

Так русский счастливым стал, после того как чудовище ему золото отделило.

16. Хунат

Умуи бэе хутэлиа дыгин бичэтын: илаа асаткар, умукон хуркоконџикан бичэтын.

Умнокон дулугин хунат дюдукпин туксасмуллан. Энин-дукпин эчиллэн:

— Энийей, дакуяа, холмиев букэл!

Энинин бурэн эетчэнэлвон, энэ сарэ тухсасмудариван дюдукни. Хунат илии гунэн:

— Амиткиви гукэллэ, эгнэгин горотки асара минэ!

Тадук хунат тмевуни гаран, баңараран сурулдови. Хуюку-кон хуркокон соңоллон, суруллэкии экинни. Асаткан гуллэн:

— Экэл соңоро, хэгды оми, тьемнээв удаечание.

Туги гуими, сурурэн. Дяпкунма урэл даваран. Хэгдымэ-мэлэ бирала эврэн. Бира тар джэкэви капударан. Хунат гунэн биратки:

— Энийей, туринмукэл джэкэви!

— Никзэй, энеңэ бисим туринэ, эсалии туралча бисим!

Хунат сурурэн бира тэңкэлини солоки. Һэнэденэ, барги-дали ичэрэн бээвэ. Ханцуктаран:

— Ило һэнэденне?

— Һэно бисим, — бэе гунэн.

— Кэ, акней, си-до эркэндекэл мингэчин долбони и тыргани!

Тадук часки сурурэн. Баргигит амакавэ ичэрэн. Хунат гунэн амакавэ:

— Амака, минэ дагупчукал!

— Этом дагуптура, би тукаламми улонитчэри!

Тадук часки сурурэн. Лучава бакаран. Баргигит гулэконни бичэн. Лучатки гунэн:

— Акней, минэ дагупчукал!

Луча век албаран дыврасчэми, элэ ичэчинки хунатпэ. Хунат гевран ханцуктаран:

— Тилинне минэ или эчэс? Дывраскал он-мал!

Толи лучаңин давлаллэн:

— Эчэв эя-да тыллэ!

— Век таду биңко бикал! Дыски эңнэкэл һэиэрэ, тукала-дук дептылэеви бакадякал!

Часки сурурэн. Илэллэ бакаран, икондериллэ дюдудар. Гуллэн:

— Гиркиел, дагупчукаллэ минэ!

— Эторэв дагуптура, икондерил, сөбдене!

Хунат ахсами, гунэн:

— Икониммер-до хэвэрвоткэллэ!

Часки сурурэн. Или ичэрэн дюрэе авалакар, сегиткатчэ-риллэ. Нуңан авалакачартыки гуллэн:

— Минэ дагупчукаллэ!

Авалакачар гунэ:

— Эторэ дагуптура, сегиткатчэрил, сөбдене!

Тыкуликса, хунат гунэн:

— Сегикатчэрэксун-дэ, чукаңисун оланигини!

Нуңан часки сурурэн. Бээвэ бакаран, адылитчарива дя-витни. Хунат гунэн:

— Акней, дагупчукал минэ!

— Этом дагупчура, оллоңилви бэюсчэри!
Хунат тыкулихса, гуңзи:
— Оллоңилли, бэюсчэрэкис, копоктыи!
Тадук часки суруран. Ичэрэн бэевэ, гэрбин Моты. Гуллэн:
— Дагупчукал минэ!
Моты, долдыми-нун, дыски хуктыллэн. Хунат тыку-
лихса, гуңзи:
— Век цолутмэ бикал! Синэ вагнатыи илэл!
Тадук ичэрэн баргигит цинакирма.
— Дагупчукал минэ, цинакии!
— Этом дагупчура, пурактажитчари!
— Эскиис дагупчура, — хунат гуңзи, — амган век аңачэмэ
бикал!
Нуңан часки суруран. Баргигит бэевэ, молдадярива бэрси,
ичэрэн. Гуңзи:
— Бэсей, минэ дагупчукал!
— Идук бисинни?
— Амидукпи эмэдем тургаритни! Дагупчуракис, ламкас
одям!
— Ламкэ минци бисин!
— Дагупчукал, дагиминиас одям!
— Минци бисин дагимини.
— Дагупчукал, асияс одям!
Бэе дёкеран. Нуңан гуллэн биратки:
— Энеко-бира! Кэпкэмэне букал!
Тадук нуңан ухсакуиша гаран, таду-да черопканэн бар-
гиски хунаттыки. Туги-до дагувиран монтыкиви. Тадук
билчэтын тар асиун. Эскикокон-да хата индерэ дюкта.

16. Девушка

У одного человека было четверо детей: три девочки и один, самый маленький, мальчик.

Однажды его средняя дочка задумала бежать из дома. Стала она просить у матери:

— Мама, дай мне меховые нагрудники: широкий и узкий.

Мать дала ей, не зная, что дочь хочет убежать. Девушка еще сказала:

— Скажите отцу, чтобы далеко за мною не гнался.

После этого девушка взяла свой посох и приготовилась идти. Маленький мальчик заплакал, что сестра уходит. А сестра ему говорит:

— Не плачь, вот когда вырастешь, так найдешь меня по следам моего посоха.

Сказала и ушла. Прошла восемь хребтов. Спустилась к большой реке. Река ломает лед. Девушка говорит реке:

— Матушка, придержи свой лед!

— Малышка, не могу придержать, раз уж я открыла глаза.

Девушка пошла по берегу реки вверх по течению. На другом берегу увидела человека. Спросила:

— Куда ты идешь?

— Я ходо́к, — ответил человек.

— Ну, дядюшка, иди так же, как я, день и ночь.

Пошла дальше. На другом берегу увидела медведя. Девушка сказала медведю:

— Перевези меня через реку!

— Не стану перевозить тебя, я рою землю!

Пошла она дальше. Повстречала русского. Его домик был на другом берегу реки. Сказала она русскому:

— Дядя, перевези меня через реку!

Русский совсем не умеет плавать в лодке, только смотрит на девушку. Она второй раз спросила:

— Ты понимаешь меня или нет? Плыви как-нибудь в лодке!

Тогда русский в ответ зашел:

— Ничего не понимаю!

— Ну, так всегда там и живи. В лес не ходи. В земле находи свое питание!

Пошла дальше. Повстречала эвенков. Сколо своего чума пляшут. Стала она им говорить:

— Друзья, перевезите меня!

— Нет, не станем перевозить, мы поем, нам и так весело!

Девушка рассердилась и сказала:

— Вместе с песнями своими помрете!

Отправилась она дальше. Увидела двух годовалых оленят. Роют копытами землю. Стала она просить оленят:

— Перевезите меня!

А оленята в ответ:

— Не станем перевозить. Мы роем землю, нам и так весело!

Рассердившись, девушка сказала:

— Пока копытами роете, трава ваша пусть завянет!

Пошла она дальше. Повстречала человека в лодке, промысляющего сетью рыбу. Девушка сказала:

— Дядя, перевези меня!

— Не стану перевозить. Видишь, добываю рыбу!

Рассердилась она и говорит:

— Пусть подохнет та рыба, которую ты выловишь!

Пошла она дальше. Увидела мужика по имени Лось. Стала просить:

— Перевези меня через реку!

Лось, как услышал, испугался и побежал в лес. А девушка рассердилась и говорит:

— Навсегда оставайся трусливым! Пусть люди тебя убивают!

Потом она увидела на другом берегу собаку.

— Перевези меня, собачка!

— Не стану перевозить, мне пора бежать по следу.

— Если не перевезешь,— сказала девушка,— навсегда оставайся с открытым ртом!

Пошла она дальше и увидела на другом берегу мужчину, который делал себе лук, сказала:

— Мужичок, перевези меня!

— А ты откуда?

— Я от отца ушла и иду куда глаза глядят! Если перевезешь меня, я сделаю тебе лямку.

— Лямка у меня есть!

— Перевези, перевозчиком твоим буду!

— Первозчик у меня есть!

— Перевези, женою тебе стану!

Мужчина согласился. Он сказал реке:

— Матушка-река! Дай мне поплавок!

После этого он взял кусок бересты и отправился на другой берег за девушкой. Перевез ее к себе. Стали они вместе жить. И до сих пор все еще живут вдвоем.

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

В русской фольклористике большая группа сказок выделяется как сказки «бытовые» («реалистические», «новеллистические», «авантюрные», «сатирические»).

В эвенкийском фольклоре можно также объединить многие произведения сказочного эпоса в группу бытовых сказок. Эти сказки отличаются от волшебных и сказок о животных тем, что в них преобладает не фантастика, а реальная действительность. В бытовой сказке почти нет чудесных предметов и волшебных помощников. Различные эпизоды, связанные с походом героев, приближаются к реальной обстановке. Герой бытовой сказки — это реальный герой. Он борется не с чудесными непознанными силами или различного рода духами, а со своими реальными врагами. Встречаются, правда, некоторые фантастические мотивы, но они являются подчиненными. Герой проявляет верность своему роду, племени, не останавливаясь ни перед какими препятствиями.

Бытовая сказка эвенков условно может быть подразделена на два вида. Сказки первого вида приближаются как по форме, так и по содержанию к русским новеллистическим (реалистическим) сказкам. Сюда относятся циклы сказок об Ивуле (глупом и умиом братьях); о ловких ворах; о лгунах; антишаманские и антипоповские анекдоты и другие. Второй вид бытовых сказок по композиции и содержанию отличается от обычных русских новеллистических сказок. Это «сказка-рассказ» о подвигах героев старины, причем в таких произведениях герои всегда безымянные. Такие «сказки-рассказы» приближаются к эпико-героической сказке некоторых сибирских народов, например бурят и якутов. Но в эпико-героических сказках бурят указывается место действия, упоминаются имена героев. В эвенкийской же бытовой сказке второй группы («сказке-рассказе») ни места действий, ни герои не имеют названий.

1. ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ И СЮЖЕТЫ ПЕРВОГО ВИДА БЫТОВЫХ СКАЗОК

Одной из популярных тем бытовых сказок эвенков является сюжет со многими вариантами о двух братьях, умном и глупом. Как правило, глупый брат — Ивул (но встречаются сказки, где Ивул или Ивулчан — умный). Умного брата в различных вариантах сказок называют Чорэ, Акарамэ, Кодон.

Недоумок Ивул, выполняя поручения умного брата, совершает тягчайшие преступления, но все это он делает по своей глупости. Когда Ивулу велят принести для лодки ребра, он убивает свою мать и приносит ее ребра. Если же его отправляют на охоту, напутствуя: «Что увидишь, то и стреляй», он стреляет в свою мать. Вместо корней он приносит детские пятаки и т. д. Многие проступки, совершаемые Ивулом, так же характерны для сказочного героя Уинди в эвенских сказках. Он, подобно Ивулу, свежует ноги у оленей во время переправы через реку. Ивул бросает одежды «кланяющимся» деревьям, а Уиндя, услышав, как река «просит» оленьего мяса, бросает в воду оленью тушу.

В сказке, записанной В. И. Цинциус от катангского эвенка Салаткина, Ивул выступает умным. Придя в отчаяние от поступков своего глупого брата, Ивул уезжает учиться в город.

Иной раз умному брату, например Кодону, присущи проделки «ловкого вора» русской новеллистической сказки. Кодон выкапывает из могилы покойницу и обманным путем достает за нее двух девиц. Он ворует в стаде коров и, используя веру в «верхних» и «нижних» духов, проводит простачков-пастухов. Кодон выходит невредимым из любого положения.

К этому циклу сказок можно отнести и сюжет о том, как сестра помогает своему брату жениться на царской дочери. У одной девицы был глупый брат, за которого никто не хотел выходить замуж. Тогда его сестра, переодевшись в мужскую одежду, попадает в царский дворец. Там в нее влюбляется дочь царя, не подозревая, что это девица. После различных похождения девице удается выдать замуж царскую дочь за своего брата.

В бытовые сказки эвенков переносится образ русского Ивана (у якутов Айбан), который ведет борьбу с людоедами и различными чудовищами. Однажды, рассказывается в сказке, Ивана бросили родители. Он долго блуждал по тайге. И вот он в жестокой схватке побеждает людоеда. Он не идет мстить своим родителям, а приносит им мешок с ценностями, отобранными у людоеда. Подобный сюжет имеется и в русском фольклоре, но у эвенков он подвергся значительной локализации.

У эвенков, живущих среди бурят, известны сатирические сказки о пойонах (начальниках) и ламах (буддийских монахах).

В наиболее поздних по времени сказках встречаются антишаманские сюжеты. Нами записан антишаманский анекдот, в котором разоблачается шаманская магия. Содержание этого анекдота сводится к следующему. В тайге жил шаман, который узнал, что в стойбище появились неверующие люди. Шаман привязал к животу металлическую кружку и залез на дерево, заявляя: «Кто не верит в мою силу, пусть стреляет в кружку. Никакая пуля ее не пробьет». Молодой охотник выстрелил из охотничьего ружья, и пуля прошла в живот шамана, пробив кружку. Русский доктор делает операцию и излечивает шамана. С тех пор шаман не приходит на стойбище и боится неверующих.

Иногда русские антипоповские сказки переделываются в антишаманские. Нам приходилось слушать переделанную русскую сказку «О попе Пахоме». В этой сказке вместо попа выступает шаман. Во многих сказках герой одерживает верх над лешим, домовым, различными чертями, водяными и т. д.

В записях Рычкова встречаются сюжеты, рассказывающие о борьбе охотников с различными болезнями, со смертью. В таких сказках человек всегда выходит победителем. В одном из текстов рассказывается, как русский охотник в разгар эпидемии оспы хватает «мать оспы», сажает ее в мешок и затем пропускает болезнь через дымовую трубу. Распространены варианты сказок о том, как эвенок запер «мать черной болезни» в сундук, где она и «умирает». С тех пор не стало болезней. В одной из сказок повествуется, как бедняк охотник загоняет смерть в бутылку.

В некоторых сказках встречается едкая сатира на лодырей, фантазеров, хвастунов. Один из лентяев, привыкший вечно сидеть в своей юрте и смотреть на работу других людей, захотел стать богатым человеком. Он лежал у костра и считал, сколько будет у него оленей, если все важенки будут ежегодно приносить по десять оленят. Сказка заканчивается словами: «Так и умер от зависти Тураки, а у всех охотников, его соседей, расплодился стада».

Распространены среди эвенков короткие сказки-шутки, напоминающие русские анекдоты.

У забайкальских эвенков бытуют интересные сказки-анекдоты о разбойнике по прозвищу «Зайчик». «Зайчик» проживал в начале XX в. в Витимской тайге, неоднократно арестовывался приставам и казаками, но каждый раз совершал побеги. Он был грозой для золотопромышленников, бедняков же никогда не трогал.

Немало сказок-шуток создается и в настоящее время. В этих очень коротких произведениях, состоящих иногда из

5—6 фраз, построенных на диалоге, высмеиваются различные отрицательные черты, чаще всего зазнайство и болтливость.

2. ВТОРОЙ ВИД БЫТОВОЙ СКАЗКИ — СКАЗКА-РАССКАЗ

Этот вид сказок напоминает эпические сказания или эпико-героические сказки. Обычно такие сказки бывают длинные и их могут рассказывать подряд два-три вечера. Но при повествовании этих произведений отсутствуют какие-либо ритуальные обряды, которые соблюдаются при исполнении эпоса. В них не бывает припевов, и сами сказки не поются. Герои не имеют имен, не называются и места действия.

Если в волшебных сказках герой ведет борьбу с врагами, летая на олене или на волшебном коне, то в подобных сказках герой выступает на защиту своих кровных родственников, имея лишь обыкновенный лук. Все положительные герои принадлежат к одному роду или братии, а их враги — чужеродцы. Герой вызывает на битву до шестисот вражеских лучников и выходит победителем. Победив врагов, герой забирает у них своих сестер, а также требует большой выкуп за убитых родственников. Таким образом, фольклорные материалы подтверждают предположение историков о существовании у эвенков в далеком прошлом института патриархального рабства.

Публикуемая сказка «О людях в рыжих одеждах и храбром юноше» является одним из типичных произведений бытовых сказок второго вида.

3. ОТОВРАЖЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ЧЕРТ ХОЗЯЙСТВА И БЫТА ЭВЕНКОВ В БЫТОВЫХ СКАЗКАХ

Быт и типичные черты хозяйства эвенков больше всего нашли отражение в бытовой сказке. Здесь встречается детальное описание жилища: чума, юрты, палатки, деревянного дома, то есть жилища кочевых и оседлых эвенков. Упоминаются чумы, покрытые берестой, шкурами оленей, белой материей; палатки с железной печкой. Подробно рассказывается о стойбище: сколько чумов или палаток находилось на стойбище и где располагались стойбища. Повествуется о внутреннем устройстве чума: малу (почетное место для хозяина или гостей); бе (место в жилище, где лежат личные вещи, постель, сумка, ружье и др.); сераңил — осто́в чума, связка жердей (иногда называется осто́в чума «дюкъя»); гу-лунун (костер); сона (дымовое отверстие); оллон (крюк для подвешивания чайников, котлов); тыкса (берестяная покрывка на чум).

С переходом некоторых звенков на оседлость появляются такие слова, как «наполу» (пол), «кирильцо» (крыльцо), «окошко» (окно). Упоминаются различные виды одежды и обуви, украшения. В некоторых сказках говорится о татуировке («писанные лица»).

Из орудий охоты на копытных и пушных зверей упоминаются лук, стрелы. Лук был охотничий и боевой. Стрелы изготовлялись для охоты на птиц, мелких зверей, медведя, а также были стрелы, предназначенные для военных целей. Кроме того, были «брачные» стрелы, по которым узнавали о приближении к чуму невесты родственников жениха. Со временем в сказках наряду с луком и стрелами стали упоминаться силки, капканы и затем ружье. Ружье в сказках называют пактырэвун (ружье вообще), а также кремневка, берданка, дробовик.

Из объектов охоты упоминается боровая дичь: рябчик, куропатка, глухарь, косач; копытные звери: дикий олень, лось, изюбр, кабарга, косуля, а также почти все виды пушных зверей. Об охотниках рассказывается, что они были очень проворными, «на бегу могли кабарожку догнать». В сказках баргузинских звенков упоминается об охоте на соболей при помощи омет (специальных сетей с колокольчиками). В сказках енисейских звенков отражена охота на белых медведей. В записях К. М. Рычкова рассказывается о существовавшем обычае нимата (распределение мяса убитого зверя между всеми членами рода). О промысле на диких животных рассказывается, что он мог происходить вдали от стойбища и недалеко от чума. Охотились по тайге пешком и верхом на оленях (иногда на лошадях).

Перекочки происходили круглый год. Зимой кочевали верхом на оленях, а также на оленях, запряженных в нарты (аргиш). Охотились пожилые звенки, молодежь и дети, в некоторых районах — женщины.

В сказках отражено разделение труда звенков по полу — мужчина охотится на зверей, птиц, добывает рыбу, делает луки, стрелы, подгоняет к охоте ружья, делает заряды, льет из свинца пули, делает седла для езды на оленях, мастерит нарты, пасет оленей. Женщина готовит пищу, выделывает шкуры диких животных, изготавливает жилые нитки, шьет одежду и обувь, сумки для продуктов, готовит для продажи кумаланы (ковры из лап диких животных) и т. д. У оседлых звенков женщина вместе с мужчиной ухаживает за скотом, заготавливает на зиму сено.

Упоминаются различные кушанья из мяса, рыбы, некоторые лакомства, например уман (костный мозг). В сказках баргузинских и якутских звенков встречается упоминание молочных блюд: сметаны, творога, «дёкуй» (мука, зажаренная в сметане и масле). Говорится об употреблении охотниками

сырого мерзлого мяса и сырой мороженной рыбы (строганины).

Часто в сказках фигурируют различные лодки. Это и понятно: лодка служила средством переправы на другой берег реки; на лодке отправлялись вниз и вверх по реке. В более поздний период звенки сплавляли продукты и товары местных купцов по бурным сибирским рекам и их притокам, а также переезжали на лодке Байкал. В ряде сказок указывается, что во время родовых столкновений победители требовали в качестве выкупа от побежденного рода изготовления пятидесяти и больше лодок.

В некоторые сюжеты старых бытовых сказок исполнители вставляют новые эпизоды, отражающие современную жизнь звенков. В сказках рисуются картины труда в оленеводческой бригаде, рассказывается о новом поселке, о поездке лучших охотников в Москву, о строительстве гидроэлектростанций в Сибири, об открытии алмазов в Якутии и т. д.

17. Ивул

Дюр бээл бичэтын. Умукэн Ивул бичэн, ге Акарамэ. Нучартын шурурэ бөүшилдрэ мултара. Дявращна. Дяврадяннара. Дяврадяннара бирали, ичэрэ, токи бирава дагдьяран.

Ивул гунэн:

— Аминаша киркачанден, би тукшанчэктэ.

Ивул мули тукшанчэрэн. Хуктывушицмүрэн, токиду бимрэк хуктылдрэн. Акарамэ удядянуаран, тала Ивул халганман бакаран. Тара угашиан Акарамэ, нян удяшиан, тала гева бакаран халганман, нян тара угадянуаран, тадук нян цалаван бакаран, нян шурурэн. Цэнэдецнэрэн, тала гева цалаван бакаран, тари гаран. Шурурэн токи удяли, кэнтырэвэн бакаран, тари угашиан. Тадук дыван бакаран. Гунэн Акарамэтки тар:

— Ши этэкэл минэ ичэтчэми, халгарваа умунду нэкэл!

Акарамэ элэвэн илдрэвэн умунду нэрэн, Ивул нян бөө одан. Нян Ивул шурурэн Акараменун дүктэ. Акарамэ гунэн:

— Би бөүктэ токила, ши нулгишинкал, тала Чинэду дюгуткэл.

Акарамэ бөүрэн, шурурэн. Дюрвэ токилва айран, Ивулва удяли шурурэн. Ивул тала шоңоддрэн, албадьяран шераңилва туктувушчадами чинэтки, умукэнмэ туктынчэ. Акарамэ гунэн:

— Ивул, элчаш туги?

— О! Эва-даглэ гүчэш чинэду дугутодав.

— Ши нулгидекэл, тала оранду дугутодяндри,— гунэн Акарамэ.

Ивул дюнчаран. Акарамэ нян эмэрэн, нян гунэн:

— Ивул, ши эдяндри туги?

— Эва-даглэ гүчэш оранду дугутодав! Он би муду дугутодам?

Тадук Ивул бөүрэн токила, мэнэкэн даривушнан. Акарамэ нулгишинэн. Ивул дюрвэ ороорво олгошинэн, цэнэдецнэрэн, тала бира одан. Ивул гунэн ороорби:

— Унталвар лукулкалдру! Он эмиэш тылдрэ?

Тадук Ивул ороорво халгарватын хигрэн. Ороор будда.

Ивул токива ичэрэн, начилдрэн токива:

— Аминаша ширумни! Ку! Ку! Ку!

Тар хуктылдрэн. Нян Ивул шурурэн. Тала янтакива ичэрэн, нян начилдрэн:

— Аминаша цинакинини! Эл! Эл! Эл!

Янтаки хуктылдрэн. Ивул дюлави мучушнан. Акарамэтки Ивул гунэн:

— Тала унталватын лукчал, луктакитын, ашинэ.

Акарамэ турэлдрэн Ивулва:

— Эвунави ороорви вандри.

Акарамэ умукэи шурурэн. Тадук эвэкилэе бакаран. Хэн-кэчилдрэн Акарамэ:

— Миничивэ ширувэе ши ваши?

Эвэкил гуэн:

— Бу эчэлвун варэ.

— Шу вашиун.

Эвэкил Акарамэе дявара. Акарамэ луңулдэн:

— Ивул эмэкэл! Химат!

Ивул эмэрэн, нимичиви қалирэн. Акарамэ дявалдыран бэелуун. Ивул гуэн:

— Нимичивэ уңкудеш.

Акарамэ шомнашинан Ивул шилэвэн, гуэн:

— Ши вакэл, бэрилэи дявакал, ганаткэл.

Ивул эвэкилэе элэвэтын варэн. Нян шурурэн Акарамэнуун, бөжөр, хелакила бөжүшчани. Акарамэ эмэрэн, Ивул гулдрэн:

— Он аиңнандри?

— Туги аиңнам! Ши-яэли бөжюкал хелакила. Би оричан хелакила, таду ши уколэшиндэндри.

Ивул орилдрэн:

— Хе-ла-кил! Эмэкэлдру-у! Шигдэлэе!

Хелакил бурурэ хукитедун. Ивул хактанчалдрэн, немуригды одан.

— Аха-ха-ха!

Хелакил ушкат дэгилдрэ. Ивул умукэмэч эшин анзра, эшин дявара. Дюлавн эмэрэн, Акарамэ ачин дюдуви. Тадук эмэрэн эңнэкэнмэ Акарамэ.

Ивул гуэн:

— Улгуркал он аиңнандри эңнэкэнмэ.

— Би дёромочов атыркандук.

— Би тыматнэ бакалдям.

Тыматнэ Ивул шурурэн тала. Ивул гарпаран актакива, угашишчалдрэн.

Атырикан эмэрэн, кэдэрэви қалилдрэн. Ивул дэрэвэн кэдэрэшинэн. Ивул шоңолдрэн, Акарамэ гуэн:

— Эт шоңодёндри?

— Атыркэнэшу минэ дэрэвэе кэдэрэшинэн.

— Эда-кэ актакива вандри? Шинэ гучэе, эңнэкэнмэ вадаш.

Нян шурурэ Акарамэ Ивулиун. Акарамэ нюрагиран хисэе, гуан:

— Ивул, дявакал, эри токи!

Ивул дяваран. Хишэ нуңанман тырэрэн. Ивул буддан.

17. Ивул

Жили два человека. Один был Ивул, а другой Акарамэ. Отправились они бить диких оленей. Поплыли на лодке. Ехали, ехали по реке, увидели, что лось реку переплывает.

Говорит Ивул:

— Покойного отца собака, выскочу-ка я.

Ивул быстро выскочил и побежал. Пробежал мимо лося. Пошел Акарамэ по следу и нашел ногу Ивула. Принес ее, снова пошел по следу, вторую ногу там нашел. Принес ее, потом еще руку нашел и опять ушел. Идя по следам лося, нашел грудную клетку, принес ее. Затем голову нашел. Сказала она Акарамэ:

— Не рассматривай ты меня, сложи вместе ноги.

Акарамэ сложил все тело вместе, Ивул опять стал человеком. Снова Акарамэ вдвоем с Ивулом пошли.

Говорит Акарамэ:

— Я стану лосей промышлять, а ты начинай аргишить, вот там на горе Чино поставь чум.

Акарамэ ушел промышлять. Двух лосей добыл, пошел по следу Ивула. Плачет там Ивул, не может жерди на скалистую гору Чино втащить, одну только втащил.

Говорит Акарамэ:

— Почему ты так сделал, Ивул?

— О! Зачем же ты говорил, чтобы я поставил на Чино чум.

— Кочуй ты там, около порога чум поставь,— сказал Акарамэ.

Пошел Ивул чум ставить. Приходит Акарамэ и говорит:

— Зачем, Ивул, делаешь так?

— Ты же говорил, чтобы я чум на пороге ставил! Как же я в воде чум поставлю?

Потом Ивул, выслеживая, промышлял лося, а Акарамэ стал кочевать. Ведет Ивул двух оленей, а там — река. Говорит Ивул оленям:

— Снимайте унты! Как же не понимаете?

Тогда Ивул освеживал ноги у оленей. Олени подошли.

Увидал Ивул лося, закричал ему:

— Вык покойного отца. Ку! Ку! Ку!

Тот убежал. Опять пошел Ивул. Увидал там росомуху, опять прокричал:

— Собака покойного отца! Эль! Эль! Эль!

Убежала росомуха. Возвратился Ивул домой. Говорит Ивул Акарамэ:

— Олени там поснимали свои унты да и подошли.

Стал Акарамэ бранить Ивула:

— Зачем ты оленей загубил?

Пошел один Акарамэ и вскоре повстречал эвенков. Спрашивает Акарамэ:

— Моего быка убили?

Эвенки ответили:

— Мы не убивали.

— Вы убили.

Схватили звенки Акарамэ. Стал кричать Акарамэ:

— Приходи. Ивул! Быстрее!

Пришел Ивул, держит в руках уху. Схватился Акарамэ с мужиками.

Ивул говорит:

— Прольешь уху.

Акарамэ выбил из рук Ивула уху и сказал:

— Бей ты, бери луки.

Ивул всех звенков прикончил. Опять отправился с Акарамэ, промышляли, куропаток били. Пришел Акарамэ, Ивул и говорит:

— Как промышлял?

— Так и промышлял! Ты-ко попромышляй куропаток. Я подзымал куропаток, теперь ты подкарауливай.

Ивул стал призывать:

— Ку-ро-пат-ки! Приходите-е! На балку мою!

Упали куропатки ему на живот. Стал Ивул смеяться, смешно стало:

— Аха-ха-ха!

Улетели все куропатки. Ни одной не добыл Ивул, не поймал. Пришел он домой, нет Акарамы дома. Потом Акарамэ принес телянка.

Говорит Ивул:

— Расскажи, как ты добыл телянка?

— Я у старухи украл.

— Ну, а я утром найду.

Наутро Ивул ушел туда. Ивул выстрелил в быка-оленья и быстро его уволок.

Приходит старуха, в руках держит кожомялку. Ударила мялкой по лицу Ивула. Заплакал Ивул, Акарамэ говорит:

— Почему плачешь?

— Старуха меня мялкой по лицу ударила.

— Зачем же ты оленья убил? Я тебе говорил, чтобы ты телянка добыл.

Снова ушли Акарамэ с Ивулом. Акарамэ принес камень и сказал:

— Ивул, лови, это лось!

Ивул схватил. Придавил его камень. Ивул умер.

18. Ивул-да Чорэ

Умнокон бидечэи атыркан, нуңанңи бичэтыи дюр хутэ-лин. Умукои бичэи гэрбин Ивул, нуңандун бичэтыи аңңаниңилин иландар; нэкундыгуду бичэтыи аңңаниңилин дян тунца, нуңанңи гэрбин бичэи Чорэ.

Ивул гуллэн Чорэтки:

— Чорэ, даяъя дяиңилват!

Чорэ гунэн Ивултыки:

— Кэ-ты, дякицияват!

Энинтын хилтылэсчэ бичэн хилтылэвэр. Ивул гунэн Чоретки:

— Си, Чорэ, эхтылэлэдекэл, би даятава уллилделим.

Чорэ гунэн:

— Кэ-ты, суруделим.

Ивул гунэн:

— Си, Чорэ, гакал пэктырэвунэ, эя ичэми, тара пэктырэниңнэкэл!

Чорэ сурурэн, гаран пэктырэвунмэ мэйнуними. Ҳанэдавки урэли, ичэрэн мугдэкэн дагадун экуи-мал токтодёрон. Нуңан пэктырэвуними мирэдукви гаран ңалэлдулави, кэрэн чоконим-мен, тар пэктырэнэн. Сурурэн дагалан, эмэрэн, ичэчиллэн кэчэ энинми вача. Нуңан энинми хигрэн, эхтылэлэвэн гаран, тар суруврэн дюткиви. Эмэрэн дюлави. Акинин даятава ул-лидерэн. Эмэллэн дагалан, эхтылэлэвэ нодаран акиними дага-дун. Акинин ичэчиллэн, тар тагрэн-энинмэр вача. Гуллэн нэкунтыкиви:

— Эда си вача бисинии энинмэр?

Нуңан гунэн:

— Си гучэс минтыки эя ичэми—тара пэктырэниңнэкэл — тар би, ичэми, пэктыречэв.

Акинин гунэн нэкунтыкиви:

— Си даяъя ачин бисинии, эматъе эчэс сарэ, аады-вал моңсон бисинии!

Туги нуңанман хэикэтчэн Ивул эниңдуливар.

Нуңартын аран-аран даяъя ора. Тадук нуңартын даяда-чилла уриндэвэр гела уриндулэ.

Ивул гунэн Чоретки:

— Си, Чорэ, оротой дутэскал хоктоли, би кочово даяду улисчалам.

Тадук Ивул нияи гундевки Чоретки:

— Си, Чорэ, дутэми унэ, тала дюя одядави эё дагадун.

Чорэ гунэн:

— Кэ, би, эмэдэлэс, дюя одяңав.

Ивул урэрэн:

— Кэ-ты, эмэдэлэв, дюя оракис, ая бимчэ!

Чорэ гунэн, сурулденэ:

— Одяңав, одяңав!

Нуңартын тадук уриндук гетки уринтыки сурура. Ивул даяду даяраснан, Чорэ орорди дутэснэн. Туги нуңартын нул-гисчэтын. Чорэ дутэрэн тала уриндулэ, тар дюя эёкикиңду. Сераңъя эмавуки, иливуссаливки, тара эёнимусинивки. Тар албаран дюя одями, упкатва сераңилви манаран. Кэ, эсила сурурэн орордулави; эмэрэн дагалатын, гуллэн орортыки:

— Кэ, луккаллу унталвар!

Орор-ко эя садера — эвкил эматъе гуяэ. Нуңан гевран гунэн орортыки:

— Луккаллу унталвар!

Орор эматъе эвкил гунэ.

Тар Чорэ гаран пуртави, кэрэн хигилиммен осалватын. Авадыния осаян хигрэн, тари бувки орон. Туги упкатва бувкиэнн орорво, Ивул эмадалэн.

Тар Ивул эбидерэн, эёнэн Чорэ дагалан, ханцукталлан:

— Ири-кэ дэ, онни ли, эчэс ли?

Чорэ гунэн:

— Би албам дэя одями.

Тадук Ивул нян ханцукталлан:

— Ири-кэ орор?

Чорэ гунэн Ивултыки:

— Би орортыки гулчэв: «Луккаллу унталвар, дагисчаллап баргидатки бирава».

Нуңартын эчэтын лукса унталвар, би кэчэв хигиммен уталватын, нуңартын кэрэ бурэмиммен.

Ивул гуллэн:

— Си, Чорэ, экуи моңнон ни бисинни, эматъе эчэс сарэ, окни орор унталвар лүкивкил? окни-мал эвкил лукса!

Тадук Ивул гунэн Чорэтки:

— Би синкуи этэм бидерэ, суруделим городтыки татыт-насчалим.

Туви ңенэдесчэн Ивул городтыки. Чорэ орорво депчэлчэн, таду билчэн умукэн уринду.

18. Ивул и Чорэ]

Однажды жила старушка, у нее было двое детей. Один был по имени Ивул, было ему лет тридцать; младшему брату было пятнадцать. Звали его Чорэ.

Говорит Ивул Чорэ:

— Чорэ, давай делать лодку!

Чорэ отвечает Ивулу:

— Ну, давай будем делать!

Мать их пошла за древесной трухой.

Ивул говорит Чорэ:

— Ты, Чорэ, иди за ребрами, а я буду бересту сшивать.

Чорэ сказал:

— Ну, я отправляюсь.

Ивул говорит:

— Ты, Чорэ, возьми ружье, что увидишь, то и стреляй!

Чорэ ушел, взяв с собой ружье. Идет по горе и видит, что около пеньки кто-то рубит. Он снял ружье, прицелился и выстрелил. Подошел поближе и видит, что убил свою мать. Снял кожу с матери, взял ее ребра и понес домой. Пришел домой. Брат сшивает бересту для лодки. Подошел поближе и бросил ребра рядом с братом. Посмотрел брат

и догадался, что убита мать. Говорит он младшему брату:

— Почему ты убил мать?

Тот отвечает:

— Ты сказал мне: «Что увидишь, то и стреляй». Вот я увидел и выстрелил.

Старший брат говорит младшему:

— Безумный ты, ничего не понимающий, какой-то дурак!

Так бранил его Ивул за мать.

Лодку они едва-едва сделали. Потом стали думать, чтобы переехать на другое стойбище.

Говорит Ивул Чорэ:

— Ты, Чорэ, с оленями иди по дороге, а я на лодке вокруг мыса поеду.

Потом Ивул снова говорит Чорэ:

— Ты, Чорэ, придешь пораньше и делай там чум, около шиверы.

Говорит Чорэ:

— Хорошо, до твоего прихода я сделаю чум.

Ивул поддакнул:

— Ну, коль до прихода моего сделаешь, хорошо будет!

Говорит Чорэ, уходя:

— Сделаю, сделаю.

Они с этого стойбища на другое стойбище поехали. Ивул в лодке поплыл, а Чорэ на оленях поехал. Так они покочевали. Чорэ приехал на то стойбище и стал мастерить на шивере чум. Принесет жерди, пытается поставить, а их сносит течением. Так он и не смог поставить чум, все жерди уплыли. Вот пошел он к своим оленям. Подошел к ним поближе и говорит:

— Ну, снимайте свои унты!

Олени же ничего не понимают. Он повторил:

— Снимайте свои унты!

Олени ничего не говорят.

Чорэ взял нож да и освежевал у них ноги. Олень, у которого ноги освежают, тут и подыхает. Так загубил всех оленей до прихода Ивула.

Вот Ивул приплыл, подъехал поближе к Чорэ и стал спрашивать:

— Где чум? Сделал ли, нет ли?

Говорит Чорэ:

— Не смог я чум сделать.

Затем снова Ивул стал спрашивать:

— Где олени?

Говорит Чорэ Ивулу:

— Я сказал оленям: «Снимайте свои унты, переправимся на ту сторону реки».

Они не сняли унты, а их срезал, олени и подохли.

Стал говорить Ивул:

— Эх, Чорэ, какой же ты дурак, ничего-то не знаешь, когда олени свои унты снимают? Никогда не снимают.

Потом Ивул говорит Чорэ:

— Не стану я с тобой жить, пойду в город, учиться стану.

Так ушел Ивул в город. Чорэ остался поедать оленей, остался жить один на стойбище.

19. Кодон-да Ивул

Акил бичэтын Кодон, Ивул, нуңарцитын эинитын.

Кодон гундерэн:

— Ка, Ивул, мокчая юначилгэр. Дерис-нуң ория — пэк-тырэниңиңкэл.

Эинитын юрэн юнастан. Ивул эинимэр пэктырэна. Кодон амакан эмэрэн-да, гундерэн:

— Эда-ка си эинимэр вача бисинды?

Ивул гунэн:

— Си мэнэкэн гунчэ бисинды: «Эя-ка дерис-нуң ория — пэктырэниңиңкэл».

Кодон гундерэн:

— Эинимэр билайван улэнекэл.

Ивул улэнестан. Улэнерэн уликуткэн. Эмэрэн, гунэн:

— Улэм.

Кодон ичэрэн — уликуткэн. Мэнэкэн улэнерэн. Экинимэр нэрэ.

Кодон гундерэн:

— Нулгискэл бираду, дюя одави.

Ивул нулгистэн. Уринэн. Орорби осалбатын осалдыран. Муду дюя сераңилдан.

Кодон бөжөмөткиттук эмэрэн. Ивул орордук осалбатын гача.

Кодон гундерэн:

— Эда-ка си осалбатын ганды?

— Эдэтын улэрэ алгарви.

Кодон мэнэкэн дюя очан, Ивулду гунэн:

— Эсила, ңиңтэлэкэл.

Ивул ңиңтэлэстан. Ивул эмэврэн куңакар ңиңтэлэлэветын. Кодон тыкулча, гундерэн:

— Эвуна эмэвтэс куңакаңилва?

— Су-мэт гуниркэс эмэндаа.

Кодон гундерэн:

— Иргэлэкэл.

Ивул иргэлэстан. Эмэврэн куңакар иргэлэветын.

Кодон гундерэн:

— Эя-ка онды? Эда-ка куңакар иргэлветын эмэвунды?

— Си-мэт гундеркэс ганадав.

Куңакар амтылтын эмэрэ, Кодонма вадавэр.

— Эда-ка куңакарвэр тэпутчэрэс? Эсилэ нуңартын Кодонма тэпулдэ.

— Ивул, айкал,— Кодон тэпкөдөрөн, амакан минэвэ вадичатын.

Ивул маталва валдэн. Нуңарватын тэпуттэн, мисолдолатын.

Кодон ниян Ивулду гундерэн:

— Ивул, мокчая юначилдави. Урэдук улама дёло тыктэкин, си тарва кумлэниэкэл.

Кодон дёлоё экулдэн, урэдук тарва анаран, нуңан Ивул арчантыки тыкчинэн. Ивул дёлоё кумлэрэн, да тардат будэн.

Кодон эмукин эмэзмурэн. Нуңан җэнэчэн-да гирамдамия бакаран, тарва улэрэн. Таргит асива уристен. Угэдэнэ җэнэврэн. Матал дюватын истан. Унатви тулилэ, дягда дагадун иливран. Дюла ирэн, тэгэтчэчэн, чаюмчан, исилиммэн.

Асчэнэ, гуэнэ:

— Унатвэв алдатчэрэн...

Кодон асчан. Дюр унил нуңан унатван ивиаста. Нуңанман дывассалдактын, унадин енургэрэн.

— Унатвэв ивиарэс? — Кодон сурактаран.

— Аңи! — нуңартын гуна,— эсилэ нуңан енургэрэн.

— Нуңан дярин су минду дюр унилвар тамадиңасун.

Кодон дюр унилва гачан-да мэнинуни суруврэн.

Умнэт кэтэкекур укусал җэнэдэрэ. Кодон умун унатви дягдала туктивкэнэн, гева яркола нэрэн, мэнэкэн-дэ укусалва гадылдан.

Этэемнил валадыра, Кодон гундерэн:

— Вугагдук сурактакалду.

Тарил суракталда:

— Кодонңил укусал?

— Кодонңи! — дягдаду тэгэтчэригэ гундерэн.

— Яркодук сурактакалду,— Кодон гундерэн.

Этэечимнил суракталда:

Кодонңил укусал?

— Кодонңи! — яркодук унат гундерэн.

Кодон урикиттулэ эмэрэн, укусалви эмэврэн. Тарилва тэпуттэн. Силуктэлвэ укусалдук гаран асалдуви мэнэлэвуммин.

Кодондула дюр бөөл эмэксэл, гунилдэ:

— Идук-ка, си Кодон, таргачир гудёил асалва ганды?

Кодон гундерэн:

— Асалви аркитчая билгэдулитын, юкнэнтын гоёл. Судэти кэкэлду асалвэр.

Бөөл дюдүлавэр эмэксэл, Асалвар аркитта билгэдули-

тын. Асалтын будэ. Бээл Кодондула үзүстэ, нуңанман вадавэр. Эмэрэ-да гулдэ:

— Эда-ка улэкичэндэ? Эда асаллавун ванды?

Нуңартын Кодонма уйдэ. Молирэ, нуңанман иладавэр. Су-руммир кэрэ, чайя умнаста.

Нуңартын суруруктын, умун бэе эмэчэ-да гулдэн:

— Эхун дярин синэвэ уйдэ?

— Найн одав. Эрилди мол дюча олдыратын.

— Кодонкун, минэвэ эрикэл,— гүнэн.

Тар бэе Кодонма тынчэн. Эсилэ мэнэкинмэ Кодан уйдэн, мэнэкен-дэ сурурэн.

Бээл эмэрэ. Кодонма иладда, нуңан-да эридерэн:

— Эсим би ведь Кодон бисим. Би уңту бэе бисим.

Уңтувэ бэевэ дегдэчэл тогоду, тадук-та мэнэкен Кодон эмэрэн.

Сот гайкадянал, бээл суракталда:

— Идук-ка, ся Кодон, эмэчэ бисинды?

Нуңан гундерэн:

— Геял балдук. Горово үзүзеденкив. Асалсун аят бидерэ. Мэндүлэ дёкечал.

Бээл мэрдуливэр уңчумэтчэлдэ. Тариптыдук Кодон эмукин биделдэн.

Макам.

19. Кодон и Ивул

Жили братья Кодон, Ивул и их мать.

Кодон говорит:

— Давай, Ивул, выгоним кабарожек. Увидишь — что-либо мелькает, в то и стреляй

Мать их вышла во двор. Ивул убил мать. Через некоторое время пришел Кодон и говорит:

— Почему ты убил мать?

Ивул отвечает:

— Ты же сам сказал: «Как увидишь что-либо мелькает, в то и стреляй».

Кодон говорит:

— Выкопай матери могилу.

Ивул отправился копать. Выкопал небольшую, пришел и говорит:

— Выкопал.

Посмотрел Кодон — мала. Сам стал копать. Схоронили мать.

Кодон говорит:

— Кочуй по реке и делай чум.

Ивул покочевал. Остановился на стойбище. Стал ноги у оленей свежевать. На реке из жердей давай чум делать.

Приходит Кодон с охоты и видит: Ивул освежевал ноги у всех оленей.

Кодон спрашивает:

— Зачем ты их освежевал?

— Чтобы не замочили свои ноги.

Сделал сам Кодон чум и говорит Ивулу:

— Иди, принеси корней.

Пошел Ивул за корнями. И принес Ивул пятки детей.

Кодон рассердился, говорит:

— Зачем ты детские пятки принес!

— Ты же велел принести.

Кодон говорит:

— Принеси чагу — напиток для чая.

Ивул ушел за чагой. Принес он детские мозги.

Кодон говорит:

— Что ты сделал? Зачем принес мозги?

— Ведь ты же велел принести.

Пришли родители детей отомстить Кодону.

— Почему, — говорят, — детей наших бьете.

И стали они бить Кодона.

— Спаси, Ивул, — кричит Кодон, — скоро убьют меня.

Давай Ивул бить чужеродцев. И бил их до тех пор, пока они не разбежались.

Кодон говорит опять Ивулу:

— Ивул, иди загонять кабарожек. Если полетит с горы красный камень, ты обойми его.

Кодон раскалил камень и спустил его с горы, чтобы он катился навстречу Ивулу. Обнял Ивул камень и тотчас же умер.

Остался Кодон один. Он пошел и нашел могилу, раскопал ее. Достал оттуда женщину, понес ее на себе. Дошел до чума чужеродцев. Девушку оставил на улице, у сосны. Зашел в чум, посидел, чаю попил, стал спать укладываться.

Засыпая, сказал:

— Стесняется моя девушка войти...

Заснул Кодон. Две девицы пошли за его девушкой. Но как только они дотронулись до нее, она рассыпалась.

— Ввели вы мою девушку? — спросил Кодон.

— Да, — ответили они, — но она рассыпалась.

— За это вы отдадите мне двух девушек.

Взял Кодон двух девиц и повел их с собою.

Вдруг много коров идет. Кодон одну девушку заставил залезть на сосну, другую положил на землю, а сам стал брать коров.

Пастухи ругаются, Кодон говорит:

— Хоть у небесного спросите.

Они спрашивают:

— Кодона ли коровы?

— Кодона,— отвечает сидящая на сосне.
— Хоть у земли спросите,— говорит Кодон.

Пастухи спрашивают:

— Кодона ли коровы?

— Кодона!— говорит с земли девушка.

Кодон пришел на стойбище, привел коров, заколол их. Взял кишки от коров да и обмотал ими шеи своих жен.

Приходят к Кодону два мужика и говорят:

— Откуда ты, Кодон, взял красивых девушек?

Кодон говорит:

— Жен своих я выколол из их шей, вот и вышли красивые. Вы можете так же сделать.

Пришли люди домой и стали своим женам шеи колоть. Жены их умерли.

Люди пошли к Кодону, чтобы убить его. Пришли и говорят:

— Почему обманываешь? Почему ты убил наших жен?

Привязали Кодона. Собрали дров, чтобы сжечь его. Пошли чаю полить.

Когда ушли они, приходит один человек и говорит Кодону:

— Зачем привязали тебя?

— Чтобы я начальником был. Вот из этих бревен будут дом строить.

— Ой, Кодон, привяжи меня,— говорит.

Тот человек развязал Кодона. Теперь его самого Кодон привязал, а сам ушел.

Приходят люди. Стали жечь Кодона, а он кричит:

— Я ведь не Кодон, я другой человек.

Сожгли другого человека, потом сам Кодон пришел.

Люди страшно удивленные спрашивают:

— Откуда ты, Кодон пришел?

Он говорит:

— С того света пришел. Долго шел. Ваши жены живут хорошо. Привет вам наказали.

Стали люди спорить. С тех пор Кодон стал жить один.

Кончила.

20. Он эвенки баян очан

Чоре амутту бичон. Чоре поросто эвенкигэчин, элэ нарбакин. Нуңан амуттули угдусиники, амуттук юдепки.

Амуттула эвенки эмерэн.

Тыргани хэкукокун, дылача хэку, хэкупчу-у-у! Эвенки нурмакаттан амут дяпкаван. Нуңан сарэн чоре амутту бинапон. Эре эвенки амакадукши тылилчэ.

Чоре адэрэн амут даякадун, угуду тэякадун, адэрэн няр-
бакин урбашкэ ачин, иштанин ачин. Эвэнки нюрмаран,
ичэрэн чорва адерила. Эвэнкиду канк бишин. Канкитли
нюриктэвон чориңива хогран эрдыконмэ. Нюриктэн чоре
хэгдэ, чонимжакуи. Чоре мэдэрэн эвэнкива, нюриктэ хогип-
чалаи эвэнкиду ичэрэн.

Мули удушиишшаран чоре, албаран угдушинядами мули,
албаран сурудеми.

Тадук чоре илгэрэн, гунэн: «Эвэнки дыллав хогча бинон,
етпи угдушчами албам».

Чоре дылви еруктаран: хогипча муданин нюриктэн кан-
кит. Чоре веке албаран мули угдушиндеми.

Чоре эвэнкило эмэрэн. Чоре, поросто эвэнки, улгучэмо-
чилэн, гунэн:

— Гирке, евуи хогиние?

Эвэнки гунэн:

Ви хогчав гиркиеви анңания гиркитадан.

Тадук чоре гунэн:

— Екуи бишиние, бай-гу, бетнай-гу?

— Бетнай бисям.

— Кэ,— гунэн Чоре,— анңания минэ каравуткал! Тэтылэ
бакакал: урбашкэлэв, шурэв, унталав бакакал! Ви тамадам
тэтылдулиш, минэ водиракиш анңания.

Эвэнки таре амакадукаи сарэн чорва байван, таре чоре
хукитэн шолата. Нуңан, чоре шолатава дебдерэн дола амутту.
Шолата амут догидадун бишин. Дефтылэлин элэ шолата,
колобово эпки деврэ.

Таре амакадукин эвэнки тылчо, улгучондерэкин.

Эвэнки тэтылэн бурэн омакталва.

Чоре гунэн:

— Только минэ эхсэдэнэ гуладу. Гулэев одяние нямалчува.
Печуя одиние, гулэ нямалчу бигин. Ви таду бидедем. Ви
алагудам оллакиш анңания бивунэв, гулэвэ одяние.

Тадук эвэнки гулэев оран. Эвэнкивэ Чоре алагудяпки,
гулэкэнмэ оран чорду. Этэрэн, оран.

Чоре гунэн, этэрэкин одями:

— Гирке, би тэтылэв бунэлиш дэягия будем.

Чоре бурэн шолатава кэтэвэ эвэнкиду хэгдывэ, ургэпчувэ,
гунэн:

— Кэ, кэшилэ нирулаи лучамадакал.

Эвэнки лучаддула лучамашинаи, тар чоре бунадин луча-
маштан. Нитыкинма гадан.

Таре бэе бай оллан чорит. Анңанива чорва эвэнки води-
ран, уше бай одан. Анңаниду чор нюриктэн балдыран. Чоре
геду анңаниду гунэн:

— Гирке, нюриктэв элэкин одан.

Мули угдушинэн, гунэн: элэкин одан.

Чоре гунэн:

Знаменитый охотник и склизательница Лукерья Басаулова.
Витимская тайга.

— Веке хуечиллэлэ! этэдекутулиш тамадам шолотое. Эдук
этэп ичэлдырэ. Ви дуннэцдулэн угдушилим.
Туг эвенки бай одан.

20. Как эвенк стал богатым

В озере жил черт. Был он, как человек, только голый.
То вылезает из озера, то опять уходит под воду.

На озеро пришел эвенк.

А день-то был жаркий-прежаркий, солнце горячее-пре-
горячее. Эвенк тихонько подошел к берегу. Он-то знал, что
в озере черт водится. Об этом он узнал от своего деда.

Черт спит себе на берегу озера, спит голый, без одежды.
Эвенк подкрался к спящему чорту и ножницами, которые
у него были, отрезал немного волос. Волосы у чорта длин-
нущие. Черт проснулся и видит в руках эвенка острижен-
ные волосы.

Черт попытался уйти под воду, но не мог,

И вот, догадавшись, подумал он: «Наверно, человек сре-
зал мои волосы, поэтому я и не могу уйти в воду».

Черт ощупал голову: действительно, концы волос отре-
заны ножницами. Он понял, что теперь совсем не сможет
уходить под воду.

Черт подошел к человеку. И просто, как человек, начи-
нает говорить:

— Друг, зачем остриг волосы?

Звенк ответил:

— Я остриг, чтобы мы стали товарищами на год.

Черт спросил:

— А ты богатый или бедный?

— Я бедный.

— Ну,—сказал черт,—охраняй меня целый год. Найди для меня одежду: рубашку, шубу, обувь. Я тебе за одежду заплачу, если ты будешь охранять меня целый год.

Звенк от своего деда знал о богатстве черта и что брюхо того черта — сплошное золото. Он знал, что черт питается золотом, которое находится в озере. Еда его — только золото, хлеба не ест совсем.

Все это звенк узнал из рассказов своего деда.

Звенк дал черту новую одежду.

Черт сказал:

— Только смотри, помести меня в доме. Дом сделай для меня теплый, с печкой. Я там и буду жить. А как строить дом, в котором я собираюсь жить год, я тебя научу.

И вот звенк сделал для него дом. Черт учил его, как делать домишко.

Когда человек построил, черт сказал:

— Друг, за то, что ты дал мне одежду, я тебе дам денег.

И черт дал звенку много золота, большой слиток, и сказал:

— Ну теперь иди к продавцу, набери продуктов.

Звенк пошел к русским купцам за продуктами. Всякой-всячины набрал.

И стал тот человек богатеть по милости черта. Повозился звенк с чертом год и уже стал богачом. За год волосы черта выросли. На второй год черт сказал:

— Друг, мои волосы выросли уже достаточно.

Он смог залезть в воду, и это его убедило, что волосы выросли достаточно.

Тогда черт сказал:

— Расстанемся навсегда! За твою заботу я заплачу золотом. Больше не увидимся, я уйду в свою землю.

Так звенк стал богачом.

21. Ая бэе бидерэн

Дюр бээл мотыя гэлөктэдечотын.

Ге бэе бичон моңнон (аракукан моңношинча, вевашинча),
Ге бэе чукэтыкокуя, иргэн бишин, аяма бэе.

Мотыя гэлөктэдэнэл, чурилдуга тургара, чурил мотыва
вачал.

Бээл ичэрэ: киглэлэвэ хуюкукорвэ чурил лукчал. Киглэ-

кортын эрдыкор, хуюкукор, куңакандыкан. Бөркэрти эрдыкор, мотыя эптылэли. Чурил мортын бэрилээр ора.

Нуңартын, чурил мотыя вачал, мортын эчэл ичээр; моты догидалун бидерэ хукитэдун. Моты догидалан угдуктэдэрэ, тала моты хукитэдун дотадыра, гиркуктадыра, доли моты хакирван гаситчара, нимнэвэ гачал, гаситчара, босоктолон гаситчара, эдон муноурэ.

Чурил ичэшинэ угскивар: эвэнкил эмэчэл дюрэгдэ. Чурил тар тэгэрэ.

Эмугдэдун дяддун улгучэмотчэпки тар бэе аяма: «Евар мотымия-вал вачал?»

Гиркин моңнон гунден:

— Эркор бинэл хуюкумэл он мотыва вачал?

Таре эвэнки моңнон эрупчут хэңкэтчэрэн, гиркиткиви, чурил бидерэктын. Чурил хэңкэвэ тылдерэ. Моңнон хэңкэвон тылдерэ, тарит ахсадыра, хуюкукор, эвэснэ ачир биденэл, ахсадыра делум.

Чукэты гундерэн:

— Кэ, экэл улгучэмотмурэ! Чурил тылденорэ, ахсадыра! Экэл улгучэмотмурэ!

Гиркин этэрэн хэңкэтчэми.

Чурил тар улгучэмотчиллэ генун бэенун чукэтынун. Чурил гуңэ:

— Гирки, илэ нэнушинден?

Эвэнки — чукэты гуңэн:

— Минңило горэ!

Чури гуңэн:

— Минңи гулэв дага, умунду нэнудегэт!

Эвэнки гуңэн:

— Нэнудегэт умунду.

Шурурэ упкат дыңни: чурил, эвэнкил. Чурил нёрадяп-кил, бэел чурил даридалитын нэнадепкил, яңкатыя хуюкур. Иста. Чурил дытын хуюкун.

Эвэнкил чурилду аннэчыллэ. Дэвуллэ долболтоно. Дэвуллэ долболтоно, ашалтын каларучал, уллэллэ эсыкирде иричол, чукирде.

Чурил дэвуллэ укумот, энэ сера, чухшэвон уллэ. Эвэнкилду товрэ, чурил шапкал туютчэрэ. Эвэнкил туютнэлвэтын манара.

Чурил уллэңилвэтын чумэңилвэтын настолдувар нодешкил, чумэми этэми. Эвэнкил дивэдепкил: он тутт дебдерэ, энэл сера.

Эвэнкил эмэрэ анцэчилдавор, албапкил дотадыми, дютын хуюкун. Бэел анцэттэ тыманнэлэ. Тыманнэ демми тулиски юрэ. Тулило моңнон таре бэе ге чурил бэрилвэтын еруктал-лан. Еруктадына гунденки:

— Эркорде ея тукаңнара?

Чурил ахсара тар моңнонде, умуконтын гуңэн:

— Километрая, нэңэкэл, шухшиллалви илипкал аран

ичээрэ. Илгал шухшиллалви чагидадутын окол. Эвэски ичэчилкэл минэ.

Шухшиллалви иливран моңнон чагидитын одан, таду иллан.

Чури нуунаиман гарпаран, шухшиллалван дупумнэк гарпаран, моңнонмо тымирэн нюре. Туг-дэ моңнон будэн.

Гиркин ичэтчэпки, гиркиви будеривон ичэрэн. Гиркин гунаи:

— Нууан виноват — човилдячан, эми човилдяра, индечэ бимчэ.

Гиркин эчэ тыкулла, виноватнан гиркин садерэн, бэе ая иргэн элэкин.

Бэе таре нэнушинэн дюлави, ашиткиви гунаи:

— Тэгэвэ бакам, хуюжукорвэ. Гиркивэв чурил варэ, нууан човилдячан, хэңкэтчэчон, тарит нуунаиман варэ, ахсапканэн тэгэвэ. Мошви виноват бичон.

Ая чукэты бэе эрдэлон бидерэн.

21. Живет хороший человек

Двое мужчины искали сохатого.

Один человек был глупец (немного придурковатый, заговаривался). Другой был очень умный, хороший человек.

Когда искали лося, наткнулись на карликов. Те карлики лося добыли.

Смотрят люди и видят: карлики сняли лыжи. Лыжи у них малюсенькие, совсем как детские. Луки их тоже крошечные, величиной с ребро лося, карлики их сделали сами.

А самих карликов, убивших лося, не видно: они внутри лося находятся, в брюхе его. Влезают во внутрь сохатого, там в брюхе бродят, тащат печень лося, его внутренности; почки тащат, чтобы не сгнила туша.

Взглянув вверх, они увидели, что пришли два человека. Карлики присели.

Хороший человек про себя рассуждает: «Как же они убили сохатого?»

Его товарищ-глупец возьми да и скажи:

— Такие крошечные, как же они убили лося?

Этот глупый человек бранит карликов при них же. Карлики понимают его язык. Слова глупого человека поняв, очень рассердились. Но раз они маленькие, бессильные, то скрывают свой гнев.

Умный говорит глупому:

— Ну, перестань: карлики, наверно, понимают и сердятся. Не говори.

Товарищ его не перестает говорить.

Вот карлики заговорили с другим, умным мужчиной:

— Друг, куда мы пойдем?

Умный человек ответил:

— До моего дома далеко.

Карлик сказал:

— А мой дом близко, пошли вместе!

Эвенок согласился:

— Ну, пойдем.

Пошли все четверо: карлики и эвенки. Карлики впереди, мужчины немного в стороне от них, так как лыжня карликов очень маленькая. Дошли. Чум карликов очень маленький.

Эвенки остановились на ночлег у карликов. Стали ужинать. Жены карликов, готовя еду, мясо недоварили.

Карлики едят, сок высасывая, не жуя мясо. Подали еду эвенкам — карлики мастера угощать. Эвенки съели все, чем их угощали.

Карлики кладут на стол высосанное ими мясо. Эвенки удивляются: как так они едят, не жуя еду.

Эвенки собираются ложиться спать, но не могут поместиться: дом карликов очень маленький.

Переночевали все же. Утром, поев, вышли на улицу. На улице тот глупый человек стал рассматривать лыжи карликов. Рассматривая, говорит:

— Такусенькими-то что убивают?

Карлики рассердились на того дурака. Один из них сказал:

— Становись за километр, поставь свои лыжи, чтобы были едва видны, сам стань за свои лыжи и смотри сюда, на меня.

Дурак поставил свои лыжи и стал за ними.

Карлик выстрелил, пробил лыжи насквозь, попал стрелой в дурака. Так тот и умер.

Умный увидел, что товарищ его погиб, сказал:

— Он сам виноват — хвастался. Не хвастался — был бы жив.

Он не рассердился, так как знал, что его друг виноват. У хорошего человека хватило ума так рассудить.

Мужчина этот возвратился домой и рассказал своей жене:

— Я встретил народ, чужой, очень маленьких людей. Моего товарища карлики убили, он хвастался, бранился, поэтому его и убили — рассердил он тот народ. Сам был виноват.

Хороший, умный человек до сих пор живет.

22. Бээлдули уламал тэтэгчлil, бэркэ омолгили

Тар горо бицкин. Бээл уринчэдочетын. Тар семьядуи бицэн акинин, нэкунин, экинин дюр — гудейкэкур. Уминээн акинын бэюстен, ген акинин дюдубар бидерэн, орорбор этэетчэнэ. Экинтэн агалва томкочил нэрэ, таду-да нимэл,

бичир бичэл; бэюр ирэхсэлдуктын тэтыгэлбэр улдылчэл. Нэ-
кунтын нюрэрүквэ нэчэ, нюрилви чиштылдэн. Нуңартын
дюдэ авая орактын, эмэрэ бэел уламал тэтыгэчил. Акинман
варэ, экилван мэрдувар эксэстэ, гороло, урэкэчэр чагида-
латын. Экинтын эделиви сурура, нюрилба унэвсимиду укул-
дэн ирэктэл дагачандутын нэрэн.

Акинтын мучуран, дюдувар ңие-дэ увэй. Яркodu нэкун-
мэн уклэдэрэн.

Тар бэйчэн тэгэтчэнэ, думанлчан, он-ка экилби баками,
эя-ка нэкундуливи амин. Тадук ичэчилдэн ирэктэ дагачандун
унэвими уклэдэрэн, таду нюрил диялчал бичэл; сот урун-
денэ, мэндүви гунилдэн: «Эсилэ би адали экилби гадиңав
бөөлдук мэндүви». Нюрилви чиштылдэн, тадук ния ичэчил-
дэн; сонативи утакачакан локучадыран. Тар утакачан со-
лоңгосодук улдымчэ бичэн, нуңанман гача, таду толикан
бисин. Тар экинтын эду локочон. Нуңан урунденэ, толи-
канмэ гаран-да дептөн.

Тэттэн айкакунди, бэрэн локочон, нюрэрүкви нюричил
локочон, тамакия тандяна, бэел уламал тэтыгэчил удялду-
литын ңэнэсинчэн.

Удялитын ңэнэдэрэкин, умукэн урэкэчэнду нуңан бөөлвэ
бакалдыран.

Уминэт чагидалдуктын нуңантыки нюрилвэ дагамара. Ну-
ңанман умукэмэ булэсэл нюрилватын эчэн навканэ. Упкат
утискэки, эргискэки дэгрэ. Эсилэ нуңан дыгин тыгиткичилвэ
ичэрэн: дютэлди, дыгитэлди нюңуталди, дянкуталди бөөл
бэричил бичэл. Эсилэ нуңан дыги этэткитту наданма бөөлвэ
гарпаран, дянкива-да экилдуливи суракталдан. Тар, сот
ңэлэдэнэ, омомгитки гунилдэн:

— Би гуниктэ экилис бидеривэтын. Эсилэ нуңартын
эгды бира дянкадун бидерэ. Тар урикитту нюңун нямэди
дюлтын бисин. Акинды навча бисин, экилды сокакурди дё-
готчорэ.

Нэкунтын экилдуливи долчачикса, нюрилви ичэтчэнэ,
часки сурурэн.

Ңэнэчэн-нуң, ңэнэчэн. Горово-гу ңэнэчэн. Бирала эмэрэн,
ичэтчэрэн: ороор онкодёро. Ороорду мудана увэй. Со-
какур. Эду-да мурир-да, укусал чукадыра. Кэ, омомги сокакур
дюлвэ ичэрэн. Окмат-вэл таргачир дюлвэ нуңан агиду эчэн
ичэрэ.

Осоорду омомги тэгэтчэнэ, дялдалдан: «Отнако би нюр-
илви эмэнимудиңэн, унталви кэтэрэчиктэ, тэтыгэлви кэтэ-
рэчиктэ, бадэви упкатван элдат тэвуктэ».

Омомги тэтыгэлви кэтэрэттэн, бадэви элдат тэвукса, сурул-
дэн дюлдулатын. Нуңан дюлдулатын исилдакин, нуңанман
экилини тактэ. Нэкунин урунэн.

— Э! Тар муңи дагамадыран, — нуңан гунэн.

— Экал урункилэрэ, тэгэткикэл элкэ, — гунэн экинни.

Экиилин ирөксөлдүк төтөтөлө, унтала улдыдере. Этерән мандыдыми, нэкунин-да гулдэн:

— Бокамандэвун эмэдерэн!

Омолги экиилдукми синуатадына сурактадан:

— Кэ, су минэ бодосчиңэсун-чу? Эдиңэсун-чу? Би эмэм сунэ айдави.

— Оми-ка эсеми си нуңарбатын, уламал төтөчигэ он даадыңиңэс?

Омолги урикит найидулан эмэрэн, мэнэкэн-дэ тыкулдэн. Нуңан найидук эечилдэн экиилин.

— Тарил бөөл гунчэл:

— Бу экиилвэс эдиңэвун бурэ. Гами гадиңас, төли си мунду одиңас тунңадяр даяъя.

— Кэ, эсилэ би сунду тунңадяр даяъя окта!

Эсилэ нуңардутын даяилва олдэн.

Даяилва оракин, тарил бөөл нуңандун гунилдэ:

— Мунэвэ си эдэвуктэкэл баргискаки.

— Кэ,— гунэн ололги,— сунэвэ эдэвуктэ баргискаки. Эсилэ би экиилви эдэвуктэ.

Нуңан баргискаки экиилви эдэвуксэ, упкатватын тунңадяр даяилватын илаттан тадук дэгэрит дундэңитки чэнустан. Бөөл нюңун нямади дюддуктын умунутэ, баргискаки ичэт-чөчөтын даяил иладариватын.

Туги агили нулгиктэдэнэл, чэнэдечэтын-да чэнэдечэтын экиил нэкунунумэр дундэлтыкивар. Горово-гу чэнэдечэтын?

Умун урэкэчэниэ исчауни, дая очал. Экиилин ороорвор этэетчэрэ, сурвэ, унтала улдыдере, нэкунтын нюрливи одя-ран.

Экиилин нэкундувар утакандула лепескалва нэксэ, нуңан-ман бөкүмэткиттула чэнэвкэнэ.

Нэкунтын агили гиркуктадычан-да, бөжүрвэ бөкүтэдэрэн. Гарпадыран-да, бөжон удялиа туксадыран. Нуңан, эгды орокива ваксэ, силэвунду силэрэн, улдэе депилдэн, меван-да сока-кунди энуилдэн. Нэкунтын гунчэдэрэн: «Отнако дюдуби эсин ая бисин». Нуңан дыгэрит экиилтыкиви мучусини.

Туги нуңан агили чэнэдэрэн, чэнэдэрэн, урэкэчэрвэ таң-дына. Туги кэтэкэкур урэкэчэрвэ бутэксэ, эсилэ мэнчилэви дуби истан.

Нян чие-дэ увэй биси.

Экиилин туги-дэ нюрл унэвсимиду укулдэн, ирөктэл да-гачандутын даячан. Толикан солоңгөксөдүк утакачандула нэксэ, сонала локочон.

— Вэркэ, даяичи экиими толиканмэ сонала локочон-чу? Эчэн-чу? Нюрлба ирөктэ дагачандун даячан-чу? Эчэн-чу?

Урундэнэ, нуңан унэвсимивэ ичэттэн, таду нюрлба чакя-ливчал бичэл.

Алтмарит тэтыксэ, бэрви локочон, нюрэруквэ нюрччил

локочон, тамакия тандяна, тадук уламал ирөксәддук тәты-
гәчил бәел уялдулитын җәнәсинән.

Удалитын умун урәкәчәндү нуҗан валдыран. Эду куси-
денә, нуҗан джор нюрини бәел илделәтын навканә.

Җәнәдерән, җәнәдерән агили. Горово-гу җәнәдерән. Омук-
туквар бакалдыран. Дян бичәл. Эгдыгу самая бичән.

Нуҗартыкитын гуәнә:

— Вәләткәлду нәкиилвәр баками. Уламал ирөксәддук тә-
тычил бәел нуҗарватын эксәстә.

Саман гулдән:

— Кә-нә, бәләдиҗәт. Нюрини чиштикал. Упкат ая би-
диҗән.

Әсилә омологи нюрини чишчилдан. Җи-вәл бәюмәсинән,
җи-вал ороуро әтәтчәрән.

Кәтәкәкур нюринә чиштирән-да, гунилдән омологиакуни:
Әя-ка кәдиңавун? Әя олдиңавун?

Саман гулдән:

— Тыми, бу упкат дян умун бинал әкиили удалдулитын
җәнәңавун. Унәкир тәгәгәр, айтмарит тәтәвәр, нюринвар
гадавәр-да сурудәвәр джәләски. Би-дә су амардусун җәнәңнәм.

Упкат унәкәкун сәринвә. Мавучилди угучакилва мавут-
ларә тадук сурусинә. Саман, әгды оронду тәгәтчәнә, упкат
амардукин хуктывдечән.

Суручәнуи суручәл агили, әлгәвунма иливра. Сәләт, дәлот
бәләгәчинди тогово иларә, сәраңилва оңиоро-да, гулувунма
илачал. Вәйчәнтыкин орокива дөпилчән.

Саман әмәчән. Омологи нуҗантыкин гулчән:

— Амакан иҗиңавун, умун долбонива анҗәсчиңавун. Әя-
ка кәделңавун? Толкитчиал-да гундәви әя-ка оңатывун.

Саман гуәнә:

— Тыми дылача әсалдувун ичәкәндиҗән, бу-дә часки
сурусиндиңавун. Октоли мәкчән биҗәтын. Тар мәкчәнмә, әнә
гарпандяра, вавка, сәксәән әдән ичәврә. Тар мәкчәнмә туги
вамчадиңавун, тәли бу буләсәлвә даадыдиңавун.

Тыматнә упкат тәгәрә, оронди сурусинә. Агили суруденәл,
ичәтчәрә урә орондулин мәкчән уктыдеривән.

Тар омологи, бәркә уркакан, уктыдери мәкчәнмә боконон,
алганман даяаран, никимнаван букучилди унәкәчәрдини тә-
ридерән.

Саман омологитки гуәнә:

— Имәтмәрит мәкчән мөванман минәкәл, тардукин сәксәә
умискал!

Саман сокакунди гуәнә:

— Кә, әсилә бу даадыдиңавун! Улдәә улдыкәлду, упкатва
дөпилдиңавун!

Улдәә силәденәл дөпчәл.

Омологи суракталдан:

— Әе-ка әсилә кәдиңавун?

Саман гунэн:

— Эсилэ бу паслетней урэхэмнэ исчавун. Си джолтыкитын чэнэкэл, таду экиилви тэгэтчэрэ. Уламал ирэхсэлдук тэты чил бөөлтыки дагамаракис, сот бэркэн эркэвунмэн тандави.

Сурусинэи бэркэ омологи, нуңан дялин алатчэчатын, мэр-
дуэр нюриллэл одянал.

Җнадерэн омологи, сот гайкамиद्याна: оротын кэтэкэкур, муиртын кэтэкэкур, укусалтын сокакур. Нуңан мурира, укусала таңиссадыран, арэн таңми. Джолтын со кэтэ-
кэкур.

Омологи, джолдулатын дагамадяна, бэркэн эркэвунмэн та-
нилдэн.

Экиилдэн экэсинэ:

— Боканмун эмедерэн.

Нуңардулатын эмэксэ, омологи нуңартыкитын гулдэн:

— Миниун эсилэ бодосчолдосун.

Умун экиини гунэн:

— Они-ка бу нуңардуктын, эрил бөөлдук сучадиңавун?

— Би эрдэт җнаделим нуңардулатын, су тар дарин са-
декэлду.

Омологи тарил бөөлтыки гунэн:

— Би экиилви гадылим!

Тэли тарил бөөл омологилтыки гулдэ: «Кусилгэт! Вуленцэт!»

Нуңартын гунэ:

— Упкаттук нюңун намади джолдуквун синиун кусигэт!

Нуңан-да экэсинэн:

— Кусилгэт! Би суниун умунду тэгэчиктэ, су-да нёгут
гарпалдавэр.

Бэркэ омологи дулиндуклатын тэгэрэн. Нуңан мурэли тэ-
гэрэ уламал тэтыгэчил бөөл, пэктырулдэ нюрилдивэр. Ну-
ңанман умукэнэ-мэл нюритвэр ачал навканэ. Кэ, умнэкэн
навканэн, умун бөө омологи унекэчэнмэн навканэн.

— Эсилэ,— гунэн бэркэ омологи,— би кэнэ сунэвэ пэкты-
руликтэ. Су минэвэ арес давдыми, нюрилсун манавда. Минңи
умус умэкэчэнмэн тэксэттэс. Эя-ка тар дарин би сунду олди-
ңав?

Бэркэ омологи дулиндутын тэгэрэн. Мурэли уламал тэты-
гэчил бөө тэгэтчэрэ, алатчэнэл нуңан пэктырулденэвэн.
Тардат нюрилин иртыкитөнөлтыки дэгрэ. Гетыкии нюрин
бөөтыкинмэ вадерэн, омологи-да элэ бэркэн эркэвунмэн тан-
дыран.

Кэтэкэкур бөөл бичэл. Упкаттукии элэ дян егин сулапчал
индирилвэ.

Сулапнакар бөөл гунчилдэ:

— Этэкэл мунэвэ вадеми! Экиилвэс будиңавун, акиндулис
тамадиңавун.

Бэркэ омологи гунэн:

— Кэ, этэктэ сунэвэ вадеми. Экиилви гакта. Су мунду

туиңа нјамади орооро букэлду, туиңа нјамади мурира. Акинми жалэдун андуду туиңа умэкэчэрини бичэл. Нуңан туиңа умэкэчэрдулин су букэлду туиңадяр орооро, туиңадяр мурира, туиңадяр укуръя. Акинми жалэдун дегинџуду туиңа умэкэчэрин бичэл. Нуңан туиңа умэкэчэрдулин су минду будиңэ-суи туиңа унатъя. Тар упкатван су мэнэкэр эгдыкэкуи бира баргискаки эдэвуктэдиңэсуи.

Тарил бөөл гуиэ:

— Упкат гэлэдеривэ, орооро, туиңа унилвакуи, гадави, элэ муиэ сулакал.

Бөркэ омологи унилви, орооро, бөөл унилвэтын гаран-да, бөөлтыки гуиэи:

— Кэ, эсила таравэ эдэвуктэкалду!

Нуңартын, баденэл, гуиилдэ:

— Давил увэй биси. Кэтэкэкур давилва көрөгичи.

Умунтын гуиэи:

— Кэ, су эдэвуктэкалду, би давила оликта.

Туги упкат авдулва эгды бира баргискаки эдэлдэ. Бөркэ омологи упкат чагидалин сурурэн.

Акиилин дялвэр, саманмэ исиктын, саман бөөлдуви гуиэи:

— Гундэвэр унилду, алтмарит орооро этэеттэтын, эдэтын умукэмэтъе эңнакэрэ сокорира.

Туги тарил унил орооровтын этээлдэ.

Саман-да нии омологиа уламал тэгыгэчил бөөлтыки уң-чэн, нуңан унекэчэндуливи тамана эстэн.

— Иландар орооро эттэви,— гуиэи саман.

Бөркэ омологи бөөлтыки мучукса, бөркэн эркэвунмэн танилдан, тадук тарил бөөлтыки гулдэн:

— Минџи унекэчэндуливи нии иландяр орооро букэлду!

Туги-дэ тарил бөөл очатын.

Дялви омологи истан. Нуңартын дундэлэвэр агили сурусинэ.

Сурудеңкитын, сурудеңкитын. Горово-гу сурудеңкитын?

Упкат.

22. О людях в рыжих одеждах и храбром юноше

Было это давно. Кочевали люди по тайге. Среди этих людей в одной семье были два брата охотника и две сестры-красавицы. Старший брат ушел на охоту, другой около чума с оленями остался. Сестры поставили около себя торсучки из бересты с жилыми нитками, иглоками, бисером и стали шить одежду из шкур диких оленей. Брат младший поставил колчан и стал чистить стрелы. Пока занимались домашней работой, к чуму их пришли люди в шубах из рыжих шкур. Прикончили брата, а сестер увели в далекую сторону, за множество хребтов. Одна из сестер завернула

стрелы в старую матерчатую ткань от чума и положила сверток возле лиственницы.

Вернулся брат с промысла, а в чуме никого нет, на земле убитый брат его лежит.

Сел тот охотник и стал думать, как сестер выручить да за брата отомстить. Потом увидел он сверток у лиственницы, где стрелы спрятанные лежали, обрадовался и стал говорить сам себе: «Теперь-то я выручу своих сестер-пленниц». Почистил стрелы и опять видит — мешочек на остоле чума висит. Взял тот мешочек, сшитый из шкурки колонка, а там мясо сушеное оказывается. Это сестра здесь припрятала. Он обрадовался, взял сушеное мясо и поел.

Оделся как следует, лук повесил, колчан со стрелами повесил, закурил и пошел по следам людей в шубах из рыжих шкур.

По дороге у одной сопки он встретил людей.

Вдруг стали долетать до него стрелы из-за гор. Но ни одна вражья стрела не достигала его. То выше, то ниже пролетали. Вот прошел он уже четыре засады: по два, по четыре, по шесть и по восемь лучников. Наконец, он смертельно ранил семь лучников в четвертой засаде, а восьмого стал о сестрах своих спрашивать. Тот в страхе стал говорить юноше:

— Я скажу тебе, где находятся твои сестры. Находятся они теперь на берегу большой реки. На том стойбище шестьсот чумов. Брата твоего принесли, а сестры страшные муки испытывают.

Брат послушал о своих сестрах, посмотрел на свои стрелы и отправился дальше.

Шел, шел. Долго ли шел? Пришел к реке. Смотрит: олени пасутся. Нет конца стадам, множество множество. Здесь же и коровы, и кони пасутся. Вот видит юноша множество чумов. Не видал он в тайге столько чумов никогда.

Сел на колодину парень и думает: «Лучше я стрелы свои оставляю, унты подналяю, одежду меховую подналяю, лицо все углем вымажу».

Подналял юноша одежду, вымазал углем лицо и пошел к чумам. Как стал он к чумам подходить, узнали его сестры. Младшая сестра обрадовалась.

— О, это наш подходит!— сказала она.

— Перестань радоваться, сиди!— сказала старшая.

Шьют сестры из шкур одежды, унты. Не выдержала младшая и говорит:

— Поруганный наш идет!

Обратился тихим голосом юноша к сестрам:

— Будете ли вы сопровождать меня? Я пришел спасти вас.

— Как одолеешь ты этих, в рыжих одеждах?

Пришел парень к предводителю стойбища, а сам злой. Стал он просить у начальника, чтобы выдали ему сестер.

— Нет,— говорят те люди,— сестер мы так не отдадим. Когда ты для нас пятьдесят лодок сделаешь, тогда лишь можешь взять своих сестер.

— Сделаю я вам пятьдесят лодок!

Ну вот, стал он им лодки делать.

Сделал лодки, а люди те говорят:

— Теперь переправь-ка ты нас на ту сторону.

— Хорошо,— говорит юноша,— переправлю я вас. Но сначала перевезу я своих сестер.

Переправив сестер на другой берег, зажег он все пятьдесят лодок и быстро пошел в свою сторону. А люди из шестисот чумов собрались и смотрели на другой берег, как пылали лодки.

Так шли, шли, кочевали по тайге в свою сторону сестры с братом. Долго ли шли?

Дошли до одной сопки, сделали чум. Сестры пасут оленей, шубы шьют, унты шьют, а брат их все стрелы делает.

Положили сестры своему брату в мешок лепешек и проводили его на промысел.

Ходит брат их по тайге, бьет копытных зверей. Попадет стрелой и бежит по следу зверя. Убил он глухаря большого, изжарил его на вертеле. Стал мясо его есть, а сердце болит да болит. Подумал брат, что в чуме что-то неладно, и поспешил к своим сестрам.

Идет, идет по тайге, сопки считает. Много прошел он сопки, наконец, доходит до своего чумовища.

Опять никого нет.

Старшая сестра так же стрелы в старую материю от чума завернула и у лиственницы спрятала. Сушеное мясо в мешочек из шкуры колонка положила да на остоу чума повесила.

— Храбрая и догадливая сестра моя,— говорит охотник,— не повесила ли мне сушеного мяса на остоу чума? Не спрятала ли стрелы у лиственницы?

С радостью увидел он старую материю, а в ней завернуты были стрелы.

Оделся как следует, лук повесил, колчан со стрелами привесил, закурил и пошел по следам людей в шубах из рыжих шкур.

По дороге ему у одной сопки сразиться пришлось. В этой схватке в тела врагов две его стрелы попали.

Идет, идет по тайге. Долго ли идет? Повстречал людей из своего племени. Было их десять. Старший шаман был.

— Помогите,— сказал он им,— сестер моих найти. Люди в рыжих одеждах увели их.

Шаман говорит:

— Ладно, поможем. Чисти стрелы. Все будет хорошо. Стал парень стрелы чистить. Кто на охоту отправился, кто оленей пасет.

Начистил много стрел и стал говорить парень:

— Ну, как быть? Что будем делать?

Шаман говорит:

— Завтра все мы одиннадцать человек пойдем по следам сестер твоих. Вставайте рано, одевайтесь получше, забирайте стрелы и шагайте вперед. Я же буду следовать за вами.

Проснулись все рано. Изловили арканами езовых оленей и поехали. Шаман следовал на большом олене позади.

Ехали, ехали по тайге, остановили аргиш. Развели с помощью железа и камня огонь, нарубили жердей и разожгли костер. Каждый охотник ел глухаря.

Приехал шаман. Обратился к нему юноша:

— Скоро доедем, одну ночь переночуем. Что мы будем делать? Подумай во сне и скажи, что предстоит нам делать.

Шаман сказал:

— Завтра солнце покажется нашим глазам, и мы соберемся в путь. По дороге должна быть кабарожка. Ту кабарожку убить надо без стрелы, чтобы не было видно ее крови. Если будет так убита кабарожка, мы победим наших врагов.

Встали все утром, поехали на оленях. Едут по тайге и видят — на вершине сопки кабарожка бежит.

Побежал юноша, храбрый молодец, догнал на бегу кабаргу, схватил ее за ногу и задушил своими сильными руками.

Сказал шаман юноше:

— Режь скорее сердце кабарги и пей из него кровь!

Освеживал храбрый юноша кабаргу, разрезал сердце и выпил кровь из сердца.

Шаман воскликнул:

— Ну, теперь мы победим! Сварите мясо, все съедим!

Сварили мясо и съели.

Юноша спрашивает:

— Что теперь делать будем?

Шаман говорит:

— Теперь мы доехали до последней сопки. Иди-ка ты к чумам, там твои сестры сидят. Сильней натягивай тетиву, когда будешь подходить к людям в рыжих одеждах.

Пошел храбрый юноша, а соплеменники его остались в ожидании, делая для себя стрелы.

Идет юноша и диву дается: оленей множество, лошадей множество, коров множество. Пытается подсчитать оленей и лошадей, но не может сосчитать. Чумов стоит множество.

Как стал юноша к чумам подходить, тетиву начал натягивать.

Сестры же его воскликнули:

— Поруганный наш идет!

Дошел до них юноша и обратился к ним:

— Поедете вы со мною?

Одна из сестер сказала:

— Как отделаться нам от них, от этих людей?

— Пойду и к ним, вы же знайте об этом.

Обратился юноша к тем людям:

— Заберу я сестер своих!

Тогда стали те люди юноше говорить, что сразиться ему надо.

Они сказали:

— Все шестьсот чумов вызывают тебя стрелами сразиться.

Он же воскликнул:

— Помою! Я сяду среди вас, а вы начинайте первыми пускать свои стрелы.

Сел тот храбрый юноша один среди них. Вокруг него сели люди в рыжих одеждах и стали пускать в него стрелы. Так не могли они ни одной стрелой попасть в юношу. Но вот один из них попал стрелой в его палец.

— Теперь,— говорит храбрый юноша,— начну-ка я пускать свои стрелы. Не могли вы осилить меня, кончились все ваши стрелы. Оторвали вы мой палец. Что за это сделаю вам я теперь?

Сел храбрый юноша среди них. Сидят вокруг люди в рыжих одеждах и ждут пуска первой стрелы.

Тотчас стрелы полетели во все стороны. Вьет насмерть каждая стрела. Летят стрелы, а юноша только тетиву натягивает.

Много людей было. Из всех только девятнадцать осталось.

Тогда воскликнули оставшиеся:

— Прекрати нас избивать! Сестер отдадим, а за брата убитого дадим тебе выкуп.

Говорит храбрый юноша:

— Ну, кончаю вас бить. Сестер своих возьму. Дайте нам пятьсот оленей, пятьсот коров, пятьсот лошадей. У брата моего на правой руке пять пальцев было. За пять его пальцев еще надо дать пятьдесят оленей, пятьдесят коров, пятьдесят лошадей. У брата моего на левой руке пять пальцев было, за пять его пальцев вы дадите мне еще пять девиц. Все это сами через большую реку переправите.

— Возьми,— говорят те люди,— все, что ты просишь: стада, пять девиц, только нас пощади.

Взял храбрый юноша сестер своих, стада все, пять девиц их и сказал тем людям:

— Ну, это переправьте!

А они стали говорить:

— Лодок нет. Множество лодок надо.

Тогда говорит один из них:

— Ну, вы будете переправлять, а я буду лодки делать. Так стали переправлять все через большую реку. Последним ехал храбрый юноша.

Когда доехали сестры с оленями до стоянки своих людей и шамана, то шаман сказал своим людям:

— Скажите им, чтобы стада они берегли и ни одного теленка не потеряли.

Так и стали те девицы оленей их пасти.

А шаман опять послал храброго юношу к людям в рыжих одеждах и велел ему просить еще выкуп за свой палец.

— Тридцать оленей проси, — сказал шаман.

Вернулся храбрый юноша, тетиву стал натягивать и обратился к тем людям:

— Дайте за мой палец еще тридцать оленей!

Так и сделали те люди.

Достиг юноша своих. Поехали они по тайге в свое место.

Ехали, ехали. Долго ли ехали?

Все.

СКАЗКИ-ШУТКИ

23. Бэекэн осиктадын

Бэекэн осиктадын матамаран бултамнилдула. Нуңартын кэремунмэ улэре. Гуючиллэ нуңандун. Бэеткэн осиктадын умукэткэмэ манаканмэ деврэн. Аивран. «Авгарат бикэллу», — гунэн. Дюлави сурурэн. Дюдуви асидуви улгучэнэн:

— Маталду бичэв. Бултамнил моты куктэвен улэре. Тариңитын со хэгды, би умукэн халганду аивум.

23. Мужичок с ноготок

Пришел мужичок с ноготок в гости к охотникам. Они сварили ему белку. Стали угощать. Съел одну лапку мужичок с ноготок. Наелся. Спасибо сказал. Домой пошел. Дома жене рассказал:

— Был я в гостях. Сварили охотники целого сохатого. Такой большой он, что я от одной его ноги сытым стал.

24. Инмэ

Городу звэкилду инмэ таманин тамура бичэн. Ургэнчу оми нуңайман бичэн. Сэлэвэ омнил чи-дэ звкил ора бичэтын. Сокорми инмэ-вэл, асал сот соңовкил бичэтын.

Умнэкан аси нимэвэн сокоррон, соҗолимнэн. Ге аси, нуңандулан эмэкенн, ханцуктаран:

— Эт соҗодённо? Куңакан-ну бурэн?

— Эчэ, нимэв сокорим.

24. Иголка

Давно у эвенков иголки дорого стоили. Трудно их было делать. Не все кузнецы умели ковать. Потеряют, бывало, женщины иголку и горько плачут.

Вот тоже потеряла одна женщина иголку и заплакала. Другая женщина пришла к ней и спрашивает:

— Что ты плачешь? Ребенок что ли помер?

— Нет. Иголку потеряла.

25. Улта

Ка, эсилэ умун бэе мэңнэн биркэ. Гиркутачан. Гиркутадяна, дюви сокоррон. Долбонива упкатван гиркутадяна, аритчан. Туги гиркудяна, тэпкэлдэн.

Тэпкэрэкин, тэпкэнин урэдүлэ ултача. Тардат тартыки туксаснан. Няң тэпкэлдэн, няң тэринду ултача, няң амаскиви туксасинчан. Илалдава туксактадяна, эсилэ бакача дюви.

Манавран.

25. Эхо

Вот был один глупый человек. Все ходил. Ходил да чум свой потерял. Всю ночь бродил, искал. Так вот ходил да и стал кричать. Когда кричал, то крик его к горам полетел. Он сразу же туда на свое эхо помчался. Снова давай кричать, опять в стороне слышалось; опять назад побежал. Трое суток пробегал, все-таки нашел свой чум.

Кончилась.

ДЕТСКИЕ СКАЗКИ

Из жанра «нимцакан» может быть выделена группа детских сказок, тем более, что в ряде районов детские сказки имеют свои названия: «нимцакан-эвин»; «нимцакан-эвивун» (сказка-игра; сказка-игрушка; сказка-шутка) или «улгучэвун-эвин» (рассказик-шутка).

Все детские сказки эвенков можно подразделить на три группы:

- 1) Нимцакан-эвин (сказка-игра);
- 2) Улгучэвун-эвин (рассказик-шутка);
- 3) Сказки, заимствованные из русского фольклора.

Выделяя репертуар детских сказок драматического жанра, А. И. Никифоров отмечал, «что были случаи, когда сказочник, передав мне весь репертуар, затруднялся припомнить сам еще «сказки», но стоило напомнить про «робицью» сказку, как у исполнителя их оказывалось в запасе несколько... В сознании самого народа «робицья» сказки ощущаются как группа, отличная от других сказок»¹. Еще большую специфику приобретают детские сказки у эвенков, получившие специальные названия.

1. НИМЦАКАН-ЭВИН

Эта одна из любимых и распространенных групп детских сказок у северных народностей. Буквально «нимцакан-эвин» означает «сказка-игра» или «сказка-шутка». Очевидно, когда-то эти сказки сопровождались играми. «Нимцакан-эвин» основана на диалоге. Эта сказка может исполняться одними детьми или с участием старших, чаще всего отца или матери. Нам приходилось видеть, как кто-либо из старших дает

¹ Сказочная комиссия в 1927 г. под ред. акад. С. Ф. Ольденбурга, Л., 1928, стр. 62.

как бы приказание ребенку или обращается к нему с просьбой. Он говорит ему:

— Пойдем купаться!

Ребенок отвечает:

— Утопу.

И дальше следует текст «сказки-игры». Могут принимать участие в таких сказках только дети, но обязательно во время исполнения сказок должны присутствовать, кроме исполнителей, другие дети 7—12-летнего возраста. Они следят за вопросами и ответами.

Некоторые фольклористы такие сказки называют «ценьевидными», или «кольцевыми».

2. УЛУГУЧЭВУН-ЭВИН

«Улугучэвун эвин» могут называть просто «улугучэвун» (рассказик). Эти произведения малых фольклорных жанров построены на аллитерации: кундукар — куримилчэтын, иген игиминтын бичэн и т. д.

Сам сюжет не представляет ничего интересного, главное в «улугучэвуне» — аллитерация начальных звуков. По форме «улугучэвун» можно вполне сравнить с «таишка-считалкой» и «хэгэвур» (припевами) типа:

Сэв, сэкур, мивела,
Куруцгула, курела.

Само действие в «улугучэвуне» происходит неожиданно, так же неожиданно наступает и конец («Корова завернула ящерицу в материю»).

3. СКАЗКИ, ЗАИМСТВОВАННЫЕ ОТ РУССКИХ

В некоторых эвенкийских районах распространены детские сказки-переделки, то есть заимствованные сюжеты из репертуара русских детских сказок. К таким сказкам относится «Лепешка» (см. текст № 32). В Забайкалье среди эвенкийских детей известна сказка, являющаяся вариантом «Репки». Только репка заменена самородком золота. Дедка и бабушка сохранились, а вместо Жучки, Машки и Мышки выступают улуки (белка), туксаки (заяц), делэки (горностай), бурбуки (тетерея). При содействии этих персонажей сказки амака (дедка) и энеке (бабука) вытаскивают из земли самородок золота. Сказка заканчивается словами: «Амакан эричэн энеканмэ, тар улукивэ, тавар туксакива, тавар делэкивэ, тар-ка бурбукивэ. (Дедка позвал бабуку, та белку, вот та зайца, вот та горностая, а тот косача).

Сказки типа «Кирэктэ» («Дятел», см. текст № 30) начинают распространяться также главным образом среди детского коллектива, поэтому мы и включили этот текст в раздел детских сказок.

За последнее время в дошкольных учреждениях, а также среди октябрат стали популярными детские сказки народов СССР, которые рассказывают на родном и русском языках.

26. Уливуна—уливукачанэ бакам!

- Уливуна — уливукачанэ бакам!
 - Пурчаканыви бакам!
 - Бунан?
 - Этэн, эёден. Хороктолдук дивадян — минэрэн.
- Коколдрол улапчал. Олгинан — тэпургадэра.
- Имэт шанадэй!
 - Иду-ка нима?
 - Накуду.
 - Иду-ка наку?
 - Того дешчо.
 - Ир-ка того?
 - Удун шичан.

Муданин.

26. Весло — весельце нашёл!

- Весло — весельце нашёл!
 - Сушеную рыбу нашёл!
 - Отдал?
 - Нет, утонул. За траву схватился — обрезался.
- Рукавицы намочил. Стал их сушить — порвались.
- Почини иглой!
 - Где игла?
 - В лабазе.
 - Где лабаз?
 - Огонь съел.
 - Где огонь?
 - Дождь погасил.

Конец.

27. Чинэкэ

- Чинэкэ, олбошкотногот!
- Этэм, эёден!
- Ороктолдук дивадян!
- Ылат милден!
- Коколдродён!
- Коколдролты удрапчуре!
- Олгидян!
- Кетадерэ!
- Манидяп
- Тэпургадерэ!

- Инмэт шаһанадеп!
- Инмэ мукургадап!
- Ирэгэт ирудеп!
- Ирэгэе ялэпчэн.
- Тэклэнкэт тэктэдеп!
- Ир-кэ тэктэнкэ?
- Инмэку.
- Ир-кэ инмэк?
- Нэкуду.
- Ир-кэ нэку?
- Того депчэн.
- Ир-кэ того?
- Удун шичэ.
- Ир-кэ удун?
- Нэпкуптун непчучэ.
- Ир-кэ нэпкуптун?
- Тар-ка-вэл эвэдэкин хинладярэн.

27. Чинэкэ

- Чинэкэ, пойдем купаться!
- Нет, утонем!
- За траву будем держаться!
- Руки порежем!
- Рукавицы наденем!
- Рукавицы намочим.
- Высушим.
- Пересушим.
- Разомнем.
- Разорвутся.
- Иглой заштопаем!
- Игла тупая.
- Напильником заточим.
- Напильник затуплен.
- Стамеской выдолбим!
- Где стамеска?
- В торсуке.
- Где торсук?
- На лабазе.
- Где лабаз?
- Огонь съел.
- Где огонь?
- Ветер с дождем затушил.
- Где ветер с дождем?
- Водяной выпил.
- Где водяной?
- Вон там едва виднеется.

28. Дюр бәел бичэтын

Дюр бәел дюдудар бидечэтын. Ге бәе гунэн гиркиви:

- Кә, бәе, олокотногот бирала!
- Эгәт, э́деп!
- Ороктолдук дявадая, адовәр э́рә!
- Эча, ороктолдук дявами, цалэлвәр мәлэптәдеп!
- Кә, коколлолвәр тәтчәп, адовәр мәлэптәрә!
- Уладяп коколлолвәр!
- Олгидяп!
- Кә, котырандеп!
- Толи саңанәдеп!
- Имәт ачин, эт саңанәдеп?
- Нокуло инмәвәр гәинәдеп!
- Эт туктып нокувә? Туктывунни ачин!
- Туктывунән одяп!
- Сукәт ачин, эт туктывунә одяп?
- Сукәвәр дюлавәр гәинәдеп!
- Сукәвәр белдудеп!
- Сукәсәвәр омактая одяп!
- Халкат ачин, тыштургәт ачин, эт сукәә одяп?

Туги дюр бәел биконимил, эва-да эчәл ора: эчэтын оло-котта, эчэтын коколлолвәр тәттә, эчэтын олгира, саңанәрә, эчэтын нокувәр туктыра, эчэтын сукәвәр ора.

Мудан

28. Жили два человека

Жили в чуме двое мужчин. Один из них говорит товарищу:

- Ну, паря, пойдем на реку купаться!
- Нет, лучше не пойдем, а то еще утонем!
- Чтобы не утонуть, за траву ухватимся!
- Нет, не будем за траву держаться, а то руки свои порежем!
- А мы рукавицы наденем, чтобы не порезать!
- Так ведь рукавицы намочим!
- Мы их высушим!
- А вдруг пересушим!
- Тогда зачиним!
- Иголки у нас нет, чем зачиним?
- За иглой на лабаз сходим!
- А как на лабаз заберемся? Лестницы у нас нет!
- Лестницу мы сделаем!
- Топора у нас нет, чем лестницу сделаем?

— Сходим за топором домой!
 — Топор поломаем!
 — Топор себе новый сделаем!
 — Молотка у нас нет, наковальни нет, чем топор сделаем?
 Так прожив, те мужнины ничего не сделали: купаться не пошли, рукавиц не надевали, не сушили и не чинили их, на лабаз не забирались и топора не сделали.

Конец.

29. Нимцакавун

Чивкакан дэгилчэн.

— Дылача ичэнзэсинэм, гунэн.

Дэгдечэн-нун, дэгдечэн-нун утискаки, адыкакун олча. Таду асакикардини сэмкэзмандеча, тыкиммен кэча. Тыкикча сектакантыки, мукамукливи утучэ. Он-мал кэдеми, бултур-гача сектакандукви.

— Секта, секта, эхаглэ укусалду кутдыкавкандигав.

Укусалтыкаки сурура.

— Кэ! укусал, сектаканмэ-вэл кикдыканакэлду.

— Бучиги мэңи чуканмар адэрэв манами.

— Укусал, укусал, эхаглэ бэйчэрду депивкадигав сунзэв!

Бэйчартыкаки сурура.

— Бэйчэр, бэйчэр, укусалмэ-гэ депивкэлду!

— Мэңи бэйчэнмэр адэрэв манами.

— Бэйчэр, бэйчэр, эхаглэ наясалду пэктырувкандигав!

Наясалтыкаки суручэ, тарил кунантыкии гучал:

— Бу мэңи имувэр адэрэв дэгдэми, бэйчэрэв пэктыру-недексал.

— Эхалугэр онюкучарду киргавкандигав.

Онюкучаритки суручэ, онюкучардула нэнэчэ.

— Кэ! Наясал имуватын куганакэлду, онюкучар!

— Мэңилвит дюнмаңмар адэрэв манами.

Көпэлчан чивканиикантын, эдыкакуимэ тынчэн. Болго-кокутчал тариңилин.

— Эсилэ кирганасчалдав,— онюкучар гучал.

— Кэ, эсилэ пэктырунасчэлдэв!— наясал гучал.

— Депивсчэлдэв укусалмэ,— бэйчэр гулчал.

— Кигдиканасчэлдэв,— укусал гулчал.

Сектаканмэр манавдан.

29. Сказка

Летела птичка.

— Отправляюсь-ка солнце посмотреть,— сказала.

Летала, летала — поднялся ветер. Крылышки занозила,

упала. Упала на тальник, занозила тельце под хвостом.
Сорвалась с кустика.

— Куст, куст, ведь коровам скормлю.

К коровам отправилась.

— Ну, коровы, кустик съешьте.

— Мы-то свою траву не можем кончить.

— Коровы, коровы, ведь волкам скормлю вас.

К волкам отправилась.

— Волки, волки, коров съешьте.

— Своих зверей съесть не можем.

— Волки, волки, ведь начальников заставляю вас убить.

Пошла к начальникам, а те ей говорят:

— Мы свой жир не можем поднять, не только идти волков бить.

— Ведь мышей заставляю вас загрызть.

К мышам пошла, ушла к мышам.

— Эй! Сгрызите жир начальников, мыши!

— Свои запасы не можем кончить.

Рассердилась пташечка, ветер сильный напустила. Те испугались.

— Теперь пойдем грызть,—сказали мыши.

— Теперь пойдем стрелять!—сказали люди.

— Пойдем есть коров,—сказали волки.

— Пойдем жевать,—сказали коровы.

Кустику пришел конец.

30. Хилакта

Хилакта потарадяран. Янтаки шуруден.

— Ашиша эдяран?

— Латанорэн.

— Хурылри ады?

— Дян!

— Букал дяриви!

— Этамэ!

— Эши шинэ шукадем! Хилакта эдянэ?

— Потарадяран!

— Ашиша эдяран?

— Латанорэн!

— Хурылри ады?

— Егин.

— Букал егиви!

— Этамэ!

— Эши шинэ шукадем! Хилакта эдянэ?

— Потарадяран!

— Ашиша эдяран?

— Латадерэн!

- Хурылри ады?
- Дяпхуи!
- Букал дяпхиви!
- Этамэ!
- Эши шинэ шукадем! Хилакта эдиэ?
- Потарадьяран!
- Ашиша эдьяран?
- Латаноран!
- Хурылри ады?
- Надан!
- Букал надыви!
- Этамэ!
- Эши шинэ шукадем! Хилакта эдиэ?
- Потарадьяран!
- Ашиша эдьяран?
- Латаноран!
- Хурылри ады?
- Ньюхуи!
- Букал ньюхиви!
- Этамэ!
- Эши шинэ шукадем! Хилакта эдиэ?
- Потарадереи!
- Ашиша эдиэ?
- Латаноран!
- Хурылри ады?
- Тунца!
- Букал тунциви!
- Этамэ!
- Эши шинэ шукадем! Хилакта эдиэ?
- Потарадьяран!
- Ашиша эдьяран?
- Латаноран!
- Хурылри ады?
- Дыгин!
- Букал дыгинциви!
- Этамэ!
- Эши шинэ шукадем! Хилакта эдиэ?
- Потарадьяран!
- Ашиша эдьяран?
- Латаноран!
- Хурылри ады?
- Илан!
- Букал иливи!
- Этамэ!
- Эши шинэ шукадем! Хилакта эдиэ?
- Потарадьяран!
- Ашиша эдьяран?
- Латаноран!

- Хурылри ады?
- Дюр!
- Букал гева!
- Этамэ!
- Эши шинэ шукадем! Хелахта эдянэ?
- Потарадыран!
- Аппина эдянэ?
- Латаноран!
- Хурылри ады?
- Умун!
- Букал нуңанман!
- Этамэ!
- Эши шинэ шукадем!
- Шулаки эмэрэн. Хилакта шоңодёрон. Шулаки гунан:
- Эт шоңодёнэ?
- Минцилва хурылва угактаран янтаки!
- Хилакта, янтаки он гуниңэрэн?
- Гунэн:
- Эши шинэ шукадем! Эшикин бурэ, эши шинэ шукадем!

30. Дятел

Дятел качает зыбку. Пришла россомаха.

- Что делает жена?
- Баюкает ребенка.
- Сыновей сколько?
- Десять!
- Отдай десятого!
- Нет, не отдам!
- Сейчас тебя зарублю! Дятел что делает?
- Качает зыбку!
- Жена что делает?
- Баюкает ребенка!
- Сыновей сколько?
- Девять!
- Отдай девятого?
- Нет, не отдам!
- Сейчас тебя зарублю! Дятел что делает?
- Зыбку качает!
- Жена что делает?
- Ребенка баюкает?
- Сыновей сколько?
- Восемь!
- Отдай восьмого!
- Нет, не отдам!
- Сейчас тебя зарублю! Дятел что делает?
- Зыбку качает!

- Жена что делает?
- Ребенка баюкает!
- Сыновей сколько?
- Семь!
- Отдай седьмого!
- Нет, не отдам!
- Теперь тебя зарублю! Дятел что делает?
- Зыбку качает!
- Жена что делает?
- Ребенка баюкает!
- Сыновей сколько?
- Шесть!
- Отдай шестого!
- Нет, не отдам!
- Теперь тебя зарублю! Дятел что делает?
- Зыбку качает!
- Жена что делает?
- Ребенка баюкает!
- Сыновей сколько?
- Пять!
- Отдай пятого!
- Не отдам!
- Теперь тебя зарублю! Дятел что делает?
- Зыбку качает!
- Жена что делает?
- Ребенка баюкает!
- Сыновей сколько?
- Четыре!
- Отдай четвертого!
- Не отдам!
- Теперь тебя зарублю! Дятел что делает?
- Зыбку качает!
- Жена что делает?
- Ребенка качает!
- Сыновей сколько?
- Три!
- Отдай третьего!
- Не отдам!
- Теперь тебя зарублю! Дятел что делает?
- Зыбку качает!
- Жена что делает?
- Ребенка баюкает!
- Сыновей сколько?
- Двое!
- Отдай второго!
- Не отдам!
- Теперь тебя зарублю! Дятел что делает?
- Зыбку качает!

- Жена что делает?
- Ребенка баюкает!
- Сыновей сколько?
- Один!
- Отдай его!
- Не отдам!
- Теперь тебя зарублю!

Лисица пришла. Дятел плачет. Лисица говорит:

- Что плачешь?
- Моих сыновей росوماха утащила!
- Дятел, росوماха как говорила?

Говорит:

— Теперь тебя зарублю! Если не отдашь, сейчас тебя зарублю!

31. Улгучавун-эвин

Кундукар куримилчэтин,
Иген игимнитын бичэн,
Улуки улурумнитын бичэн.
Туксаки туксалдакин, делэки делувчэн,
Делэки делувдэкин, солоңго солтоchon.
Солоңго солторокин, дянтаки дячан.
Дянтаки даяракин, сулаки салчан,
Сулаки салдакин, тураки тургачан.
Тураки тургаракин, куку кунилчэн.
Куку кунилдэкин, бэжи бэюсчэн, бэюн нэнадечэн.
Нэнадэракин, чушка чунилчэн. Тарава ячан. Угачан
дюлави.

Иген игилчэн.
Игдэкин, нондо ноносчон.
Нондо нонорокин, кирэктэ кирэсалчэн.
Кирэктэ кирэсалдэкин, исэлэ исэлчэн.
Исэлэ исэлдэкин, бурбуки аялдан.
Исэлэ аялчан. Аялдакин, укур укулчэн торгат.

31. Рассказик-шутка

Гальяны устроили свадьбу,
Коршун шкуроснимателем был,
Белка поваром была.
Как заяц принимался бежать, горноста́й его пропускал,
Когда горноста́й пропускал, бил его кулаком колонок.
Когда колонок бил горноста́я, росوماха прятала его.
Когда росوماха прятала, лисица узнавала.
Когда лисица узнавала, ворона встречалась.

Когда ворона встречалась, кукушка начинала куковать.
Когда кукушка куковала, сохатый уходил на охоту, шел сохатый.

Когда он шел, кабан начинал хрюкать. Убил его. Принес домой.

Коршун свежевал.

Когда он освеживал, рысь понесла (мясо).

Когда рысь понесла, дятел говорил плохое.

Когда дятел говорил плохое, ящерицу стошнило.

Когда ящерицу стошнило, косач стал лечить.

Ящерица поправилась, а когда поправилась, корова завернула ее в материю.

32. Лепешка

Этыркэн атырканнун бидечэл деммукир.

Кэ, умнэ этыркэн гунэн атыркантыквин:

— Эда-ка бу усакакун бидерэн, деммуденэл? Купецтыки цэнэкэл, нуцандук талгана сурактакал, лепешкая одави.

Туги атыриканин очан. Горово лепешкатын дюдутын укладечэн-да, суруммен. Цэнэчэн-нуи, цэнэчэн, эя-вал тургалдыран. Тар амака бичэн.

Амака лепешкадук сурактадан:

— Идук эмэнды?

— Гороёдук,— лепешка гунэн,— би этырикэндукви, атырикандукви мисом.

— Демулим,— амака гундерэн,— би синэ девделим.

— Эдэви минэ деврэ. Би ацадякан бисим.

Лепешка увэй оран. Цэнэчэн-нуи, цэнэчэн. Мариктала эмэчэ. Дэрумкидерэн. Тадук авдундукви сицэрэкен юмэлчэрэн. Сицэрэкен сурактадан:

— Идук-ка эмэнды?

— Гороёдук,— гунэн,— би этырикэндукви, атырикандукви мисом.

— Эда-ка мисочас?

Тэнуденэл, авалинкандечатын.

— Бараксан!— сицэрэкен гунэн.

Лепешка увэй оран. Эсилэ сулакиканун уктыдерэн. Тургалдыран-да, гунэн:

— Мэндукэкуи, лепешка, идук эмэнды?

— Гороёдук,— гунэн.

— Эгэкэл эя-вал, би синду тар дярин аяа одицав.

— Кэ,— гунэн-да,— эгэдэн:

До-вай, до-вай, до-вай!

Сулаки, деммукии биденэ, лепешкая улэкирэн, нуцанман депчэн.

Тар упкат.

32. Лепешка

Жили голодные старик со старухой.

Вот однажды говорит старик старухе:

— Почему мы плохо живем, голодаем? Сходи к купцу, попроси у него муки, сделай лепешку.

Так старуха его и сделала. Долго лепешка лежала в их чуме да и пошла. Шла, шла по тропе, что-то повстречала. Это медведь был.

Спрашивает медведь у лепешки:

— Откуда идешь?

— Надалека, — отвечает лепешка, — я от старика своего и старухи сбежала.

— Голодаю, — говорит медведь, — съем я тебя.

— Не ешь меня. Я сирота.

Не стало лепешки. Идет, идет она. К Марикте пришла. Стала отдыхать. Потом из норы мышь выскочила. Спрашивает мышь.

— Откуда ты пришла?

— Надалека, — говорит. — Я от старика своего и старухи убежала.

— Почему же сбежала?

— Били они меня и работать заставляли.

— Ведная! — сказала мышь.

Не стало лепешки. Вот лисица бежит. Встретила и говорит:

— Здорово, лепешка, откуда идешь?

— Надалека, — ответила.

— Спой мне что-нибудь. Я тебе за это хорошее сделаю.

— Ладно, — говорит, — и запела:

До-вай, до-вай, до-вай!

Лисица голодной была, обманула лепешку и съела ее.

То все.

НОВАЯ СКАЗКА «ОМАКТА НИМЦАКАН»

Новая эвенкийская сказка использует установившиеся фольклорные традиции волшебной сказки. Старые фольклорные мотивы получают иную интерпретацию. Новая эвенкийская сказка отражает трансформацию и развитие старой традиции «нимцакан», но сказка эта уже новая и по содержанию, и по идеологии: в ней красной нитью проходят мотивы реальной современной жизни. Любопытно, что некоторые новые (советские) сказки, созданные русским сказителем Сорокиновым-Магаем и бурятским олонхосутом Аполлоном Тороевым, по своей композиции очень близки к эвенкийским сказкам о Ленине.

Новая сказка бытует или зарождается всюду в районах Севера. Такие сказки записали у чукчей П. Я. Скорик, Л. В. Беликов, у удэгейцев — В. А. Шестакова, у ненцев — Н. М. Терещенко, у эвенков — И. И. Суворов, М. Л. Пинегина и другие. Но новых сказок записано еще очень мало.

В отличие от сказочного эпоса, сказку с новым содержанием и новой идеологией народ назвал «Омакта нимцакан» (новая сказка).

Любимым героем новой эвенкийской сказки, в котором воплощен народный идеал, является Ленин.

В сказке «Теперь в тайге светло»¹ рассказывается, как вся природа помогала и защищала Ленина от посягательств врагов. Сказка заканчивается радостью бедняка охотника, видящего новую советскую жизнь в тайге: культбазы, кооперативы, школы.

В сказке «Он тут живет, в тайге» говорится о том, что Ленин принес народам тайги счастье. Известие о смерти Ленина вызывает большое горе. Потом они видят, что Ленин продолжает жить в делах. «Он никогда не умрет. Он тут живет, в тайге», — так заканчивается сказка.

¹ Творчество народов СССР, изд. «Правда», М., 1987.

Сказка «Как звенки солнце привезли» или «Кто дал звенкам солнце», записанная в 1947 г. от баунтовской сказительницы Галины Наиканчиной, теперь известна не только звенкам. На Украине, в Ленинграде и Магадане на сюжет этой сказки были поставлены детские спектакли. Эту сказку знают в Китае и других странах народной демократии. Заканчивается она словами: «Любил Ленин тайгу, любил звенков. Теперь в каждом чуме каждый день все про Ленина говорят».

В сказке или «народном сказе», записанном у северо-байкальских звенков, «Счастливым мой народ» говорится о горькой жизни звенков в прошлом, о том, как купцы обманывали честных охотников, об участии передовых звенков в отрядах красных партизан¹. Дальневосточная звенкийка Лидия Васильева записала у своих сородичей сказ о Чапаеве². Представитель иркутских звенков Г. Коненкин записал у своих земляков несколько текстов современных сказок. Часть его записей публиковалась в альманахе «Новая Сибирь» (1940, кн. 4 и 6). В сказке «Звезда счастья» рассказывается о том, как тяжела была жизнь у звенков до прихода в тайгу Советов.

С радостью смотрит Баркауль на все новое, социалистическое, приходящее с каждым днем в тайгу. Старик Баркауль летит на самолете в Москву и складывает песню о звездах Кремля.

Звенки, как и все народы Севера, отстаивали свою Родину в боях против фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны.

Военные и трудовые будни советского народа в годы Великой Отечественной войны нашли свое яркое отражение в фольклоре звенков.

В Каларском районе Читинской области в звенкинской школе проработала 11 лет учительница М. Л. Пинегина. Пинегиной удалось записать несколько текстов, отражающих думы и чаяния трудового народа забайкальской тайги в грозные годы войны. В одной из сказок повествуется о том, как помчались на лучших гылгенах-быках (оленях) охотники на фронт защищать советскую землю, тайгу родную. «Скакали два-три дня олени — до фронта доскакали. Баркаткулы (богатыри) с врагами биться стали: стрелы пустят — фашисты удирают. Ранят охотника — смажут ему медвежьим живительным салом рану, и затянет ее сразу же»³. Сказка заканчивается тем, как труженики тайги сдали в фонд обороны много ценной пушнины.

¹ Сталин в творчестве народов Бурят-Монголии, Улан-Удэ, 1937.

² Сказки народов Севера, Л., 1959.

³ Альманах «Забайкалье», 1947, № 1, Чита, стр. 228—229.

Во многих современных сказках или сказах отражается борьба с лодырями, обманщиками, грубостью, пьянством, воспевается труд и новые люди труда. Много современных сказок (сказов) написал в Эвенкийском национальном округе Н. И. Суворов. Часть из них была опубликована в газете «Советская Эвенкия» на эвенкийском и русском языках.

33. Ҳи эвэнкиладу дылачава бурэн

Тар горо бичэн. Агиду бичэн. Эвэнкил агиду бидеңкитын. Бидеми-нун бидеммен, бөжөрө бөюдөнэл. Эвэнкил туруагир эмерэктын чальчигирду, алмак биңкин. Дюдутын олдон бисин, таду калан локовчо. Каландутын улдэ уюдерэн, мьэчка-кэнңи-вэл, бөюңи-вэл, чушкаңи-вэл. Эвэнки бөюлэн бисин. Окин-да ирин, суги биңэсин, эвэнки урэкэрдули бөюктә-девки, улумидевки. Ирөктәлтыки ичәтчәнә, улукилэ улумә-денә, имандали удядяран. Имандали үнәденә, аритчәрэн диятакиңил, нондоңил, солонгоңил удялбатын.

Кә, умнэ эвэнкил урикутту умукунтә, отогва ора. Мар-карвэ эмәвчәл. Тьенурвэр, пөктырэвурвэр, лукилбәр дөлкәнду иливра, нодудянал. Орокил улдәвэтын ирриденәл, улгучәмәт-чәчәтын.

Кә, умнәт ичәмнәк кәрә эвэнкил, гайкадянал. Оңко кур-будерән, оңкодук оронкокун юдевки. Орондун олмин алтама, нелин мәнумәмә. Тар оронконду батыр-бәркә Куладай Мәргән тәгәтчәвки.

Куладай эвэнкилтыки гулдән. Нуңартын-да орокил улдә-этын депиңнәденәл, гайкадяра.

Эль оран? — гуниңнәрә. — Амакалты бидеңкитын, амтылты бидеңкитын, таргачирә окмат-вэл әңкитын ичәрә.

Куладайкакун Мәргән бәркәт орондуви угучадяран. Бәрви ңаләденә, бусәдуви июричи бисин кәрә. Унтаңилин гоёл биси, оиёвчол тәтыгәлини алтамал, ирәксәлдук овчал.

Куладай Мәргән эвэнкилтыки гулдән:

— Бөжөрвэр урәңил чопколдулитын бөюктәденәл, әрут би-дерәс.

— Тәдекәкун! — эвэнкил гунә.

— Ороңил биденәл, әсилә угикәр бисис.

— Тәде! — әтырикәр гунчәл.

— Доңоточосун, суги әдындерән, куңакарсун буркиләде-кил, актыракакун мурәли. Әсилә бугаду дылача бисин. Ҳи дылача бисивән тәдерәкин, тар бәс со аят бидиңән, нәримәмәт бидиңән.

Эвэнкил урикуттулавәр эмәрә. Дялтыкивәр ичәтизәви дярин, гайкан дярин улгучәнә.

— Эма-ка дылача бисин? Эда-ка гайкан оронкокун бичән кәрә? Эдакә гайкан батыр-бәркә бичән кәрә?

Туги упкәт бәл сурактадянал, ачал тәдерә.

— Толкитчәчәвун, — гунивкил, аденәл. Толкитчәчәвун.

Туги кәрә бидеми-нун бидеми. Надандяр аңҗанилва, нян часки надандярва, тадук нян надандярва. Әрут бидеңкитын. Эвиләсәңиду — актырами, дьогә—актырами, боло — актырами, тугә — актырами.

Тар оронкокун дярин омџочол, тар батыр-бэркэ дярин омџочол кэрэ.

Эсилэ чальчигирду Чакулай бее балдычан. Тар Чакулай богатырькакун бэркэ бее бичэн. Букучи бичэн, бэркэкун. Орондук дыгэритмэрит туксадыкин, уктыдерил гивчэрэ пэктүрүлэн бичэн.

Чакулай дэлкэнтыйки дагамадина, гулдэн:

— Төдөдем дылача бисинэн. Ңэрибэ зөгчөм. Үргэзкун эримн, эру эвэнки бини, актыракакун бини очан, элдэркэкун!

Умнэт оронкокун ичэвдерэн, олмин алтама, нелни мэнүмэмэл. Тар-да орококунду Куладай Мэргэн угучадыкы, кэтэ-кэкүр нюричи бисин.

Чакулай батыр букучитки дагамаран, мэндүе гуниксэл, нуңаннун, түрөлдөн.

Куладай Мэргэн гулдэн:

— Би, Чакулай, сача бичэв си чальчигирду савка бее, бөжүлэн бисинды. Упкат төгө синэ садыкы. Иду-да упкат төгө синэ дярин, чинэнды дярин түрөтчэвкы. Эсилэ төдөдөндү дылача бисинэн. Эвэнкил нюрикталдуктын авсаканмэ одави, тардат минтыки эмэдэви. Эсилэ дылачава бакалдыдыңавун.

Куладай Мэргэн увэй оран, мисоммен. Кэ, Чакулай ңэнэдэрэн. Ичэтчэрэн-дегдэкэкун агиду, сулакиткар дегдэдэрэ. Нуңан сулакиткарвэ даяаран, айран кэрэ.

— Бу-да синду бөладичэвун,— гундэрэ.

Чакулай ңэнэдэрэн, элинчөдөнэ.

Ичэтчэрэн—волкаткар дегдэдэрэ. Нуңан волкаткарбэ айран кэрэ.

— Бу-да синду бөладичэвун,— гундэрэ.

Эгды амуттыйки дагамаракын, колемтэ иңаду укэдэрэн, аран-аран эриденэ. Нуңан колемтэвэ алгандивн анаран амуттула.

— Би-да синэвэ айдыңав,— гунэн.

Эсилэ Чакулай нюриктаңылва бакалдан, гиркулдан, авсаканмэ одына. Горово одыкын, 70 аңҗанилва одыкын, эсилэ авсаканмэ буторан.

Дэлкэнтыйки ңэнэсинэн. Октоли урэ няңидалан илитчаран.

— Кайран! Он-ка урэвэ дэдыдыңав,— Чакулай гунэн.

Сулакиткар эмэмэлчэл. Оромол очал. Орорди суручэн, угучадына. Чакулай часкы суручэн. Суруми-нун суруми. Сигиккун аги очан. Ачан суруми, дйлол эгдыкэкүр.

Волкаткар эмэмэлчэл. Киран очал. Асыкилдинэр Чакулайна дегилинрэ. Агладула нуңанман эмэврэ. Нуңан часкы игэнэдэрэн. Амут эгдымэмэ. Дяпкаван ачал ичэврэ.

— Он-ка эвэвдиңен? — гунэн Чакулай.

Колемтэ жүрэн, Чакулайва амут баргилан эмэврэн.

Дяпкаван исикса, дэлкэнимэ ичэрэн. Ичэтчэрэн оңко курбудевкы, гайкан оронкокун юдерэн. Нуңандун тэгэтчэрэн

батыр-бөркө. Чакулай Куладай Мөргөйнүн мэндүө гуниксэл, Куладай Мөргөн Чакулайва агили часкаки суруврэн.

Горова суруңкитын, илан анцанилва суруңкитын. Эмәчөл кэрэ. Дылачаа исчал. Дылачадук мисиктакан буруденэ, авсаканду бурурэн.

Нян илан анцаниңилва дөлкэнтыхи сурудечэтын. Гайкан орон увэй оран, мисоммен, оңколо угистан.

Чакулай авсаканмэ эмэврэн. Сулинггал юмэлчөл. Авсаканмэ тытэлдэ. Чакулай сулинггалнун ңалэлдырэн, тадук гарпалдыран. Гарпалдыракин, сулинга бурурэн. Чакулай дүлөдун, амаргидун нюрлтын буручөл. Бөркө бөө бичэн, бөөсөкөкун. Эсилэ умун сулинга нюритин Чакулай умэкэчөрдун нанканэн, анцу ңалэдун.

— Экэлду Чакулайду төдөрө,— сулинггал тэпкэчөл.— Дылача увэй бисин. Авсаканмэн мулэ эйсеми надо.

Сулинггал нуңантыкин этэкэңчөл. Тэли Чакулай гугда прөктөлэн авсаканми нодаран. Тар авсакан эвдыргчэн. Умнэт няңия уламакакун очан. Няма. Агиду ңеримэк очан. Орок упкали урикиттула эмэрэ.

Гайкадара эвэңкил. Бөөл бөричил тувсактадара, куңакар ңалэлвэтын эңтылвөн дывассадыра. Сулинггал ңалэлчөл. Дылача-вэл няңияли амуткаңидули эендерэн.

— Төдөрөс-ку дылача бинэвэн?

— Он-ка эдиңэвун тылдэ? Мэнэкөр ичөдөрөн. Төдөкун ичөдөрөн. Төдө дылача. Гайкадөрөн.

Оңко курбудевки. Гайкан орон юдерэн, нуңандун батыр бөркө букучи тэгэтчэрэн.

Орок упкаттук оңкокиңилдук эмәмэлчөл. Упкат омукилдук эвэңкил умунупчөл. Батыр бөркө нуңартыкитын гунилдэн:

— Би ичэм төдөдеривөсун. Садерөс дылача бисивөн. Кө, орордубар уккалду.

Эвэңкил ороорду укчал. Бөөл—угучакилду; асал — нямилду; куңакар — эңнэкэрду. Упкат орок дарасалду ңенэдөрө-мосагит октокон олдыран. Дылача орок иелдутын доран. Нямади тысачал эвэңкил бичөл. Нямади тысачал орок бичөл. Нёгу Куладай Мөргөн сурудечэн. Тар батыр бөркөвө уңтут гөрбирө. Төгэ нуңанман омактат гөрбирэн. Ленинди төгөл нуңанман гөрбирө.

Эсилэ Ленин эвэңкилнун бидерэн. Эсилэ аят биденэл, Ленинма дёичадыра. Тар-ка нуңан эвэңкилду дылачава бурэн. Чакулай тар эгдымэмэ начальник бичэн. Эвэңкилду аява одаччан. Амаргут Ленин эгдым городтыки суручэн. Тала бидечэн. Чакулайва дёкеран. Эвэңкил дяритын упкатава суракта-дичан. Ленин аявдичан агива. Эсилэ дютыкинду тырганыты-кин упкат Ленин дярин гуниңнэрэ.

Упкат.

33. Кто дал звенкам солнце

Давно это было. В тайге было. Жили звенки в тайге. Жили да жили, промышляя зверей. Приедут звенки из рода туруагир к чальчигирцам — праздник большой бывает. Приедут звенки из рода малюкчен к киндыгирцам — праздник большой бывает. Над очагом в чуме крюк висит, на крюке котел подвешен. В котле варится мясо кабарги ли, сохатого ли, кабана ли. Любит звенки трудиться. Мороз ли, выюга ли, а он все ходит по сопкам, промышляя белок, зверей. На деревья глядит — белку промышляет, на снегу следы смотрит. По снегу идет и ищет следы россомахи ли, рыси ли, колонка ли.

Собрались однажды звенки на табор, отог сделали. Ериник принесли, сошки, свои ружья и луки к лабазу поставили. Жарили глухарей да разговаривали.

Вдруг смотрят звенки, да диву даются. Поднимается ягель, а из под ягеля, оленьего мха, олень выходит. У оленя грива золотая, а рога серебряные. И сидит на том олене батыр-богатырь Куладай Мэргэн.

Обращается Куладай к звенкам. А они жуют глухариное мясо да диву даются.

— Как так? — говорят. — Деды наши жили, отцы жили, а такого никогда не видали.

А Куладай Мэргэн ловко на олене сидит. Лук в руках держит, за поясом стрелы. Унты его красивые бисером расшиты, а одежды позолоченные, из замши шитые.

Обращается Куладай Мэргэн к звенкам:

— Зверей вы бьете во впадинах гор, а плохо живете.

— Правда! — говорят звенки.

— Олени плодятся, но стада ваши маленькие.

— Верно! — отвечают старики.

— Холодно вам, пурга завывает, дети болеют, темно кругом. Но есть на свете солнце. Тот, кто поверит, что солнце есть, тот светлой жизнью жить будет, хорошо жить будет.

Приехали на стойбище звенки. Рассказали своим сородичам про то, что видали, про диво.

— Какое такое солнце? Почему чудесный олень был? Почему чудесный батыр-богатырь был?

Все так спрашивают, но никто не верит.

— Сон, — говорят, был — спали мы. Во сне все видели.

Так жили да жили. Семьдесят лет, и еще семьдесят лет, и еще семьдесят лет. Плохо жили. Весною — темно, летом — темно, осенью — темно, зимою — темно.

Про того оленя позабыли, про того батыра-богатыря позабыли.

Только Чакулай родился в роду Чальчигир. Тот Чакулай

богатырь был. Сильный был, верткий, храбрый был. Быстрее оленя бежал, воз на бегу стрелял.

Подошел Чакулай к лабазу и говорит:

— Верю, что солище есть, света хочу. Тяжело дышать стало, плохая жизнь у эвенка, совсем темная жизнь. Ужасная!

И показался олень златогривый, рога серебряные. А сидит на нем Куладай Мэргэн, весь стрелами обвешан.

Подошел Чакулай к богатырю-батыру, поздоровался и заговорил с ним.

Говорит Куладай Мэргэн:

— Знал я, Чакулай, что ты славу у чальчигирцев имеешь, знаменитый охотник. Весь народ тебя знает. Всюду народ о силе и храбрости твоей говорит. Теперь ты веришь, что есть солище. Силети ты коробочку из волос эвенков и тотчас ко мне приходи. Добывать будем солище.

Исчез опять Куладай Мэргэн. Идет Чакулай. Смотрит пожар в тайге, леса горят. Схватил он леса и спас.

— И мы тебе поможем,— говорят.

Идет Чакулай, торопится.

Смотрит — волчата горят. Спас он волчат.

— И мы тебе поможем,— говорят.

Подходит к озеру большому — карась лежит на песке. Задышится. Толкнул он ногой карася в озеро.

— И я тебя спасу,— сказал.

Стал Чакулай ходить, волосы собирать, да коробочку плести. Долго плел, 70 лет плел, все-таки закончил коробочку.

Идет к лабазу. По дороге гора, небо достигающая.

— О! Как пройду гору? — говорит Чакулай.

Прибежали леса, превратились в оленей. Сел на оленей Чакулай. Дальше поехал. Едет да едет. Лес непроходимый. Колодник, камни большие. Идти невозможно.

Прибежали волчата, превратились в орлов и понесли на крыльях Чакулая. Опустили его на широкой поляне. Идет он дальше. Озеро большое. Берега не видать.

— Как перейду? — говорит Чакулай.

Выплыл карась и перенес Чакулая через озеро.

Достигнув берега, лабаз увидел. Смотрит — поднимается мох и выходит чудесный олень, а на нем сидит батыр-богатырь. Поздоровался Куладай Мэргэн с Чакулаем и повез Куладай Мэргэн Чакулая по тайге дальше.

Долго ехали, три года ехали. Приехали. Доехали до солища. Откололся кусочек солища и в коробочку попал.

Опять три года до лабаза ехали. Исчез чудесный олень, под мох ушел.

Принес Чакулай коробочку. Выбежали шулинги. Стали коробочку отнимать. Бился Чакулай с шулингами, потом

Исполнитель народных сказок и песен учитель Н. Н. Шангин со своими учениками. 1938 г. Северо-Вайкальский район Вурятти.

стал стрелять. Пустит стрелу — падает шулинга. Впереди и позади Чакулай их стрелы падали. Верткий он был. Потом попала стрела одного шулинги в правую руку Чакулай.

— Не верьте Чакулаю, — кричат шулинги. — Нет солнца. А коробочку его утопить надо.

Налетели на него шулинги. Тогда Чакулай бросил на высокую лиственницу коробочку. Та коробочка разбилась. Сразу небо заалело. Тепло. Тайга озарилась светом. Олени все к стойбищу побежали.

Диву даются эвенки. Мужчины с луками бегают, ребята за руки матерей хватаются. Испугались шулинги. А солнце по небу, как по озеру плывет.

— Верите ли вы, что солнце есть?

— Как не верить. Сами видим. Правду видим. Верно солнце. Диву даемся.

Поднимается мох. Чудесный олень выходит, а на нем батыр-богатырь сидит.

Бегут олени со всех пастбищ. Собрались эвенки со всех родов. Обращается к ним батыр-богатырь:

— Вижу, что верите вы. Знаете, что есть солнце. Ну, садитесь все на оленей.

Сели эвенки на оленей. Мужчины — на быков, женщины — на маток-важенок, дети — на оленят.

Все олени рядом идут. Лес расступается. Опустилось

солнце на рога оленей. Сто тысяч было эвенков. Сто тысяч было оленей. Впереди Куладай Мэргэн ехал. Тот батыр-богатырь другое имя получил. Народ дал ему новое имя. Народы называли его Ленин.

Живет Ленин с эвенками. Теперь хорошо живут да Ленина все вспоминают. Это он эвенкам солнце дал. А Чакулай тот большой начальник был. Добро эвенкам делал. Потом Ленин в большой город уехал. Там жил. Чакулая вызвал. Все про эвенков узнавал, расспрашивал. Любил Ленин тайгу. Теперь в каждом чуме каждый день все про Ленина говорят.

Все.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС — УЛГУР

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЖАНРА. РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ВЫТОВАНИЕ ЭПОСА

Эвенкийские улгуры («улигеры») — это большие поэмы о героических битвах древних богатырей. Наряду с фантастикой в «улгурах» отражена материальная и духовная культура предков современных эвенков. По композиции и содержанию эвенкийский героический эпос имеет некоторые общие черты с якутскими «олонхо» и бурятскими «улигерами». Но в эвенкийском эпосе нет той циклизации вокруг главных героев и нет того объема (до десяти тысяч строк), что является характерным для отдельных эпических произведений якутов и бурят.

Героический эпос у эвенков — один из любимых жанров. Если раньше в сказки могли некоторые слушатели не верить, то отношение к «улгурам» (героическим песням или сказаниям) было всегда серьезное, с полной верой в происходящее. В исполнении героических песен или отдельных эпизодов из героических сказаний принимают участие все слушатели. Вслед за сказителями они исполняют песенные куплеты героев.

Героический эпос отличается от сказки или предания сложной композицией, художественными приемами, высоким художественным стилем, торжественно-приподнятым тоном исполнения и особым отношением слушателей к этому жанру. Он всегда поется или декламируется речитативом. По рассказам эвенков, в старину героические песни исполнялись на больших праздниках. Бывали случаи, когда несколько знаменитых сказителей исполняли роли отдельных героев эпоса. Такая же драматизация эпоса у якутов была отмечена в трудах Серошевского и Кулаковского.

«Улгурами», или «улигерами», эвенки называют эпос, а также героические и исторические предания. Но сахалин-

ские звенки термина «улгур» не знают. Они называют «нимканами» и эпос, и сказки. Якутское олонхо до недавнего времени также включали в раздел сказок. В русском фольклоре можно встретить один и тот же сюжет об Илье Муромце в былинне и в сказке или одинаковый сюжет о Ермаке в исторической песне и в сказке. Отдельные мотивы эпоса встречаются в сказках, например в сказке «Орданинда».

Эпос звенков распространен в виде героических сказаний с прозаическим текстом и многочисленными песенными куплетами для каждого героя, например «Кильдыника» и «Соду Сордончо Солдани». Вытуют эпические произведения, состоящие сплошь из стихотворного текста, с многочисленными песенными куплетами отдельных героев, например «Гарпанинда» и «Ятэкэ».

Отдельные эпизоды в героических песнях расцвечиваются припевами героев, из которых многие уже непонятны современным звенкам. К. А. Новикова сообщает, что «сахалинские героические песни бывают с припевками (икэкалкэ) и без припевок (икэкаэ ачин). Значительная часть, записанных нами «нимканов» содержит большое количество самых разнообразных припевок, при этом у каждого сказочника есть свои «икэкаэл» (припевки)¹.

ГАРПАНИНДА

Звенковские тексты

1

Дунин дунин дункаинду.
Дунин кумаландин тивударкин.
Умун сонит голвадичин.
Нунган горбин Гарпанинда.
Эрдунда-та балдинан.
Эсиман-да скаренин.
„Ам“ гундан — аминин-да ачин.
„Эн“ гундан — энинин-да ачин.
„Дунвадун юн бисинин.
Хорсвадун чун балдин бинич.

* Орантакача турар эмартадала тиванкеничча.

Текст из эпического произведения
«Гарпанинда».

Материалы собирателей эвенкийского фольклора, а также отдельные его публикации свидетельствуют о повсеместном и широком распространении среди эвенков всех видов сказок, исторических и героических преданий, но этого нельзя сказать о героическом эпосе.

Песни героического эпоса сохранились лишь у эвенков Забайкалья, Приамурья и больше всего у сахалинских эвенков,

¹ К. А. Новикова и В. Н. Савельева, указ. статья, стр. 97.

переселившихся на остров из Тутуро-Чумиканского и других районов Хабаровского края и Якутской АССР. В Туруханском и Верхне-Кетском районах, а также в Качуге и на Таймыре эпос, подобный героическим песням сахалинских эвенков, уже исчез полностью. Условно к эпосу могли бы быть отнесены сказания и легенды о богатырях прошлого, распространенные среди енисейских эвенков, но все же это не эпос, а предания. В. Н. Васильев и К. М. Рычков также не относили эти произведения к эпосу¹. Останавливаясь на преданиях, записанных Васильевым у енисейских эвенков, А. П. Окладников считает, что «это своего рода устные хроники, а не результат свободного эпического творчества, как якутские богатырские поэмы. Герои же тоже не условные, целиком созданные народной фантазией персонажи, а скорее всего реальные воины прошлого»².

2. ОСНОВНЫЕ СЮЖЕТЫ И МОТИВЫ ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

В героическом эпосе эвенков отражены некоторые черты наиболее древней идеологии людей. Здесь сохранились элементы мифологии, космогонических представлений о существовании трех миров, а также даются картины реалистической жизни эвенков. А. П. Окладников, посвятивший в своей монографии «История Якутской АССР» специальную главу якутскому эпосу (олонхо), дает высокую оценку его художественным достоинствам, подчеркивая, что «фантастический вымысел и величественные образы древних мифов причудливо сочетаются в олонхо с живыми реалистическими картинками»³. Это высказывание А. П. Окладникова об олонхо вполне применимо и к эпосу эвенков.

Присутствовавшая во время исполнения героических песен сахалинских эвенков К. А. Новикова сообщает, что «в них рассказывается о подвигах героев, о борьбе богатырей и на земле, и под землей, причем борьба эта носит самый разнообразный характер. Поводом для подвигов служит месть за убитых родственников, поиски жены, бой за невесту. В «нимканах» всегда рассказывается о жизни каких-то необыкновенных людей, людей, могущих летать на собственных крыльях, обладающих способностью понимать язык птиц и живущих попеременно в трех мирах»⁴.

¹ В. Н. Васильев, Тутусские предания, «Живая старина», в. 1, СПб., 1908, стр. 362—370, и в. 1, СПб., 1909, стр. 90—100, а также в «Фольклорном сборнике» Г. М. Василевич (1936).

² А. П. Окладников, История Якутской АССР, стр. 260.

³ А. П. Окладников, История Якутской АССР, т. 1, М.—Л., Изд. АН СССР, 1955, стр. 257.

⁴ К. А. Новикова и В. Н. Савельева, К вопросу о языках коренных народностей Сахалина, Ученые записки ЛГУ, Л., 1963, стр. 96.

Как и в якутском олонхо, в героических песнях дальневосточных эвенков герой отправляется на поиски своей невесты. Во время поисков герой летает на крылатом олене или коне, может переноситься по воздуху и другими зверями. Герой бьется с авахи (это те же якутские абаасы — алые чудовища), встречается с неизвестными ему племенами. Иногда упоминается о том, как одноглазые и одноногие чудовища разграбляют имущество уехавшего на поиски женим героя.

В героической песне, или былине, «Соду Сордончо Солдани» рассказывается, что основная цель героя — это истребление всех авахи. Старший брат Соду Сордончо Солдани говорит: «Я родился для того, чтобы истреблять на средней земле племя авахи». Он напутствует своего брата перед разлукой словами: «Иди, куда задумал. И если приключится какая-нибудь беда, зови меня: как бы далеко я ни был, я приду к тебе. Я уничтожил авахи...»

В образах героического эпоса, распространенного у качугских, забайкальских и дальневосточных эвенков, мы видим ряд общих черт.

Героям открыт путь в верхний и нижний миры, они легко превращаются в людей-оборотней и имеют тесную связь с природой, которую одухотворяют (герой женится на дочери солнца. В брачные отношения с героем вступают месяц и звезда Венера).

Герои верны дружбе. Они честно выполняют данное слово о помощи друг другу.

Герои преданы своему роду и племени. Ради спасения людей своего племени способны на любое самопожертвование.

Счастливая жизнь героя с добытой им женой наступает лишь после его долголетней и жестокой борьбы с враждебными племенами.

Изображаются картины героических битв древних богатырей, о богатырях рассказывается как о замечательных умельцах. Они лучшие охотники и знатоки родной природы, лучшие советники, мастера по изготовлению луков, стрел и боевых доспехов. Они проявляют гуманизм не только в отношении людей своего племени, но и в отношении своих врагов.

Счастливая и мирная семейная жизнь — главная цель большинства героев эвенкийского богатырского эпоса. Это же отмечается исследователями якутского олонхо. «Основным сюжетом большого числа якутских олонхо, — пишет И. В. Пухов, — является борьба за установление семейной жизни (походы героя-жениха в поисках невесты и борьба за нее) или против нарушения семейного счастья, в защиту семей-

ного очага (походы героев и других богатырей... в поисках похищенной жены или невесты)¹.

Герой заботится о привитии сыну трудовых навыков, о расширении его знаний об окружающем мире. В тяжелые и опасные минуты отец и сын всегда приходят на помощь друг другу.

Довольно значительная по размеру песня из героического эпоса под названием «Гарпаниндя» обработана и издана в стихотворной форме сахалинским звенком Г. Чинковым. По свидетельству учителя звенка В. Соловьева, окончившего в 1958 г. северное отделение Ленинградского педагогического института, сюжет «Гарпанинди» известен в различных вариантах всем сахалинским звенкам и орокам. «Гарпаниндя» (удалец стрелок) состоит из двух частей. В первой части 27 песенных строф и во второй части 17. Хотя в «Гарпанинде» героям придаются фантастические черты, но они настоящие реальные люди, представители своего рода или племени, за интересы которого они готовы отдать жизнь.

Приведем несколько примеров прославления героя-охотника, напоминающие прославления знаменитого пахаря Микуду Селяниновича.

Гарпаниндя-соню,
Изюмтукки татадена,
Вугани бойбулээн
Вуюктаден гирудиран.
Вугани бойбулээн
Дэви дулгидэли
Вутунумэ мамадяна,
Горолдули гирудиран.

(стр. 8)

Гарпанинди-силач,
Для проводи,
Зверей своего места
Промышляя, бродит.
Прикончил всех зверей
Вокруг своего жилья,
Подальше уходит.

(«Гарпаниндя», стр. 54)

Алауэви таксакам,
Каэтырадуви хэриэрэн.
Вучаэтами арбагаси
Тытхасока, калбуладерэн,
Карбаэсами метакани
Дылдуви алаадерэн.

(стр. 10)

Лук свой взял,
На спину привязал.
Проконченный кафтан
Надев, опоясался,
Вычью шкуру (с головы
дикого оленя)
На голову надевает.

(«Гарпаниндя», стр. 55)

В «Соду Сордончо Солдани» воспевается трудолюбие героя. «И каждый день, ранехонько встав, уходил он на охоту. И был этот богатырь замечательным охотником».

«В Гарпанинде» рассказывается, что герой является не только лучшим воином и охотником, но и замечательным мужем и отцом. Он всегда проявляет заботу о своем сыне Чиндоникане, добывая для него свежее мясо. Он смастерил сыну лучок и приучает его стрелять птичек. Гарпаниндя

¹ Вопросы изучения эпоса народов СССР, М., 1968, стр. 222.

заботится, чтобы сын был достойным богатырем, воспитывает его в духе преданности семье и всему племени.

Эпос качугских и забайкальских эвенков отличается от эпоса дальневосточных и сахалинских эвенков. По всей вероятности, эпос дальневосточных и сахалинских эвенков заимствовал некоторые мотивы из якутского олонхо. Термин «абаахи» (абахи, абаасы) — якутского происхождения. Но имена героев и песенные куплеты (припевки) все эвенкийские. Эпос качугских и забайкальских эвенков впитал в себя много мотивов из бурятского эпоса, в том числе из цикла песен о Гэсэре. Не случайно, что в отдельные песни эпоса попали такие герои, как Анширэ-бакширэ, Хани Хубун Гэхэр (Гэсэр) Богдо (эпос качугских эвенков) и Куладай Мэргэн, Арсалан-бакши (бурятский эпос). У бурят бытуют улигеры о Хуладай Мэргэне. Имена: Доладай, Ятэка, Ойгар и др. являются эвенкийскими. Если в эпосе дальневосточных эвенков встречаются древнейшие имена людей, связанные с наименованием природы (Авданиакан — листок, Ёнтокан — корешок; Кэдэрэинде — кожемялка), то этого нет в эпосе эвенков Качуга и Забайкалья.

В XVIII в. И. Георги опубликовал тунгусское «Сказание», представляющее одну из песен героического эпоса забайкальских эвенков. И. Георги, наблюдая жизнь эвенков того времени, отмечал их большую любовь к песням. «В их песнях, — сообщал путешественник, — идет речь о любви, охоте, оленях, красивых местностях, о храбрых подвигах предков, часто о чудесах и приключениях. Некоторые из этих песен очень длинные, поэтому их не только поют, а иногда и рассказывают. При рассказывании каждый период начинают с последнего слова предыдущего периода» (Г. М. Василевич, «Фольклорный сборник», стр. 233).

Эпос дальневосточных, сахалинских, качугских, баунтовских эвенков и «Сказание», записанное И. Георги у баргузинских эвенков, имеют много общего в идейном отношении. Здесь также богатыри бьются в поисках жены, происходят межродовые столкновения. Но герои не летают на оленях за чудовищами, а борются с реальными, земными врагами. В этом сказании представители различных родовых групп — люди Доладая, Куладая, Арсалана-бакши и Караткан-нойона. Слова «бакши» (учитель, мудрец) и «нойон» (господин, начальник, властелин) взяты из бурятской лексики.

«Сказание», записанное у баргузинских эвенков, отражает более позднюю эпоху (дочери князя Доладая имеют служанок, у каждой из дочерей своя золотая телега. Караткан-нойон живет в городе за тройной стеной).

Представляет интерес богатырь Арсалан-бакши, которому достается в жены красавица Суудангина, дочь Доладая. Арсалан-бакши — великий труженик, стоящий по пояс в струж-

ках при изготовлении стрел. Его имя может быть переведено и как «укротитель львов». Образ Арсалана-бакши, мастера по изготовлению стрел, встречается в эпосе качугских эвенков, но там его называют Акширэ-бакширэ.

В фольклоре баргузинских эвенков бытует эпическое сказание, записанное И. Георги и опубликованное им на немецком языке.

В одной стране жил князь Доладай, имевший две тысячи слуг. Он жил в городе, окруженном тройной стеной. У князя было семь дочерей, которые садили в золотых телегах. Во время прогулки семи княжеск прилетела птица Ногой и унесла в облака шестерых из них. Спаслась лишь младшая, Сувудангина, превратившись в орла.

Орел (Сувудангина) прилетел к своему отцу, князю Доладаю, и рассказывал обо всем случившемся. Сувудангина просила отца выступить с походом на Караткана, который забрал ее сестер и надеется забрать и ее. Доладай уже стар, он не в силах бороться с Каратканом и указывает на богатыря Куладай. Затем Доладай и его дочь вспоминают про богатыря Арсалана-бакши.

К этому богатырю и летит орел (Сувудангина).

Орел (Сувудангина) семь лет летел в облаках и наконец добрался до одной красивой нарты. Там он узнал, где живет Арсалан-бакши. Через год орел добрался до нарты Арсалана-бакши и отдал для его стрел два пера, вырвав их из своих крыльев. Здесь орел узнает от Арсалана-бакши, что он готовится в поход на князя Доладай, у которого есть дочь Сувудангина. Орел рассказывает Арсаламу-бакши, что он и есть Сувудангина. Сувудангина становится женой Арсалана-бакши, но его конь предупреждает хозяина, что сюда придет скоро грозный Караткан-нойон; он придет, чтобы забрать Сувудангину в жены. Приходит Караткан.

Караткан превращается в орла и уносит в свой город Сувудангину. Арсалан-бакши на четвертый год достигает города, где живет Караткан-нойон. Караткан просит уйти Арсалана-бакши, ибо он, Караткан, был первым женихом Сувудангины.

Но Арсалан-бакши не пожелал уступить Караткану, и между ними происходит схватка на высокой скале. Арсалан превратился в оленя, а Караткан — в козу, затем олень превратился в лося, а козел — в кабана.

Они долго бились, но никто из них не мог победить. Они стали снова людьми, но их битва не было конца.

Наконец, в состязание вмешались кони богатырей. Конь Арсалана помчался за пилой, в которой была «смерть» Караткана, а конь Караткана помчался за стрелой, где была «смерть» Арсалана. Кони одновременно возвратились к своим богатырям, и каждый из них хотел быть первым. Конь Арсалана ударил ногой коня Караткана, и смертоносная пила выпала из его рта. Конь Арсалана схватил пилу и проглотил ее, а стрелу передал Арсаламу. Арсалан-бакши убил этой стрелой Караткана-нойона, взял свою жену (Сувудангину), а затем и жен Караткана, его слуг, стада и стал жить в большой славе.

В этом «Сказании» герои могут летать, Сувудангина превращается в орла. В орла превращается и сам Караткан-нойон. Герои превращаются в оленя, козу, лося, кабана. Кони разговаривают, мыслят, выполняют поручения героев. В описании жилищ эвенков говорится о серебряных столбах, о железных цепях, но здесь же и реальные люди: девушки, вышивающие чудесные узоры, юноши, мастеращие замечательные стрелы.

Если в дальневосточном эвенкийском эпосе, а также в эпосе качутских и баунтовских эвенков упоминается о незначительном количестве пленников, то в этом «Сказании» рассказывается о тысячах слуг и огромных стадах, которые достаются победителю. Таким образом, в «Сказании» отражено наиболее развитое патриархально-родовое рабство.

3. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРИЕМЫ

Зачин

Исключительную художественность придает эпосу его необычайный для других фольклорных жанров зачин. Улгур «Соду Сордончо Солдани» начинается словами:

«В те времена, когда земля еще только принимала вид шара, а небо было, как брошенный кумалан-коврик, на средней земле родился один богатырь. Че, сказать бы ему, — собаки нет! Друг, сказать бы ему, — товарища нет! Вратец, сказать бы ему, — младшего брата нет! Папа, сказать бы ему, — отца нет! Мама, сказать бы ему, — матери нет! Звали этого богатыря Соду Сордончо Солдани-богатырь. И жил этот богатырь один-одинешенек».

Зачины многих песен эвенкийского эпоса почти полностью совпадают с якутским олонхо, особенно зачин «Гарпанинди».

Посреди средней земли,
Когда она, как ковер, расстилалась,
Жил один силач богатырь,
Было его имя Гарпанинда.
Не знал он и сам,
Откуда же он появился.
Сказать бы «отец», да отца нет.
Сказать бы «мать», да матери нет.
«Если бы я из земли рос,
На макушке моей трава бы росла.
Если бы я сверху упал,
На макушке моей роса бы была».

(«Гарпанинда», стр. 53.)

Дулин дуинэ дулкакиндун,
Дуинэ кумаландын тэкундерекки,
Умуи сонну тываадчак,
Нууан гербес Гарпанинда.
Экундун-та балдынази
Эсимэн-де саларекки.
«Ами» гундэн, — амилки-да аччи.
«Эми» гундэн, — экиним-де аччи.
«Дуинэдуи юче бисими,
Хорондуэ чука балдыча бимча.
Угигэт тычче бисими,
Хорондуэ сарикса бимча».

(стр. 8)

Такой же зачин в олонхо «Эр Соготох (одинокый)».

...Ни почтенного господина батюшки, ни почтенной госпожи матушки не звал.

— Если бы я с неба упал, нишам был одет; если б из-под земного мира вышел, землей бы был покрыт,— говорил¹.

Гиперболы и сравнения.

Гиперболы и сравнения даются в описании оружия и битым богатырей, в действиях волшебных помощников, в описаниях картин природы.

Лук его — семьдесят саженей.
Стрела его — тридцать саженей.

(«Ятхо».)

Вот летит стрела Ойгара,
На лету она пронзает тридцать врагов.
(«Ятхо».)

Стальную цепь
Железного молота
На руку намотав,
Гарпаникду ударяет.

(«Гарпаникда», стр. 65.)

Соду Сордончо Солдани пускает стрелу и летит вслед за нею.
«А стрела несет его уж так быстро. В ушах у него только свист стоит. А из глаз у него, словно заяц, слеза падает».

Когда Арсалан-бакши взял в руки свой могучий лук, то его «стрела пронзила девять холмов, на десятом она рассекла перо, прошла еще через пять холмов и застряла в шестом, откуда ее вытащил орел и вместе со стрелой полетел к герою».

(Н. Георги, Тунгусское сказание, «Фольклорный сборник», стр. 284.)

В былинах наделяются большой физической силой герои и их враги.

Сонну мата унэриду
Сэгдалли кисэдере.
Нюригалии амаскида
Эдмедуи эдмимэадере.
Нууан унэриду
Ниткур мол гилдыкал-да маринадира,
Хэгдыл мол унэтуэдудинэр
Дунэтуэдэнэл игэлдиэр тыкчера.

(«Гарпаникда», стр. 11.)

¹ А. А. Понев, Якутский фольклор, изд. «Советский писатель», Л., 1946, стр. 43.

От движения силача богатыря
Только в ушах свистят,
Волосы назад
Ветром откидывают.
От движения его
Маленькие деревья кольцами гнутся,
Большие деревья по самые корни,
Вырвавшись, с шумом падают.

(«Гарпанинда», стр. 55—56.)

Нуартыи кусиридутыи
Тамжария-де маннаадара.
Долбони одякин, тогогдо дануттан.
Инеук одякин, тамжанка гулбуттем.
Сиги-дунне агландерен,
Аглам-дунне сигиндараи,
Кирагин дунневе онкучаккударай,
Онкучак дунневе кирагиндара.

(«Гарпанинда», стр. 16.)

От боя их
Туманы исчезают.
Ночью пламя свиркает,
Днем туман идет.
Чашу очищают,
Поляну зарывают,
Холмы в ямы превращают,
Ямы в холмы превращают.

(«Гарпанинда», стр. 59.)

Ну и сражался Итань!
Ну и бился он за людей своего рода!
Колол копьем он острым до победения своих волос.

(«Итань».)

Такая сила в Дыме,
Что от его удара прожиг земля.

(«Итань».)

Так герой бьется и побеждает врага, что «двухкрылая птица дважды крылом не успеет махнуть, четырехногий зверь четырежды не подскочит».

(«Соду Сордончо Салдани».)

Конь испугался и стал так громно ржать, что многие юрты в городе развалились и многие люди упали без чувств.

(И. Георги, «Сказание», стр. 234.)

В полдень он заметил землетрясение и услышал шум. Пошел гулять; первые градины были не меньше овец, а последние были величиной с верблюдов.

(И. Георги, «Сказание», стр. 239.)

Некоторые гиперболы, эпитеты и сравнения в описании костюмов богатырей, их боевых доспехов и домашней обстановки позднейшего происхождения, и возможно, что позаним-

Эвенкийский поэт и собиратель фольклора
Г. А. Чиников

ствовааны из эпоса соседних народов, у которых была наи-
более развита материальная культура.

Дулия буга Гарпаниндя
Токоттор-да биденэки,
Салэмэнде татысен
Самнаритня нэнтад-рэм.
Салэмэнде татыдукня
Олуктыял, салэм-да,
Тогогдоади гулиадынал,
Дуняээле тыкчере.

(«Гарпанинда», стр. 27.)

Средней земли Гарпанинда
Пока рубил,
Железная одежда врага
Совсем искрошилась.
От железной одежды
Только стружки летят,
Огнем мелькая,
На землю падают.

(«Гарпанинда», стр. 66—67.)

Однажды Суудангина обнаружила прекрасную юрту. Направо от нее находился стальной столб, и у него семь гнедых коней. У них были золотые гривы, серебряные седла и уздачки. На каждом седле лежала рысья шуба.

(Н. Георги, «Сказания», стр. 234.)

Сиди на белом коне, в золотом седле,
Приблизился к могучему Ятанэ.

(«Ятанэ».)

Действительно упала лодка из красного
Серебра.

(«Фолькл. сборник», стр. 115—116.)

На самой горе стояла роскошная юрта; стены ее были из серебра,
а крыша из золота.

(И. Георги, «Сказание», стр. 234.)

1. Килдыникан

Дулин дуннеду умун эттыкэткэн, аттыкан бичэл. Тар бидерэктын, утэтын балдыча. Утэтын балдыракин, амтылын утутырэ, буга байрэвэн эрирэ. Эттыкэн гуэн:

— Нери! Нери! Нери! Нери!
Би утэ гэрбиен бучалду!

Умун этты гэрбиен гуэн:

— Калэ, калэ! Калэ, калэ!
Би будытэ сн утэ гэрбиен!
Утэ гэрбин бигин —
Дулин буга Калдынакакин!

Тар сивайбава девуксэл, упкат сурурэ дюлавэр.
Утэтын умнэкэн гуэн:

— Калдынерэ! Калдынерэ!
Би, ами, рэнэктэ!
Енэвэ баргиски.

Эттыкэн гуэн:

— Нери, нери!
Утэ, нил рэнэре!
Талу бихин со сурдак накита.
Валир би, куникса,
Эчэн кайра накитава.

Утэтын гуэн:

— Калдынерэ! Калдынерэ!
Би нуңандулан гэнэдирэн!

Тар гуэнэкин, эттыкэн бурэн бэрбен. Килдынакан-мата цэнэрэн. Енэвэ туктырэн. Тар туктыксэ, ичэнэн, бихин тэвуктэ. Тар тэвуктэвэ дептэн. Девдерэкин, накита амардукин нюрмадяран. Килдынакан, бэрби гакса, пэктырэрэн. Накитан он-да эчэ ора. Накитан гуэн:

— Дулин буга эттыкэн утэн эмэчэ.

Килдыникан гуэн:

— Би синэвэ задиңав.

Накита тыкуллэн. Тар гуэнэкин, нуңанман ахакталлан. Килдыниканду покойбо эчэн бурэ. Ахактача, ахактаран Килдынакалма. Килдынакан буддэни некэрэн, соңорон:

— Калдынерэ, Калдынерэ!
Си, накита, би эрэн эдарауэ тууехини!
Җи, эмэксэ, минэвэ алдыңан?

Тар гундерекин, угискэки турэн долдыбран. Ичэрэкин, дюр ахакар няңияду дэгдерэ. Умун ахакаан гунэн:

— Гудейва бараксан матава дебдиңэн. Эки, нуңанман чэ-
нэгэт дюлавэр!

Экинян гунэн:

— Экунман нуңанман карайини? Дулин буга бултыркэвэн!
Ви-лэкэ этэм карайя, си карайкал!

Тар гунэкин, нэкунии Килдынаканма гадаи. Тар амар-
дуктын накита гунэн:

— Мула, депцэтэв чэнэврэ!

Килдынакан, чэнэвденэ, гунэн:

— Си, ахакаан, илэ чэнэвденни минэвэ?

— Ви синэвэ чэнэвдем дюлави.

Ахакаан, дюлави эмэвуксэ, гунэн:

— Га, гау, гау-ней!

Эрэ-из гунам:

Килдыникан мата,

Синэвэ депүчэ накита.

Ви синэвэ эмэвук.

Ви гэрбиз Мәуункән.

Ви акини бихи —

Дулин буга Абданикани.

Килдыникан гунэн:

— Кедирей! Кедирей!

Ахакаан Мәуункән!

Эда минэвэ эмүчэс ар бутала?

Амини, экинни соңоджатын,

Минэвэ буриксэл.

Килдыникан-мата Мәуункән ахакаанмә ахияви гадаи. Ады-да
анңанива биксэ, умнэкан бадикир, элэкэс дылача юдерэкин,
туксэ коңномо юрэн. Туксу дьпкали ичэврэкин, хэгдыңэндо
дэги дэгдерэн. Тар дэгденэ, турэттэн:

— Гени, гени! Нэку Мәуункән!

Чайл белиникәл! Турган, турган!

Мата хаматтан амардуни!

Абданиндя-мата дагамаран дюлави, нан турэттэн:

— Гена, гена-й! Гена, гена!

Сикән дюдүс экуи матаи бихи?

Турганди гунал —

Илук эмэчэ мата бөө?

Абданиндя, эмэксэ, нэкутуви доран. Мәуункән ахакаан
турэттэн:

— Гау, гау-не-й! Гау, гау-ней!

Акин Абдани тар матаду

Ви үнэчэс аттыкаңъя.

Тар мата-дулин буга Килдынакани.

Абдани-мата турэттэн:

— Гени, геной! Гени, геной!
Дулин буга буатырени-и!
Эда би нукунма гачас?
Би ачидуа, эка минэ улгунира,
Би синмаа, доромо эттидунэ!
Юкал дюдукки, кухигот!

Килдынакан-мата ралалча. Эхин дюдукки юра. Мэункен
гунэн:

— Гесу, гесу, ге-ней!
Килдынакан матанан!
Экундукки ралалини?
Юкал туртэнди, кухикал!

Килдынакан-мата дюдукки юрен. Нюрби ганая, турэттэн:

— Килдынора, мата-бес,
Минмаа илчэрени,
Би-да мата-сонну бижим.
Га! Экиле кухигот!

Матал кухилла. Килдыникан-мата Абданиндява кейран.
Ахин, эмэксэ, гунэн:

— Гау! Гау-ней!
Мата Килдыни!
Акинмаа экал веро!

Ахин гунэкин, Килдынакан эча вара акинман. Илани
чэнэре дюлавэр.

Дюр анчани одан, он акинин эмэчэн. Умнэкен сиксэ эдын
эдыллэн, тыгдэ тыгдэллэн. Тар тыгдэчэлэн, ичэрэктын, му-
рилкан бэе дэгдерэн. Тар дэгденэ турэттэн:

— Нихи, Нихи, мата Абданикан!
Эр-дэ синмаа бакам!
Нимэсум синдула,
Ахили гоним,
Ал-гу ээди,
Уха-гу ээди,
Вудикэс нукунми?

Эмэксэ, муринми уйрэн. Тар уйдерэкин, Килдынакан-мата
юрен:

— Гени, Геной! Би-кэ синду
Ахили отом буре!
Би гачаа Мэункен ахила!
Эмекал кухигот!

Матал кухилла. Килдынакан-мата нууанман дабдыран.
Сэллулинде-мата чучаран. Тар амардуи Килдынакан, Абда-
никаи амардукин ахаматтэ. Сэллулинде бугалан иста. Кил-
дынакан турэттэн:

— Гени, гени! Гени, гени!
Мата Саллулиде,
Юкал тургэнди! Кухигет!

Саллулиде акирин юра. Килдынакан ичэрэкин, Саллулиде акирин умур эхалкахал, умур алгалкахал. Тар юксэ, умунтын гунэн:

— Кадэрэйгэйкэ! Мата Килдыни, дорово!
Кухидэни эчэчэс, бидирэ?
Гы! Кухигет!

Килдыникаан-мата июреи гадан, гарпаллан упкатпатын. Тар гарпадяракин, сендун ахин соқоттон. Килдынакан-мата гунэн Абданникаан-мататки:

— Гени, гени! Гени, гени!
Мата Абданникаан,
Би үнэдем дэлайи!
Ахиваа экуи-ка хуктывулча.
Поросай, порости!
Поросай, порости!
Үнэдем дэлайи.

Килдынакан-мата укчаларэн муриидуви, дэгдехинэн. Тар дэгденэ гороник ичэттэкин, ахин укчактукин умун мата элгедерэн. Тар ичэксэ, Килдынакан-мата тургэнди цэнэрэн. Үнэденэ турэттэн:

— Гени, гени! Гени, гени!
Хя, мата, бэе,
Эда илчэнини би ахиваа?
Экал илчэрэ! Эр-ты гарнаа!

Мата, элгеденэ Мәунукән ахива, турэттән:

— Гуурэ, гуурэ, мата бэе!
Ся ахис ахин бихи.
Экал кихилгөрэ,
Дулин буга булгөрәкә!

Мәунукән ахи турэттән:

— Гер, гер-жэй! Гер, гер-жэй!
Мата бөөндә, экал илчэрә
Хуғу бәе ахиваа!

Тар гуидерэкин, Килдынакан-мата матава гарпаран. Мата он-да эчэ ора. Кухиллэ. Кухичэл, кухиллэ, җи-дэ эчэ кейра. Угу буга мата турэттән:

— Гуурэ, гуурэ! Гуурэ, гуурэ!
Мата Килдынакан, эхилэ өтөгөт!
Ся — дулин буга соннуин бихикки,
Би угу буга соннуин бихим.
Би гәрбия — угу буга Җаңтәңникәния.

Кухиксэл, этэрэ. Ёиүтэникэн джолави үэнэрэн, тадук турэттэн:

— Гуура, гуура! Гуура, гуура!
Би джолав нимэвүдэн!

Килдынакан джолави үэнэхинчэ, ахиви минилгилчэ. Ахи-галиви үэнэхилчэ. Тар үэнэдэрэкин, угиски экуи-ка турэттэн:

— Саллудэс, Саллудэс!
Мата бэе, дорово!
Ила үөнэдэнни?

Тар гунэкин, Килдынакан-мата угиски ичэнэн, он-ка ахи-ван гача. Килдынакан-мата ахаматтэн нуңанман. Удяду боконикса, кухилэ авахи нуңанман валлэн. Килдынакан-мата турэттэн:

— Гени, гени! Гени, гени!
Экуи минэ эмэкса, айджуан?
Билер, билер, гуникта,
Искуми бихин.
Тариуиз-да, эмэкса, огии айра!

Тар гунэкин, угискэки турөчиттэн:

— Гау, геной! Гау, геной!
Килдынакан-мата, ахуаи арукал!
Умукталы гарадам!

Килдынакан мата амцави аңаран. Ичэрэкин, умукта эмэрэн. Тара нимүэрэн. Тар нимүэксэ, эңэхи-дэ эңэхи одан. Килдыни авахива варэн. Нян-дат үөнэхиллэ джоскивар. Килдынакан джолави истан. Ичэнэн — джон аипча, оронни ачин, энинни ачин, аминни ачин. Дэгдын очан. Ичэттэкин, авахи хунадин илитчаран, умун алгалкан, умун нехалкан, провлека нюриктэки. Неха хоё дулиндун бихин. Ниңин бичэ фониминдя. Амчан эгдыгэнде. Килдынаканмэ, Мәсункэнимэ ахакталлан, дебдэни. Килдынакан нюрби гадан. Тар гадакин, ахиван уктууран. Килдынакан соңорон. Тар амардукин ахаматтэн. Ахаматча, ахаматтэн, эчэ боконо. Нян турэттэн:

— Гени, гени! Гени, гени!
Экуи минэ эмэкса, айджуан?
Билер, билер би геркиэ бичен.
Ёиүтэнинде, Ёиүтэной мата,
Эмэкэл тургөнди!
Ахиав уктууран
Авахи хунадин.
Тар авахи хунадин бихин, гуникта,
Илан ламу чагидадун бихин.

Тар гунэкин, Ёиүтэнинде эмэксэ, джори үөнэхинэ. Үөнэ-чөкөр, үэнэрэ. Тар үөнэдэрэктин, умун чивакчан, джолэгидөдү-тын докса, турөчиттэн:

— Чипче, чипче!
Матал бөөл,
Илэ үенэдэрэс?

Нуңартын нуңанман эчэл ичэхинэ. Няи-дат дюлгидэдутын
доллан:

— Чипче, чипче!
Матал бөөл,
Эда эхис турэттэ?

Нуңартын үенэдэрэктын, дюр анңани илтэнчэн. Чипчакан
турэчиттэн.

— Чипче, чипче! Чипче, чипче-эй!
Эрей булдам! Матал бөөл,
Он эхис муланэ минимэ?
Би Килдынакан хутэи бижим.

Килдынакан-мата гадан хутэви, турэттэн:

— Гене, геней! Гене, геней!
Утэки, утэ, иду бихин си экинни?

Чипчакан турэттэн:

Би экинниэ авахи геча.
Химет добротын. Тургэнди үенэкэллү!

Матал үенэрэ. Ичэрэктын, хэгдыңэ со, сэлэмэ дю бихин.
Тар сэлэмэ дю олдондун гиркуктадьяран умун авахи. Кил-
дынакан, тар авахина вакса, тэргэкэсэви тэттэн. Тар тэтыксэ,
сэлэмэ дюла ирэн. Ичэрэкин, дюдү ахин араиду тэгэтчэрэн,
соңодёрон. Тадук турэттэн:

— Гей, геней! Гей, геней!
Утэ илэ үенэрэн?
Эттыкэуиз эда эхин эмерэ?

Тар гунэкин, Килдынаканин турэттэн:

— Гей, геней! Гей, геней!
Дорого, эдэ! Экал турэттэ бараппа,
Тургэнди тэтылви тэткэл! Нэнигет!

Ахиви үенэрэн дюлайи. Тар үенэрэктын, утэтын турэт-
тэн:

— Чипче, чипче! Чипче, чипче!
Ами Балдышкан!
Ви-кэ үенэм угу бугатни,
Су үенэкэллү дюлавэр!

Килдынакан ахигаливи үенэрэ дюлавэр. Утэтын үенэрэн
угу бугатни. Угу бугатки үенэдэрэкин, олдондулин умун
дэги дэгдерэн. Тар дэгденэ, турэчиттэн:

— Кимонки, Кимонки, мата бөө,
Чипчиникан, илэ үенэдэнни?
Нэнигет эхэнигет!

Чипчинакан турөчиттөн:

— Чипча, чипча! Эмә үзәрә!
Бугала үзәкәл!
Экәл илтчәре микәл!

Аси экуйма-да ача турөттә. Уңту бугатки үзәрән. Чипчиникан тар амардукин үзәхинән. Җәнәдечә, үзәрән. Җәнәдерәкин, ичәттән, арай әкендерә. Чипчиникан-мата надан туксу чагидадун сипкиттан. Сипкитчаракин, умун ахиндә, әкәденә, турөчиттән:

— Кимонин, Кимонин!
Мата Чипчиникан,
Эда эмәчәс?
Эүткәчин эмәре бичәс.
Тыккәл тургәнди!
Экәл сипкитта!

Чипчиникан-мата тыктән угу бугала. Әкәнилән. Дюр ахиндә дагалин ирән. Умун ахиндә турөттән:

— Геревлаканин, Геревлаканин!
Мата Чипчиникан,
Би дагалин эда әчәс ирә?

Чипчиникан-мата әкәниксә әтәрән. Тадук үзәксә, төгәттән дёло оёдун. Дёлом курбуттан. Чипчиникан-мата илдайн икәрән, намарача. Ахал әкендерә, инеттә. Умун ахи турөттән:

— Кимонин, Кимонин!
Чипчиникан-мата,
Эда дёлоду намарачас?
Илкал ичәксә!

Чипчиникан курбурән, иллан. Хәркиви төкәргәр иллан. Тадук, дёлово гакса, гарадарән. Ичәнен — ая ахиндә илтчарая. Нуңанман ичәтчәрән. Тадук турөттән:

— Дәгри, дәгри-дә! Дәгри, дәгри-дә!
Мата Чипчиникан, поросай, порости!
Давамн, гадмәс ахинәк. Әми — әтәкни!

Ахи дәгилдехинән. Чипчиникан тар амардукин дәгилдехинән. Даваран нюриктәлдукин. Тадук дёлайи үзәрән. Ахин гәрбин Нюңәрмәк. Чипчиникан, дёлайи эмәксә, ахигаливи билчә. Әнинин, аминики бучәл. Тар бидерәкин, умнәкән долбо ахин толкичилча, тадук турөттән:

— Дәгре, дәгре!
Чипчиникан мата, сәләкәл!
Эмәре матал. Надан мата эмәрән.
Тадук би акинни эмәрән.

Чипчиникан-мата нюрби гадан. Тулилэ юрэн. Арай ичэ-
нэн, надын мата нуңанман гарпалчал. Чипчиникан-мата ну-
дарбатын гарпаран. Умунмэтын варэн. Умунтын турэчиттэн:

— Никн, никн! Мата Чипчиникан!
Эда си некумэв вачас?
Би синэвэ задырал!

Умусни-мата нюрби гадан, гарпаран Чипчиниканмэ. Гар-
паран, ната Чипчиниканду. Чипчиникан тыктэн. Тыктэкин,
ахин юрэн, турэттэн:

Дэгри, дэгри-дэ! Дэгли, дэгри-дэ!
Ани Умусни эда нанси кутетси?

Чипчиникан-мата дылби тыкуллан, нин нюрби гадан.
Умусиндевэ илитчарива гарпаран. Умусиндевэ нэрэн кал-
така эхаван. Умусинде калтака нехаян ачин кухилчэн
Чипчиниканчали. Чипчиниканма кейран. Чипчиникан ахин
гунэн:

— Эхэл варэ эдывэн!

Тар гунэкин, эчэ варэ. Тадук илани биделчэтын.

1. Килдыникан

Жили на средней земле один старичок и старуха. И вот
когда они так жили, родился у них сын. Когда сын ро-
дился, взяли его родители бубен, забили в него, сзывая
зверей, водящихся на земле. Старик сказал:

— Нери, нери! Нери, нери!
Моему сыну имя дайте!

Один тигр сказал его имя:

— Калэ, калэ! Калэ, калэ!
Я дам твоему сыну имя!
Пусть сыну твоему имя будет
Кальдыникан — средней земля человек!

Угостившись, все ушли домой.
Однажды сын их говорит:

— Кальдынеро! Кальдынеро!
Я, отец, отираважсь-ка
за реку.

Старик сказал:

— Нери, нери!
Сынон, не ходи!

Есть там очень страшный медведь.
Давно как-то подравшись с ним,
не одолев я медведя.

Но сын их сказал:

— Кильдынер! Кильдынер!
Я пойду к нему!

Когда он так сказал, старичок дал ему лук. И Кильдыникан-богатырь пошел. Поднялся по долине реки на гору. Вот взобрался и видит — ягода есть. Поел ягоды. А когда он ел, сзади к нему медведь подкрадывался. Кильдыникан взял свой лук и выстрелил. Но медведю ничего не сделалось. Медведь сказал:

— Со средней земли стариков сын пришел.

Кильдыникан говорит:

— Я тебя убью.

Медведь рассердился. И вот, когда он так сказал, начал за ним гоняться. Не дает Кильдыникану покоя. Все гонялся и гонялся за Кильдыниканом. Кильдыникан умирать собрался, заплакал:

— Кильдынер, кильдынер!
Ты, медведь, нападаешь,
Потому что я очень молод!
Кто придет и спасет меня?

И вот, когда он эти слова произнес, прямо над ним сверху речь послышалась. Когда он посмотрел — две девушки в небе летят. Вот летят, и одна девушка говорит:

— Красивого очень богатыря медведь одолевает (бука съест). Сестра, давай снесем его домой!

А ее старшая сестра говорит:

— Для чего ты его спасаешь? Ведь это негодный со средней земли! Я-то уж не стану его спасать, спасай сама!

Когда она так сказала, младшая ее сестра Кильдыникана взяла. А медведь вслед им говорит:

— Жаль, унесли мою добычу!

Кильдыникан же, когда его несли, говорит:

— Ты, девушка, куда несешь меня?

— Я несу тебя домой.

Девушка, принеся домой, сказала!

— Га, гаиг, гаиг-ней!
Это-то скажу:
Кильдыникан-богатырь,
Съел бы тебя медведь,
Я тебя принесла.
Знать меня Мэнгунки-Серебряная.
И есть у меня старший брат —
Средней земли Абданикан-Листик.

А Кильдыникан говорит:

— Кильдынерей! Кильдынерей!
Девушка Мэнгункэн!
Зачем ты меня привнесла на эту землю?
Мой отец и моя мать будут плакать,
потеряв меня.

Кильдыникан-богатырь взял себе в жены девушку Мэнгункэн. И вот когда прошло несколько лет, однажды утром, когда солнце только что выходило, показалась черная туча. Едва стали видны края тучи, летит огромная птица. Летит и речь ведет:

— Гени, ген-й! Сестрица Мэнгункэн!
Чаю приготовь! Да поскорей, поскорей!
Поведи меня богатырь спешит!

Приблизился Абданиндя-богатырь к дому и опять заговорил:

— Гени-гени-й! Гени, генй!
А что за богатырь у тебя в доме находится?
Скорей скажи,
Откуда пришел богатырь-человек?

Абданиндя долетел и опустился на поленицу. И Мэнгункэн-девушка заговорила:

— Генг, генг-не-йй! Генг-генг-ней!
Брат Абдани, к тому богатырю
Я в жены пошла.
Тот богатырь — со средней земли Кильдыникан.

Абдани-богатырь заговорил:

— Гени, генйй! Гени, генйй!
Средней земли негодный!
Зачем ты взял мою младшую сестру?
В мое отсутствие, не спросив меня?!
Я разобью тебе лицо.
Выходи из дому и давай биться!

Кильдыникан-богатырь испугался. Из дому не выходит. Мэнгункэн говорит:

— Генг, генг, ге-ней!
Кильдыникан-богатырь!
Что же ты испугался?
Выходи поскорей и побейся!

Вышел Кильдыникан-богатырь из дому. Берет свои стрелы железные и говорит:

— Кильдынера, богатырь-человек,
Если ты меня тронешь,
Бедь и я тоже богатырь-силач.
Ну! А теперь давай биться!

И начали богатыри биться. Поборол Кильдыникан-богатырь Абданинду. А жена его подошла и говорит:

— Гейт! Гейт-ней!
Богатырь Кильдыня!
Не убивай моего старшего брата!

Когда его жена так сказала, Кильдыникан не стал убивать ее старшего брата. И они втроем вошли в дом.

Прошло два года, как старший брат пришел. Однажды вечером ветер поднялся и дождь пошел. После того как дождь прошел, видят — летит человек на коне. Летит и речь ведет:

— Никн, никн, богатырь Абданикан!
Вот я и нашел тебя!
Я к тебе в гости пришел,
За своей женой пришел.
По доброму ли ее желанию,
По плохому ли ее желанию,
Отдашь свою младшую сестру?

Подъехал и коня привязал. И вот, когда он коня привязывал, вышел Кильдыникан-богатырь:

— Гейн, гейн! Ведь я тебе
Своей жены не отдам!
Я взял Монгункан в жены!
Подходи и давай биться!

И начали богатыри биться. Кильдыникан-богатырь его поборол. Селлулинде-богатырь убежал. Кильдыникан и Абданикан за ним погнались. Добрались до земли Селлулинде. Кильдыникан заговорил:

— Гейн, гейн! Гейн, гейн!
Богатырь Селлулинде,
Выходи скорее! Давай биться!

Вышли старшие братья Селлулинде. А когда Кильдыникан посмотрел, братья Селлулинде, одноглазые да одноногие. Вот вышли, и один из них говорит:

— Кедер-гей-кен! Богатырь Кильдыня, здорово!
Ты, по-видимому, биться пришел?
Ну! Давай биться!

Кильдыникан-богатырь взял свои железные стрелы и все повыпустил. Когда же он стрелял, слышался ему плач жены. Говорит Кильдыникан-богатырь Абданикану-богатырю:

— Гейн, гейн! Гейн, гейн!
Богатырь Абданикан,
Я иду домой!
Кто-то увез мою жену.

Прощай, прости!
Прощай, прости!
Я иду домой.

Сел Кильдыникан-богатырь верхом на своего коня и полетел. Вот издали видит — верхового его жены ведет за повод какой-то богатырь. Увидев это, Кильдыникан-богатырь поехал быстрее. Едет и говорит:

— Гени, гени! Гени, гени!
Ты, богатырь человек,
Зачем трогаешь мою жену?
Не трогай! Сейчас выстрелю!

А богатырь, ведя жену Мэнгункэн, говорит:

— Гунгре, гунгре, богатырь человек!
Не твоя это жена.
Не задавайся,
Средней земли негодный!

Мэнгункэн-жена заговорила:

— Гент, гент-най! Гент, гент-най!
Богатырь человек, не трогай
Жену другого человека!

Когда она так говорила, Кильдыникан-богатырь в того богатыря выстрелил. Но богатырю ничего не сделалось. Стали биться. Вились, бились, никто не победил. Верхней земли богатырь заговорил:

— Гунгре, гунгре! Гунгре, гунгре!
Богатырь Кильдыникан, теперь давай кончать!
Ты — средней земли силач,
А я — верхней земли силач.
Меня звать — верхней земли Нунтэникэн-Корешок.

Побились и кончили. Нунтэникэн отправился домой и затем сказал:

— Гунгре, гунгре! Гунгре, гунгре!
Приходи ко мне домой в гости!

Кильдыникан отправился к себе домой, жену повез. С женой вместе отправился. Когда ехал, сверху кто-то заговорил:

— Саллудэ, Саллудэ!
Богатырь человек, здорово!
Куда направляешься?

Когда тот так сказал, Кильдыникан вверх посмотрел — оказывается черт жену его схватил. Кильдыникан-богатырь погнался за ним. Нагнав, стал с ним биться.

Авахи-черт стал его убивать. Кильдыникан-богатырь заговорил:

— Гени, гени! Гени, гени!
Кто придет и меня спасет?
Давно-давно, дайте, скажу,
Был у меня младший брат.
Хоть бы тот пришел и оказал помощь!

И вот, когда он так сказал, вверху послышалось:

— Гениг, генией! Гениг, генией!
Кильдыникан-богатырь открой рот!
Сброшу яйцо!

Кильдыникан-богатырь открыл рот. Смотрит — яйцо появилось. Он его проглотил. И вот, когда проглотил, сильным-пресильным стал. Кильдыни убил авахи-черта. И опять отправились они домой. Добрался Кильдыникан до дому. Смотрит — дом его сломан, оленя нет, матери нет, отца нет. Опечалился. Смотрит — стоит сестра авахи-черта, одноногая, одноглазая, с проволочными волосами. А глаз у нее посреди лба. Язык у нее длиннущий. Рот большущий. Стала она за Кильдыниканом и Мэнгункан гоняться, чтобы съесть их. Кильдыникан стрелы свои железные берет. Пока доставал, жену его утащила. Кильдыникан заплакал. За ней погнался. Гнался, гнался, не догнал. Опять заговорил:

— Гени, гени! Гени, гени!
Кто же из моих придет и спасет меня?
Давно-давно был у меня тозариш.
Нутанинда, Нутаней-богатырь,
Приди скорее!
Жену мою утащила
Сестра авахи-черта.
Та сестра авахи-черта, дайте, скажу,
Находится за тремя морями.

Когда он так сказал, Нутанинде пришел, и они отправились вдвоем. Шли, шли. И вот, когда они так идут, какая-то птичка, спустившись перед ними, заговорила:

— Чипче, чипче!
Богатыри люди,
Куда путь держите?

А они на нее даже не взглянули. Опять перед ними садится:

— Чипче, чипче!
Богатыри люди,
Почему же не побеседуете?

Пока они шли, два года прошло. Птичка говорит:

— Чипче, чипче! Чипче, чипче-эй!
Ой, умираю! Богатыри люди,

Как же вы меня не жалуете?
Ведь я Кильдыниканов сын.

Кильдыникан-богатырь взял сына и говорит:

— Гена, гена! Гена, гена!
Сыночек, сыночек, где твоя мать?

Птичка говорит:

— Мою мать черт схватил.
Скоро съест. Выстрей идите!

Богатыри пошли. Смотрят, большой очень железный дом стоит. А около этого железного дома рассказывает авахи-черт. Кильдыникан убил того авахи-черта и надел его родовую одежду. Вот надел и вошел в железный дом. Смотрит — в доме у кострища его жена сидит и плачет. Затем она заговорила:

— Гент, генай! Гент, генай!
Сын мой куда пошел?
Муж мой почему не приходит?

Когда она так сказала, заговорил Кильдыни:

— Гент, генай! Гент, генай!
Здравствуй, дружок! Много не говори,
Поскорей надевай свои одежды! Идем!

И повел свою жену домой. Когда они так шли, сын их говорил:

— Чипче, чипче! Чипче, чипче!
Отец Кильдыникан!
Я уж пойду на верхнюю землю,
А вы идите домой!

Кильдыникан с женой идут домой. А сын их отправился на верхнюю землю. И вот идет он на верхнюю землю, а рядом какая-то птица летит. Летит и говорит:

— Кимонан, Кимонан, богатырь человек,
Чипчиникан, куда путь держишь?
Пойдем попоем да попляшем!

Чипчиникан говорит:

Чипче, чипче! Не пойду!
Иди в свои места!
Не трогай меня!

Женщина ничего не сказала, в другое место пошла. А Чипчиникан отправился за ней следом. Шел, шел. Идет и видит — пляшут и поют. Чипчиникан-богатырь за семью

тучами подслушивает. И вот когда он подслушивал, одна женщина, танцуя, заговорила:

— Кимонни, кимонни!
Богатырь Чипчиникан,
Зачем явился сюда?
Ведь ты, как будто, не должен приходить?
Падай скорее!
Не подслушивай!

Чипчиникан-богатырь упал на верхнюю землю. Начал петь и плясать. Встал между двумя женщинами. Одна из них говорит:

— Геревалканин, Геревалканин!
Богатырь Чипчиникан,
Почему ты ко мне не подошел?

Чипчиникан-богатырь кончил плясать. Затем пошел и сел на камень. Камень шевельнулся. Чипчиникан-богатырь хотел встать — оказывается, он прилип. А женщины пляшут и смеются. Одна женщина заговорила:

— Кимонни, Кимонни!
Чипчиникан-богатырь,
Почему это ты к камню прилип?
Встань! Стыдно!

Чипчиникан шевельнулся, встал. Но при этом разорвал штаны. Тогда он схватил камень и бросил его. Смотрит — красивая женщина стоит. На него смотрит. Затем она заговорила:

— Дагри, дагри-да! Дагри, дагри-да!
Богатырь Чипчиникан, прощай, прощай!
Поймаешь — возьмешь в жены.
Не поймаешь — не возьмешь!

И женщина полетела. А Чипчиникан полетел за ней. За волосы ухватил. Домой понес. Жену его звали Нюнтермэк. Чипчиникан пришел домой и стал жить со своей женой. А его мать и отец уже умерли. Когда они так жили, однажды ночью жене его приснился сон. Говорит она:

— Дагре, дагре!
Чипчиникан-богатырь, проснись!
Пришли богатыри. Семеро богатырей пришло.
И мой старший брат пришел.

Чипчиникан-богатырь взял свои стрелы железные. Вышел на улицу. Не успел рассмотреть, как семеро богатырей в него начали стрелять. Чипчиникан-богатырь в них выстрелил. Одного из них убил. Тогда один из них заговорил:

— Никн, никн! Богатырь Чипчиникан,
Зачем ты убил моего младшего брата?
Я убью тебя!

Умусни-богатырь взял свои стрелы железные и выстрелил в Чипчиникана. Выстрелил, попал в Чипчиникана. Чипчиникан упал. Когда он падал, вышла его жена и говорит:

— Дэгри, дэгри-да! Дэгри, дэгри-да!
Старший братец Умусни,
Зачем убиваешь своего зятя?

Чипчиникан-богатырь рассердился и опять схватился за стрелы. И в Умусню, который стоял, выстрелил. Попал Умусне в глаз. Умусни, с одним глазом, стал биться с Чипчиниканом. Одолеп Чипчиникана. Жена Чипчиникана говорит:

— Не убивай моего мужа!

Когда она это сказала, он не стал его убивать.
Стали жить втроем.

2. Соду Сордончо Солдани

Элэкэс дуннэ потомоскигачин одяракин, няня кумалан-чачин издавча одярахин, дулин дуннэду умун мата балды-дича. «Че!» гундэн — нинан ачин. «Эдэ!» гундэн — гиркин ачин. «Нэку!» гундэн — нэкуник ачин. «Ами!» гундэн — аминин ачин. «Эне!» гундэн — энинин ачин. Тар мата гэрбин бичэ Соду Сордончо Солдани-мата. Эр мата бидечэ эмукээн. Тыманитыкин, эрдэ тэгэнэ, бэюктэвкки бичэн. Эр мата элэкэсмэ бэйцэлен бичэн. Тар мата дюлгидэлин дюр дэктылэлкэн чивкачан дюрэкен эхин давсихина, дыгин халгачи бэйцэ дыгрэкен эхин хэтэкенэ. Тар мата сома атырча бичэ.

Умнэкен мата нёгутми геванма нёпчухудёна, тэгэчэ. Эр мата дебуксэкен этэрэн, мэнин камуйран аямат тэтылби. Матакан бими, нюрви гаксакан, утэндукки юрэн. Юксэкен, таргачин цэкэксэкен утэнтыхини турэчиллэн:

— Балдынав утэями, гороли, дагали порости, порости огин! Эдуккэр надан дяр, дяпкун дяр аяцани догидалин эхикив эмэре, бучэн гунчэдэви!

Эр матакан бими, цэнэвкэндечэ бичэ. «Дэрим» гунэри, «дэрим, эрэхив ачин» — дэринин ачин. Эр мататкан, цэнэдэнэ, бакаран горойптыки хокторонма. Тадук бэел удайбатын бакаран. Удаван ичэнэн, удай бичэ муку хуклэнэгэчинин бичэ. Эр бэе хокторондолин цэнэдечэ. Тар цэнэдэнэ, бэеткэн бими дяддадича бичэ: «Он биктэ? Эмукин балдычав, дунэ оёдун эмукээн. Тыкин дагамаран ичэрэтыз дуннэ оёдун балдычал бөөлбэ».

Тыкэн бинэ цэнэдечэ, гундэнэ:

— Миндук эрэхитмэр бэе дуннэ оёдун ачин.

Эр бәе үзәндәрекин, дүлгидәдун экуи-ка хәгдәүәмне дәп-тыки эмәдечән. Эр бәе бими, окин-кат эчән үзәләлә, бәе үзәләлчә. Дәптыки эмәдери бәе гундерән:

— Алаке одан! Минду мән дөптылзә амчалав эмәдерән.

Эр бәе гундерән:

— Си он-да эңәхи бими, умнәкәмә этәнини дөптә? Тар би-хиини, мит дүксә бакалдыматчәват! Со солбар саматчәват! Эр бәел бими, кухия тәкәзини ку-ку бивки.

Эр бәел бими, тар дуннәдүвәр кухилдәрә. Эрикән-тар-кан кухидечәл бичәл. Ахуима-да кухиннәвәр эчәл сарә. Умнә-кән токтомор оксакар, таңдәчәл бичәл кухилнәлшәр. Кухил-нәтын оча илан дяр аңгәни. Тадук чәски әрил матал кухидәрә. Кухиденәл, мата бими гунилән:

— Токтокол! Волкойкол! Он-мал үзәксәкән, миннә инә-кинди сулакал.

Эр авахи бими, әки долдыра. Тәгдәкәмә умутәкәнди колтодбәки бичән. Эр мата бими эриксән мударини одан. Эр матакан бими турәчилән:

— Би акинни Олуктук Орданча Олдани мата, долдыдякал! Би эриксәв мударини одан. Авахи миннә эриксәвән ты-тәлән. Он-мал нәкәксәкән мулан ори оми, биханәкәл!

Тудуккар, турәнини әделини этәрә, хәргү дуннәдүк эмәде-рән иг. Тадуккар горәво-до әделини ода, экинни әмәрән. Аки-нини гуллән нәкунтыкини:

— Нәку, әләкәхинтәду бакалдынаду дорәвоф долдыкал! Таргачин эңәхини ачинмав сәксәкан, эда кухилчәс?

Акинни бими нәкуни авахидук тытәрән. Акинни бими иларакан әделини колторә, авахиңи турәчилән:

— Эда, багас, си тыкән эңәхи очас? Төлтокол, болкойкол, он-да эңәхи бичәлини, би эриксәвән әкәл тытәрә!

Акинни бими гундерән:

— Би балдычав дуини дуннәду авахи аймакван манадани!

Тадуккар Олданикан мата бими авахиңи эриксәвән хогил-лан. Хогилдяна, гуәнә:

— Нәку, әмәкәл! Авахиңи дылван хоккал! Хогиксакан, мугдәкәнду тыпкәкәл авахиңи дылван!

Эр матал бими, авахиңар ваксакар, дәрүмкидәдерә. Та-дуккар иуңартыи улгүчәмәчиллә:

— Си, нәку, иртыки аяннахинчәс?

— Би әмүкәкән үзәхинчәл. Тар үзәденә, авахива бакал-дыксакан, кухилчәв. Кухиликсәкән, миннә ваксаллакни, синнәвә эричәв, миннәвә бихадас.

Акинни гундерән:

— Си иртыки дядданәтки үзәкәл! Экуи-мал уха одакин, миннәвә эриңнәкәл; ахуи-да горәло бугаду бими, синдулә әмә-диңәв. Би хәргү дуннә авахиван манадиңав. Гә! Нәку, горәли, дагали порости одягин!

Солдани-мата бими гундерән:

— Аки, би горо, дулин дуннэ хэрэвэн куптухинами, үнэдэм.

Эр бэе бими акиначе, нэкунэче хуелдырэ. Солданикан-мата бими джолэскэки мэн удяви үнэдэрэн. Эр-кэ, тар-ка үнэдэрэкин, мата джолгидэдун экун-ка дыгинадерэн.

— Еду, багас, уха умжу эмэдэрэн? Экунми галэктэми нэ-кээденни дуннэ оёлин? Хитэмэвэ дуннэвэ марададенни! Му-кэңгэчин мунудиңэс удяви мудандун. Такэңгэчин таңа-диңас!

Солданикан мата бими тыкунави содун нэмкундуливи наран эчэ пэхиргэрэ, дырамдуливи наран эчэ дэлпэргэрэ. Солданикан бими мэн нюрви гаксакан, угискэки чэкэрдэнэ, түрөчиллэн:

— Би нюрканми, химат дэгри дэктылэчи оксакан, минэвэ бокоимуксакан, тар кихитчари ахакаймэ бокоимуксакан, ну-ңаннюнни кихитнаван бокондов.

Эр мата бими нюрви тындэрэн. Тыниксэкэн, мэн он-да онави эчэн сарэ. Нюрви бими нуңанман эдук-та химат дэ-гивдерэн. Сенни бими нуңанман чигинадыран. Эхадукни бими туксакигачин бими снамуткан тыкчэрэн. Эр бэеткэн бими эркэн-таркан дэгдерэн. Эр мата бими дэгивни мудандун ил-дыран. Тыкунави бими илтэнчэ. Эр мата бими дэримкидерэн. Дэримкиденэ, дяддачэдэрэн үнэдэви дылача юптуткин. Го-ровокон энэ дяддадэрэ, бэеткэн бими үнэвкэндехинэн. Эр бэе үнэдэрэкин, амаргигадун туксу балдыдыран. Горокот эчэ ода, таркан-дат бокобиллан. Умун бөөндэ — тар авахикат эмэдэрэн. Умун огухиндя бичэ укчакин. Тар бокоңдөри бичэ авахи омонгин.

Нуңан түрөтчэрэн:

— Би синэ еду дебдиңэв, удядуви эңэхневэс!

Эр мата бими гуниллэн:

— Си минэвэ экэл дөптэ! Минэви боконави гакал! Би си-нэвэ, он гүнэригэс долдыдыңав.

Авахиңи бими матаңи түрөкмэн долдыран, боканави нуңанман гадаи. Эр мата бими огухиндяңан мударан ачин муңитчэрэн. Огухиндяңи сардиван манаран. Сулаптан уму-кэмэ гирамнан. Эр мата гугдандя урэвэ туктыхинэн. Урэңи оёлон исчана, бэе бими огухиңи дылван тоңиолиран. Ава-хиндяңи олуктукин даяаран. Авахиңи тардат вэрэн.

Эр мата бими мэн удяви үнэдехинэн джолэскэки. Тар үнэдэрэкин, хэгдыңэмне хокторондула исчаран. Эр бэе бими экунмат-кат энэ сарэ хокторондолин үнэвкэндехинэн. Мата гунчэрэн дяддуви: «Удя биксэкэн, мудаачи бидеңэн».

Эр бэе бими эркэн-таркан үнэвкэндэрэн джолэскэки.

Тар үнэдэрэкин, джолгидэдун сома ая чутурин чуна ода-ран. Чалбар молтын, авданналтын гилбэкэчиллэ. Тадук ичэ-нэн джолэски — сома ая дыгин киричи джондя одан. Эр бэеткэн

бими дылдулави иктерэн, мэн киракучан омологичан одан. Киракучан омологи оксакан, дюндятки туксадыран. Бөөткөчөн бими дюла иснан. Сома баран бөө урувучча. Тар дюндяла инэн бичэ. Сома баран бөө аймакин урувучча. Таду авахиндя ахиладерэн дылача хунатнай. Мит бөөңит бокандя одан. Та-дук нуңан сома баран тыгэлвэ чукчаран. Авахиңи бими тыкуллаа. Тыкуликсакан, нуңан Солданива тулиски ахадяран. Солдани нуңантыкин гундерэн:

— Си екунма тилэми, эдави минэвэ тулиски ахачинни? Мата бими гундерэн:

— Кухидэви эеттөкис, кухигэт! Би синэвэ, багас, ичөдэ-вэс ичэвкэндиңэ!

Эр бөөл бими кухилдерэ. Кухичэл, кухидерэ, кухидерэ, кухидерэ, тадуккар авахиңи мултыллан. Авахиңи бими гуниллэн:

— Си, минэвэ, он мал некэксэкэн, экөл варэ!

Солданикан, бими авахиңи турөймөн эчэ долдыра. Горово-кот эчэ нэкчэрэ нуңанман, тар-дат варэн.

Солданикан, авахиңи ваксакан, дылачаңи хунадин дюлан хөмөдөрөн. Солданикан исчаракин, дылача хунадин гуниллэн:

— Си, дулин дуннэ бөөңи оксакан, минэвэ авахиду эчэс буюкөнэ, аминман.

Тадуккар Солдани нуңанман улгумиллэн, нуңанман ахи-ламнак. Ахакаан бими нуңантыкин хөмөңөт одан. Солдани дылачаңи хунатнай ахиларэн. Адылакунма биксөкэн, Солдани гундерэн ахиткиви:

— Би нян дючи бичэв. Дюви гарандана, ады-кат дян анжани одан. Тыкин мит би дюлав хөмөхинэриттут-тэ элэкин одан. Си аминни синэвэ тындиңэн-дэ, миниюн хөмөлдөдөс?

Хунадин гундерэн:

— Би нянэ эду аминиюми бими, агуимулим гөгдөкмэ умун бугаду бихиви. Тыкин би синиюн хөмөриэв инэңиңив одан.

Ахакаан аминни хунаттуви дюр муринама бөлөктырэн. Солданикан мата ахиниюми хөмөхиллэн дюткиви. Хөмөхилдөнэ Солдани хунадиңи аминтыкин гуниллэн:

— Тыкин си, би аминячинни оксакан, эмөмулини. Тыкин гороли, дагали порости огии! Эдуккэр часки бакал-дырил одая-ку, эхип-ку?

Нуңартын бими хөмөхиллэ, амахиңкивэр удявар хөмөхинэ. Нуңартын бими муринади горово-до эчэл сурурэ. Солдани дюн дага одан. Солданикан бими гунчөвки: «Би тыргимэн сома горово аяйначаа. Тыкин дюлави истыв иникинди одя-ран». Нуңан дюви, исчана, турөтчэрэн:

— Гө! Элэкэс истыду балдыча утанни «доровой» долдыкал!

Нуңан бими ута, ухами утөндулэ исчаран. Акини нуңан-ңи нонон эмөчэ дюлави.

Эр бөөл бими умунду балдыдара.

2. Соду Сордончо Солдани

В те времена, когда земля еще только принимала вид шара, а небо было, как брошенный кумалан-коврик, на средней земле родился один богатырь. Чз, сказать бы ему, — собаки нет! Друг, сказать бы ему, — товарища нет! Вратец, сказать бы ему, — младшего брата нет! Папа, сказать бы ему, — отца нет! Мама, сказать бы ему, — матери нет! Имя того богатыря было Соду Сордончо Солдани-богатырь. И жил этот богатырь один-одинешенек. И каждый день, ранехонько встав, уходил он на охоту. И был этот богатырь замечательным охотником. Перед тем богатырем двукрылая птица дважды крылом не успеет взмахнуть, четырехногий зверь четырежды не подскочет. Был тот богатырь очень стар.

И вот этот богатырь на заре проснулся и встал. Поев, богатырь хорошенько собрал свои одежды. И, как предполагается богатырю, взял свои стрелы железные и вышел из юрты. Вышел, отошел немного и обратился к своей юрте со словами:

— Дом, где я родился, на долгое ли, на короткое ли время прости-прощай. И если я с этого времени через семьдесят-восемьдесят лет не приду, можешь считать, что я умер!

Так вот отправился в путь этот богатырь. Устал я, устал, сил моих нет, сказать бы, — усталости у него нет! Этот богатырь шел и нашел старую тропинку. Потом нашел следы людей. Когда посмотрел на след, показался ему похожим на отпечаток от лежавшей тут кабарги. И пошел он по следу этого человека. Идет наш богатырь и думает: «Как же мне быть? Одиноким я уродился, на земле один-одинешенек. Уж пора бы мне увидеть родившихся на земле других людей».

Так он идет и говорит:

— Нет на земле человека, сильнее меня.

Идет этот человек, а навстречу ему что-то огромное идет. И вот этот человек, который никогда не испытывал страха, испугался. А идущий ему навстречу говорит:

— Ах как вкусно! Сама еда ко мне в рот идет!

Но наш человек говорит:

— Как бы ты ни был силен, сразу не съешь! Уж если на то пошло, давай мы с тобой схватимся! Узнаем, кто же самый сильный!

И стали эти люди на том месте биться. И так и этак бились. Не знают, сколько времени они бились. Однажды, сделав передышку, подсчитали, сколько же времени прошло с тех пор, как они стали биться. Оказывается, с того времени, как стали они биться, прошло уже тридцать лет. И снова эти богатыри бьются. Вот бьются они, а наш богатырь стал просить:

— Остановись! Подожди! Уж как-нибудь оставь меня в живых!

Но вот авахи-черт не слушает. И прямо ему в затылок разок кулаком ударил. У нашего богатыря дыхание перехватило. Обратился наш богатырь со словами:

— Старший брат мой, Олуктук Орданча Олдани-богатырь, послушай! Жизни моей конец приходит. Авахи-черт у меня жизнь отнимает. Как-нибудь из жалости выручи!

Тогда, не успев он еще кончить своей мольбы, как из нижней земли послышался шум. Не прошло и много времени, как явился его старший брат. Стал старший брат говорить младшему:

— Вратишка, для первой встречи «здорово» выслушай. Если ты знал, что у тебя нет такой силы, зачем же стал биться?

И вот старший брат у авахи-черта отнял своего младшего брата. Старший брат еще и трех раз кулаком не успел ударить, как авахи-черт взмолился:

— Почему же, силач, ты таким сильным стал? Остановись, подожди и, как бы ты ни был силен, не отнимай у меня жизни!

Но старший брат говорит:

— Я родился для того, чтобы истреблять на средней земле племя авахи-чертей!

Затем Олданикан-богатырь стал перерубать черту глотку. Рубит и говорит:

— Вратишка, иди сюда! Отруби черту голову! Отруби и повесь голову его на пень!

Вот богатыри, убив авахи-черта, отдыхают. Затем они стали беседовать между собой:

— Ты, братишка, куда же это направился?

— Шел я один. Шел и, встретив авахи-черта, стал биться. И вот, когда стал биться, а он хотел меня убить, я позвал тебя, чтобы ты меня выручил.

Старший брат говорит:

— Иди, куда задумал. И если приключится какая-нибудь беда, зови меня: как бы далеко я ни был, я приду к тебе. Я уничтожу авахи-черта с нижней земли. Ну! Вратишка, на долгое ли, на короткое ли время пусть настанет прощанье!

А Солдани-богатырь говорит:

— Братец, а я далеко иду, чтобы осмотреть дно средней земли.

И вот старший и младший брат расстались.

Солданикан-богатырь прямо вперед по своему следу идет. И вот, когда он шел и так и сяк, впереди кто-то загремел:

— Почему, силач, плохой дух сюда идет? Что ты собираешься искать на земле? Только напрасно землю портишь!

Как кочка болотная, сгниешь ты в конце своего пути! Как колода рассохнешься!

Солданикан-богатырь так разгневался, что по тонким своим частям едва не порвался, по толстым частям едва не лопнул. И вот Солданикан взял свои стрелы железные и, прицелившись вверх, заговорил:

— Стрела моя, стань крылатой, быстро летящей и меня в догонку неси, в догонку той женщине, что меня оскорбляет, чтобы я настиг ее за оскорбление!

Пустил свою стрелу наш богатырь. Пустил и сам не понимает, что с ним случилось. А стрела несет его уж так быстро. В ушах у него только свист стоит. А из глаз у него, словно зайц, слеза скачет. Летит наш человек и так и сяк. Но вот наш богатырь в конце своего полета останавливается. И гнев его прошел. Наш богатырь отдыхает. А пока отдыхал, надумал идти на восход солнца. Долго не раздумывая, отправился наш человек в путь. Он идет, а позади него туча растет. Не прошло и много времени, как стал его кто-то нагонять. Идет человечине — авахи-черт. И верховой у него — бычине. Этот, который догонял его, был сыном авахи-черта. Он заявил:

— Я тебя убью (бука. съем) здесь, на пути, твою силу посмотрю!

А богатырь говорит:

— Ты меня не убивай! Возьми меня себе слугой! Я тебя буду слушать, как ты скажешь.

Авахи-черт богатыря послушался, взял его себе слугой.

Богатырь же его быка без конца бил. И у того быка круп весь уничтожил. Остался только один костяк. Вот богатырь стал взбираться на высокую гору. Добрался до вершины и оторвал быку голову. А авахи-черта за глотку схватил. И тогда же и авахи-черта убил.

Богатырь наш своей дорогой вперед отправляется. Так идет и доходит до большой дороги. И ничего не зная, отправился по этой дороге. А сам думает: «Раз это дорога, значит есть у нее конец».

Идет наш человек себе вперед и так и сяк.

Идет, а перед ним чудесная зеленая трава появилась. У берез стволы и листья поблескивают. Потом посмотрел вперед — красивый четырехгранный дом стоит. Тогда этот человек себя по голове ударил и стал маленьким мальчиком. Стал мальчуганом и побежал к дому. Вот мальчик добежал до дома. Множество народу собралось. Он в дом вошел. Множество всякого народу собралось. Там авахи-черт женился на дочери солнца. Сделался наш человек слугой. Потом он очень много чашек переломал. Тогда авахи-черт рассердился. Рассердившись, стал гнать Солдани вон. А Солдани ему говорит:

— Чего тебе надо, зачем ты меня вон гонишь?

Богатырь говорит:

— Если желаешь биться, давай биться!

И вот они стали биться. Вились, бились, бились, бились, потом авахи-черт обессилел. Стал авахи-черт просить:

— Ты меня уж, как хочешь, не убивай!

Но Солданикан авахи-черта не послушал. Долго его не держал и тут же убил.

А когда Солданикан авахи-черта убил, он отправился в дом дочери солища. Когда он пришел, дочь солища стала говорить:

— Ты стал человеком средней земли и не позволил моему отцу отдать меня авахи-черту.

Тогда Солдани стал ее упрямить, чтобы вышла за него замуж. И девице пришлось пойти к нему. Женился Солдани на дочери солища. Через несколько дней Солдани говорит своей жене:

— Ведь у меня тоже дом есть. С тех пор, как я покинул свой дом, прошло несколько десятков лет. Настало время отправиться нам в мой дом. Отпустит ли тебя отец, чтобы ты со мной вместе пошла?

А дочь солища говорит:

— Я ведь тоже, с отцом живя, соскучилась, находясь все время в одном месте. Теперь настал день моего отъезда с тобой.

Отец своей дочери двух коней приготовил. Стал собираться Солданикан-богатырь со своей женой к себе домой. Когда они трогались, сказал Солдани отцу той девушки:

— Теперь ты, став как бы моим отцом, остаешься. Теперь на долгое или короткое время пусть прости настанет! Встретимся ли мы или нет потом?

И вот они отправились, по старому следу отправились.

Так как у них были кони, они недолго ехали. Вот и до дома Солдани уже недалеко. Солдани думает: «Долго же я бродил пешком. А теперь настало время моего возвращения домой живым». И, приближаясь к дому, он сказал:

— Ну! Прежде всего, дом, где я родился, услышь от меня «здравствуй»!

Вот он до юрты, до плохонькой юрты доходит. А старший брат его еще раньше домой вернулся.

И вот эти люди вместе живут.

3. Ятэка

Бичэн умун этырикэн. Гэрбин бичэн Ятэка.

Ятэка тари утэлин бичэн илан.

Ятэка бинэ бичэн букучи букукэун.

Тари букучи бэе бэекэун гиркуктадичан.

Ой-кана, ой, ой-дана Мамугир бэе бэесэекэун!

Ойгар букучи, мамугирду биксэ, бидечэн-нун.

Упкаттук букучилдук, упкатту буталду,
Упкаттук букучитын букучитмэр бичэн Дылма.
Дылма тари мэнжитви тэгэти гайкана бичэн.

Гайкалур, гайка, гайкалур, гайха, танха,

Гайкалур, гайка, гайкалур, гайха, танха.

Дылма Ойгаринун гуниксэл, тэпкэлдэ:

— Дагали-нун, горокло-нун сурусиндизэвун!

Дылма гулдэн:

— Илэ-кэ сурудем?

Дегинмэ ңалэви ичэттэн, тэпкэлдэн:

— Бакадави ңэнэдем.

Тыматнэ өртөкөкун Дылма тэгэрэн.

Тэгөксө-кэи, Ойгаринун бакалдычал.

Дукучан-кая-каяс, огой,

Дукучан-кая-каяс, огой.

Мамугир тэгэ Ойгарва синмача,

Мөнөкөн Ойгар иёравкандячан.

Мудөрмөн-надандяр садечи,

Иландяр садечи лукин бичэ.

Гайкалур, гайка, гайкалур, гайха, танха,

Гайкалур, гайка, гайкалур, гайха, танха.

Булэсэлнэ сокакунди вадави,

Булэнмэр аят ңөнөмэлдыкэл,

Лукиви аят килгидөкэл,

Гидалдиви аят гидалакэл!

Дылма бэе гулдэн:

— Тардат кусилдылдэн булэннунмэр.

Тыматнэ бакалдыксал,

Тар городук тургалдылда,

Туиңа нямади саденди,

Бакалдыксал, букучилтын.

— Бадикана!— гулдэ.

Бадикана гулдэтын, гумэчилдэ.

Вөөсөкөкур букучил гулдэ:

— Ңалэмакилдивэр бакалдыдөлдэн?

Тардат ңалэлдырэ.

Алтан де, алтан, ахен, дю,

Алтан, де, алтан, дю.

Сот кусилдөрө. Дылма әңэсидукин

Ярко сот курбударэн.

Эду кусимэтми өтөчэл.

...Ятөкэ тэлкитчэрэн.

Эрумэ тэлкинмэ тэлкитчөксө,

Эрдэт сурусинэн.

Ойгар Дылманун будэлэтын кусидөксэл,

Орорди угучадөрө, булэнмэр гидаладяра.

Ойгар лукин гарпадяран.

Нуңан дөгденэ, иландяр булэсэлнэ варэн.

Гайкалур, ойсан, Ойгаркун,
Гайкалур, ойсан, Ойгаркун.

Ятэка эмексөкөн, курукөмөдү ташкалдан:

— Би-да булэсалва тырадиңэ!

Багдама орококундиги угучадияна,

Муринду төгөтчэнэ,

Булэсалтыки дагамаран.

Лукилдиги гарпадаран,

Лочокон курбудевки сот.

Сот Ятэка кусидечэн!

Мөнүи төгөви дярин сот кусидечэн.

Луңурдула тәпудечэн.

Әсилә умун букучи булән

Алтама лочокоду угучаденә,

Ятэкалә дагамадексә,

Лукикәндиги гарпастан.

Дылма чокидарән Ятэкалә —

Дылин упкаткакун сәксәчи.

Дялин нуңанман әксәстә,

Дюр орорди сурувкәнә.

Соғур дялин әңнәсчәл булэсалвар.

Упкатту Ятэка дярин кусилдерә.

Виракачар упкат му сәксәчи очал.

Бараксан, Ятэка, аситкиги цәкурән,

Бараксакан, асин, соңолдон.

Дукучан-кая-каяс, огой,

Дукучан-кая-каяс, огой.

Асин соңолдокин, гулдән:

— Соғур булән, буләнкәкун.

Ятэка анңу цаләвен гарпанчал,

Ятэка әсилә букучи әдиңән бирә...

3. Ятэка

(Песня героического эпоса)

Был один старик, имя его Ятэка. Сыновей у того Ятэка
Было трое.

Жил да был Ятэка-богатырь, богатырище.

Тот богатырь-богатырище все похаживал.

Ой-кана, ой, ой-дана, ну и человек же из рода мамугир!

Ойгар богатырь в роду мамугиров жил да был.

Всех сильнее во всех землях, всех сильнее богатырей.

Всех сильнее Дылма был.

Тот Дылма для своего народа дивом был.

Гайкалур, гайка, гайкалур, гайха, танха,

Гайкалур, гайка, гайкалур, гайха, танха.

Дылма с Ойгаром, обменявшись речами, воскликнули:

— Близко ли, далеко ли отправимся в путь!

Охотник при помощи берестяной трубы «эревуи» манит к себе изюбра.

Дылма сказал:

— Куда же пойду?

На левую руку взглянув, воскликнул:

— Иду, чтобы найти!

Чуть наступило утро, встал Дылма. Вставши, он с Ойгаром повстречался.

Дукучан-кая-каис-огой,

Дукучан-кая-кая-каис, огой!

Народ мамугиров Ойгара избрал,

Сам Ойгар впереди всех был.

Лук его — семьдесят саженьей,

Стрела его — тридцать саженьей.

Гайкалур, гайка, гайкалур, гайка, танха,

Гайкалур, гайка, гайкалур, гайка, танха.

Сильней бей врагов,

Смелей в бой иди,

Стрелу свою метко пускай,

Бесстрашно копьями коли!

Стал свою речь вести Дылма:

— Тотчас мы вступим в бой с врагом своим.

И вот они на утро встретились.

Сходиться стали с дальнего места,

Когда осталось между ними

Саженьей пятьдесят.

— Хватит! Стой! — стали говорить.

Вот богатыри-богатырищи стали уговор вести:

Порешили рукопашную схватиться.
Тотчас сошлись.

Алтан-де, алтан, ахен, дю,

Алтан-де, алтан-дю.

Страшный бой стоит,
Такая сила в Дылме,
Что от его удара дрожит земля.
Тут богатыри битву прервали.

...Видит сон Ятэкс.

Когда сон ему плохой приснился,

Он тотчас отправился.

Стал Ойгар с Дылмой снова биться.

Сидя на своих боевых оленях, сражаются.

Вот летит стрела Ойгара.

На лету она пронзает тридцать врагов.

Гайкалур, ойсан, Ойгаркун,

Гайкалур, ойсан, Ойгаркун.

Как приехал Ятэкэ к зятю, воскликнул:

— И я вступаю в бой с врагами! *Сила моя*

Сидя на своем крылатом коне, к врагам он приблизился.

Как пустит из лука стрелу,

Дрожит седло под ним.

Ну и сражался Ятэкэ!

Колол копьём он до побеления своих волос.

До позднего вечера бил он врагов.

Но вот один из противников,

Сидя на белом коне, в золотом седле,

Приблизился к могучему Ятэкс

И выстрелил стрелою.

Ударил Дылма Ятэкс —

Вся голова Ятэкс окровавлена.

На двух оленях его родные вывезли.

Ох и мстят родные Ятэкс врагам,

Всюду сражаются за богатыри Ятэкс.

Так бьются, что речки кровавыми стали.

Ятэкс, сердечный, к жене возвратился,

Стала плакать жена его, бедняжка.

Дукучан-ка-какс, огой,

Дукучая-ка-какс, огой.

Тут заплакала жена Ятэкс и говорить стала:

— Силен враг, страшный враг,

Ятэкс правую руку прострелили,

Не быть теперь Ятэкс богатырем...

ПРЕДАНИЯ И УСТНЫЕ РАССКАЗЫ—УЛГУРИЛ

ПРЕДАНИЯ

В каждом эвенкийском районе можно услышать предания, рассказывающие о происхождении того или иного рода, о родовых и межплеменных столкновениях, о борьбе эвенкийских предков с иноязычными племенами, о знаменитых воинах-богатырях в далеком прошлом. Произведения этого жанра отличаются от эпических песен и сказок тем, что здесь все действия реалистичны и в них нет ничего сверхъестественного. Как правило, такие произведения не поются, а рассказываются в обычной обстановке. Не бывает в них и припевов, свойственных героическому эпосу, ряду волшебных сказок и некоторым сказкам о животных.

Предания особенно ценны для изучения истории материальной и духовной культуры эвенков в их далеком прошлом. Широко были использованы эвенкийские предания А. Ф. Анисимовым в книге «Родовое общество эвенков (тунгусов)». В конце книги приложены десять эвенкийских преданий, записанных А. Ф. Анисимовым в 1929 г. у эвенков в Байкитском районе Эвенкийского нац. округа. В этих записях рассказывается о старине. Здесь вспоминаются версии о происхождении тех или иных родов, о родовых объединениях (фратриях), повествуется об организации охоты на крупных зверей и связанных с этим обычаях. Некоторые из этих описаний совпадают с записями Рычкова, Никульшина, произведенными у туруханских эвенков. В материалах Анисимова предстает картина родовой организации — избрание родовых вождей, их функции и задачи, проведение массовых игр, обучение молодежи военному искусству.

Даем отрывок из предания об избрании родового суда: «У каждого рода был свой родовый суд. Если совершал кто-нибудь проступок, собирались все сородичи вместе на суд. Если было большое преступление, один род судить не мог, род призывал другие роды. С ними решали большое дело.

У каждого рода был свой военный вождь. Там был на-

блюдатель. Там были говорильщики. Там сами собирались и судили, если дело было небольшое. Выбирали в судьи правдивых людей, тех, которые правду скажут. Там кончали тогда, когда сородичи приходили к общему решению. Если судьи не были правдивы, тогда начинали во второй раз выбирать правдивых людей. Тогда именно начинали разбор совершенного в своем роде проступка.

Иногда были у рода такие проступки, которые решали совместно с другими родами. Большие сами разбирались, собравшись. Потом сами привязывали преступника. Такого преступника наказывали. Так у каждого рода был родовой суд» (из книги А. Ф. Анисимова «Родовое общество эвенков (тунгусов)», стр. 167—169).

В записях Анисимова рассказывается об организации межродового обмена, о формах пленения и жестокости в обращении с пленниками. Так в одном из преданий говорится: «...увели оленей убитых ими тунгусов. Увели тех мужчин, стрелами путая (дословно под острием стрел). Те мужчины боялись, тем мужчинам ничего не дали в руки, не говоря о том, что не дали в руки посохи. Увиденных женщины привели домой. На некоторых женились, половина на них (т. е. на изюремнялей) стали работать. Тем женщинам плохие работы дали. Первой работой их стало готовить пищу, шить обувь, одежду, таскать воду, таскать одеяла в чум, таскать стали зверя, сушить стали мясо, костры разводить, выделывать камусы, готовить бересту, дымить шкуры. Мужская работа стала: черенки строгать, наконечники стрел точить, оленей искать, раздувать меха в кузнице, по дрова ходить... гблицы делать, лыжи делать, лабазы налаживать, место для чума расчищать, лопаты делать» (Анисимов, Родовое общество, стр. 183).

Многие интересные предания катангских эвенков, записанные в начале двадцатых годов этнографом и фольклористом Ксенофонтовым, опубликованы в его книге (Ураихай Сахарар, Иркутск, 1937). В записях Ксенофонтова подробно рассказывается о встрече первых русских землепроходцев с эвенками и как впоследствии миссионеры проводили среди эвенков христианизацию.

Некоторые эвенкийские предания являются героическими, основная тема их связана с прославлением конкретных героев того или иного рода, племени или целого народа. В таких преданиях встречается много этнографических моментов.

Отдельные предания можно назвать историческими. В них вспоминаются определенные исторические имена и факты, например предания о якутском царе Дыгыне (Тыгыне), о Ермаке, о приходе казаков в Туруханск, о тунгусских

князьях Гантимуровых, о добром Карличе (декабристе Кюхельбекере) и т. д.

Немало распространено преданий и легенд о происхождении местных озер, названий рек, гор, отдельных поселков, об открытии золотых приисков, Тунгусском метеорите и т. д. Эти предания и легенды эвенков представляют исключительный интерес для ученых, изучающих Сибирь, а так же для переселяющихся из центральных районов России на целинные земли Сибири и Крайнего Севера.

1. ГЕРОИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ

Много героических преданий было записано от одних и тех же сказителей Рычковым и Васильевым. Кратко остановимся на некоторых преданиях в записях В. Н. Васильева.

В предании «Уриан и Молуна» рассказывается о жизни двух знаменитых богатырей — Молуны и Уриана. Оба они были представителями различных родов. В одном из сражений Молуна удается победить Уриана, но последний перед смертью прячет своего мальчика, который растет у дедушки.

Сын Уриана вырастает в мстителя, заказывает кузнецу выковать бранные доспехи и отправляется на битву с Молуной. Начинается бой между сыном Уриана и богатырем Молуной. «Уже целые тучи стрел летели на сына Уриана, но ни одна не могла попасть в него, так как он увертывался и отклонялся от каждой из них, между тем как люди Молуны один за другим падали, пораженные стрелами прищельца... Со свистом летели его смертоносные стрелы, опустошая ряды его врагов» (Фольклорный сборник, стр. 248).

В предании «Оран» говорится, что «среди илимпийских тунгусов был один человек по имени Оран. Жил он на речке и, перегораживая ее закалом, добывал себе рыбу. Однажды человек тридцать тунгусов направились к нему, чтобы убить его». Дальше рассказывается о том, как никто из эвенков не мог осмелиться напасть на Орана. Когда же все-таки группа нападающих на Орана людей устроила засаду, чтобы убить его, ничего из этого не получилось. Оран ловит одного из нападающих на него лучников и мирно отпускает его. С тех пор убить Орана лучше никто не пытался (Фольклорный сборник, стр. 247—248).

Предание «Еха» начинается с рассказа о том, кто такой был эвенк по имени Еха.

«В роде хирагир был один тунгус. Звали его Еха. Он был знаменитый охотник, проворный бегун, человек ловкий и известный многим тунгусам. Женат был Еха на тунгуске из рода Кундагир. Вместе с ним жили все представители рода

хирагир, так что их было целое общество. Однажды кундагирцы решили истребить род хирагиров и двинулись на них войной...» Далее подробно рассказывается о междуродовых битвах и о том, как один из кундагирцев, тесть Ехи, помог спастись своему зятю Ехе. Еха обзавелся детьми. «Так образовался тунгусский род Хирагир, который по сие время здравствует и размножается».

Прежде чем приступить к повествованию о героизме звенка по имени Умна, предание «Умна» начинается с подробного описания принадлежности героя к роду Ельдагир, а также рассказывается, где герой жил и чем он занимался. «Много лет тому назад, в старину, близ речки Киды, впадающей в Котуй, жил тунгус из рода Ельдагир, по имени Умна. Имел он жену и подростка сына, по имени Уюльгу. Жила семья очень бедно. В те времена у тунгусов не только не было оленей, но не было почти совсем ни ружья, ни лыж. Он был очень беден» (Фольклорный сборник, стр. 251).

Далее рассказывается, как Умне удастся убить шамана Кинашкана и воспользоваться его ружьем и лыжами.

В предание вводится еще несколько эпизодов междуродовой (кровной) мести. После многих столкновений с чужеродцами и удач Умна погибает, но сына его щадят. Между прочим, во всех звенкийских преданиях указывается, что при встрече и битве двух враждующих родов, один из представителей рода должен остаться живым, чтобы размножать свой род.

Исключительный интерес представляют предания прибайкальских и забайкальских звенков о сражениях звенкийских родов с баргутами (корчохол), о столкновении звенков с во-короями (зокроями). В этих преданиях также прославляются отдельные герои, например Керикан. «Когда Керикан был маленький, умер у него отец. Орочены (звенки.— М. В.) решили бросить его с матерью: что их таскать, пусть помрут.

Мать слышала этот разговор, взяла, закрыла уголь с огнем, дальше, глубже. Те пришли, залили огонь, их бросили. Укочевали.

Мать достала уголь — огонь был. Керикан взял лук, стрелы. У стрелы на конце нос птицы. Пошел. Нашел сохатого. Выстрелил. Другого — тоже. Пришел, матери сказал: — Пошли следить.

Нашли — мертвый.

Стало одежды много, мяса много. Стали жить. Керикан лук больше сделал». Далее рассказывается о встрече Керикана с захватчиками, нападавшими на сородичей Керикана: «Керикан убивал один сотню, тысячу людей.

Его стреляют, не могут попасть, только раз в волосы попали. Он луком только водит — всех убивает» (Фольклор-

ный сборник, стр. 269). Некоторые героические предания, например о герое Керикане, известны большинству забайкальских эвенков так же, как предание о знаменитом воине Хэвоко в многочисленных вариантах распространено по всему Енисейскому Северу. Среди западных и восточных эвенков зарегистрированы варианты предания о злом и коварном захватчике Нургоуле и победившем его Хуркокане. По всей вероятности, предание о Нургоуле (Нурговуле, Нургаабыле) является наиболее древним, сохранившим повсеместное распространение.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ

Некоторые эвенкийские исторические предания являются вариантами преданий соседних народов. Енисейское предание о царе Дыгыне заимствовано у якутов. Но в этом варианте основной мотив связан с восхвалением тунгусского богатыря, его силы, ловкости, удачества и справедливости. Всемогущий коварный и злой царь Дыгын выглядит совсем убогим в сравнении с народным богатырем эвенком. Покоренный силой, умом и находчивостью тунгусского богатыря, царь Дыгын выдает за него свою дочь.

Различные варианты якутских преданий о царе Дыгыне (Тыгыне) использованы А. П. Окладниковым в его книге «История якутской АССР». Эвенкийский вариант предания о Дыгыне заканчивается эпизодом прихода русских на Север и освобождением всех племен от мучений коварного Дыгына. Предание правильно передает историческую роль русского народа в освобождении якутов и эвенков от гнета Дыгына. «Русские — вот подлинные избавители от гнета Тыгына, и при этом не русский царь, ырахтааг, ыта, далеко пребывающий, не купцы и чиновники, а сам многомиллионный могучий и трудолюбивый русский народ — вот кто помог якутскому народу начать подлинно новую жизнь. Таков вывод, который сделал якутский народ из бурных событий XVI—начала XVII вв. в этой своей легенде, верно отражающей историческую действительность»¹.

Предание о Ермаке, записанное на Енисее Рычковым, является вариантом того же предания, распространенного у ханты². Любопытно, что Ермак Тимофеевич в эвенкийском и хантыйском преданиях изображается гуманным человеком. У баргузинских эвенков широко распространено предание о приходе Ермака в Забайкалье и даже уточняется,

¹ А. П. Окладников. История Якутской АССР, т. I, М.—Л., 1955, стр. 426.

² Скалки народов Севера, Л., Гослитиздат, 1959, стр. 70—72.

что похоронен он в двух километрах от Баргузина, у деревни Толстихино.

Среди баргузинских старожилов находились в ссылке братья Кюхельбекеры, Михаил и Вильгельм Карловичи. В. К. Кюхельбекер, друг Пушкина по лицу, вел переписку с великим поэтом и сообщал ему сведения о бурятах и тунгусах. Память народа о Декабристе В. К. Кюхельбекере живет в предании «Добрый Карлич»¹.

3. УСТНЫЕ РАССКАЗЫ

В материалах К. М. Рычкова имеются десятки записей, представляющих устные рассказы эвенков. В них рассказывается о жизни эвенков Туруханского края до революции. Часто упоминаются отдельные имена приставов, жандармов, местных князьков. Подробно рассказывается о жизни эвенков в Нарымском крае, об организации армарок и вымогательстве купцов, о бедственном положении охотников во время голодовок и о недовольстве эвенков, вызванном притеснением исправников.

Десятки устных рассказов записаны советскими тунгусоведами во многих районах обитания эвенков, но это лишь незначительная доля в сравнении с бытующими устными рассказами о старой и современной жизни. Лишь отдельные крупницы из богатейшего материала устных рассказов известны в публикациях².

В течение 25 лет записывает устные рассказы эвенков И. И. Суворов. Его материалы могли бы составить целый том. Некоторые из этих устных рассказов периодически печатаются в газете «Советская Эвенкия», большинство же из них не опубликовано. Сказитель Аюльчин Иван Алексеевич, которому исполнилось сто шесть лет, в своих рассказах вспоминает много интересных событий. Некоторые его рассказы дают представление о классовой борьбе эвенкийской бедноты в дореволюционные годы. Так, в одном из рассказов, записанных И. И. Суворовым от И. А. Аюльчина, говорится об организации отряда охотником эвенком Байбаком. Этот отряд во время страшной эпидемии кори в эвенкийских стойбищах пришел в Чемдальск и, отобрав муку у местных купцов, раздал ее всем голодающим людям (многие материалы И. И. Суворова хранятся в Окружном музее Эвенкийского нац. округа).

Богатый материал содержат устные рассказы очевидцев

¹ Фольклор эвенков Бурятии, Улан-Удэ, 1958, стр. 122.

² См. «Материалы для исследования говора баргузинских эвенков», Л., 1927, а также «Фольклор эвенков Бурятии», Улан-Удэ, 1958.

О различных дореволюционных путешественниках, о приезде на Север царских карателей, о нахождении в политической ссылке выдающихся революционеров. Очень интересны рассказы звенков — участников первой империалистической войны, красных партизан в годы Гражданской войны и героев-фронтовиков в дни Великой Отечественной войны. Пользуются широкой популярностью рассказы о Герое Советского Союза звенке И. Увачане, о храбром воине — забайкальском звенке С. Моноконове. С большим вниманием слушают присутствующие охотники и оленеводы рассказы живых участников различных съездов, конференций, декад, выставок в столице нашей Родины — Москве.

1. Он Дайван баян очан

Гальдэгир омогичи эвэнки Дайван гуимури гөрбичи эмэчон Иркутской (Ерко) дагадукин баргула. Монңи дуннэдун атыркачи бичон и умун хунадичи нэкучи хунадит. Баргула эмэкшэ, даявчан яколду. Тари якол даякшал, дягдаду уикшэл, вадавэр кэлчотын. Эдолитын вара, умун баян бэе гунчон:

— Экэллу вара! Би нуңанман мондулови гакта хавамниэви. Тукшанэкин гэнэтэ, би нуңанин дярин дяргула ороңном.

Туги кэкшэл, тынчотын. Дайван билчон тари бээду. Нуңанин даркан бичон. Тари яколду даркалчан сэлмилэтын. Экилэ якол сэлэмэл тэтыгэлэвэ тэтыкшэл, суручотын нямади бэе Дайван бидеңоткин. Гороё-вол, даган-вал үзэнэкшэл, иссатын тари дуннэвэ. Дайван атырканни такикшэ, эдыни даркалахэмнэлван якол тэтыгэлэвэтын, сурачан:

— Идук эмедерэш? Үи тэтыгэлэхун даркалача?

Якол улгучончотын тари ахитки:

— Бу эмедерэв Баргудук. Мунду тэтыгэлэвун даркалачан Дайван гуимури гөрбичи. Тари бэе эхи бидерэн баян бээду.

Туги кэкшэл, тари ахи Дайван атырканни булэхэл уды-литын суручон, экшэдэнэ монңи хутэви, эдыни нэкумон хунатнэ.

Гороё-вол, даган-вал үзэнэкшэ, иссан умун бирана. Бира даякадун бакачан мурин дылван. Монңи хутэви дягдаду эмкэдун локочон, гундэнэ:

— Би хутэви, этырконни исми, бакадиңав. Этырконни нэкумон эдиңов бакара.

Тари мурин дылдун уикшэ, этырконни нэкумон хунатнэ сундулахинмуканикшэ, гунчон:

— Ая куту бихикин, эри таңа дыл мурин окша, мунэвэ хэдэвкэл эри бирана!

Туги кэкшэ, таңа дыл мурин окша, тыхахичан, хэдэвчон тари бирана. Туги кэкшэл, иссатын Баргула.

Онтаң-вэл бакачатын Дайванма умун анлду. Этырконни нэкумон нодакшэ, эдыткиви даркаланкиткин үзэнэчон. Үзэнэкшэ, гунчон чашкаки бидеритки этырконтыкиви:

— Даркалахэл иняптунав!

Этырконни гунчон:

— Экуи иняптуран кэденни? Ичэтчэни хэгды хававэ хавалдеривэ! Энэе! Чашки эдиңэв даркаларэ!

Тари ахин этырконни илкаптунман катаңки мундун эйчон, сурумнен кэчон.

Атырканни суручолон, катаденэ мундуви ичэхинчон, илкаптунни такчан. Гэлөктөмнен кэчон. Атырканни бакакшэ,

бичотын умуконду. Горой-вол, дагал-вал бикшэл, омонгичил очатын.

Умнокон хутэлин экшэктэлчотын, авшава корчохолуиво баакшал. Дайван атырканин гунчон:

— Эда атыркоими даркалаңкилван экшэктэллэш? Амаат-кихун мургудыцов! Вукэллу!

Нуңартын бучотын. Тари авшаду бичотын дялумаки багдарир маңур. Тари маңурдук баядичатын. Дайван атырканинуми баясал очал. Адындирхун хутэчил очатын. Тари-птыдук гальдэгирил баян унурил.

1. Как Дайван стал богатым

Эвенк по имени Дайван из рода гальдэгир пришел в Баргузин из окрестностей Иркутска. В своей земле он жил с женой, с дочерью и с младшей сестрой. По приходу в Баргузин он был захвачен якутами. Они привязали его к сосне и собирались убить. Перед тем как они стали его убивать, один богатый человек сказал:

— Не убивайте его. Я возьму его к себе в работники. Если он убежит, то я за него буду отвечать перед судом.

Тогда они отпустили его. Дайван стал жить у того человека. Дайван был кузнецом. Стал он ковать якутам доспехи. Надев железные одежды, якуты отправились теперь в количестве ста человек туда, где жил раньше Дайван. Долго ли, коротко ли шли, так дошли они до той земли. Жена, узнав одежды якутов, которые ковал ее муж, спросила:

— Откуда пришли вы? Кто выковал ваши одежды?

Якуты рассказали ей:

— Мы пришли из Баргузиня. А одежды наши нам выковал человек по имени Дайван. Живет он теперь у богатого человека.

Тогда жена Дайвана отправилась по следам войска. За руку вела она свое дитя и золовку.

Долго ли, коротко ли шла она и дошла до одной реки. Там нашла она конскую голову. Взяла она своего ребенка и повесила его в ямке на сосну. Повесила и говорит:

— Если я найду своего мужа, то ребенка себе я найду, а вот золовки мне никогда не найти.

Села жена Дайвана на конскую голову, посадила за собой сестру мужа и говорит:

— Если суждено быть счастью, то этот старый череп превратится в лошадь. Пусть тогда перевезет нас через реку!

Выбеленная ветрами голова стала лошадью, поплыла по реке и перевезла женщину с золовкой через реку. Потом они пришли в Баргузин.

Едва-едва они нашли своего Дайвана. Женщина пришла

к Дайвану в кузницу. Войдя в кузницу, она сказала своему мужу:

— Скуй-ка мне перстень!

Он ей ответил:

— О каких перстнях говоришь? Видишь, я делаю большие заказы. Хватит! Кончаю работу.

Жена его бросила перстень в калильную воду и ушла.

После ее ухода Дайван посмотрел в воду и узнал свой перстень. Он пошел искать жену. Нашел ее, и стали они жить вместе. Долго ли, коротко ли было, потом родились у них сыновья.

Однажды дети, найдя баргутский ящик, стали его таскать.

Жена Дайвана сказала:

— Зачем же вы таскаете кузнечные принадлежности моего мужа? Я пожалею вашему отцу. Давайте!

Они отдали. В ящике было полно серебряных денег. Стали Дайван с женой богатыми. У них родилось еще несколько детей. С тех пор семья из рода гальдэгир стали богатыми.

2. Корчохол

Учоло тути бичон. Варгуду бичол бэел хэгдыкоел, гэрбилтын бичотын корчохол. Чаганкан уңчон булохэллэ. Тарил булохэл эмэрэктын, нуңартын булохэнчэтын бэрилди. Тари чаганкан уңчоһнэ булохэлин мучучатын, он-мал хэчотын кэдовэр. Гевчатын иссо эмэчотын. эмэденэл дептылэллэ алая, аракилла. Тари кэтакое эмэллэктын, корчохэлин миhoчатын мохакла. Чаганкан булохэлин коверду тавчатын дептылэллэ, аракилла, монэкор суручотын нэчтэммир. Корчохол эмэчотын, депилчотын, умилчотын, сокточотын, тыхчэчотын. Таду дывачатын, уйчотын цалэллэтын. Сурувчотын Чаганканыки. Тарни амардун сулаппал корчохол гулчотын: — Багдама мо балдыран.

Иты хуңтуллэ. Потом нуңартын нулгичинчотын дүлэс-кэки.

Корчохол — баргуты. Тарит дарин бира Баргузин гэрби-ван оран.

2. Баргуты

Раньше такое было. В Баргузине жили люди-великаны, их название было баргуты. Послал Чаганкан войско. Когда пришло то войско, начали воевать луками. Войско, посланное Чаганканом, вернулось: ничего не смогли они с баргутами сделать. Пришли во второй раз, привезя с собой вкусную еду, вина. Когда прибыло тех очень много, баргуты ушли

в глубь леса. Войско Чаганкана в степи собралось в одну кучу еду, вино, само же ушло и стало наблюдать. Вернулись баргуты, стали есть, пить вино; опьянев, замертво падали. Там их ловили и связывали им руки. Потом повели к Чаганкану. Те баргуты, которые потом остались, говорили:

— Белое дерево выросло¹.

Жизнь их изменилась.

От названия народа «баргуты» река стала называться Варгузин.

Известный сибирский алмазщик
Е. Н. Баранов. Варгузин.

3. Киндыгир

Учэлэ, учэлэ киндыгирил тарьяла иду бидеүкитын, энэл сарэ Ламува. Уминээн Ламува шамантын ичэчилчэн, тадук гулдэн:

— Би аява дундэвэ ичэтчэм. Тэгэ тала бичэтын кэтэ мо-
савачин.

Тари шамантын дэгдыстан октово илара, Ламува истала.
Тали октоли тэгэлин Ламула эмэчэтын.

Эду бидечэтын монголил. Нуңартын киндыгирилбэ ичэн-
сэл, туксасчатын, кадарду дыкэнчэтын.

Монголил унадитын бичэн, чинэчи бичэн. Тадук эр уна-
дитын сукэчин кадарнэ октоевон очан. Тали октоли туксас-
чатын монголил киндыгирилдук. Тадук эвэски эду Байкалду
суланчатын киндыгирил.

Тадук киндыгирил эгдыгутын гунчэн тэгэлтыкиви:

— Эду сулапкалду, эду бидэ ая: олдол биси, бейцэл биси.
Эсилэ би амакан буделим, минэвэ надэват бурду Душкачан
негиладун.

Эгдыгутын бучэ. Нуңартын эгдыгувэр наксэл, тадук нул-
гисчатын гороткоки Ламудук бирала Мамала.

Мамаду бираду бакачатын илэлбэ гэрбичилбэ самавирди.
Тарилюн самавирюк кусилчатын.

Тари дюлэдун эделитын эмэрэ, киндыгирил самагирдула,
самавир эгдыгутын тэгэлтыкиви гундечэн:

— Су, утал, мөсучэкалдэ! Митла тэгэл киндыгирил эмэл-
делдэ, нечил биңэл. Тарил эдиңэтын аяа ора.

Тари эгдыгу тэгэлин эчатын долчатта мэрңивэр эгдыгувэр.

¹ «Белое дерево выросло». Это выражение рассказчик связывает с при-
ходом в места обитания баргутов русских землепроходцев.

Тадук тари эгдыгу асинин эдыни уңчэн, туксастан тыкэндэн кадасалдула, эдэн ваврэ. Тари эгдыгутын дыкэнчэн кадарду.

Тари бэе дыкэнчэктэкии, иландули тырганил эмэлдэ киндыгирил, нечил бинэл. Киндыгирил самавирбэ мөкөлächилла. Унилбэр бурэ самагир омолгисалдутын.

Самавирду бичэн бөркөнитын Иотейло. Нуңанин бичэн унадин, со гудей. Киндыгирил бөркөнитын унатван ачилда мөрдүвэр. Самавир бөркөнитын эсин бурэ унати. Тадук тарил киндыгирил гуматте туги валдавэр самавирбэ. Гумачиксал, бөжүрбэ кэтэвэ ванарэ. Вачаксал, эр бөжүрбэ немадывутте самавирду ушкатту. Самавир ирунастэ улдэлбэ. Самавир ирунастэктын, тыгистэ нуңарбатын киндыгирил. Урэ эргидэдун карауста, эмөдерилбэ валдавэр. Гел долдыра ваңэрбэ. Гел гундэ: «Болиңивэр болиңумукатчэрэн. Болиңитын Дап-какта бичэн.

Тадук эмэрэ эя-вал ачир.

Тадук долборон.

Киндыгирил унилбар бучэтын самавирду. Тарил ичэтын асалдулавэр.

Тадук кусилдеңеситын долбо, Дапкакта гиркусча гумачиксал, оронду уиксэ, самавир эдатын мөдэрэ. Мокарди усэвэтчэнэ, арандулатын курекэчил, курекэсэлбэ вадатын, он-да моя усэндэдиңэн арандула, тари амакан курекэнми вадичан. Дапкакта нянтава сурувдэн Иотейло. Тадук Иотейло гунэн: «Эвуна Дапкакта эмөдөрөн нянтава? Исо ичэстэн эктадарон бөрилбэ. Би/нуңарбатын локодөлим икэнтунду». Нөлэлиссэ Иотейло.

Тадук долбо аранман мурэлин оролисто, кэтэндяр бинэл. Тадук ончиста калтакалин яңуктавэр бөрвэн. Нуңан бөрилби гадаи, гадаи-да юрэн. Кусилдэ, Иотейло кусирэн, кусирэн киндыгирилюн, киндыгирил нуңанман вэрэ. Окни вэрэ Иотейлово, нуңан уркэли тыктэн. Тадук гунэн:

— Этэкэлду вадеми! Иотейло бурэн.

Тадук киндыгирил самавир асалбатын гачатын Ламула.

Тадук киндыгирил чаңуриликюн кусинэстэ. Чаңурил Ле-наду бичэтын.

Тадук киндыгирил бөркөнитын ундэн дялби чилчагирбэ ганадытын.

Тарил бөл ганастэ, чилчагир уүрэрэ кусиндэвар умуканду киндыгирилюн. Тар кусинэстэ киндыгирил чилчагирликюн. Сурурэ Ленамки. Вадевкил киндыгирилбэ гөрбилтын бичэтын чаңурил. Тар эмэрэ чаңурилдула киндыгир-да чилчагир.

Эделитын эмэрэ киндыгирил чаңурилдула, чаңурил асал-тын гуниңкитын эдылтыкивэр:

— Киндыгинэсэл эмөдөлдэ, делэжит каравачин бинэл. Сукэкундэ пордоскоки.

Тар иста киндыгирил чаңурилбэ. Чаңурил бөркөнитын гулдэн:

— Көтөлбөр көтөмкөкөлдү! Абукаат көтөтмөр одая!
Тар көтөмкөлдө, чаңурил көтөтүн мөсавачин. Киндыгир,
чилчагир четверитын оран чаңурилдук.

Тадук гулдө бөркөңилтын:

— Ималбөр имамкакалду, чинечилбөр чинечимакалду.

Тар чинечимакалдө ороммо умиривэ эркэрэ. Киндыгирил
албаран орон эркэрэ. Киндыгирил чинечинитын усөндөрөн
умиривэ Лена умурөндулан. Чаңурил чинечиңитын дунтө
увиритми таравэ ороммо, эсин усөндөрэ.

Тадук суглаан урухула. Чаңурил чөлөлдө киндыгирилади.
Чаңурил бөркөңитын гунан:

— Умуни эдиңесун төрөрэ өксөкөлдү кусирэ!

Киндыгирил бөркөңилтын гунан:

— Дөрдули бөөл эсилэ тамакалду, тунңал унил аңавөтүн,
орорботун. Эсисун бурэ, сунзвэ ваделдөв.

Чаңурил тунңава асалбө тамара. Аңаңбөтүн, орортын гада
киндыгир эмөвдө упкатва Ламула.

Они-ка киндыгирил аявөкитын кусидөвөр!

3. О роде киндыгир

Давным-давно род киндыгир жил где-то там, не знал
Байкала. Однажды их шаман увидел Байкал и сказал:

— Я хорошее место вижу. Но народу там, словно леса
много.

Трижды шаман зажилал лес, чтобы проложить дорогу
к Байкалу.

По этой дороге народ пришел на Байкал.

В то время здесь жили племена монголов. Завидев кин-
дыгиров, эти племена пустились в бегство и спрятались в
скалы.

У монголов была девушка, сильная была. Это их девица
прорубила скалу, образовала дорогу. По этой дороге монголы
убежали от киндыгиров. Киндыгиры же с тех пор остались
на этих землях, на Байкале.

Предводитель киндыгиров сказал своему племени:

— Ну, теперь здесь оставайтесь! Здесь много зверя и рыбы.
Жить можно хорошо. Скоро я умру, ~~и вы~~ схороните меня
на острове, около речки Душкачанки.

Умер вождь киндыгиров. Схоронили его сородичи и от-
правились кочевать далеко в горы, от Байкала до реки Мамы.

На реке Маме киндыгиры встретили другой род — сама-
гиров и начали с ними воевать.

Задолго до прихода киндыгиров самагирский вождь го-
ворил своим сородичам:

— Готовьтесь, дети, хорошенько к встрече с киндыгирами.
Придут они, (богатые), плохо будет нам.

Но самагиры не послушались своего вождя. Тогда жена

вождя послала своего мужа к скалам и велела ему там спрятаться, чтобы его не убили. Тот вождь спрятался в скалах.

Через три дня после ухода предводителя пришли киндыгиры рогатые. Они решили воевать с самагирами хитростью. Они выдали своих девок за самагирских ребят.

У старшины самагиров по имени Иотейло была очень красивая дочь. Киндыгирские удалцы стали ее сватать за себя. Но Иотейло не отдал замуж свою дочь. Тогда киндыгиры договорились воевать с самагирами. Договорившись, они убили много зверей. Убив, роздали каждому самагиру в качестве нимата. Самагиры отправились за мясом. Когда они пришли за добычей, киндыгиры стали караулить их. Спрятавшись под горой, они стали поджидать самагиров, чтобы их убить. Самагиры услышали их разговор. А киндыгиры стали говорить самагирам: «Есть де у нас пугливый. Когда его пугают, он кричит. Этого пугливого мужчину звать Дапакта».

Так и вернулись киндыгиры ни с чем.

Наступила ночь. Киндыгиры отдали своих девушек замуж за самагиров. Те самагиры зашли в дом к своим женам.

В ту ночь, когда они должны были драться, стал Дапакта обвешивать чумы киндыгиров на оленя, чтобы самагиры не поняли, что это человек. Потом он стал палочки бросать, чтобы услышали те, у кого есть зять самагир, и убили его. Затем пугливый Дапакта понес орехи к старшине Иотейло. А Иотейло думает: «Зачем это он принес мне орехи, да еще на луки мои поглядывает. Повешу-ка я мой лук на поперечную жердь в юрте!» Испугался Иотейло.

В эту ночь киндыгиры окружили его чум, очень много их было. Затем киндыгиры отрубили вешала для луков и разломали его луки пополам. Взял свой лук Иотейло и вышел. Стали они биться. Вился, бился Иотейло с киндыгирами. Убили его киндыгиры. Когда они ранили Иотейло, он у порога упал и сказал: «Прекратите воевать!» — и умер.

Киндыгиры забрали женщин самагиров и увезли на северный Байкал. Потом стали киндыгиры с чангурами воевать. Жили чангуры на реке Лене. Послал киндыгирский старшина своего родственника за чильчагирами.

Пришли чильчагиры. Чильчагиры согласились помочь киндыгирам. Так и пошли вместе воевать киндыгиры и чильчагиры. Пошли на Лену. Тех, кто убивал киндыгиров, звали чангурами. Вот и пришли киндыгиры с чильчагирами к чангурам. Жены чангуров еще до прихода киндыгиров говорили своим мужьям:

— Скоро придут к нам киндыгиры, тоненькие, как горностаи, а вы, как коровы пузатые...

Когда пришли киндыгиры и чильчагиры, чангурильский старшина сказал:

— Теперь собирайтесь. Посмотрим, кого больше: нас или их.

Стали они сравнивать, и чангурилов оказалось так много, словно деревьев в лесу. Киндыгиры с чильчагирами заняли четверть в сравнении с чангурами.

Киндыгирский старшина стал говорить:

— А теперь будем соревноваться, кто из нас быстрее бежит: киндыгиры или чангурилы, и кто будет сильнее из нас.

Самый сильный из киндыгиров связал самого жирного оленя и бросил его в Лену, а чангурильский самый сильный не мог даже поднять такого оленя.

Затем устроили суглан. Чангурильский старшина испугался и сказал своим:

— Все равно не справитесь, лучше не деритесь.

Тогда киндыгирский старшина так сказал чангурам:

— За двух ранее убитых наших мужчин отдайте нам пять женщин, их имущество и оленей. Если не дадите, то мы вас уничтожим.

Отдали чангуры своих пять женщин киндыгирам. Забрали киндыгиры хозяйство, оленей и все доставили на северный Байкал.

Вот какие были воинственные киндыгиры!

4. Хэвоко

Хэвоко балдычан Оскобаду. Нуңан сурурэн асиластэн тэгэлдуло Дыгордуло. Сухсинун асиластэн. Акинан сурурэн тадук ытырконмэ гаран маңанан. Тадук иста Дыгорнэ дюлватын. Таду илэл кэтэмэмэ бидерэ.

Тадук маңаракталла асиявар. Дыгор баллэ будеми асияхунатнэ. Тадук гунэ ытыркор:

— Валдерэ синэ эси тырга.

Тэли Хэвоко гунэн дилтыкин:

— Асиа эвот гадяра, сурувот дюлавэр.

Сурурэ сухсиллалдулавэр, тэтносинэ. Эмэрэ. Илэл Дыгор кэтэмэмэ тыгитчэрэ сухсиллалдулатын, валдавэр. Тут-до албара сухсиллалвар гадами, гасчара-да албара. Ётырконмэ маңиматын вара.

Тадук нуңартын хэгдымэмэмэ сиңилгэнмэ лупамат тухса-сиа акунан дюктэ. Тар тухсаста, тохчородёна. Нуңартын илэлвэ кэтэмэмэвэ сунтыра. Тадук Хэвоко монми дываран, сиңилгэндули епорэн. Акинин горотникакун тухсаран. Тала акинин дэрурэн, албаллан тухсадами. Дыгор эмэрэ нуңандулан, вара.

Хэвоко сурурэн амаскин, сухсиллалдулан. Сухсиллалви гадам, тадук гами, тухсаенан дюлан, нолэлэн. Нуңанман

албара бокондѣми. Нуңан куктышки хөгдымэмэе эхсая. Тар-
какун суксиллалдин сирунчэшки, энэ буруре. Тарит асадарил
кэтэмэмел цолэлми, албара урэгэнмэ эбдеми. Нуңартын,
эсилэ, мучусина, амаскивар. Тадук мучура дюдудавэр.
Мучурактын, этырконцилтын ханцукталла:

— Эс? Вас Хэвоковэ?

Тарил улгучэллэ:

— Эчэвун вэрэ.

Тэли этырконцилтын нуңарватын гуллэ:

— Морвэр лучше вакэллу, раз эчэсу нуңанман вэрэ.

Хэвоко нэкиилви истан. Таду неңнедесинэн, монми ала-
вуллаи, ванастави нуңарватын. Тадук нуңан лукилэн, бөрҗен
оллан. Гарпатматчэшки нюрлдин нэкунэн, алавутчэшки гар-
паткитпа. Тадук алавутчаран адагаткитпа. Тадук алавучиллан
ирэхсэду. Ге туппи ирэхсэ мукадун, ге-куңикидун гарпат-
матчэпкил, адагудыпкил. Алаутта Оскабаду бадякаду, пете-
маду.

Хэвоко гунэн нэкиилви:

— Бадякава микчакаллэ.

Нэкуни албаран микчандеми. Монин гунэн:

— Би микчандем.

Нэкиилии ичэчиллэ акинмар. Акинтын Хэвоко микчанэн
ойли. Тадук тухсасинаи Катаңавэ солоки. Тухсаран умукэн
тырганива, Катаңа бирайкан одалан. Тадук суруллэн Дыгор-
тыки. Ванасинэн, кусинэсинэн. Сурурэн.

Җенэдэнэ, экинми бакаран. Экинни Дыгорду бидерэн.
Ичэрэн акинман вадепки бидерэн. Экинтыкии гунэн:

— Акинми эре вадепки бидерэн.

Экинни Хэвоко сурурэн дюлан. Экинни эмэрэн, Дыгонмэ
уңнэн, дяддулан җенэдедон. Тадук мучустан экинни дюлан.

Хэвоко экинни эдыи саман бичэи.

— Минэ сэвэнчэкал,— Хэвоко гунэн.

Саман саманиллан (сэвэнчэллэн). Сэвэнчэрэн долбони ду-
линдудан, тадук этэрэн, Хэвоковэ гунэн:

— Си дюрэ урилэр җенэкал, энэ илтэнэ илидутын, а то
вабденне. Тадук мучускал.

Хэвоко гунэн:

— Кэ, мучудам.

Тадук Хэвоковэ асастан вадепкива. Тала дюрэ давэр җе-
нэрэн, нуңанман бокоюн, вэрэн тадук мучустан Хэвоко ама-
скии. Эмэрэн экинми дюлан, тадук экинми гунэн:

— Вамэ вадепкива акинмас.

Хэвоко аңаңатан тадук сурурэн. Гунэн:

— Кэ, (ябде, алатчэкал, эмөдем.

— Тадук эмэдэнэ нэкиилдудан Хэвоко гунэн:

— Кэ, нэкиил, сурувот.

Суруре илани. Дыгинмэ давасэл давара, таду бира оран.
Таду Дыгор хусанитын нюңнямидяран. Дыгор орортын кэтэ-

мэма, оңкодёро. Ороо олона. Тадук Дыгор хусантын ичэчил-
лэн — Хэвоко муе олодёрэн. Дыгор хусантын гуэнэ:

— Экума бисинне:

Хэвоко гуэнэ:

— Хэвокоду эмэлтэпчэ бисинне.

Дыгор хусантын гуэнэ:

— Амаскиглэ кусилэнду урот биңкит.

Хэвоко гуэнэ:

— Ёнэдекэл дяддулаи, силбадекэл.

Дыгор хусантын сурурэн. Дяддулаи эмэрэн, дялви гуэнэ:

— Кэ, гиркил, ашундувар одас, Хэвокоду эмэлчэл бисин.

Нян гуэнэ асала:

— Нюңиякилва улэдекэлэ.

Тадук бөөлвэ гуэнэ хусантын:

— Бөөл, молакалла.

Молара молва кэтэмэмэвэ. Асал улоллэ калайма хэгды-
мэмэвэ. Дяймэ нюңиякил улэдере. Тадук этэра ирира. Тали
хусантын гуэнэ:

— Кэ, девуллэн!

Асал тэвуллэ. Тэврэ. Тадук удуллаи. Хусантын гуэнэ:

— Дюду девуллэн.

Илэңилии гуэнэ:

— Кэ-сэ, дюду девуллэот.

Девуллэ дюду. Дыгор хусандувар нюңияки оговон бурэ.
Хусантын илитчана девуллэн, икоптундук тунинчадяна,
дебдепки. Тулигит Хэвоко унэкэимэтын лаңисинан, хусан-
матын Дыгор гарпаран дылдули. Хусантын нюңияки
оговои кикисинчамнен, будэн.

Тадук илэңилии тулиски юрэ. Хэвоко гарпачиллан уркэли,
юдерилавэ упкатпа манаран. Умукон бэе хэгдымэмэ, нюрик-
талии һоиммамал, тухсасинан. Хэвоко асасинан. Нюриктэн
бэе тарэ молдук лапчасинан. Таду боконои Хэвоко. Гарпаран,
варэн, мучустан. Эмэрэн дюлатын Дыгор, этыркорэ гуэнэ:

— Сунэ-до вадем.

Этыркоо гуэнэ:

— Мунавэ си звуна вадеденне.

Тадук Хэвоко сурурэн. Дюрвэ давар һэнэрэн, урилонма
бакаран Дыгорвэ. Нуңарватын весна гарпаттан.

Тадук сурурэн умуконмэ даванмэ, таду хуркоконмэ ба-
каран.

Хэвоко гуэнэ:

— Хуркокон, гарпатматкат!

Хуркокон гуэнэ:

— Кэ, гарпатматкат!

Тадук Хуркокон иллан, Хэвоко иллан. Урочит илла ды-
гинди гарасиктат, гарпатмачилла. Гарпаран Хэвоко хурко-
конмэ, Хуркокон адагаран. Тадук хуркокон гарпаран, Хэво-
ковэ тымирэн иникондули.

Хэвоко бурурэн, гунэн:

— Хуркокон, экуяду сиду гокабдяпкил.

Тадук нян Хэвоко гунэн:

— Хуркокон, минэ нениэкэл.

Хуркокон гунэн:

— Гарпакта синэ!

Тадук гарпаран хуркокон Хэвоковэ.

Хэвоко гунэн:

— Будакив, сэктадэнэ.

Хуркокон гунэн:

— E-e!

Тадук Хэвоко будэн. Хуркокон Хэвоковэ сэктадэрэн, тадук сурурэн амаскии дюддулаи. Амтылдулаи эмерэн, гунэн:

— Хэвоковэ яам.

Аминин гунэн:

— Кэ!

4. Ховоко

Ховоко родился в Оскобе. Вот отправился он за женой в другой род к Дыгорам. Пошел к ним на лыжах со своим старшим братом и взял себе в сваты старика. Дошли до чумов Дыгоров. Там живет много людей.

Стали сватать жену для Ховоко. Дыгоры не хотят отдавать девушку, а старики их сказали Ховоко:

— Тебя сегодня убьют.

Тогда Ховоко сказал своим родным:

— Не станем сватать женщину, пойдемте домой.

Направились к месту, где оставили лыжи, чтобы их надеть. Подошли, а Дыгоры их подкарауливают с намерением убить. Так и не смогли взять свои лыжи, пытались, но не смогли. Старика свата Дыгоры убили.

Тогда они вдвоем с братом побежали прямо по большому снегу. Побежали петляя. Многих людей они обогнали. Затем Ховоко спрятался, зарывшись в снег. Брат его побежал дальше. Но скоро устал и не смог дальше бежать. К нему подбежали Дыгоры и убили.

Ховоко же побежал обратно к своим лыжам. Схватил лыжи и в испуге побежал домой. Дыгоры не смогли его догнать. Он взбирался на высокие скалы и скатывался оттуда на лыжах, не падая. Преследующие, испугавшись такого опасного бега, не смогли спуститься с горы. Наконец, они вернулись домой. По возвращении старики спросили:

— Ну, как дела? Убили Ховоко?

Те ответили:

— Не убили.

Тогда старики им сказали:

— Теперь вы лучше сами себя убейте, раз не убили его.

Ховоко дошел до своих младших братьев. Там он жил весну, стал тренироваться убивать (врагов). Начал делать себе стрелы и луки. Тренировал себя, перестреливался со своими младшими братьями. Перестреливался стрелами, обучался стрельбе. Затем обучался увертыванию от стрел. Потом стал учиться увертываться от попадания стрел на близком расстоянии, стоя на шкуре. Один при этом обычно стоит на краю шкуры, около хвоста, второй на другом конце, около шеи. Оба стреляют и увертываются от стрел. Обучались в Оскобе, в долине у раздвоенного дерева.

Однажды Ховоко сказал своим младшим братьям:

— Перепрыгните развилку раздвоенного дерева.

Младший брат не смог перепрыгнуть. Ховоко сказал:

— Тогда я перепрыгну.

Братья стали смотреть на своего старшего брата. Их брат Ховоко перепрыгнул развилку. Тогда, считая себя уже достаточно обученным, он побежал вверх по Катанге мстить за старшего брата. Пробежал за один день до того места, где Катанга стала ручейком, до истока ее. Потом отправился к Дыгорам. Пошел убивать, драться с ними.

На пути встретил свою старшую сестру. Сестра замужем за одним из Дыгоров. (Ховоко видит, что убивший его брата Дыгор живет здесь, поблизости). Он сказал сестре:

— Вот этот и есть убийца нашего брата.

Сестра Ховоко пошла в чум того Дыгора. Вошла туда и послала Дыгора к его родственникам. Потом вернулась.

Муж сестры Ховоко был шаман.

— Пошамань мне, — сказал Ховоко.

Шаман стал шаманить. Шаманил до полуночи. Потом кончил шаманить и сказал Ховоко:

— Пройди два стойбища, в третьем не задерживайся, иначе там будешь убит. Потом возвращайся.

Ховоко сказал:

— Ладно, вернусь.

Затем Ховоко погнался за убийцей. Прошел два горных перевала, догнал его, убил и вернулся обратно. Пришел в чум сестры и сказал ей:

— Я расправился с убийцей твоего старшего брата.

Ховоко переночевал и пошел дальше, сказав:

— Ну, зять, жди, приду.

Придя к своим младшим братьям, Ховоко сказал:

— Ну, братья, пойдёмте!

Отправились втроем. Перешли четыре горных перевала, показалась река. Там хозяин (вождь) Дыгоров охотится на гусей. (У Дыгоров много оленей пасется. При приближении Ховоко олени испугались. Хозяин Дыгоров стал всматриваться. Видит — Ховоко по воде бредет. Хозяин Дыгоров спросил:

— Ты кто?

Ховоко ответил:

— К тебе Ховоко пришел.

Хозяин Дыгоров сказал:

— Воюя раньше, мы ведь выступали вместе против других.

Ховоко сказал:

— Иди к своим, предупреди!

Хозяин Дыгоров пошел. Пришел к родственникам и сказал:

— Ну, товарищи, провинились мы в чем-то. Пришел к нам Ховоко.— И еще добавил, обратившись к женщинам:

— Гусей варите.

Мужчинам же хозяин сказал:

— Товарищи, идите за дровами для костра.

Принесли много дров. Женщины стали варить большой котел мяса. Варят десять гусей. Сварили. Тогда хозяин сказал:

— Ну, давайте есть, чтобы подкрепиться.

Женщины стали собирать на стол. Собрали. Пошел дождь. Хозяин сказал:

— Есть будем в чуме.

Все сказали:

— Ну, ладно, будем есть в чуме.

Стали есть в чуме. Хозяину Дыгоров дали ногу гуся. Он начал есть, стоя, опираясь на поперечную жердь в чуме. Ховоко с улицы приподнял покрывку чума и выстрелил в голову хозяина Дыгоров. Тот успел только надкусить ланку гуся и умер.

Тогда люди его стали выходить из чума. Ховоко стал стрелять по ним и перебил всех выходящих. Один большой мужчина с длинными волосами побежал. Ховоко стал его преследовать. Волосы того человека зацепились за деревья. Ховоко его догнал. Выстрелил, убил и вернулся обратно. Пришел в чум Дыгоров, сказал старикам:

— И вас убью.

Старики спросили:

— Зачем же ты нас убьешь?

Тогда Ховоко ушел, оставив их в живых. Прошел два перевала, встретил еще одно стойбище Дыгоров и всех перестрелял.

Затем прошел еще один перевал. Там встретил паренька. Ховоко сказал ему:

— Паренек, давай постреляем друг в друга!

Паренек сказал:

— Ну, давай постреляем!

Тогда паренек и Ховоко стали на расстоянии ровно четырех шагов друг от друга и начали перестреливаться. Выстрелил Ховоко в парня, парень увернулся. Потом парень выстрелил, попал Ховоко в коленную чашечку.

Ховоко упал и сказал:

— Не думал я, парень, что буду тобой побежден.

И еще Ховоко добавил:

— Парень, прикончи меня!

Тот сказал:

— Сейчас вот выстрелю в тебя.

Выстрелил парень в Ховоко.

Ховоко попросил:

— Когда умру, завали меня ветками.

Парень сказал:

— Хорошо.

Потом Ховоко умер. Парень завалил его ветками и пошел к себе домой. Пришел к своим родителям и сказал:

— Я убил Ховоко.

Отец его сказал:

— Ну! Хорошо!

5. Он звякнул индечэтын амаски

Эвэнкилду, ороорду ургэичу бичэи, индерэктын, цела, Ангараду, Цанмактаду орон эпки анвра. Долбоина хуктыктадепчил. Оронмо цанмактал девудепчил, иелин муулишчил, ууулил балдыдырактын, орон бушки. Таду дуннэду эвэнкилду тоше ургэичу, кэзэ бэркэ цанмактал.

Эвэнкил тадук эмэсинэ эло, Катаңала. Эду Катаңаду цанмактал угитмэр, эчэ шипко хэку биси. Эду, Катаңаду дуннэл бэюскичил аятмасал.

Муңчил бидечэтын Воскобаду амтылвун. Тадук эмэсчэтын эловэр дуннэлэ Куюмбуло. Муңчил Куюмбуду бодосина. Бодоро аякакунде. Будоловэр инэ эду.

Муңчил амтылвун бичэтын дыгин семъял. Упкат нуңартын эмэчэтын Куюмбуло. Гэрбивун Этаулскаил. Муңчи гэрбивун Ятоил. Лучал албамил тылдеи, гэрбичиллэ Этаулскаит. Тадук, муңэ гэрбитчэпчил Этаулскаит.

Лучал купечил тадук эмэрэ эловэр, Куюмбуло, Гулэлэ ора. Тадук эвэнкилду бурдукалва буллэ. Эвэнкил бурдукали тамаңкитын улукилэ, чипкара, солофоло. Буңкитын тарилва купечилду. Мотыва вами, наяхсава нан буңкитын купечилду. Амикал вами, нажитава тоже буңкитын.

Эду Куюмбуду дюрил купечил бидеңкитын. Тадук одан, купечил этэрэ бутчами эвэнкилду дептылолэ. Тадук купечилва, война одакин, эдуккэр Катаңадуку суруврэ. Упкатна купечилва гада. Тадук эвэнкил опет дептыловэр мортын гэнносиллэ Ангараала деревняла.

Тадук одан требилловка (кооперация). Эвэнкилду дептыловэ бучиллэн. Таре кооперация купечил гулэлдутын иинсиллэ. Этэрэ эвэнкил Ангараала гиркудами. Требилловка джугулэн дептыловэ упкатна. Толи эду только дюр гулэл бичэтын,

дюр амбасалтын бичэтын, тадук экун-да ачин бичэн. Тадук нян кооперация гэрбин ачин одан, кооперация бидектун гэрбин одан ППО. ППО одан только звэнкилду. Тадук нян Сельпо бичэн. ППО гэрбин бодорон дыгинмэ анжанилва. Тадук тунгидутын анжаниду ачин одан, гэрбин ППО-дук колкос одан гэрбин.

Эси колкосту звэнкил садитчапкил, хавадьяпкил картошкалва, тадук картошкалва, этэми хавадьями, ороктолво косидяпкил. Колкосту коровал, мурисал кэтэкокур. Мурисалду косидяпкил ороктолво. Колкосту ороор кэтэ биси. Тарилва звэнкил пастухитчапкил дьоганива, тутэнива. Колкосту лупчурил сулакил бисил. Сулакилва иргитчэпкил. Сулакил таре звэнкилду хэгдымэ бөлөгонэ будерэ. Колкосту колкосникил — звэнкил, бэюсчэпкил оллолво вадэпкил. Оллолво колкосту будэпкил. Колкос таре оллово хаваан будэпки звэнкилду хавадьярилду, дебдотын. Хаваан оллово колкос уңдэпки госу-дарствола.

Тадук звэнкил — колкосникил бипкил охотникил. Дьоганиду мотылва вадэпкил, колкосту уллэвэ таре бупкил. Колкос таре уллэлде улидэпки сулакилва лупчурилва. Тутэнилду охотникил вадэпкил чипкарвэ, улукилвэ вадэпкил. Тар охотникил тутэнилду хэгдымэ бөлөгонэ бупкил колкосту. Тадукпар колкос охотникилду бупки ороор бэюсиврэтын.

Тадук бисе Куюмбуду поселкаду гулэлвэ одяпкил частивил. Тадукпар экспедиция гулэлвэ ора кэтэкокунимэ. Тадук нян бисин клуб. Тадувар клубту нарот упкат, хаваар мудакамил, долболтоно умунуипкил, эвилипкил. Тадук нiane бисин умукон гулэ рация. Таду хавадьяпки радиет. Улгучэмотчэпкил илэ надэли. Ханжукталипки Байкиттуло, Байкит толикокун, ханжуктараки, улгучэлипки.

Тадук эду колкосту бисин колкоснай баня. Выходной одакин, банюва таре топивкил. Упкат колкосникил банюлипкил. Амаски звэнкил эпкил банюра, эчэтын сарэ, банюми аякакун.

Тадук нян Куюмбуду колкосту бисин умукон гулэ — ясли. Таду куңакарвэ тавупкил хуюкукорвэ. Яслиду куңарватын улидэпкил, иргитчэпкил. Дептылотын упкатнан куңакаратын государство будэпки.

Сагдылду, эпкилду хавалла, колкос бэлэдэпки, будэпки дэньгия.

Таду эси Куюмбуду кэтэкокун гулэл ода, нямеди, пожалуй, бинэрэ. Кэтэкокур илэл бидэпкил Куюмбуду. Эду экспедициял кэтэкокур хавадьяпкил, гулэлэ одяпкил антыптыкир. Тарилду экспедициялду биси хаваливур: тракторил, итытпар гиркудяпкил, тадуккар бисе машиналтын. Молва хунадэпкил машиналде. Тадуккар даяилтын бисел, монокор нэнадэпкил. Таравэр гэрбитчэпкил даява катерит. Тадуккар биси нуңан-читын даяилтын хуюкукор. Таравэ гэрбитчэпкил моторил.

Тадук еще бисин дявитын хэгдыкокун. Кэтаккокун грузъя эмэвупки. Таре гэрбин самоходка.

5. Как эвенки жили раньше

И эвенкам, и оленям было очень трудно в те времена, когда они жили на Ангаре, так как там очень много комаров. Комары не дают возможности наедаться оленям досыта. Всю ночь олени бегают. Когда олени кусают комары, рога его начинают гнить; в рогах заводятся черви. Если же разводятся черви, олень погибает. В тех местах эвенкам было очень тяжело жить, очень много там комаров.

Эвенки перешли из тех мест сюда, на Катангу. Здесь, на Катанге, комаров меньше и не так жарко. На Катанге и промысловые места лучше.

Наши предки жили раньше в Оскобе. Оттуда стали приходить сюда в Куюмбу, стали жить в Куюмбе. Прожили здесь очень хорошо. До самой смерти жили здесь.

Предков наших было четыре семьи. Все они пришли в Куюмбу. Наша фамилия Етаульские. Родовое название наше было Ятоил, но русские не смогли правильно понять по-эвенкийски и называли нас Етаульскими. С тех пор нас прозвали Етаульскими.

Потом сюда, в Куюмбу, приехали русские купцы, построили дома, стали давать эвенкам муку. Эвенки перестали ходить за продуктами на Ангару. За муку эвенки платили белкой, соболем, колонком, обменивали их купцам. Убив лося, шкуру его тоже отдавали купцам. Шкуру медведя тоже отдавали купцам.

Здесь в Куюмбе жили два купца. Потом оказалось так, что купцы перестали давать эвенкам продукты. Когда началась война, купцов с Катанги увезли. Всех купцов взяли. Эвенки опять стали ездить за продуктами в деревню на Ангару.

Затем была создана потребительская кооперация, которая стала снабжать эвенков продуктами. Кооперация располагалась в домах купцов. Эвенки перестали ездить на Ангару, так как потребительская кооперация ввозила все продукты. В то время здесь было только два дома да два амбара и больше ничего. Потом кооперации не стало. Вместо кооперации было организовано ППО (Простейшее промысловое объединение). ППО было только у эвенков. Было также Сельпо. ППО просуществовало четыре года. На пятом году вместо ППО был организован колхоз.

Сейчас в колхозе эвенки сажают и обрабатывают картофель. Окончив обрабатывать картофель, косят сено. В колхозе очень много коров и лошадей. Сено косят с помощью лошадей. В колхозе много оленей. Оленей эвенки пасут и

лето, и зиму. В колхозе выращивают черно-серебристых лисиц. Лисицы приносят большой доход. Колхозники эвенки охотятся и добывают рыбу. Добытую рыбу сдают в колхоз. Часть рыбы правление колхоза выдает колхозникам на питание, остальную сдает государству.

Эвенки колхозники обычно бывают охотниками. Летом они убивают лосей и сдают их мясо в колхоз. Этим мясом кормят черно-серебристых лисиц. Зимой колхозники промышленляют соболя и белку. В зимний период благодаря охотникам колхоз имеет большой доход. Колхоз предоставляет охотникам на время охоты оленей.

В поселке Куюмба имеются частные застройщики домов. Кроме того, много домов построила (геологическая) экспедиция. Есть клуб. Вечером, окончив работу, народ собирается в клубе и развлекается.

Есть дом, занимаемый рацией. Там работает радист. Он ведет переговоры, с кем необходимо. Запрашивает Байкит, и Байкит тотчас же отвечает.

Здесь в колхозе есть колхозная баня. Перед выходным днем эту баню топят. Все колхозники ходят в баню. Раньше эвенки не ходили в баню, не знали, что мыться в бане хорошо.

В Куюмбе есть еще дом, в котором находятся ясли. Туда приводят маленьких детей. В яслях их кормят, ухаживают за ними. Продукты питания для детей предоставляет государство.

Неработающим старикам колхоз помогает, выдает деньги.

Сейчас в Куюмбе стало очень много домов, пожалуй, будет с сотню. В Куюмбе живет много людей. Здесь работают различные экспедиции, которые построили много домов. В этих экспедициях есть самоходные тракторы и другие машины. Деревья пилят машинами. Кроме того, у них есть самоходные лодки. Эти лодки называют катерами. У них есть также и маленькие лодки, называемые моторками. В экспедициях имеются и очень большие лодки. Такие лодки называются самоходками.

6. Он би Москвала цэнэчэв

Тар бичэн 1940 анцаниду. Тэли би паракотту «Ангара» Улан-Удэлэ суручэв. Тэли би дядяпкучи бичэв.

Минци акинами Шангин гуичэн:

— Си Декадала цэнэдицэс-ку, эдицэс-ку?

Би гуичэв:

— Элэксэ би аминдукив аннуктадицэв, тэли сурудицэв. Аминми минэ тынчэн-да гуичэн:

Исполнителя эвенкийских преданий и сказок, член КПСС и общественный деятель Т. К. Туменчеев. Витимская тайга.

— Си, Ксенья, кутучи бисинды. Эгдыгул найсал ичэт чэчэс.

Кэ, туги бичэн.

Тэли би комсомолка бичэв. Тэли Наумов Алексей Николаевич секретарь бичэн.

Июль, август, сентябрь, октябрь би Улан-Удэду бидечэн, итыгавдечавун. Мунду староста умун баргуган эвенки Батор Фринденштейн бичэн.

Октябрь бегадун бу суручэвун Москвала. Налалбава чэнэ-дечэвун. Би ведь элэкэскэкун чэнэчэв. Чэлэтчэвун. Декада эгдыгунни Вельгаев Гомбо Цыбикович бичэн. Со ая бэе.

Упкат участнирил дучал, борел, эвенкил надан нямади бичэл.

Москвада эмэксэл, гостиницала бичэвун. Гостиница гуг-данакун. Бу городту элэкэс бичэвун, умукэнду гиркудлывавун. Экскурсияду мунду Москвава ичэвкэндеңкитын. Ленин музейдула чэнэчэвун. Сот урунденэ, гиркуктадывав. Тар би окмат-вэл этэрэв омчоро. Малый театрдула бу метроли чэнэчэвун. (Репитациява олячавун таду.) Элэкэс би гайкачав — тар экун метро бисин?

Анжудави алдывси бичэн, тарит дярин би эчэв анжуктарв. Би гуним: «Он-ка дундэ эргидэлини машинал чэнэдевкил?»

Эгдыгу театрду бу выстунайчавун, 28 октябрэду. Минци

К. Н. Шангина со своей дочерью. Северо-Байкальский район
Вуратской АССР.

фамилияв дукучатын — би залзадай бичэл. Силгинденэ, би сценала ичэн. Тэгэхээр бичэл.

Тыматнэ егинуу часту газетал эмээрэ. Би тагчав наградав дэрин. Минэвэ медалит наградира. Тар тыргани би окни-да эдиңээ омжоро. Тэли би упкат партия нууиминилван ичэчэв Кремльду.

3 ноябряду би гирки Калинин үлэдүкии медальва гачав. Тар Кремльду бичэн. Михаил Иванович минэ поздравляй-ракин, би согодёчов. Согодёно, инедечэв. Би сот уруиденэ Москвадук үнүсчэчэв. Декада дукунаван би амидуви, эниг-дуви улгучэнчэв. Дялвун миндук Москва дэрин аңуктал-чатын.

6. Как я ездил в Москву

Это было в 1940 году. Ехала я в Улан-Удэ на пароходе «Ангара». Тогда мне было восемнадцать лет.

Говорит мне дядя Шангин:

— Поедешь на Декаду?

Я сказала:

— У отца спрошу, потом поеду.

Отпустил меня отец, да и говорит:

— Счастливая ты, Ксения, больших начальников увидишь. А это вот как было.

Была я в то время комсомолкой, а секретарем у нас был Наумов Алексей Николаевич.

Июль, август, сентябрь, октябрь жила я в Улан-Удэ, готовились. Старостой был у нас один баргузинский эвенок Батор Фринденштейн.

В октябре месяце мы поехали в Москву. Ехали неделю. Я ведь впервые ехала. Боялась. Руководителем Декады был Бельгаев Гомбо Цыбикович. Очень хороший человек.

Всех участников, русских, бурят, эвенков, было 700 человек.

Приехав в Москву, попали в гостиницу. Гостиница высоченная. Были мы в городе впервые и ходили вместе. На экскурсии нам показывали Москву. Ходили в Музей Ленина. Радуюсь, я все ходила. Это я никогда не забуду. В Малый театр мы отправились на метро. (Там устраивали репетицию.) Сперва я удивлялась — что это значит, метро? Спросить было стыдно, поэтому я и не спросила. Я думала: «Как же это под землей машины ходят».

28 октября мы выступали в Большом театре. Записали мою фамилию — я была запевалой. Дрожа, я вышла на сцену. Народу тьма-тьмущая.

Назавтра в девять часов привесли газету. Я прочла о своей награде. Наградили меня медалью. Этот день я никогда не забуду. Тогда я увидела в Кремле всех руководителей партии.

2 ноября я получила из рук товарища Калинина медаль. Это было в Кремле. Когда Михаил Иванович поздравлял меня, я плакала. Плача, смеялась. С большой радостью я возвращалась из Москвы. То, что писали о Декаде, я рассказала отцу и матери. Родные меня расспрашивали про Москву¹.

¹ Косица Николаевна Шангина, член КПСС, живет и работает в настоящее время в Северо-Вайнальском районе Бурятской АССР. Она обладает очень приятным и звучным голосом, хорошо исполняет эвенкийские народные песни, является активным участником национальной художественной самодеятельности.

**ПЕСНИ—ИКЭВУН,
ХЭГЭВУН, ДАВЛАВУН**

ПЕСНИ

Во многих эвенкийских районах широко распространены песни-импровизации, а также песни с устойчивым текстом.

Один из путешественников, И. Георги, еще в XVIII веке отмечал, что «у тунгусов, которых я видел, нет никаких музыкальных инструментов, кроме особого вида дощатой, обтянутой кожей трехструнной скрипки, называемой ими «кур»; зато у них в большом ходу пение, правда несколько однообразное, но довольно приятное»¹.

В дореволюционные годы и в первые годы советской власти некоторые исследователи считали, что у народов Севера, в частности у эвенков, нет песен с устойчивым текстом. «Особо,— писала известный тунгусовед Г. М. Василевич,— стоит вопрос о песне. Песни с определенным, вполне устойчивым текстом у эвенков нет»².

В материалах эвенкийского фольклора, находящихся в фонде К. М. Рычкова (Институт востоковедения, Ленинград), имеются тексты песен, записанные К. М. Рычковым у енисейских эвенков в 1903—1913 гг.

На большом концерте в Петербурге, состоявшемся в 1909 г. по инициативе Общества народных университетов, были исполнены песни в записи К. М. Рычкова: «Плач тунгусской женщины» и «Песня о богатыре Тукеркае». Собирателем лично присутствовал на всевозможных праздниках, играх эвенков, был свидетелем зарождения песен и исполнения их на традиционные мелодии. Это позволило ему сделать обобщающий вывод о культуре эвенкийских племен Енисея в целом. «Поэтическое творчество тунгусов,— отмечал Рычков,— вдохновляется иногда очень возвышенными чувствами, что

¹ Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahre 1772 von Joh. Gottl. Georgi, Erster, Band, Spb., 1775, стр. 288. (Цитируется по «Фольклорному сборнику» Г. М. Василевич, стр. 283).

² Г. М. Василевич, «Фольклорный сборник», Л., 1936, стр. 7.

находится в связи и служит одним из верных показателей сравнительно высокой степени их культуры»¹.

Приведем одно из высказываний Рычкова об эвенкийской песне: «Лучшие песни тунгусов передают оригинальные мысли, не лишены фантазии и нежной мелодичности. Например, песня сиротки довольно оригинально и образно выражает грусть и одиночество.

Исполнитель эвенкийских песен
П. Г. Марков. Северо-Байкальский
район Вуратской АССР.

В песне охотника выражается радостная надежда на добычу и уверенность в своих силах. Затем тунгусы очень любят состязаться в песнях и следить за состязаниями и меткими характеристиками певцов. Один восхваляет своих женщин или предков, другой опровергает его; слушатели одобряют все меткие нападки и возражения»².

В 1919—1925 гг. записывал песни у северо-байкальских эвенков Е. И. Титов. Остановливаясь на характеристике отдельных певцов-исполнителей, Титов писал: «Песни свои Аеулев знает точно, повторяя их текст слово за словом. Повторяя свои песни, Вукидаев в редких случаях сбивался на новую версию, стоило ему подсказать слово, он отсчитывал метры длинного лирического

излияния в совершенном согласии с первоначальной редакцией»³.

В более поздних своих работах и Г. М. Василевич признавала существование у эвенков песен с устойчивым текстом⁴.

В основу нашего исследования положены полевые записки, сделанные у забайкальских эвенков в период работы 1930—35 гг., во время экспедиции в 1946—47 гг. и в 1958 г.;

¹ Е. М. Рычков, *Енисейские тунгусы*, кн. 1—2, 1922, стр. 77.

² Там же стр. 76—77.

³ Г. М. Василевич, *Фольклорный сборник*, стр. 7.

⁴ Г. М. Василевич, С. Д. Магид, *Новая эвенкийская песня*, «Советский фольклор», № 7, 1941.

привлекаются материалы других собирателей, а также тексты песен студентов эвенков, обучавшихся в Ленинграде.

Сами эвенки подразделяют все песни на три вида: икэвун, давлавун, хэгэвун.

1. Песня-пляска или круговая пляска — икэвун.

2. Различные припевы в героическом эпосе, сказке и импровизации, часто непонятные современному поколению эвенков, — хэгэвун.

3. Песни на определенные мелодии с устойчивым текстом, а также песни-импровизации — давлавун.

ИКЭВУН

В круг встают иногда одни мужчины или одни женщины, иногда и те и другие. Бывает, что в круг становятся только пожилые или молодежь, иногда люди всех возрастов или только дети. Участники располагаются, например, так: половина круга — мужчины, вторая половина — женщины или молодые и пожилые; приехавшие в гости выделяются.

Чаще всего икэвун исполняется 20—40 минут, затем устраивается перерыв: случается, однако, что икэвун, начиная с вечера, продолжается до утра. В весеннее же время икэвун часто исполняется несколько вечеров подряд; тогда его называют протяжно «икэкэвун». Чтобы принять участие в икэкэвуне на стойбище съезжались представители многих родов или полностью все население этих родов; в таких случаях стойбище вырастало до 30—40 палаток и 30—40 чумов.

Перед началом икэвуна кто-нибудь из более почтенных людей произносит: «Кэ, икэкэтер!» («А ну, играть!»). Исполнители быстро становятся в круг, который постепенно расширяется, наполняясь новыми участниками.

Икэвун в одних случаях выражает грусть и горе людей (сопровождается тогда грустными, протяжными, заунывными песнями), в других — радость и счастье (сопровождается веселыми, радостными песнями, причем темп икэвуна ускоряется, движения участников становятся энергичными, пляска — почти экстатической). В икэвуне ярко и сильно выражаются чувства людей. Во время исполнения икэвуна участники всхлипывают или же радостно улыбаются. Различный характер исполнения икэвуна бывает вызван разными причинами. В медленном темпе в сопровождении заунывных, протяжных песенных напевов икэвун исполняется в следующих случаях:

- а) смерти кого-нибудь из людей данного рода;
- б) несчастного случая с охотником (задрал медведь);

в) нападения стаи волков и похищения ими большого стада оленей;

г) эпидемии в оленьем стаде;

д) плохого промысла на пушных и копытных зверей и т. д.

Икэвун в быстром (ускоренном) темпе, сопровождаемый радостными напевами, имеющими оттенок призыва, исполняется:

а) после удачной охоты;

б) в день посвящения юноши в самостоятельного мужчину;

в) в день рождения ребенка;

г) в день переезда на новое стойбище.

Перед тем как приступить к пляске, все участники повторяют слово «кэ!» («ну!»). Слова песен, сопровождающие икэвун, не имеют смыслового значения, но они традиционны, их знают все; вновь они не придумываются. Каждая мелодия может быть исполняема различно, в разных темпах икэвуна, в зависимости от обстановки и настроения участников. На одну и ту же мелодию могут исполняться различные строфические цепочки слов, не имеющих смыслового значения, но все хорошо известные.

Мелодии при замедленном темпе икэвуна:

а) о-со-ро, о-со-рой!

б) де-лень-де-лень, до-вай-ду-а;

в) эгэ-гэ-лэ-эй; эгэ-гэ-лэ-эй;

г) о-чо-ра!

Мелодии при ускоренном темпе икэвуна:

а) га-со-гор! га-со-гор!

б) гай-хо-оге-гай-хон-оге-гай!

в) делики-энь, де-ле-энь!

Всего нами зарегистрировано до пятидесяти различных мелодий, сопровождающих икэвун; по всей вероятности, их больше.

Запевала в икэвуне называется «икэлэном». По существующей традиции, исполнение мелодий икэлэнами строго дифференцировано. Так, например, мелодию «о-со-рой, о-со-рой!» могли петь лишь икэлэны — пожилые мужчины и женщины; мелодию «эге-ге-лэ-эй, эге-ге-лэ-эй!» — пожилые женщины; мелодии «делики-энь, де-ле-энь!» и «до-вэр-до-тын, до-вэр-дуа!» исполнились лишь юношами и девушками.

В последние годы эта дифференциация не всегда соблюдается.

Икэвун широко популярен среди русского населения в районах расселения эвенков. Во время летнего национального праздника икэвун продолжается в течение двух-трех-четырех вечеров и в его исполнении принимают участие вместе с эвенками русские молодые люди.

Широко

Женские голоса

Мужские голоса

Один Все

Сэв сэ-кур ми-ни-ла. Ку-рин гу-ла ку-ре-ла

Одна Все

Ку-рин гу-ла ку-ре-ла Сэв сэ-кур ми-ни-ла.

Одна Все

Ку-рин гу-ла ку-ре-ла Ку-рин гу-ла ку-ре-ла.

Один Все

Нотная запись «Курин гула журела...»

ДАВЛАВУН

Давлавур — это песни стихотворного характера, отличающиеся музыкальностью и напевностью. Большинство давлавур-песен сочиняется на традиционные мелодии, но за последние годы многие песни исполняются и на новые мелодии. Некоторые из этих мелодий являются национальными, другие же заимствованы из русских, бурятских и якутских песен.

Условно мы группируем песни-давлавур по следующим видам: колыбельные, свадебные, о старой и новой жизни. Распространены циклы песен о девушке-сиротинке, «весенних песен», исполняемые девушками весной. Бытуют песни-

предания о каких-либо замечательных людях из рода, племени, о путешественниках; сатирические песенки-частушки с новым содержанием и др.

Всюду в тайге, на стойбищах оленеводов, в поселках, в окружных и районных центрах исполняются лучшие образцы старых и новых эвенкийских песен.

1. КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Г. Гут, наблюдавший исполнение эвенкийских колыбельных песен в 1897 г., говорил о холодном и неласковом обращении матери к новорожденному ребенку в третьем лице (вместо нежного на «ты»). «Не исключена возможность,— пишет Гут,— что употребление третьего лица (так же, как и у нас в таких случаях) имеет целью придать обращению матери дразняще-шуточный характер»¹. Но дело совсем не в этом. Обращение матери к своему ребенку в третьем лице обусловлено суеверием, т. е. боязнью навлечь на ребенка злых духов.

По словам Н. Т. Лоргактовой (65-летней колхозницы), называть имя ребенка в колыбельных песнях в старину считалось грехом. Наталья Тимофеевна помнит песню, которую пела ее мать лет 50 назад. И даже песня, где мать обращалась к своему ребенку в третьем лице, пелась с большими предосторожностями. Лоргактова также, прежде чем исполнить эту песню, тщательно проверила запор в дверях, внимательно посмотрела в окна и минут пять о чем-то думала. Потом, чуть всхлипывая, запела:

Горько-вол этэн эмерэ,
Горько-саксалыкычэн.
Алати-нуи, алати,
Нюригелэн кимергедэлэти.

Долго же не приходил он,
Долго он заставлял печалиться.
Ждала-то, ждала,
Пока волосы не поседали.

Пережитки магии в колыбельной песне эвенков сохранились до последних дней. (Исполнитель верил в особую силу слов.)

В колыбельных песнях, где мать обращается к своему ребенку во втором лице, она все же не называет его имени:

Миниуи утэа, аскал,
Эсакари нимдынкиса,
Миниуи утэа, аскал,
Ал бэе биледиуэс.

Дитя мое, спи,
Зажмурив глазки,
Дитя мое, спи,
Хороший будешь человек.

В некоторых колыбельных песнях мать сначала поет о ребенке в третьем лице, затем ласково обращается к нему на «ты», а в конце говорит о нем опять в третьем лице.

¹ Г. М. Васильевич, Фольклорный сборник, стр. 238.

Нууан горово-вол
Минэ сэксэллэнэччэ,
Горово нууакман алатча.
Вэе бидадирэс,
Макчэнэ заджус,
Дулудалэн, туинилдалэн,
Гиркудякикин оуан

Долго-то он
Заставлял меня сильно печалиться,
Долго его ждала.
Мужчина (вырослый) будешь,
Кабарожку убьешь.
До глубокой старости своей,
До опираясь коленями своими,
Путь чтобы его был.

Колыбельные песни могут быть условно разделены на две группы; 1) песни с устоявшимися припевами («Бай-бой, бай-бой!» или «Вой-бай, бай-бой!»), исполняемые всеми членами семьи, кроме отца ребенка; 2) песни, исполняемые только матерью ребенка. Первые поются главным образом при убаюкивании младенца в люльке, вторые — в любое время, но в отсутствие чужих людей и отца ребенка (если в момент исполнения песни матерью пойдет кто-либо из чужих людей или отец ребенка, то песня немедленно прерывается). Вторая группа может быть названа «материнскими песнями». Во многих колыбельных песнях слова устойчивы, например, часто встречаются слова, несомненно, древнего происхождения;

Бай-бой эгдыдирэс,
Вой-бай икэртэн
Макчэнэ заджус.

Бай-бой ты вырастешь,
Бай-бой стрелой своей
Кабарожечку убьешь.

Слова припева «бай, бой, бой, бай» произносятся очень протяжно, чуть слышно, с особой нежностью.

2. СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

Свадебные песни могут быть разделены на две группы. Песни первой группы непосредственно связаны со свадебными обрядами. Они исполняются только определенными лицами, например отцом невесты, отцом жениха. Песни второй группы исполняются не только во время свадебного обряда, но и в любое время по инициативе «давлалана» — народного певца-исполнителя. Давлалан нередко импровизирует, добавляя и изменяя содержание песен с уже устоявшимся текстом.

Остановимся на эвенкийских свадебных песнях, бытовавших до настоящего времени.

а) Песня просватанной девушки своим подружкам.

Эгдыдирэс, эгдыдирэс,
Энтыуилэн, амтыуилэн
Минэа, минэа усагидэччэн,
Гарштулануэчир.

Буду неть, буду неть,
Мои родители
Меня, меня бросила,
Как лоскуток.

Девушку отдают в чужой дом, в «чужие люди». Ее родные получили за нее калым. Она продана. Перед уходом

навек в чужой род невеста рассказывает подружкам о своем горе, как бы наливая обиду на родителей, бросивших ее, «как доскуток». Дальше она поет:

Эдун-кай, тадун-кай
Чопнокордук этекудеуим,
Эре-эл бидедукка,
Дылача-эки диникса,
Уланкун инистуим
Гирасилдамкка.

Оттуда, отсюда
С ночек прыгаю,
От такой жизни,
Вспоминаю сестру-солнце,
В сирой своей жизни
Буду шить.

Тяжкая доля в чужой семье передается через образ (прыжки по кочкам):

Эдун-кай, тадун-кай,
Чапнокордук этекудеуим.

Оттуда, отсюда
С кочек прыгаю.

Девушка оплакивает будущую «сырую свою жизнь» («уланкун инистуим») и говорит своим верным подружкам, что, когда ей будет особенно тяжело, она обратится к «дылача-эки» (солнцу-сестре). Это отголосок эвенкийского предания о солнце — покровителе сирот (существуют эвенкийские сказки о покровительстве солнца детям-сиротам).

6) Песня матери невесты

После просватания невесты родственники готовились к передаче ее в чужой род. В чум матери собирались женщины и помогали справлять для невесты приданое — шить одежду, обувь, готовить материал для чума или палатки. Перед началом коллективной работы в чуме собирались только пожилые женщины. Тогда мать невесты, часто всхлипывая, начинала петь песню, как бы обращаясь к присутствующим:

Унтан булдалим, утэи,
Мэнун балдынаи.
Эла-ка адан бирэн?
Дигал-гу тигелдула?

Дочь свою отдаю, дитя свое,
Свое родное.
Что с ней может быть?
К близким ли родам (она уходит)?

Песня прерывалась плачем, плач переходил в рыдание, мать обращалась с вопросом к присутствующим:

Он-уан ками кичтэлдере?
Элдула-уан, уилдула-уан
Усегидэлхржа...

Как же посмотрят (другие)?
Кому же, кому же
Вросла я...

Песня заканчивалась словами, в которых говорилось, что все думы матери о дочери-невесте:

Амидуи гиркум-вал,
Эроги-нуи дичакага.

Во сне хожу ли,
Только об этом и вспоминаю.

в) Песня невесты, исполнявшаяся перед
отъездом к жениху

Жених гостил у тестя несколько дней или недель¹. После чего невеста отправлялась в род жениха; невесту сажали спиной к голове оленя, и кто-либо из близких ее подруг вел за поводок ее садового оленя 20—30 метров. Делалось это для того, чтобы невеста в последний раз посмотрела на свое стойбище, на своих родных. Перед отъездом невесты, когда сборы уж полностью закончены, девушки стойбища уходили далеко от чумов и пели хоровую песню; невеста пела отдельно.

Хор запекает:

Эгми-хун агадигер,
Чувасиал ултадугин,
Эгми-хун агадигет,
Эгми-вал тумпаденал.

Будем петь да петь,
Чтобы ахо в сопках раздавалось,
Будем петь да петь,
Не спираясь локтями (в хороводе).

Невеста повторяла всю песню одна, заканчивая ее следующими словами:

Иле-ке эи-ка одилини?
Игтис, игтис эсаадам?

Куда мне идти и что мне делать?
На что и на кого я взгляну
(отглянусь)?

Эгтис-гу, игтис-гу айдалли?

Ничто, никто меня не спасет.

г) Песня жениха, исполнявшаяся во время
приезда в его стойбище родственников
невесты

После того как жених получал согласие родителей невесты на брак, кто-либо из ее родственников ехал «иразиами» (гостить) в семью будущего зятя. Отец жениха устраивал пир. Во время пира жених, а иногда кто-либо из его братьев пел песню, в которой говорилось о превосходстве жениха над невестой. Нами записано несколько вариантов этой песни, мелодия ее всегда одна и та же, многие строфы текста устойчивы:

Илан аси гуикукитис:
Минэ гакал,
Минэ гакал,
Илиласун гадалдиуал.

Три женщины говорили:
Меня возьми,
Меня возьми,
На нас третью возьми.

¹ Иногда жених из бедной семьи, не имевшей средств для налыма, должен был отработать на невесту в хозяйстве тестя от трех месяцев до одного года. См. об этом подробно в работе А. Ф. Анисимова «Родовое общество эвенков», изд. Института народов Севера, Л., 1936.

замужества нарушала традицию и уходила на сторону, в другой род, самостоятельно к жениху, ее отец или старшие братья проявляли еще большее негодование. Это считалось большим позором. Семья невесты должна была пережить моральное унижение в своем роду за потерянную честь девушки, а старейший рода усматривал в проступке жениха кровное преступление перед родом невесты. По рассказам Н. Т. Лоргактовой, за такое преступление в старину девушка проклиналась всем родом, а ее родственники убивали жениха стрелой. На это же указывает Георгий, описывая обычай забайкальских тунгусов. «Если дурной человек соблазнил девушку хороших родителей, то братья и родственники последней прогоняют его стрелой»¹.

Г. Гут записал песню у енисейских звенков, где ярко отражен этот обычай.

Отец бранит сбившуюся с пути девушку:

Иди, я отрекаюсь от тебя [иди, отталкиваю].
Ничего не получу я [как выпун за тебя],
Когда ты выйдешь замуж [когда встретишься],
Так как [когда] ты сама себя отдала,
Никогда не показывайся мне на глаза,
Отсюда [из моего дома] я тебя выгоню [отталкиваю].
Не приходи больше ко мне [теперь ты не показывайся мне].
Поэтому сейчас уходи прочь².

3. СОВРЕМЕННАЯ СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ

Зарегистрировано несколько текстов современных свадебных песен. В 1958 г. автор присутствовал на звенкинской свадьбе в Курумканском районе. На свадьбе прославляли новобрачных. Жених и невеста были комсомольцами. Присутствующие со стороны родственников жениха и невесты вручали подарки молодой чете. Здесь же за столом среди восьмидесяти гостей сидел парторг колхоза. В песнях-импровизациях воспевалась новая жизнь колхозников. Пели по-эвенкийски, по-бурятски и по-русски.

Н. Т. Лоргактова на свадьбе своего сына в 1958 г. также исполнила современную песню. Этой песней и открывалось свадебное торжество, на котором присутствовало до пятидесяти звенков-баунтовцев.

Вот несколько куплетов из этой песни, записанной на свадьбе В. Д. Лоргактовым:

¹ Н. Георгий, Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. I, СПб., 1779, стр. 278.

² Г. М. Насиленяч, «Фольклорный сборник», стр. 138. В скобках Г. М. Насиленяч даны уточнения перевода, сделанные Г. Гутом.

Давламин-кун давледиуан!
 Утэлээр кутулутын.
 Номонтылду ануангалду
 Уруусне эркин сар.
 Тынхи смантат бингалээр
 Унхат тэгэл бидеро.
 ...Сагдмд, даламсал, долчатналду
 Оня тураран!
 Утэлдуун кутулутын
 Би аладем давлалем.

Петь, так петь!
 За счастье детей.
 В старые годы
 Я радости не знала,
 Теперь новой жизнью
 Все народы живут.
 ... Старые и молодые, слушайте
 Слова матери!
 Своим детям о их счастье
 Я, любя, пою.

4. СОВРЕМЕННЫЕ ПЕСНИ

С каждым годом все краше становится жизнь в эвенкийских колхозах. Канули в вечность былые распри между эвенками, якутами, бурятами и русскими. Теперь дружной семьей живут и трудятся все народы Советского Севера. Эта дружба народов и есть торжество ленинской национальной политики. В 1958 г. мы записали несколько песен, посвященных братским узам народов СССР. В одной из песен мать рассказывает своему сыну, отъезжающему в Ленинград, о тяжелой жизни в пору ее детства и как ей приятно видеть теперь в своем колхозе радость и счастье людей различных национальностей.

Каждый эвенок чувствует себя полноправным хозяином своей великой Родины. Во многих песнях воспевается Москва. Но эвенки, идущие по Москве, вспоминают свой суровый и любимый край.

Я иду по Москве, горделиво шагая,
 Мой далекий Ваунт вспоминаю,
 И приехал сюда как хозяин,
 С земляками в метро я шагаю.

(Записано от Демьяна Унауллова в 1957 г.)

Прекрасны песни северо-байкальских эвенков о своих реках Чая, Чуе и о священном Байкале. Много песен поется на Сахалине, по Зее и в Якутии. И всюду народ воспевает великую партию Ленина, ведущую нашу страну к коммунизму.

Среди эвенков популярны песни с современным содержанием на старинные и современные русские мелодии.

Такие песни широко исполняются молодежью в школах, клубах, красных чумах. Например, песни: «Урэлдули, биралдули» исполняется на мелодию «По долинам и по взгорьям»:

Урэлдули, биралдули
 Эвенкил нулгадакыл.
 Агилдули, изардули
 Кытэ бэжире алдеркил...

По горам и рекам
 Эвенки кочуют.
 По тайге и степям
 Они много бьют зверей...

Известная песня «Урал минцил, су аякакур» «Горы, вы мои хорошие») исполняется на мелодию «Коробочка». Одна из первых современных песен, распространенная у всех сибирских и дальневосточных эвенков, посвященная проходам молодых эвенков на учебу в Ленинград, исполняется на мелодию «Как родная мать меня провожала».

Большую роль в популяризации национальных песен с современным содержанием сыграл забайкальский эвенок Г. А. Нергунеев, родившийся на Каренте в Читинской области. Автор имел возможность наблюдать, как в довоенные годы песни, сочиненные Г. А. Нергунеевым, быстро облетали стойбища эвенков в Тунгиро-Витимской тайге. Эвенкийские песни Г. А. Нергунеева на мелодии «Слышен звон бубенцов издали», «Из-за острова на стрежень», «Там вдали у реки догорали костры» утратили авторство и с новыми напластованиями продолжают жить в тайге.

У западных и восточных эвенков бытуют песни, сочиненные когда-то студентами Института народов Севера: Пежемским, Чарончиным, Слепцовой, Абрамовым, Салаткиным, Платоновым, Чинковым, Сахаровым. Многие тексты этих песен варьируются и утрачивают первоначальное авторство. Одним из популяризаторов эвенкийских песен был учитель М. С. Савин.

В поселке Холодное, Северо-Байкальского района, живет и работает Ксения Николаевна Шангина, участница Первой декады бурятского искусства и литературы в Москве. К. Н. Шангина обладает прекрасным голосом и сама переводит современные русские песни на родной язык. Особенно хорошо на различных смотрах художественной самодеятельности ею была исполнена песня «Называют меня некрасивою».

В поселке Рассохино Баунтовского района переводит современные песни с русского на родной язык В. Карпушкина, работник детского сада. Интересные песни переведены в Катайском районе И. В. Монаховой.

Многие дальневосточные и таймырские эвенки знают и поют якутские песни.

У баргузинских и курумканских эвенков имеет широкое распространение современная песня, исполняемая на мелодию бурятской песни:

«Имээнэ эдүх имэннадерэн».

«Снежок откуда падает».

В дореволюционные годы енисейские эвенки не имели связи с сахалинскими, так же как баунтовские или баргузинские эвенки были оторваны от качугских. Теперь же в учебных заведениях, в Советской Армии, на экскурсиях,

ездах, совещаниях, в домах отдыха, на курортах эвенкийских областей встречаются с представителями других родов, диалектов и наречий. Во время этих встреч происходит и знакомство с песней, ее дальнейшее распространение.

Некоторые эвенкийские тексты или мелодии записаны на патефонные пластинки, исполняются по радио. Большую роль в распространении современной песни играет национальная печать — газеты, школьные учебники, сборники эвенкийской поэзии, публикации фольклорных записей.

Эвенкийский ребенок в колыбели.

Лудудэлэви сагдандалави,
Энцэрдуви тунинилдэлэви.

6. А-ба, а-ба!
Нуңан хуюкутнан

Тынива балдычан.
Нуңан этан соңоро,
Нуңан балдымакта!

7. Миниңи хутэв
Ашчэлдэн,
Ашакарби
Нимдыниксэ.

До глубокой старости своей,
До опирания коленями сво-
ими.

6. А-ба, а-ба!
Он, (мой) маленький, (он
мой) малютка
(только) вчера
у меня родился.
Плакать он не смеет,
Он мой новорожденный!

7. Мой сын
заснет,
Глаза свои
Защурив.

Песни свадебные

1. Эгэдиңэв, эгэдиңэв,
Энтыңилэви, амтыңилэви

1. Буду петь, буду петь¹,
Мои родители

¹ Песни исполнялись просватанной девушкой своим подружкам.

Минэвэ, минэвэ усэгэндэ-
чэтыи,
Гириштулануэчир.
Эдук-кэй, тадук-кэй,
Чопкокордук этэкудецизм.
Эрэ-вал бидэдукви,
Дылача-эки дёникса,
Улапкун иништуви
Гирасилдямкия.

Меня, меня бросили,

Как лоскуток.
Отсюда, оттуда,
С кочек прыгаю.
От такой жизни,
Вспоминная сестру-солица,
В сырой своей жизни
Буду шагать.

2. Унатен будделим, утэви,

Мэнци балдынави.
Эла-ка элян бирэн?
Дагал-гу төгөлдүлэ?

Будделделим дёнчадеммен.
Дёнчадеммен амия-вал
ачин бичэн.
Утэвэв минциявэ ювдяк-
ёвэв,
Ончан камн ичэтчэлдерэ?
Элдула-чан, нилдула-чан
Усэгэнделиркэв.
Амидуви, гиркуми-вал,
Эрөгөи-нун дёнчакаг-да.

2. Дочь свою отдаю, дите
свое¹,

Мною рожденное.
Куда оно пойдет?
К близким ли народам
(племенам)?

Отдаю я и запоминаю.
Помнить буду, отца-то не
было у нее.

Дитё моё, мною рожденное,
Как же посмотрят (другие)?
Куда ли, к кому ли
Бросила я.
Во сне, хожу ли,
Все равно вспоминаю.

3. Эгэми-нун эгэдигэр,
Чувасиял ултадутын.
Эгэми-нун эгэдигэт,
Эрия-вал тумнаденэл.
Амиция, эниция
Нуңичан биден.
Эръекэн бидэстукви,
Нэливэне бидэстукви,
Эси одялдакин,
Эгэдэи, эвидэви,
Нёлипкэчинидем.
Илэ-кэ, эя-ка одялми?

Иңгия, иңгия эсандям?
Эңгив-гу, иңгив-гу айдал-
дая.

3. Будем петь да петь¹,
Про эхо сопок.

Будем петь да петь,
Не опираясь локтями.
Моя мать, мой отец,
Руководитель будет.
От такой жизни,
От страшной жизни,
Которая теперь настанет,
Пой, играй,
Страшусь я.
Куда мне идти и что мне
делать?

На что и на кого я оглянусь?
Ничто, никто меня не спа-
сет.

¹ Песня исполнялась матерью просватанной невесты старушкам.
Все присутствующие повторяли слова песни.

² Девушка-невеста исполняла песню своим подружкам где-нибудь вдали
от чужа.

4. Илан асал
Гуниңнэрэ:
— Минэ гакал,—
Гуниңнэрэ.
— Иливатын
Гадялдялим.
Иландярдн
Сеңадярдн
Сугулдитын
Элбэнэтэнэ,
Силукталдитын
Уситэнэ.

5. Илан аси
Гуниңкитын:
— Минэ гакал.
— Иливасун гадялдиңа.
Иландя сөңачанде
Акирдитын илтөвүнэ.
Силукталдитын тыңэнтүнэ.

Эгэ-лэ-гэн, эгэ-лэ-гэн,
Эгэ-лэ-гэн, эгэ-лэ-гэн.

6. Бидеми-нун бидеми,
Гиркуми-нун, гиркуми,
Упкатьякия ичэлдепкие,
Долдылдяпкия.
Нонон бидеңкитын
Матал-эвэнкил.

Нуңартын гуиңеңкитын:
— Аят бидерөп.
Эңкитын дылачал-вал ичэ-
рө.
Дюмүрэлэ депчэнэл, бидең-
китын.
Митыгэңичиги тэгэл би-
нэл,
Митыгэңичиги ороңөр би-
нэл,
Килтырөс дептөвөр эвкил
сарэ бичэтын.

4. Три женщины¹
Заговорили:
— Меня возьми,—
Говорят.
— Третью возьму.
Тридцати налимов
Из кожи
Покрышки делаю,
Ремни делаю.

5. Три женщины
Говорили:
— Меня возьми.
— Из нас третью возьму.
Тридцати налимов печенью
осеждаю.
Из кишек подругу сде-
лаю.
Эгэ-лэ-гэн, эгэ-лэ-гэн,
Эгэ-лэ-гэн, эгэ-лэ-гэн.

6. Жили да жили²,
Ходили да ходили,
Все так будем видеть,
Будем слышать.
Раньше жили
Чужеродцы (соседи)
эвэнки,
Говорили они:
— Хорошо живем.
Солище они не видели.
Можжевательник ели, жили
(так).
Как мы же люди были,
Как мы же были орочены,
Но не знали о хлебе.

¹ Песня исполнялась одним из юношей во время приезда гостей-чужеродцев в стойбище жениха на свадьбу или перед началом свадьбы.

² Песня исполнялась отцом жениха. Жених должен был импровизировать какой-либо ответ своему отцу.

Дикталэ джумрэлду солик-
сал, депчэл.
Бэйире-вал эвчил ваңира.
Умун аматын бичэн этыр-
кэн.
Амадутын рубашкал увэй
бичэн.
Тогодувар исчиливки со-
гдондови

Омолгисалин аминмар
тогот
Намарачиливчил согдон-
додун.
Аминтын эсая увэй бичэн.
Талэн бичэн.
Омолгисалдукви гэлэлдэн:
— Тандав букэлду.
Омолгисалин довувчил
каптургадун

Поружья довувчил.

7. Курэкамэ колачитви

Курэдестэ, кисиндедэм.
Эгедицэн, эгедицэн.
Кавкадукви давладикса,

Гиргиласмэ дылгандивн,

Гиргикитчам уламаят,
Коңактэмэ мевандивн.
Таңаракан аявдяран
Эдукэкен джудувун,
Тэгэчинчэдэтын дялавса-
кар.

Курум аят бидегин!

Калардуквар депилдегэр!

Тути эгадем, эгадем, эгэ-
дицэн!

Ягоды смешивали с мож-
жевельником, ели.
Зверя-то не убивали.
Один их дедушка был, ста-
рик.
У дедушки рубашки не
было.
У огня он грел спину
свою.

Сыновья отцу огонь

К спине прикладывали.

Отец их слепой был.

Любил покурить.
Просит у сыновей своих:
— Дайте покурить.
Сыновья его в кисет

Порох положили.

7. Пришедшим в род (зятя) голосом¹

Заведу песню, запою.
Буду петь, буду петь.
Из глубины горла начинаю
петь

Своим побрякивающим
голосом,

Побрякиваю красным
Своим звенящим сердцем.
Дух гор любит
Вот здесь, в нашем чуме,
Чтобы сидели молодые
(новобрачные).

Пусть свадьба будет хоро-
шая!

Из своих чаш (котлов)
начнем есть!

Так пою, пою, буду петь!

¹ Песню исполнял отец невесты, когда собирались в его чум прискап-
вшие на свадьбу гости из родов невесты и жениха.

Песни сиротинки

1. Эгэ-гэ-гэ-лей,
Эгэ-гэ-гэ-лей!
Куцакаткан-асаткакан
Гиркудаяккин, гирудаяккин.
«Амингив-гэ, энигив-гэ
Айдылдан минэвэ».
Иду, таду гиркудаяккин.
«Тыманила төгөрөкнэ.
Чивкачар чулдыдерэ.

Чивкачардук унтуе
Эниэм долдыра».
«Тыманила төгөми-гу,
Алганилви чурчанилви,

Алганилви чурчанилви,

Сомкодолотын гиркудая-
нэм.

Экун-нун кэми минэвэ,
Айдылдан минкэкуймэ?
Адексэ-нун, няңнаява
Ичэлиңнэм, ичэлиңнэм.
Ила, җилэ экил
Уңде ичэчивдэв
Иини
Этэн җи-вал ичэчилдэ.
Амингив-гу, энигив-гу
Эя, җие арисчам-чу?
Гуниңнэм-чу
Эя-вал дилкандуви».

2. Минду увэй эниңэ-вал,
Минду увэй амина-вал,
Нэкуңэ-вал увэй,
Акиңэ-вал увэй,
Амакае-вал увэй,
Энекае-вал увэй.
Аяткула бөөлэ
Би мирэндиңэв.

1. Эгэ-гэ-гэ-лей!¹
Эгэ-гэ-гэ-лей!
Ребенок-девочка
Ходила, ходила.
«Если был отец и мать мои,
То выручили бы меня».
Где-то там ходила.
«Когда утром я встаю,
Пташки начинают щебе-
тать.
Кроме пташек,
Никого я не слышу».
«Утром как встаю,
Пока подошвы (не из-
ношу),
Пока подошвы (не из-
ношу),
Пока не закроются (не изо-
рвутся), все хожу.
Кто же мне что сделает,
Выручит меня?
Когда я сплю, небо
Все вижу, вижу.
Куда, к кому не пошлют
Меня посмотреть,
Мою жизнь
Никто не увидит.
Отца ли, мать ли
Чего, кого ницу-то я?
Скажу ли (подумаю ли)
Что-нибудь в уме своем».

2. Нет-то матушки²,
Нет-то батюшки,
Младших-то нет,
Старших-то нет.
Деда-то нет,
Бабушки-то нет.
За хорошего человека
Замуж я пойду.

¹ При исполнении песни Н. Т. Лоргактоевой плач переходил в рыдания.

² При исполнении Уршиулоса плакала, плачь переходил в рыдания.

3. Минду ачин экинэ-вэл,
Минду ачин аминэ-вал,
Нэкунэ-вэл ачин,
Акинэ-вал ачин,
Амакае-вэл ачин,
Энеке-вэл ачин,
Үинакчаими Мулкачан.

4. Икадеват, икадеват!
Яракодеп!

Упкатнандевн соғодёйном:
Энтыгэвэ энтылдуви хана-
деуном,
Инямуктав октырэн.

Эхилэ индавида аңнам
аябдирэ!

Нэнинкардуви сунудюң-
нум.

Эңнам адем дюлашки!

Амака, үнэникэл аямала
авункила!
Тыкин эхила эмукун оста-
лэн,
аңадякан одан!

Хукутэмнун аевукинэн,

биқты бодотэдем анкарвал
дюлэски!

Эхилэ ахим сара бедэви.

3. У меня нет отца,
У меня нет матери,
Младших нет,
Старших нет,
Деда нет,
Вабки нет,
Собачка моя Мулькачан.

4. Будем петь, будем петь!
Мы хотим жаловаться!
(пожалуемся)¹
О всех своих плачу я:
Оплакиваю своего отца и
мать,
Теките мои слезы (слеза
скатилась).

Я не хочу и не могу дольше
жить (теперь я свою жизнь
не люблю)!

(И) моих братьев оплаки-
ваю я
(о весне-юности своей
плачу).

И все-таки я должна даль-
ше работать и творить!
(не могу спать дальше).
О боже, направь меня к хо-
рошим людям!

Теперь я осталась совсем
одна,
сиротой стала.

И чтобы только насытить
тело (живот),
Должны быть направлены
мои помыслы отныне и
навсегда (поживу-ка,
буду жить как-нибудь
дальше)!

Я не знаю больше ничего
на свете, о чем я могла
бы думать (и заботиться)
(теперь не знаю жизнь
свою).

¹ Записано от амисейского еврея Прокопия в 1897 г. Г. Гутем. В скоб-
ках дается уточненный перевод Г. М. Василевич. Фольклорный сборник,
стр. 240.

5. Унат давладяран

Гочин, гочин, гочинаки,
Акияла суруделим,
Акияла суруделим,
Исиллими туреливэ:
— Аки эда минэ бучэн,
Депмэчиндув давдатчэми?
Депмэчиндув давдатчэми,
Тэтмэчинмэв дуниндеми?

5. Поет девушка

Когда, когда настанет будущий год,
Отправляюсь я к брату,
Отправляюсь я к брату,
Скажу ему слова:
— Почему меня отдал брат,
Что, не мог прокормить?
Что, не мог прокормить,
Что, жалко было одеть меня?

ПЕСНИ О НОВОЙ И СТАРОЙ ЖИЗНИ

1. Эсилты бинивун

Амаски эчэт эя-вал сарэ,
Уралдули гиркудяңкивун.
Виралду, кәзәсалду
Эгъәлэ эгъәмэчиндеңкивун,
Вәжүрә бәюктәдеңкивун.
Эсилэ Совет одяракин
Дян надыду аңжаниду,
Ленин энәкилвэ эчэн омңоро.
Училчатын дукувурду
Дукулдатын.
Куңакарбә училчатын
Дукусал бидәтын,
Салдатын кәтә.
Эсилэ бу колхозилду орав,
Авалдыран колхозту,
Колхозаңил упкачил муңил.
Эси бисивун унтәдыл,
Эсилэ упкачил муңил.
Эсилэ динсчәв омактат.

Мэнцилвун дукусал,
Счетоводыл мэнцилвун,
Председателил мэнцилвун.
Мэндукэкун Советту!
Мэндукэкун Ленинду!

1. Современная наша жизнь

Раньше мы ничего-то не знали,
По горам все бродили.
По рекам и степям
Тарбаганов добывали,
Зверей промышляли.
Теперь, как Совет настал
В семнадцатом году,
Ленин не забыл об звенках.
Стали они учиться,
Чтобы книги писать.
Стали детей учить,
Чтобы грамотными были,
Чтобы многое узнали.
Теперь мы в колхозах,
В колхозе работаем,
Все колхозное — наше.
Теперь мы не чужие,
Теперь все наше.
Теперь живем мы по-новому.
Свои у нас писатели,
Свои счетоводы,
Свои председатели.
Слава Совету!
Слава Ленину!

2. Ленин гундэли

Узвэчир кускизнэт,
Обочир явиноват.
О-гой, о-гой, о-гой,
Лай, лой!
Авлан кадар даякадукин
Гиркиналты кэтэлилдэ.
Вонасне даядукин
Айдагилты кэтэлилдэ.
О-гой, о-гой, о-гой,
Лай, лой!
Ленин гундэн тураерба

Мевакакурты иста.

О-гой, о-гой, о-гой,

Лай, лой!

Куцакар, дялавсакар

Дукувунду татылъяра.

О-гой, о-гой, о-гой,

Лай, лой!

2. Заветы Ленина

Будем бороться, как волны,
Забурлим, как течение реки.

О-гой, о-гой, о-гой,

Лай, лой!

У подножья ровной скалы
Наши товарищи собираются.
Словно из-под града,
Друзья наши увеличиваются.

О-гой, о-гой, о-гой

Лай, лой!

Заветы Ленина

Дошли до наших сердец.

О-гой, о-гой, о-гой

Лай, лой!

Дети и молодежь

Стали грамоте учиться.

О-гой, о-гой, о-гой,

Лай, лой!

3. Мирдули

Нотная запись «Мирдули».

Турулз эмэрэп,
Икэрвэр давларэп,
Фестивальду эмэрэп,
Мирдули давларэп.

Гиркиел, экииел,
Умунду илкаллу!
Эвадыва икэрвэ
Миткэкуи давларэп!

Гиркиел, экииел,
Умунду илкаллу!
Эвадыва ёхорво
Мирдули давларэп!

Ленин нуңиэли
Дюлэски нуңиэдеңэт!
Планмэр далуңинал,
Коммунизмава огат!

3. За мир

Мы приехали в Туру,
Наши песни поем,
На фестиваль приехали,
Мы воспеваем мир.

Товарищи, подруги,
Вставайте вместе!
Эвенкийские песни-пляски
Мы все будем петь!

Товарищи, подруги,
Становитесь вместе!
Эвенкийский хоровод
О мире будем водить!

По заветам Ленина
Пойдем вперед!
Выполняя план,
Будем строить коммунизм!

4. Давлавун

Орочэрти тэгэскур
Сигияду бидеңкитын,
Уреэду, чэпкэелду
Бэюере бэюдэнэл.

Сигикагду, биралдули
Орочарты бидеңкитин,
Ургасчулэ биниалэ
Давлаурдунэр давлаленэл.

Советтыду биниседу
Омактат билдэ,
Упкаткакур орочарты
Савдепчут давлалера.

Ленин гарпалли
Октокорнот чэриденкил,
Партия нуңниэлэли
Колхозилты авалдякил.

4. Песня

Наш народ орочены¹
Жили в чаще лесной,
В горах и в впадинах,
Промышляя зверей.

По впадинам и рекам
Жили наши орочены,
О тяжелой жизни
Они пели в песнях.

При Советской власти
По-новому стали жить,
Все наши оленеводы
Весело поют.

Лучи Ленина
Наши тропы освещают,
Под руководством партии
Наши колхозы работают.

5. Ленинградтула

Бу дялавсал эвенкил
Җэнэдэллэкун,
Мунэ дялуи Ленинградла
Җэнэвкэнэ.

¹ В ряде сибирских районов самоназвание эвенков — «орочер», от слова орон — олень (оленьеводы).

Бу агидук җәңзәчәвун,
Җәңәсчәвун.
Упкатукин сибирҗилдук
Райоҗилдук.
Ленинградту алагувдирав
Бу наукилва.
Ленин хоктоёлин
Бу гиркудйрав.
Тыкин мунду партияты
Хоктово җәриндерән.
Аямава биниә
Нуҗан мунду бурән.
Эр ая давлавунмун
Ултадягин!
Агили-да, дәттули-да
Давладиктын!

5. В Ленинград¹

Как мы юные эвенки
Уезжали,
Нас родные в Ленинград
Провожали.
Уезжали из тайги
Мы
И из всех районов.
Да Сибири.
В Ленинграде изучаем
Мы науки.
По дороге Ленина
Шагаем.
Партия
Нам дорогу освещает.
Жизнь хорошую
Дала нам.
Пусть же эта наша песня
Раздается!
По тайге и тундре
Пусть поется!

6. Козырь

Козырь, Козырь, Козырьканмә әмудеркәв,
Козырь, Козырь, Козырьканмә әмудеркәв.

¹ Национальный текст поется на мелодию песни «Как родная мать меня провожала».

Нотороппина

Нотная запись «Козырь».

Лакуликэн, бэюликэн.

Козырь, Козырь, ородиви чэнэдеркэн,

Козырь, Козырь, ородиви чэнэдеркэн.

Лакуликэн, бэюликэн.

Козырь, Козырь, чэнэдеңнам ахидуви,

Козырь, Козырь, чэнэдеңнам ахидуви.

Лакуликэн, бэюликэн.

Козырь, Козырь, Баргузинна дагудяркав,

Козырь, Козырь, Баргузинна дагудяркав.

Лакуликэн, бэюликэн.

Козырь, Козырь, ламу баргидадукин.

6. Козырь

Козырь, Козырь, Козыря-девушку привожу,

Козырь, Козырь, Козыря-девушку привожу.

Лакуликэн, бэюликэн.

Козырь, Козырь, на оленях везу,

Козырь, Козырь, на оленях везу.

Лакуликэн, бэюликэн.

Козырь, Козырь, еду я к жанушке своей.

Козырь, Козырь, еду я к жанушке своей.

Нотная запись «Дэгниел»

Лакуликэн, бэаликэн.
 Козырь, Козырь, хребет Варгузина пересекаю.
 Козырь, Козырь, хребет Варгузина пересекаю.
 Лакуликэн, бэаликэн.
 Козырь, Козырь, с другого берега Байкала.

7. Дэгниел

Эвэнкиткэр, умунупкэт,
 Дэгниел, дэгниел.
 Дялавсаял, эвилгэт!
 Осоройкон, осорой.
 Сэвдечувэ биниевэр
 Дэгниел, дэгниел,
 Дылачаңит гарпаллан,
 Осоройкон, осорой.
 Дягдаңилдук, чалбуңилдук
 Дэгниел, дэгниел.
 Омогилты, асаткарты,
 Осоройкон, осорой.
 Хуламаду эвикитту
 Дэгниел, дэгниел,
 Умунупкэт, умунупкэт,
 Осоройкон, осорой.
 Биралдули, урэлдули
 Сэвдэмэмэ бидерэн.
 Городылду, колхозилду
 Аякакун бидерэн.
 Асаткарты, омогилты,
 Дэгниел, дэгниел!
 Дэгилгэчир дэгниелгэт!
 Осоройкон, осорой.

7. Дэгнел

Дети звенков, соберемся,
Дэгнел, дэгнел.
Молодежь, а ну играть!
Осоройкон, осорой.
Веселую жизнь
Дэгнел, дэгнел,
Наше солнце осветило,
Осоройкон, осорой.
Из сосняков, из березняка
Дэгнел, дэгнел.
Наши юноши, наши девушки.
Осоройкон, осорой.
В красном чуме
Дэгнел, дэгнел,
Соберемся, соберемся,
Осоройкон, осорой.
По рекам, по горам
Мы весело живем.
В городах и колхозах
Живем мы хорошо.
Наши девушки, наши юноши,
Дэгнел, дэгнел.
Мы, как птички, полетим!
Осоройкон, осорой.

8. Давлавун

Урэл минцил, су аякакур!
Бэюрэ ваңнем чопколдус.
Синцилду ирэктэлдус, сигидус
Кэте бэюр дыкэнчэвкил.

Эгэ-гелэй, эгэ-гелэй,
Эгэ-гелэй, эгэ-лэй.
Довай-дэкун, довай-дэкун,
Довай-дэкун, довай-да.

Омолгилты, асаткарты,
Умунунилгэт эду.
Эвэдылэз давлавурва
Миты упкат давллагат.

Довэрдотын, довайдакун,
Довэр, довэр, довэр-да.
Осоройкун, довэрдокун,
Осоройкун, осорой.

Урәлдули, бирәлдули
Эвәкил гиркуктажил.
Эматанәлвә бәйцәлвә
Сот куңартын наденкил.

Эгә-гәләй, эгә-гәләй,
Эгә-гәләй, эгә-ләй.
Довай-дәкун, довай-дәкун,
Довай-дәкун, довай-да.

Упкат мунду колхозилду
Кәтә ударникил биси.
Эвәкилңи куңакартын
Колхозилду баләре.

Довердотын, довайдакун,
Довәр, довәр, довәр-да.
Нәрипчули хоктобли
Бу упкат нәнадәрән.

8. Песня¹

Горы мои, вы хороши!
Вью зверей я во впадинах ваших.
В вашей лиственныйничной чаще
Много прячется зверей.

Эгә-гәлә, эгә-гәләй,
Эгә-гәлә, эгә-ләй.
Довай-дәкун, довай-дәкун,
Довай-дәкун, довай-да.

Наши юноши, наши девушки,
Соберемтесь-ка здесь.
Эвенкийские песни
Будем все петь.

Довердотын, довайдакун,
Довәр-довәр-довәр-да.
Осоройкун, довердокун,
Осоройкун, осорой,

По горам и по рекам
Ходят эвенки.
Разных зверей
Они умело бьют.

¹ Национальный текст поется на мелодию русской народной песни «Коробочка».

Эгэ-гэлэ, эгэ-гэлэй,
Эгэ-гэлэ, эгэ-лэй.
Довай-дэкун, довай-дэкун,
Довай-дэкун, довай-да.

Во всех наших колхозах
Много есть ударников.
Дети эвенков
Помогают колхозам.

Довардотын довайдакун,
Довер-довер-довер-да.
По светлой дороге
Все мы идем.

9. Давлавун¹

Урьэптылду тар анжанилду
Экунаткат эркив сарэ
Далавдуви, далавдуви.
Экунаткат эркив гуэ,
Букулива авалдина,
Букулива, букулива.
Тыкин Советкун эмэчэлэн,
Асиңи турэниин улталдан
Урэлдули, агилдули.

9. Песня¹

В старые те годы
Ничего-то не знала
В своем уме, в своем уме.
Ничего не рассказывала,
Все время работая,
Все время, все время.
Теперь, как Советы пришли,
Женское слово раздаваться стало,
По горам, по тайге.

10. Би гупчитчам

Олдолбо вадем,
Гупчэвэ тандем.
Омактаду инивунду
Баркасту уландем.

¹ Национальный танец поется на мелодию песни «Раз полоску Маши жала».

Гунчэнь гунчэдем,
Воротаду гиркуdiam.
Воротат гунчэнь тандем,
Амаски гунчэнь эукив сарэ.

Амаски оронду хэньэкил,
Урэли хэньэкил.
Имандаду арарэ одякил,
Тыматнэ тэгэдэцэс, сурудецэс.

Эсилэ лучагачин
Гулэлду гулэчилчэ.
Амаски асие эүкитын таңда илэду,
Эситкэн асие урэт бэеңин оча.

10. Я рыбачу

Я рыбу ловлю,
И невод тяну.
В новой жизни
На баркасе плыву.
Я наводом рыбу ловлю,
У вóрота хожу.
Я воротом невод тяну,
А ведь раньше я невод не знала.
Прежде на оленях
Мы кочевали.
На снегу чумы ставили,
Встанешь утром и поедешь.
Теперь мы в домах,
Подобно русским, стали жить.
Раньше женщину за человека не считали,
А теперь она равноправна с мужчиною.

11. Онкочо

Московскаил чалбасалтын
Игилтын гороли.
Оёндечэи, мойкатчэнь.
Онкочо бирали.

Оёндули оёндерэв
Мэяңи дундэливэр.
Онкочоду ая бичэи
Митту-дэ дюксэду.

Родина илция митки —
Эгды дуннэт сома.
Онкочово анутчарэн
Эёкаки эдын.

11. Лодка

Раздавался шелест
Московских березок.
Плыла, качалась лодка по реке.

Мы плыли по течению
По своей земле.
Нам было вдвоем
В лодке хорошо.

Небо нашей Родины —
Велика наша земля.
И по течению лодку
Гнало ветерком.

**ЗАГАДКА — НЭНЭВКЭ
СЧИТАЛКА — ТАҢИВКА**

**ПОСЛОВИЦА И
ПОГОВОРКА — ГУНМЭК**

ЗАГАДКА

Загадки являются одним из распространенных жанров эвенкийского фольклора. Термин «нэнэвкэ» (нэнэвкэнуу, нэнэвкэчигуу) образован от глагола «нэнэ-ми» — загадывать. В некоторых районах загадку называют «тагивка» (тагивкэнуу) от глагола «таг-ми» — узнавать.

Эвенкийская загадка представляет собою замысловатый вопрос, переданный чаще всего в форме метафоры:

Энэ иллера, гиркудэжжи арагема.	Не живет, а беспрерывно ходят.
Му.	Вода.

Дюр нукуни мин минимр эхи ичэл-дыра.	Два брата друг друга не видит.
Эял.	Глаза.

У прибайкальских эвенков имеются зачины для всех загадок. Прежде чем загадать загадку, произносят слова: «Экэ-тыки, экэтыки, нэнэвкэткал!», что в переводе на русский язык означает: «Загадаю, загадаю, начинай отгадывать!»

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗАГАДОК

Эвенкийские загадки в большинстве — древнего происхождения. Они создавались на основе накопленного человеком опыта в познании окружающей его природы, в освоении различных трудовых процессов. В загадках отражена народная мудрость. Нет возможности точно определить время возникновения той или иной загадки, но можно легко заметить, что одни из них более древние, другие возникли в позднейшую эпоху. Тонкая наблюдательность человека над окружающей природой, отдельными признаками и качествами животных, птиц, рыб отразилась в загадках:

Эма хунат сэксэт сэндэброн?	Какая девица плачет кровью?
Хороки.	Глухарь.

Содержание этой загадки напоминает, что у глухаря надбровные дуги всегда красные.

Сот туратчанк, джя узай.

Куку.

Много говорит, а бездомная.

Кукушка.

В этой загадке звучит сатира на кукушку, которая умеет лишь много «говорить» (куковать), но не может свить себе собственного гнезда. Известно, что кукушка откладывает яйца в гнездах других птиц.

Многие загадки связаны с периодом кочевой жизни эвенков, когда жилищем людей служил лишь чум (юрта).

Тар энур,— бөөл дымлатчара?

Шона.

То что,— мужики головами опираются?

Связки жердей от чума.

Орочер симули нулгидара.

Сагьян.

Орочены без шума кочуют.

Дым.

Загадки отражают постепенный процесс развития орудий труда и промысла у эвенков. В одних загадках упоминаются лук, стрелы, огнестрельное оружие. Появление ружья у эвенков имело для них исключительно важное хозяйственное значение. В некоторых загадках отражен более древний способ добывания рыбы (закалывание острогой). Позднее в загадках упоминаются сеть, невод и другие рыболовные снасти.

В эвенкийских загадках отражены теснейшие связи эвенков с первыми русскими засельщиками окраин Сибири. «В отличие от царизма, угнетавшего трудящихся Сибири, русский народ принес отсталым народам добро; он впервые распространил здесь прогрессивные формы хозяйства — земледелие и развитое животноводство... Русские переселенцы завели среди бурятских и эвенкийских кочевий и стойбищ на пустынных прежде местах пашни, покосы, построили заимки, деревни, слободы, остроги и города...»¹

В загадках, заимствованных от русских, а также самобытно-эвенкийских, созданных после присоединения Сибири к России, нашли свое отражение скотоводство, земледелие, упоминаются некоторые ремесла, деревянные жилища и предметы домашнего обихода:

Умукучан силуктаван ируджаран.

Илма.

Мышь тащит илшки.

Игла.

Атырвачан хукятан барчима.

Инялтуу.

У старушки живот шероховат.

Наперсток.

¹ История Бурят-Монгольской АССР, т. I, стр. 196—197.

Ламу дулиндун того дегдэдэрен.

Самонар,

Посредине моря огонь горит.

Самонар,

Умун мурии нимада эмэгчи.

Капуста.

Один конь с сотнями седел.

Капуста.

Создание загадок происходит непрерывно. Одни из них видоизменяются, приобретают новое значение, другие исчезают вовсе, многие создаются заново.

Репертуар эвенкийских загадок систематически отражает изменения в экономике и культуре, которые происходят всюду в районах Севера. Национальная и русская литература, местная печать, радио, вечера самодеятельности способствуют распространению эвенкийских загадок.

2. ЗНАЧЕНИЕ И БЫТОВАНИЕ ЗАГАДОК

В древности у всех народов загадки имели большое значение. При помощи загадок люди расширяли познания мира у подрастающего поколения. Загадки служили одним из способов испытания мудрости.

Еще до недавнего времени у эвенков загадка была связана с обрядом посвящения юноши в самостоятельного мужчину, с проверкой его зрелости. Так, после удачной охоты на крупного копытного зверя в чуме молодого охотника собирались сородичи. Во время угощения старейший рода задавал юноше загадки. Если юноша давал правильный ответ и получал одобрение у присутствующих, он говорил слово «давдым» («я победил, одолел, выиграл»). Если же он затруднялся дать правильный ответ, то отец его говорил: «давдара» («не осилил, сдался, проиграл»). Перед каждой загадкой старейший протяжно произносил: «ка!» («ну!»). В чуме должна была соблюдаться тишина, все присутствующие следили за испытуемым. После того как старейший рода произносил: «Ка, эсилэ!» («Ну, достаточно!»), отец испытуемого объявлял результат: «Эсилэ давдыран!» («Все же победил!») и добавлял: «дюра, илара, надара» («дважды, трижды, семь раз» и т. д.), в зависимости от того, сколько загадок было правильно разгадано. Весть о правильных отгадках испытуемого тотчас же облетала всё стойбище. Один из подобных обрядов автор наблюдал в 1932 г. на Витиме в роде туруятир, когда «посвящался» в самостоятельного мужчину шестнадцатилетний юноша Андрей Пантелеймонович Унаулов, убивший впер-
вые лося.

Загадки широко бытовали и в самой обычной будничной обстановке. Загадывали их преимущественно по вечерам. Чаще всего мужчины загадывали загадки мужчинам, женщины — женщинам, дети — детям. За последние годы такая

традиционная дифференциация исчезает. Сейчас всюду можно наблюдать, как пожилые эвенки совместно с детьми и молодежью принимают активное участие в разгадывании загадок, включенных в программу художественной самодеятельности. Обрядовое значение загадок отмирает. Загадки начинают бытовать главным образом среди детей школьного возраста. Это явление свойственно не только эвенкам, но и ряду других северных народностей. «Загадки, — пишет знаток долганского и якутского фольклора А. А. Попов, — служат развлечением в долгие полярные ночи; занимаются ими большей частью молодежь, дети». ¹ Это же отмечают другие собиратели якутского фольклора: «В настоящее время якутские загадки распространены главным образом среди детей, но раньше у якутов они имели хождение среди взрослых». ²

Такое перенесение бытования жанра загадок преимущественно в детскую среду характерно и для русских. «Народ, — пишет Д. Садовников, — стал смотреть на загадку как на праздное упражнение ума и предоставил ее почти исключительно детям, существам, только еще открывающим глаза на окружающий мир». ³ То же отмечает и М. А. Рыбникова. ⁴

3. ТЕМАТИКА И СОДЕРЖАНИЕ ЗАГАДОК

Из большого количества бытующих в различных районах загадок лишь незначительная часть записана собирателями эвенкийского фольклора.

Автором больше всего зарегистрировано загадок у баунтовских эвенков, поэтому в настоящем издании только загадки этих эвенков распределены по темам:

- 1) человек и части человеческого тела,
- 2) жилище и предметы домашнего обихода,
- 3) орудия труда и промысла,
- 4) природа и явления природы,
- 5) животный и растительный мир,
- 6) загадки, созданные в советскую эпоху.

Тексты загадок и их отгадки отличаются большим разнообразием, конкретностью и реалистичностью. Все они связаны с повседневной жизнью трудового народа.

Первая группа загадок является самой распространенной и бытует во всех районах Севера. Здесь мы встречаем много вариантов одной и той же загадки.

¹ А. А. Попов, «Долганский фольклор», ГИХЛ, 1936, стр. 12—13.

² А. Н. Иопова и М. И. Пуговкина, «Советский фольклор», № 4—5, 1936, стр. 243.

³ Д. Садовников, Загадки русского народа, Введение, СПб., 1901.

⁴ М. А. Рыбникова, Загадки, М.—Л., 1932, стр. 53.

Амуткан мурални эмажил доча-
дара.

Иктэл.

Вокруг озера куропатки сидят.

Зубы.

Эта загадка более древнего происхождения. Зубы сравниваются с белыми куропатками.

Уре долун конисал огунадрэ.

Иктэл.

Внутри горы овцы пасутся.

Зубы.

Этот вариант возник позднее и связан с оседлым образом жизни у некоторых групп забайкальских эвенков. То же самое можно отметить и в отношении загадок о языке.

Чалбукту моты гириударан.

Иини.

В березняке лось ходит.

Язык.

Чалбук чагидни улама адирга
кеуадерен.

Иини.

За березняком красный жеребец
рыщет.

Язык.

Во второй группе загадок интересны отгадки, связанные с эвенкийским жилищем и бытом: чум, палатка, деревянный дом, дверь, колоды, порог, крыльцо дома, остои чума, таган, поперечная жердь для подвешивания котлов, дымовое отверстие; оленье седло, седло для перевозки вьюков на лошадях, походные переметные сумы, шитые из шкур оленя, сумы для перевозки муки; котел, чайник, ушки от котла, чашки, жирник для освещения чума, лампа; самовар, маслобойка, кровать и т. д.

В третьей группе загадок отражены орудия труда и промысла, связанные с охотой (лук, стрела, капкан, ружье), рыболовством (острога, заездок, сеть, невод), скотоводством и коневодством (коса, семя, грабли, маслобойка), собиранием ягод (биток для сбора ягод), кузнечеством (молоток, наковальня), с различными домашними работами женщины (игла, наперсток, ножницы, кожемалка, скребок для выделывания шкур, швейная машина).

Загадки четвертой и пятой групп содержат многовековые наблюдения охотников-следопытов за природой, флорой и фауной тайги. По всей вероятности, эти загадки наиболее древние. Представления эвенков об окружающей природе тесно связаны с их трудовой деятельностью. Небо сравнивается со шкурой, которая вся в дырочках (звездах) или с палаткой, порванной и сверкающей. Большая Медведица сравнивается с семьей мужиками, показывающими с одним сыном. Месяц представляется человеком, стоящим внутри огня. Гром — это беспрерывно бегающий сердитый старик. Роса — белая девочка, потерявшая в тайге ключик. Гора — огромный человек, стоящий всегда на одном месте. Дым — старушка, тихо ползущая по небу.

В загадках о животных подчеркиваются отдельные конкретные качества или черты животных (медведь самый сильный из зверей). Вот, например, загадка, в которой подмечена деталь на ушах зайца:

Дюр коуномол качикер гукчан-
матчера, гукчанматчера, агутын-мал
эки сунтыра.

Туксаки коунолли серду.

Два черных щенка бегут, бегут
изапуски, никто из них не отстает.

Черные пятна на ушах зайца.

Шестая группа загадок на предметы, явления и события новой жизни эвенков (радио, часы, патефон, самолет, спутник). Есть загадки о поездах, трамваях, метрополитене, появились загадки о гидростанциях. О быстрой реакции народа на все события в нашей жизни говорит загадка о спутнике. Непрерывный творческий процесс загадок на современную тематику происходит в настоящее время у всех народов СССР.

4. КОМПОЗИЦИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА ЗАГАДОК

В записях К. М. Рычкова, Н. П. Никульшина, а также в публикациях Г. М. Василевич и Е. И. Титова многие загадки построены в виде вопросов:

Тар экур,— хисукэраэ уалектэдэра?
Осинтал.

Тар экур,— токиа тевейдэра?
Сер.

Тар экур,— тыкудыкаку?
Пурга.

То что — камни таскает?

То что — лоси пасутся?

То что — сердитый?

Ногти.

Уши.

Пурга.

В наших записях в таком построении записаны всего лишь две загадки:

Тар экур,— асала тэгэтчэра амут-
канмо мурэли?

Чучун.

Тар экур,— калан агиду эрегэр
уюдэки?

Ирэнэк.

Что это такое,— женщины во-
круг озера сидят?

Скребок для выделки кожи.

Что это такое,— котел в тайге
беспрерывно кипит?

Муравейник.

Возможно, что такая структура загадок была более ранней и связана с обрядом посвящения юноши в самостоятельного мужчину, а также другими видами обрядов.

Многие же загадки построены в виде простых утвердительных предложений. Как видно из публикуемых текстов загадок, большинство из них основывается на сравнениях и метафорах.

И. М. Колесническая, исследуя жанр загадки, делает вывод, что ритм и рифма являются обязательными чертами

народной загадки¹. Эта особенность также характерна для эвенкийской загадки:

Вагдари бэе изадери, уларий
бэе кастадари.

Инии, китэл.

Белый человек рубит, красный
выпикивает.

Язы, зубы.

Встречается в загадках и аллитерация, характерная для эвенкийской считалки:

Велл ялетчара,
Веллдук нуни денедери.

Дю.

Люди стоят,
Из людей дым идет.

Чум (юрта).

Ушкэттук деритмар,
Ушкэттук якутмар.

Дылача.

Всех светлее,
Всех жарче.

Солнце.

¹ И. М. Колесникова, Происхождение жанра народной загадки, Рукопись, стр. 44. Работа была защищена как кандидатская диссертация в 1943 г. в ЛГУ.

ЗАГАДКИ БАУНТОВСКИХ ЭВЕНКОВ

1. Человек и части человеческого тела

1. Урэ додун кинисал оң-кодёро.

Итал.

2. Амуткан мурэлини эла-кил дочадяра.

Итал.

3. Чалбук додун мурии кеңадерэи.

Ини.

4. Чалбукту моты гирку-диран.

Ини.

5. Чалбук чагидии улама адирга кеңадерэи.

Ини.

6. Дюдуви уникэчэи биде-рэн.

Ини.

7. Умун илэкэи тэриндун дюр бугул эремэтчэрэ.

Сер.

8. Умун урэкэчэнду тып-тамаһил унта.

Сер.

9. Дюр бэе куниматчэрэ, сагдандалавэр эдиңэтыи ба-калдыра.

Сер.

10. Дюр амуткар дулиндут-тын кирагичан.

Оуокто.

11. Дюр амуткар чукачил эрэгэмэ индерэ. Дулиндутын урэкэчэн.

Оуокто.

12. Дюр амуткарду чукал балдычал.

Саримитал.

13. Умун урэкэчэн дюр тэриндун амуткар дюр.

Эсал.

14. Дюр качикар мугдэ-кэнду уючадерэ.

Эсал.

1. Внутри горы ошцы па-сутся.

Зубы.

2. Вокруг озерка куропат-ки сидят.

Зубы.

3. В березняке конь ржет.

Язык.

4. В березняке дось ходит.

Язык.

5. За березняком красный жеребец ржет.

Язык.

6. В своем доме мышь жи-вет.

Язык.

7. На одной лысой горе два изюбра перекликаются.

Уши.

8. На одной сопке стоп-танные унты.

Уши.

9. Два человека подают друг другу голос, до старости не встретятся.

Уши.

10. Посреди двух озер-ков — горюшка.

Нос.

11. Два озерка с травками вечно живут. Посреди них горюшка.

Нос.

12. В двух озерах травы выросли.

Ресницы.

13. С обеих сторон одной сопки два озерка.

Глаза.

14. Два щенка у пня при-вязаны.

Глаза.

15. Курбуми, курбуми —
дөрүрө ээки.

Эса.

16. Умун омологичан дюр
акичи, дулугувэ ээки бакал-
дыра.

Ичхи.

17. Дян омологичар дюкал-
вэ угадыра.

Умукчэр.

18. Тунца асал умун дюду
бидевкил.

Умукчэр.

19. Тунца бэе дюкалвэ на-
лэлдирэ.

Осинтал.

20. Кэвэсалду багдамал
бөөл курбудевкил.

Осинтал.

21. Си-кэна, би-кэна.

Алгак.

22. Дюр гивчэр гукчан-
матчара.

Алгар.

23. Дюр бөөл туксандяра,
авгу-вал ээкил нёра.

Алгар.

24. Тэпуми, сот нэлэвки.

Ииникен.

25. Умун бэе кердэдэрэн
долбо, тырга.

Меван.

26. Умун бэе актыраду-нун
бидевки, тэгэвэ сот бэлэдевки,
адевки юдэви, алатчэвки юдэ-
ви, юдицэн-дэ — юрэ.

Меван.

27. Экун бөөду окмат-вал
экукэкун бивики?

Савса.

28. Дюр бөөл бинэ ачал
угигэтми умун бөөвэ, эдицэл
окмат-вал угдэ.

Дюр чалал гудэга.

29. Экун бөөду тамуратмар
бисид?

Дал.

15. Шевелится, шеве-
лится — не устает.

Глаз.

16. Один мальчик с двумя
братьями среднего встретить
не может.

Локоть.

17. Десять мальчиков
лыдинки несут.

Пальцы.

18. Пять женщины в одной
курте живут.

Пальцы.

19. Пять человек лыдинами
тащат.

Ногти.

20. В степях белые люди
шевелиются.

Ногти.

21. То я, то ты.

Нога.

22. Две козы соревнуются
в беге.

Ноги.

23. Два человека бегут
взапуски, ни один не обго-
няет.

Ноги.

24. Ударить — сильно бо-
лит.

Колениная чашечка.

25. Один человек играет
на музыкальном инструменте
день и ночь.

Сердце.

26. Один человек живет
лишь в темноте, народу очень
помогает, не может выйти,
ожидает, чтобы выйти, а вый-
дет — уйдет.

Сердце.

27. Что у человека по-
стоянно бывает горячим?

Кровь.

28. Два человека не на-
сытят третьего человека, ни-
когда не смогут насытить.

Две руки, желудок.

29. Что дороже всего у че-
ловека?

Ум.

30. Экуи уикаттук усат-марит бөөдү бивки?

Көчкө.

30. Что хуже всего бывает у человека?

Бахвальство.

2. Жилище и предметы домашнего обихода

31. Бөөл илитчара. Бөөл-дук нуни үнөдөрөн.

Дю.

32. Көвөрдү таксэл иодувчал.

Гүлө.

33. Дюр илитчара, дюр укладерэ. Умун, өгөдөнэ, гиркудиран, остави адерэн.

Уржа, култур.

34. Дюр атыркэр танчэ-матчэрэ.

Уржа дываңкилин.

35. Дыгин сечил, дюр ури-чил.

Тыру.

36. Тырга демуливки, долбо угивки.

Улада.

37. Бээткэр тэгэтмал-нуи тэгэтчэрэ.

Намал.

38. Умун дюду үие-вэл унэй, того дегдәдерэн.

Лампа.

39. Умун дюду кетекәкун тәгә гиркудявки. Гиркудявки, гиркудявки — манавувки.

Спички.

40. Эрэгэр улапкун бивки.

Калам.

41. Умун аси эрэгэр дойви гәләдевки.

Калам.

42. Дюр бәе дюр амут дяп-калдутын тәпкәдерә, бакал-дыданәр адерә.

Калам сенкарин.

43. Дюр атыркэр танчэ-матчэрэ, авгу-вал әвкил та-нилдирә.

Калам арбизуиду.

44. Умун бәе эрэгәмә тәп-кәдерән.

Кирги.

31. Люди стоят. Из людей дым идет.

Юрта.

32. По степи чашки раз-бросаны.

Дома.

33. Двое стоят, двое ле-жат. Один, напевая, ходит, отойти не может.

Двери с колодами.

34. Один старик к себе тянет, а другой — к себе.

Ручки дверей.

35. Четыре уха, два брюха.

Подушка.

36. Днем бывает голодное, ночью сытое.

Одеяло.

37. Мальчики сидят да си-дят.

Вьюки.

38. В одном доме нет ни-кого, огонь горит.

Лампа.

39. В одном доме много народу ходит. Ходит, ходит и исчезает.

Спички.

40. Вечно бывает мокрый.

Гершок.

41. Одна женщина все время есть просит.

Котел.

42. Два человека по обеим сторонам озера кричат, встре-титься не могут.

Ушки у котла.

43. Две старухи друг друга тянут, ни одна из них не перетянет.

Ведра на кормышке.

44. Один человек беспре-рывно кричит.

Колокольчик.

45. Кимэс, кимэс, коңнос,
коңнос, дьапкалдулин того
дегдэлилдэн.

Морштыр.

46. Дюр асаткар, дьугара-
кин—аваливкил, тугэрэкин—
инэчэливкил.

Туфля.

47. Эрэгэр асааду балет-
чэвкн.

Ага.

48. Мэнин сэлэмэ, иргин
чиваача.

Има.

49. Уникучэн уктыдерэн,
силукталыи ирудяна.

Има.

50. Ындукан орондини
илитчаран.

Има.

51. Энэке тэгэтчэвкн, уп-
каткан саңаричи.

Уилкантун, уилантун.

52. Атыркан, этыркан
умуе чуңурэчил.

Кант.

53. Уникучэн саңардукви
юсинчэдерэн.

Тачи тапчиладидерэн.

54. Умун аси илитчаран,
нуңан мурэлини нјамади элэке
асаткарини илитчара.

Шаль.

55. Агикакундули миннуи
гиркуктадячан.

Уита.

45. Белое, белое, черное,
черное, по краям огонь заго-
рается.

Орнамент на унтах.

46. Две девочки, как лето
наступит, начинают работать,
как зима наступит—отды-
хают.

Туфля.

47. Всегда помогает жен-
щинам.

Коробка, где лежат илы и нитки.

48. Сама железная, хвост
сплетенный из жилы.

Игла.

49. Бежит мышь, тащит
свои кишки.

Игла.

50. Сухое дерево верши-
ной стоит.

Игла.

51. Сидит бабушка вся в
дырках.

Наперсток.

52. Старуха и старик с од-
ним пулом.

Ножницы.

53. Мышь из норки выгля-
дывает.

Пуговка в петле.

54. Одна женщина стоит,
а вокруг нее больше сотни
девочек стоят.

Шаль.

55. По всей тайге со мной
похаживает.

Унт.

3. Орудия труда и промысла

56. Нэлэе унэй, упкаттук
нэличитмэр.

Нюр.

57. Энэ нидерэ, бэедук бу-
кутмэр.

Пэктырэкуи.

58. Ындукан саңаричи.

Пэктырэкуи.

56. Без страха, но всех
страшнее.

Стрела.

57. Не живет, но человека
сильнее.

Ружье.

58. Жердинка с дыркой.

Ружье.

59. Минэми, минэми — сөксөсө увэй, цэнэми, цэнэми — удая увэй.

Ойкочо.

60. Бирали мо эендерэн, мо оёдун дёло.

Бэе, дая.

61. Умун атырикэн, му эргидалин гиркудяна, алапчулэ орорво даяадяран.

Адыл.

62. Дылин мома, мэнин ороктомо, алгарин дёломол.

Адыл, гунчивун.

63. Умун амуткандук ге амуткандула такалавун бидерэн.

Арбивун.

64. Тар экур, — асал тэгэтчэрэ амутканмэ мурэли?

Чутун.

65. Омогичаа хэунидяран, асаткан игдыдьяран.

Кадур, грабли.

66. Атырикэн чаарэ.

Гулявун.

59. Режу, режу — крови нету; еду, еду — следа нету.

Лодка.

60. По реке дерево плывет, на дереве — камень.

Лодка, человек.

61. Один старик под водою ходит, сладких оленей ловит.

Сети.

62. Голова деревянная, сам соломенный, ноги каменные.

Сеть, невод.

63. От одного озера до другого озера мост имеется.

Коромысло.

64. То что будет — женщины вокруг озера сидят? Скребок для выделки кожи.

65. Мальчик подрубают, девочка расчесывает.

Коса и грабли.

66. Старуха раскалена и красна от огня.

Виток для сбора ягод.

4. Природа и явления природы

67. Эгдымэмэ авун. Долборокян, тапчичи овки.

Няун, осиктал.

68. Ирэксэкэвун уклёдерэн, саңаркакучи.

Осиктал.

69. Умукэн тэкэрэми, букулин-нун дюсэньэки.

Осиктал.

70. Надан бээл гиркудянкил умун утэчил.

Эгдэсэл.

71. Того додун бэе илитчаран.

Бега.

72. Упкаттук цэритмэр, упкаттук экутмэр.

Дылача.

67. Большая шапка. Когда ночь настанет, с пуговицами становится.

Небо, звезды.

68. Шкура лежит большая, вся в дырочках.

Звезды.

69. Палатка вся порвана, сверкает.

Звезды.

70. Семь мужчин похаживают с одним сыном.

Созвездие

Большая Медведица.

71. Внутри огня человек стоит.

Месiac.

72. Всех светлее, всех жарче.

Солнце.

73. Эма-ка мурын упкат-
тук дэгитмэрит уктыденки?

Эдмн.

74. Этыркэн, туксакта-
дына, сот эридевки.

Агды.

75. Атырикандук мисов-
кил, тардат увэй овкил.

Дусман.

76. Умун бирава барги-
скаки того нулдираэн.

Сарты.

77. Эсин индэрэ. Гирку-
даран, соңодёно, тэпкеденэ.

Туксу.

78. Яркола тыкчөл, увэй
овкил.

Тыгда.

79. Багдама асаткан агили
гиркудячан, ключёвэ сокорчо.
Бега ичэчэн — эчэн силбара,
дылача ичэчэн — силбачан.

Силэкэс.

80. Умун багдама улдэн
упкат дундэвэ купуран.

Имаада.

81. Багдама улда упкат
дундэвэ далча.

Имаада.

82. Умукэн этыркэчэн
багдама алуци.

Мугджэчэнду сиңалтөн.

83. Энэ индэрэ, гиркудянки
эрэгэмэ.

Му.

84. Экукэкун тырганидун
упкаттук алатмэр.

Му.

85. Эгдыкэкун кулин дё-
лоло угактадявки, эвки ма-
наада.

Бира.

86. Эгдыкэкун кулин, му-
дана увэй.

Бира.

87. Иду бира туротчэвки?
Орааду.

88. Этыркэкур эрэгэр би-
раду бидевкил, муевэ кумлэ-
денэл.

Вурил.

73. Какой же конь всех
быстрее бегаёт?

Ветер.

74. Старик, бегая, сильно
ревет.

Гром.

75. От старушки убегают,
тотчас же исчезают.

Молнии.

76. На ту сторону реки
дым от огня перекинулся.

Радуга.

77. Не живет. Ходит, пла-
чет, кричит.

Туча.

78. На землю упали, ис-
чезли.

Дождь.

79. Белая девочка по тайге-
шла, ключ потеряла. Месяц
увидел — не сказал, солнце
увидело — рассказало.

Роса.

80. Одно белое одеяло всю
землю покрыло.

Снег.

81. Белое одеяло всю зем-
лю покрыло.

Снег.

82. Один старичок в бе-
лой шапке.

Снег на полях.

83. Не живет, а беспре-
рывно ходит.

Вода.

84. В жаркий день самой
сладкой бывает.

Вода.

85. Большущая змея камни
таскает, не переставая.

Река.

86. Большущая змея без
конца.

Река.

87. Где река разговаривает?
На перекатах.

88. Старики вечно в воде
находятся, да с водой обни-
маются.

Острова.

59. Минэми, минэми — сак-
сэе увай, үзэми, үзэми —
удля увай.

Ошочо.

60. Бирали мо эендерэн,
мо обдун дёло.

Бөө, дая.

61. Умун атырикэн, му эр-
гидэлин гиркудяна, алап-
чулэ орорво дивадяран.

Адыл.

62. Дылин мома, мэнин
ороктомо, алгарин дёломол.

Адыл, гунчивун.

63. Умун амуткандук ге
амуткандула такалавун биде-
рэн.

Арбивун.

64. Тар экур, — асал тэгэт-
чэрэ амутканмэ мурэли?

Чучун.

65. Омогичан хэнидияран,
асаткан игдыдяран.

Какур, грабли.

66. Атырикэн чаарэ.

Гуляун.

59. Режу, режу — кропи
нету; еду, еду — следа нету.

Лодка.

60. По реке дерево плы-
вет, на дереве — камень.

Лодка, человек.

61. Один старик под во-
дою ходит, сладких оленей
ловит.

Сети.

62. Голова деревянная,
сам соломенный, ноги камен-
ные.

Сеть, невод.

63. От одного озера до
другого озера мост имеется.

Коромысло.

64. То что будет — жен-
щины вокруг озера сидят?

Сарабок для выделки кожи.

65. Мальчик подрубают,
девочка расчесывает.

Коса и грабли.

66. Старуха раскалена и
красна от огня.

Виток для сбора ягод.

4. Природа и явления природы

67. Эгдымэмэ авун. Дол-
борокин, талчичи овки.

Няня, осиктал.

68. Ирэксэкекун уклёде-
рэн, саңаркакучи.

Осиктал.

69. Умукэн тэкэрэми, бу-
кулин-ун дүсэниэки.

Осиктал.

70. Надан бөөл гиркудя-
кил умун утэчил.

Эгэсэя.

71. Того додун бөө илит-
чаран.

Бөгэ.

72. Упкаттук үрритмэр,
упкаттук экутмэр.

Дылача.

67. Большая шапка. Когда
ночь настанет, с пуговицами
становится.

Небо, звезды.

68. Шкура лежит большая,
вся в дырочках.

Звезды.

69. Палатка вся порвана,
сверкает.

Звезды.

70. Семь мужчин похажи-
вают с одним сыном.

Созвездие

Большая Медведица.

71. Вкутри огня человек
стоит.

Месня.

72. Всех светлее, всех
жарче.

Солнце.

73. Эма-ка мурин упкату-
тук дэгитмэрит уктыденки?

Эдм.

74. Этыркэн, туксакта-
дяна, сот эридевки.

Агды.

75. Атырикандук мисов-
кил, тардат увэй овкил.

Дусанал.

76. Умун бирана барги-
скаки того нулидирэн.

Серун.

77. Эсин нидерэ. Гирку-
даран, соңодёно, тепкеденэ.

Туксу.

78. Яркола тыкчэл, увэй
овкил.

Тыгла.

79. Багдама асаткан агили
гиркудячан, ключиэ сокорчо.
Вега ичэчэн — эчэн силбара,
дылача ичэчэн — силбачан.

Салыко.

80. Умун багдама улдэн
упкат дундэвэ куцуран.

Иманда.

81. Багдама улда упкат
дундэвэ далча.

Иманда.

82. Умукэн этыркэчэн
багдама авучи.

Мугдыкчэнду сиңилгөн.

83. Эне нидерэ, гиркудявки
эргэмэ.

Му.

84. Экукэкуп тыргандун
упкату алатмэр.

Му.

85. Эгдыкэкуп кулин дё-
лоло угактадявки, эвки ма-
нава.

Вира.

86. Эгдыкэкуп кулин, му-
дана увэй.

Вира.

87. Иду бира турэтчэвки?

Оралду.

88. Этыркэкур эргэр би-
раду бидевкил, муевэ кумла-
денэл.

Вурял.

73. Какой же конь всех
быстрее бежит?

Ветер.

74. Старик, бегая, сильно
ревет.

Гром.

75. От старушки убегают,
тотчас же исчезают.

Молнии.

76. На ту сторону реки
дым от огня перекинулся.

Радуга.

77. Не живет. Ходит, пла-
чет, кричит.

Туча.

78. На землю упали, ис-
чезли.

Дождь.

79. Белая девочка по тайге
шла, ключ потеряла. Месяц
увидел — не сказал, солнце
увидело — рассказало.

Роса.

80. Одно белое одеяло всю
землю покрыло.

Снег.

81. Белое одеяло всю зем-
лю покрыло.

Снег.

82. Один старичок в бе-
лой шапке.

Снег на полях.

83. Не живет, а беспре-
рывно ходит.

Вода.

84. В жаркий день самой
сладкой бывает.

Вода.

85. Большущая змея камни
таскает, не переставая.

Река.

86. Большущая змея без
конца.

Река.

87. Где река разговаривает?

На перекате.

88. Старики вечно в воде
находятся, да с водой обни-
маются.

Острова.

89. Көмөрдү калар нодувчал.

Чакчакер.

90. Эгдыкэкуи бөөкэкуи укладыки, — окмат-вал эйки илда.

Ура.

91. Умун бөө, үөнэдэнэ, эркэуимэ бурича.

Окто.

92. Умун усикан бидерэн. Умун орондукии ге орондулан бөө эсан эдиңэн ичэрэ.

Окто.

93. Кадар додун тэгэ гиркудяран.

Того.

94. Дагалли дагалдиңат, дивара эдиңэт.

Того.

95. Сурудерэкии, мучура эйки, эмедерэкии, эдиңэн учэврэ.

Того иланян.

96. Атырикаткан илмалча, няңиятки тургалдыран.

Саягян.

97. Умун мукчөкө илан илмади нюңундяр тунча умуктачи.

Алчаны.

98. Энэ йндерэ, упкат тэгэвэ доңотодиңэн.

Туганы.

99. Коңномо орон эмэрэкии, упкат бөөл буңнэрэ, багдама орон эмэрэкии, упкат бөөл аруңнара.

Долбо, тырга.

100. Увэнт қалэе, увэнт сукэе джэ овча.

Умук.

101. Тар экуи, — калан агиду эрэгэр уюдевки.

Иринэк.

89. По степи котлы разбросаны.

Кочки.

90. Огромный человек лежит, никогда не встает.

Гора.

91. Один человек шел, зверяку потерял.

Дорога.

92. Есть один повод. С одного конца до другого глаз человека не охватит.

Дорога.

93. Внутри скалы народ ходит.

Огонь.

94. Подойти — подойдем, схватить не сможем.

Огонь.

95. Если уходит, обратно не возвращается, если подходит, видна не бывает.

Искра.

96. Старушка вскочила и в небо уперлась.

Дым.

97. Одна куча с 365 яйцами.

Год.

98. Не живет, а весь народ заморозит.

Зима.

99. Когда черный олень приходит, все люди умирают, когда белый олень приходит, все люди оживают.

День, ночь.

100. Без рук, без топора построена юрта.

Гнездо.

101. То что это такое, — котел в тайге беспрерывно кипит.

Муравейник.

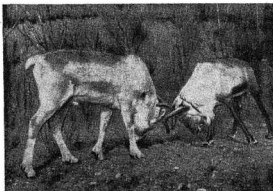
5. Животный и растительный мир

102. Эгдыкэкуи, коңномо-кокуи, бөедук букутмэр.

Ама.

102. Очень большой, совсем черный, сильнее человека.

Медведь.

Буки-олени.

103. Иду-дэ улэкиитчэвки,
эрэгэр сокатчэвки.

Сулакн.

104. Агиду дёроковки эрэ-
гэр.

Дантаки.

105. Агили кэтэкэкуи дё-
лол уктыдэрэ.

Орор.

106. Умун бэе дьоганиду
дакулавки, тугэниду рубашка-
лавки.

Орон нэли.

107. Ирэктэки гарачи.

Буки нэли.

108. Гиркудавни, гирку-
давни, митту туретте эки.

Укур.

109. Дюлэдун — гида, ду-
линдун — орокто, амардун —
сикивун.

Укур.

110. Ньюн алгачи, дюр
дылчи, умун иргичи.

Бэе мурицадэрон.

103. Везде обманывает,
вечно хвастает.

Лисица.

104. В тайге вечно ворует.
Росомаха.

105. По тайге много кам-
ней перекатывается.

Олени.

106. Один человек летом
бывает в дохе, зимой в ру-
башке.

Рога оленя.

107. Лиственничка с вет-
ками.

Рога лося.

108. Ходит, ходит, нам
ничего не говорит.

Корова.

109. Впереди — острога, по-
средине — сено, сзади — метла.

Корова.

110. С шестью ногами, с
двумя головами, с одним хвостом.

Человек едет верхом на коне.

111. Дюр коңномол качи-
кар гукчанматчэра, гукчан-
матчэра, аягутын-мал ээки
сунтыра.

Турсаки коңнолия сэрду.

112. Умун бэе тэпкэдечэн
гугдаду ирэктаду, ииничиви
дигириделэн.

Куку.

113. Сот туратчэвки, дюр
увэй.

Куку.

114. Бэе сукэтки аңиде-
рэн эрэгэмэ.

Кылакты чэукидарэн.

115. Уликэткэр бэеткэр
дюзэкунмэ очал.

Ирэктал.

116. Вираду бидевки, дун-
даду бидевки.

Джукун.

117. Куликан му додун
бидерэн.

Олодо.

118. Эгдылдевки, эгдыл-
девки, курбуре ээки.

Мо.

119. Тугэрэкини, багдамал-
ди аялавки; дюгаракини, коң-
номолди аялавки.

Мугдыкан.

120. Орон илитчаран ня-
мади лочокочи.

Чалбан.

121. Моду балдыдявки,
бэел аявки.

Сэга.

122. Тугэрэкини, куполавки;
дюгаракини, кайдаклавки.

Ирэкты.

123. Умукэн омологичан
ярко долии үнэчэн, улама
ауунма бакачан.

Дэгилаукты.

124. Умун мурии нямади
эмэгэчи.

Капуста.

111. Два черных щенка
бегут, бегут взапуски, никто
из них не отстаёт.

Черные пятна на ушах зайца.

112. Один человек кричал
на высокой сосне, пока язык
не отнялся.

Кукушка.

113. Много говорит, а без-
домная.

Кукушка.

114. Человек рубит своим
топором беспрерывно.

Дятел клювом стучит.

115. Очень маленькие
мальчики домище сме-
старили.

Муравьи.

116. В реке живет, на зе-
мле живет.

Выдра.

117. Червяк в воде живет.

Рыба.

118. Увеличивается, уве-
личивается, не приходит в
движение.

Дерево.

119. Когда зима настает,
белую шапку надевает; когда
лето настает, черную наде-
вает.

Пень.

120. Стоит олень с сотнями
седел.

Береза.

121. Растет на дереве,
люди любят.

Нарост на березе (чага).

122. Зимой — в шубе, ле-
том — в одежде без меха.

Листопадница.

123. Один мальчик под
землей шёл, красную шапку
нашёл.

Гриб.

124. Один конь с сотнями
седел.

Капуста.

6. Новые загадки

125. Энэ бэе бисин, бэенун
улгучэмэтчэрэн.

Книга.

126. Дюр алгачи, ген эг-
дытмар, ген улитмар, алгари
дулиндуты дилин, алгари
орондэвкил.

Часы.

127. Инние увэй, оюкто
увэй, — туретчики.

Радио.

128. Амҗая увэй, упкаттук
аятмарит эгэви.

Патефон.

129. Энэ онёдэно, бэенэ
ичэвкэндэрэн.

Фотограф.

130. Тэцувкил — эвки со-
форо, упкаттук аятмарит чоп-
корувки.

Пэкса.

131. Тар экун, — окто ярко
додун бисин?

Метро.

132. Дюр мурир энэл де-
шилдерэ, сот уктыдевкил.

Коньки.

133. Энэ индере, гиркувки,
тэпкэвки, пактырувки.

Танк.

134. Наңыяли чивман да-
гиктэдевки.

Самолет.

125. Не человек, а с чело-
веком разговаривает.

Книга.

126. С двумя ногами, одна
побольше, другая поменьше,
посреди голова, ноги вер-
тятся.

Часы.

127. Нет языка, нет носа —
разговаривает.

Радио.

128. Рта нет, но поет
лучше всех.

Патефон.

129. Не рисуя, человека
показывает.

Фотограф.

130. Бьют — не плачет,
прыгает лучше всех.

Мач.

131. То что это такое, —
дорога под землю находится?

Метро.

132. Два коня не едят, но
быстро бегают.

Коньки.

133. Не живет, ходит, кри-
чит, стреляет.

Танк.

134. По небу птичка ле-
тает.

Самолет.

ЗАГАДКИ ВАРГУЗИНСКИХ И КУРУМКАНСКИХ ЭВЕНКОВ

1. Акинан некунан мэн-
дэлэ эвкил ичалдырэ.

Эха.

2. Дюр туксакил урулды-
длра, авгун-мал эхин нэдлра.

Эхал.

3. Кунтыкэчан обдун олот
бидерэн.

Сен.

1. Старший брат с млад-
шим друг друга увидеть не
могут.

Глаза.

2. Вегут два зайца враз,
но никто не может обогнать.

Глаза.

3. На горке олочи (обувь)
находятся.

Ухо.

4. Джукан додун дюкакан,
дюкакан додун куңакан.

Ишпи.

5. Атыркачан силукталви
ирудяран.

Илма.

6. Уникучен силукталви
ирудяран.

Илма.

7. Атыркачан хукитэн
бэрчими.

Инянтуи.

8. Бэе, халгана увай, ңалэе
увай, платьеэ тэтчэрэн.

Тыру.

9. Ламу дулиндун того
дегдэдэрэн.

Самовар.

10. Дюр бинэл, умун бу-
хэт бухэлэчэдэрэ.

Гатахур.

11. Орочэр симули кулги-
дэрэ.

Сауяни.

12. Экуи упкаттук дыгэ-
ритмэрит туксадыран?

Спутник.

13. Экуи упкаттук буку-
читмэр?

Электричество.

14. Эчэ бэе бисни, упкат-
тули сарэн.

Газета.

15. Эма мурии хороктой
увай бидеңэ?

Трактор.

4. Внутри юрты юртенка,
внутри юртенки мальчонка.

Ямы.

5. Старушка таңцит кишки.

Игла.

6. Мышь таңцит кишки.

Игла.

7. У старушки живот ше-
роховат.

Наперсток.

8. Человек, без ног, без рук,
платье надевает.

Подушка.

9. Посредние моря огонь
горит.

Самовар.

10. Находясь вдвоем, од-
ним кушаком подпоясыва-
ются.

Колья.

11. Орочены бесшумно ко-
чуют.

Дым.

12. Кто быстрее всех бе-
жит?

Спутник.

13. Что сильнее всех?

Электричество.

14. Не человек, а обо всем
знает.

Газета.

15. Какой конь без сена
может жить?

Трактор.

ЗАГАДКИ ЕРВОГАЧЕНСКИХ ЭВЕНКОВ

1. Чалбукту моты гирку-
дыран.

Чоли.

2. Бээл амутканма баргим-
нак ңиндукарди иктуматчэрэ.

Саримиктал.

3. Илан бээл гукчандяра,
гунденэл: би хуптыдам, би ху-
птыдам, ңи-дэ эвки хуптывра.

Хуссияла, ховгура.

1. В березняке лось ходит.

Ямы.

2. Мужики на противо-
положных берегах озера жер-
дями бьются.

Ресницы.

3. Три человека бегут, го-
воря: я обгону, я обгону,
никто не обгоняет.

Лыжи и палка.

4. Умун бәе, илитчана, җа-
ләе, халгана ачин бина, бәе
дывакки.

Адыл.

5. Умукан моты илитча-
ран, олдони упкачин пакты-
рунча.

Чурбугар.

6. Умукан атыркачан хал-
гарни хэмкәкнәнин җәнәкки.

Казера.

7. Тунца бәел умутал дү-
чил.

Кокалло.

8. Умун бәе җәнәденә ма-
вутни бурича.

Хокто.

9. Умун атыркәчан багдама
авучи.

Мугдәкәчәнду хиңилгәи.

10. Коңномо мачалә эмә-
рәкин, бәел упкат буңнәре;
багдама мачалә эмәрәкин,
бәел упкат аруңнара.

Долбона, тыргани.

4. Один человек стоит без
рук, без ног и людей ловит.
Сеть.

5. Один лось стоит, его
бок весь прострелен.

Поляница.

6. Одна старушка до мо-
золей ходит.

Кожемялка.

7. У пяти мужиков по од-
ному чуму.

Перчатка.

8. Один человек шел и
аркан потерял.

Дорога.

9. Один старичок с белой
шапкой.

Снег на пензля.

10. Когда черная корова
придет, люди умирают; когда
белая корова придет, люди
оживают.

Ночь, день.

ЗАГАДКИ СЫМСКИХ (ТУРУХАНСКИХ) ЭВЕНКОВ

1. Тавар әкун,— гарпарая?

Эша.

2. Тар әкун,— аилун?

Дяли.

3. Тар әкур,— токил төвәй-
дерә?

Сер.

4. Тар әкун,— амутканду
хишукәр?

Иткәл.

5. Тар әкун,— бәе шәбдәи-
дрә иниктәдерән?

Нюриктал.

6. Тар әкун,— атырикан
шаңнянмутчаран?

Олдрәкун.

7. Тар әкур,— атырикар-
турәчимәтчәрә?

Култыр.

1. То что,— выстрелило?

Глаз.

2. То что,— промышлен-
ник?

Ум.

3. То что,— лоси пасутся?

Уши.

4. То что,— на озерке
камни?

Зубы.

5. То что,— мужик соболя
тащит?

Волосы.

6. То что,— старушка ды-
мит?

Таган.

7. То что,— старушки до-
говариваются?

Порог.

8. Тар экур,—бөөл дыл-
матчэрэ?

Шона.

9. Би-кэн биктэ, си-кэн
бикэл.

Кылаа.

10. Тар экур,—нэниривэ
ширикээн давдытчаран?

Бери.

11. Тар экур,—ачин үэли-
нээ, үэлиэчитмэр?

Луки.

12. Тар экур,—мугдэкэ-
чэиду бөөл хэкиндэрэ?

Тамтыкт.

13. Тар экур,—бөө дүкэвэ
иниктэдэрэн?

Нэвэки.

14. Тар экур,—ашал төгөт-
чэрэ амутканмэ мурэли?

Чучун.

15. Тар экур,—деңнялдуи?

Муидрукан.

16. Тар экур,—такин хэр-
гидун энуучэ?

Улуки улян.

8. То что,—мужики голо-
вами опираются?

Связка жердей от чума.

9. То я буду, то ты будь.

Лыжи.

10. То что,—прутик тол-
стое дерево поборол?

Лук.

11. То что,—сама без стра-
ха, но страшна?

Стрела.

12. То что,—на пеньке
мужики топчатыся?

Наковальня.

13. То что,—мужик льди-
ну тащит?

Пашня.

14. То что,—женщины во-
круг озера сидят?

Круглый скребок.

15. То что,—с приподня-
тым затылком?

Защ.

1. То что,—под колодой
растоплено?

След бели.

ЗАГАДКИ, ЗАПИСАННЫЕ В ЭВЕНКИЙСКОМ НАЦ. ОКРУТЕ

1. Дян бөөл дүкэллэ ува-
дыра. Экур тарэ?

Осинтал.

2. Дюр бөөл үнэдэрэ, үи-
да эчэн сунтыдэрэ.

Халгар.

3. Умун гундерэн, дюр
ичэтчэрэ, дюр долчатчара.
Экур тар?

Амца, эсэл, сер.

4. Нярутканмэ мурэли
бөөл илитчара, иктумэтчэнэл.

Саримиктал.

5. Экур үнэдевки веки?

Бира.

6. Удяя ачин — үнэдэрэн.

Бира.

1. Десять мужиков лед
несут. Что это такое?

Ногти на пальцах.

2. Два мужика идут и
друг друга перегибать не мо-
гут.

Ноги.

3. Один говорит, двое
смотрят, двое слушают. Что
такое?

Рот, глаза, уши.

4. Вокруг озера люди
стоят и дерутся.

Ресницы.

5. Что ходит век?

Ресна.

6. Идет, а следа нет.

Ресна.

Ветимский колхозник эврик В. Н. Молчанов.

7. Аси үрнэдерөн, улян ачин. Экуи тарэ?

Бирах.

8. Тогоду эңнэрэн дегдэрэ, муду эңнэрэн ээрэ.

Дюка.

9. Экур хучукэтчэрэ?

Мосал.

10. Экуи дегдэдевки, энэ сиврэ.

Дылача.

11. Экуи саянядыран?

Тамнакса.

12. Анҕаниду амака дыгин гэрбичи бисин.

Тугани, нэлкэни, дугани, болоки.

13. Экуи баргидадус үрнэдерэн синиун урэчит?

Тысвуи.

14. Дэгдерэн чинича, догидадун илэл тэгэтчэрэ, мэн-нуунэр улгучэмэтчэнэл.

Экуи тар?

Самолет.

7. Женщина идет, следа нет. Что такое?

Речка.

8. В огне не горит, в воде не тонет.

Лед.

9. Что это качается?

Дерево.

10. Что горит и не тухнет?

Солнца.

11. Что дымит?

Туман.

12. В году у дедушки четыре имени.

Зима, весна, лето, осень.

13. Кто вместе с тобой стороной идет?

Посох.

14. Летит птица, в ней люди сидят и между собой разговаривают.

Что это?

Самолет.

15. Би тырганива эһиэрэв
арэ, би долбонива эһиэрэв
арэ. Тырганива, долбониво
коңкодёров, коңкодёров.

Часы.

16. Чолия ачин бидеңнэ-
рэн, энэ деврэ, эһиэрэн умра,
век гундеңнэрэн, давландеңнэ-
рэн.

Радио.

15. Я день не сплю, я ночь
не сплю. День и ночь стучу,
стучу.

Часы.

16. Нет лямка, не ест, не
пьет, век говорит, поет.

Радио.

ЗАГАДКИ ЯКУТСКИХ ЭВЕНКОВ

1. Чалбук дулиндун ху-
лама мурин кеңадерэн.

Ины.

2. Хутэн дэгиливки, эни-
нин тэшкэливки.

Пэстырэуун, пула.

3. Си-кэнэ, би-кэнэ гун-
мэтчэрил биси.

Халгар.

4. Дян омонгичар дүкэнэ
инидерэ.

Умшичэр.

5. Алаг аядучан бирава
гөдөчэ.

Адыа.

6. Эма хунат сэксэт соңо-
дёрон?

Хороки.

7. Умун бэе окин-да хок-
толи эвки цэнэдэрэ?

Тывуун.

8. Дуннэ додун хэку сө-
лө хуклэдэрэн.

Амакя дюдуйи.

1. Посредине березняка
красная лошадь ржет.

Ямыа.

2. Сын ее летит, мать кри-
чит.

Ружья, пула.

3. То я, то ты договари-
ваешься.

Ноги.

4. Десять мальчиков льдя-
ну тащат.

Пальцы.

5. Пестрая корона реку
перешла.

Сеть.

6. Какая девица плачет
кровью?

Глухарь.

7. Один человек никогда
по дороге не ходит?

Охотничий посох.

8. В земле горячее железо
лежит.

Медведь в своей берлоге.

ЗАГАДКИ САХАЛИНСКИХ ЭВЕНКОВ

1. Дюр иэкунэн мэн мэн-
мэр эхи ичөлдүрө.

Экал.

2. Багдарин бэе ивэдэрэн,
уларин бэе кистадаран.

Икээл, иини.

1. Два брата друг друга
не видят.

Глаза.

2. Белый мужик пихает,
красный рубит.

Зубы, язык.

3. Дян бэе дян дюкава
увадыра.

Охытал.

4. Умун унак оялини но-
дудярен.

Эрикун.

5. Дюр бэе мэккусчэре:
би синэ бокондиңав, би си-
нэвэ бокондиңав?

Кынал.

6. Агиянакинду калан ую-
дерен.

Иринеж дюн.

3. Десять человек десять
льдин несут.

Настя.

4. Одна корона через лоб
бросает.

Лопата.

5. Два мужика спорят:
я тебя догоню, я тебя до-
гоню.

Лыжи.

5. В тайге котел кипит.

Муравейник.

СЧИТАЛКА

Таңивкал (таңивур) — считалки являются одним из малых жанров эвенкийского фольклора. Термин «таңивка» образован от глагола — таң-ми (считать).

В различных районах зарегистрированы одни и те же считалки, или их варианты. Это дает нам право предполагать, что жанр «таңивкал» (считалки) как один из видов детского фольклора эвенков возник в более ранний период. По свидетельству многих сказителей, считалки, как и загадки, были связаны в старину с обрядом посвящения юноши в самостоятельного мужчину¹. В настоящее время считалки бытуют среди детей дошкольного и младшего школьного возраста. Иногда в проведении «считалок» вместе с детьми принимает участие и молодежь. Автору приходилось наблюдать, как в довоенные годы где-нибудь на стойбище пожилые эвенки обучали своих внуков считалкам.

В фольклористике почти ничего не известно о бытовании, композиции и тематике эвенкийских считалок. Считалки, распространенные среди русских детей, бывают связаны с различными играми, чаще всего с игрой в прятки. Эта игра сейчас хорошо известна и эвенкийским детям. Русские считалки отличаются от эвенкийских. Главными условиями в построении русских считалок являются ритм и рифма, поэтому фольклористы русские считалки называют «детскими рифмами». Хотя некоторые русские считалки и представляют набор непонятных для детей слов, но в них обязательно должна быть рифма:

1. Эна, бэна, рон.
Кэонтер, мэнтер, жон.
Эна, бэна, рабо.
Кэонтер, мэнтер, жабо.

¹ См. в разделе «Загадка».

Жаба прыгала, скакала,
Пока в воду не упала.

(Записано в Зейбяйкалы.)

2. Зинки, бэинки, три колеса,
Зинки, бэинки, ба.

(Записано в Ленинграде.)

3. Стакан, лимон,
Выйде вон,
За окошком кувырком.

(Записано в Ленинграде) ¹.

Все эвенкийские считалки построены на аллитерации (повторение одинаковых начальных звуков). Такой прием аллитерации можно сравнить с русской рифмой-потешкой:

А — акула,
Б — букашка,
В — ворона,
Г — глаза.

Участники соревнований в «считалки» в быстром темпе аллитерируют количественные числительные от одного до десяти с каким-либо существительным. К некоторым числам прибавляются только определенные устойчивые слова, например:

умун — умунта (один — яйцо);
дюр — дюркунта (два — пчела);
егия — егичен (девять — окунь).

Иногда к одному числу прибавляются различные слова, например:

лян — лянда (десять — сосна);
лян — лянтаки (десять — росомаха);
лян — дюкун (десять — выдра).

Нередко считалки строятся на аллитерировании количественных числительных с временным оттенком (для счета дней) и глаголах:

егиддэвэ — егиддэчов (девять дней — окуней ловил);
дяддэвэ — дянтакимэчав (десять дней — на росомахами охотился).

В 1946 г. на Витиме автором была записана считалка от сказителя Н. Былинова. В этой считалке аллитерировались не числительные, а наречия места с именами существительными:

чагдадун — чалбаткал (за ним — березка);
эигиддэун — эигэктэ (под ним — трава).

¹ См. об этом подробно в работах: а) О. И. К а п и ц а, Детский фольклор, Ленинград, 1923, б) Г. В и н о г р а д о в, К изучению народных детских игр у бурят, Иркутск, 1920.

Вытуют и считалки, в которых аллитерируются прилагательные с существительными.

багдама — бира (белая — река);
коруомо — конни (черная — овца).

Таким образом, «таңишка» (считалка), построенная на аллитерировании начальных звуков с количественными числительными, постепенно видоизменяется. Кроме количественных числительных, на первом месте теперь могут стоять и наречия, и имена прилагательные.

1. ТЕМАТИКА СЧИТАЛОК

В считалках находит отражение природа и хозяйственная деятельность охотников-оленьеводов. В большинстве считалок не просто подставляются какие-либо слова или фразы, а делается это продуманно, например:

пять дней — за зайцами ходил;
шесть дней — гусей промышлял;
семь дней — кожу выделывал;
восемь дней — берестянки делал.

В считалках встречается много знакомых для ребенка слов, напоминающих ему родную природу, животных и растительный мир, различные наименования пушных зверей, птиц, рыб.

2. ЗНАЧЕНИЕ СЧИТАЛОК

Считалки расширяют кругозор детей и сообщают им знания об окружающем мире, например, в считалках встречается много различных топонимических названий (реки, озера, острова, мыса, болота; вверх по реке, вниз по реке, вверх по склону горы, вниз по берегу реки и т. д.). Считалки служат детям большой забавой и развлечением. Особенно важное значение они имели в прошлом, когда звенки вели кочевой образ жизни и у них не было ни детских яслей, ни детских садов, ни школ, а все звенкийское население было неграмотным. Считалка служила средством развития и упражнения памяти, внимания, она сплачивала детский коллектив на стойбище. При помощи считалок проверялись познания у детей, приезжавших с родителями в гости к представителям другого рода. Считалки воспитывали любовь к своему краю, помогали детям осваивать богатую лексику родного языка.

Многие звенкийские поэты, особенно А. Платонов, исполь-

зовали структуру детской считалки для создания детских аллитерированных стихотворений. Считалки используются теперь в детских дошкольных учреждениях, а также в семьях эвенков.

СКОРОГОВОРКИ

Кроме считалок, эвенкийские дети знают много скороговорок. Если участники «считалок» произносят слова в быстром темпе, подчеркивая аллитерирование, то многие скороговорки выкрикиваются нараспев и каждая из них имеет свою устойчивую мелодию.

Иногда дети произносят скороговорки, соревнуясь между собой, но бывают скороговорки, связанные с каким-нибудь явлением природы. Так, во время дождя дети, сидя в чуме, выкрикивают скороговорку:

Туксугдэм, туксугдэм,
Тургандаран дьрэдэу.
Мосагдым, мосагдым,
Молакычын тыдыкэ.

Туча, туча,
Навстречу рыжему.
Лесовник, лесовник,
К лесу гладкая дорога.

По свидетельству сказителей, эта скороговорка имеет широкое распространение среди детей и была известна еще глубоким старикам в их детские годы. Смысл этой скороговорки таков: детям из-за ненастной погоды надоело сидеть в чуме и дети обращаются к туче, просят ее пойти навстречу радуге. Они просят «лесовника» показать туче гладкую дорогу, чтобы туча ушла и прекратился дождь.

Есть скороговорки, представляющие набор слов, типа русских считалок:

Эна, бэна, рең,
Квантер, монтер, жаң...

Такие скороговорки имеют лишь развлекательный характер и построены они на ритме и рифме¹.

Бэлэ, калэ эгэдикэл,
Малэ, калэ калдикэл.

Образцы считалок

1. Умуи — умукта.
Дюр — джукта.
Илан — прикта.
Дыгин — дылкэчэн.
Туиңа — туксаки.

1. Один — яйцо.
Два — оса.
Три — муравей.
Четыре — муха.
Пять — заяц.

¹ В конце раздела приводятся несколько образцов скороговорок.

Нюун — юрикта.
Надан — нанда.
Дяпкун — дяпканца.
Егин — екэчэн.
Дян — дягда.

Шесть — волос.
Семь — шкура.
Восемь — берег.
Девять — окунь.
Десять — сосна.

1-а. Умун — умукта.
Дюр — дюгэнэк.
Илан — илаки.
Дыгин — дыксигэ.
Тунца — туксана.
Нюун — юркунча.

Надан — насанча.
Дяпкун — дяпканца.
Егин — екэчэн.
Дян — дягда.

2. Умун — умукта.
Дюр — дюгуктэ.
Илан — илагли.
Дыгин — дылкэчэн.
Тунца — туксаки.
Нюун — юриктэ.
Надан — нанна.
Дяпкун — дяв.
Егин — ялука.
Дян — дянтаки.

3. Умукэн — умукты.
Дюр — дюкусэл.
Илан — игэликтэ.
Дыгин — дыксигэ.
Тунца — тукала.
Нюун — юркуе.
Надан — накита.
Дяпкун — дялтуна.
Егин — ёкочан.
Дян — дягдакан.

4. Умукэн — умукки.
Дюр — дюгукта.
Илан — илакса.
Дыгин — дыкэлил.
Тунца — тукалал.

5. Умун — умукта.
Дюр — дю.

1-а. Один — яйцо.
Два — осинное гнездо.
Три — куропатка.
Четыре — засада.
Пять — побежал.
Шесть — упал на четвереньки.
Семь — махал руками.
Восемь — боком.
Девять — окунь.
Десять — сосна.

2. Один — яйцо.
Два — паут (овод).
Три — гусенок.
Четыре — муха.
Пять — зайц.
Шесть — волос.
Семь — шкура.
Восемь — лодка.
Девять — мох.
Десять — росомаха.

3. Один — чайка.
Два — выдры.
Три — смородина.
Четыре — черника.
Пять — глина.
Шесть — сиг.
Семь — медвежья шкура.
Восемь — камень.
Девять — окунь.
Десять — сосенка.

4. Один — летяга.
Два — пчела.
Три — кора.
Четыре — птички-рыбаки.
Пять — глина.

5. Один — яйцо.
Два — чум.

Илан — илакса.
Дэгин — дэгил.
Тунца — тунин.
Нюун — дюкуи.
Надан — нанна.
Дянкуи — девукса.
Егин — дэг.

Дян — дял.

6. Умуи — умукта.
Дюр — дюгукта.
Илан — илмакта.
Дыгин — дылкочон.
Тунца — туксаки.
Нюун — нюнйаки.
Надан — нанна.
Дянкуи — дюкуи.
Егин — екэчэн.
Дян — дягда.

7. Умулдава — умуручав.
Дюлдэвэ — дювуктамат-
чав.
Илалдава — илитчав.
Дыгилдава — дылкэмэтчэв.
Тунцалдава — туксаки-
матчав.
Нюуулдава — нюнйаки-
матчав.
Надалдава — нандачав.

Дянкулдава — дявинчав.

Егилдэвэ — екэмэтчэв.

Дялдэвэ — дянтакимэт-
чэв.

8. Тунцара — туксам.

Нюкура — нюркум.
Надара — наптаргам.

Дянкуи — дяканцавэ.
Егин — екэчэнмэ бакам.

Три — кора.
Четыре — птицы.
Пять — накрыть ладонью.
Шесть — выдра.
Семь — шкура.
Восемь — еда.
Девять — нижняя че-
люсть.
Десять — ум.

6. Один — айцо.
Два — пчела.
Три — молодой.
Четыре — муха.
Пять — заяц.
Шесть — гусь.
Семь — шкура.
Восемь — выдра.
Девять — окунь.
Десять — сосна.

7. Один день — яйца носил
Два дня — ос ловил.

Три дня — стоял.
Четыре дня — мух ловил.
Пять дней — за зайцами
ходил.
Шесть дней — гусей про-
мышлял.
Семь дней — кожу выде-
лывал.
Восемь дней — берестян-
ки делал.
Девять дней — окуней ло-
вил.
Десять дней — за росо-
махами охотился.

8. По пять — бегу.
По шесть — упал на чет-
вереньки.
По семь — вытянулся
плашмя.
Восемь — на боку.
Девять — окуня поймал.

9. Умулдава — умүрчөв.
 Дюлдөвө — дюрүчөв.
 Илалдава — илатчав.
 Дыгилдөвө — дыкэнчөв.
 Туиңалдава — туксачав.
 Нююулдава — нююүтчөв.

Надалдава — надытчөв.
 Дяикулдава — дянкара-
 чав.
 Егилдөвө — екэтычөв.
 Дялдава — дяритчав.

10. Умүлдөвө — умнөм.
 Дюлдөвө — дюрүм.
 Илалдөвө — илачим.

Дыгилдөвө — дыкэнчөм.
 Туиңалдөвө — тукшам.
 Нююүлдөвө — нююркунчам.

Надалдөвө — надычим.
 Дяикулдөвө — дянкарам.

Егилдөвө — ёкотым.
 Дялдөвө — дяричим.

11. Баргиски — бурна ичөм.
 Солоки — солоңгово нам.

Часки — чайна умчав.
 Городо — гулала ичөв.

12. Чагдадун — чалбаткан.
 Эвгидэдун — эвгэктэ.

Эргидун — эрки.
 Амардун — амарги.
 Дюлягдадус — дюгукта.
 Солоки — солоңго.

Оёдун — ороки.

13. Угиски — улуки.
 Эргиски — эрки.

9. Один день — чаек бил.
 Два дня — складывал.
 Три дня — топил.
 Четыре дня — прятался.
 Пять дней — бегал.
 Шесть дней — отпраши-
 вался.
 Семь дней — спорил.
 Восемь дней — по берегу
 бегал.
 Девять дней — окуней ел.
 Десять дней — пел.

10. Один день — выше клал.
 Два дня — рядом.
 Три дня — разжигал ко-
 стер.
 Четыре дня — прятался.
 Пять дней — убежал.
 Шесть дней — упал навз-
 ничь.
 Семь дней — отнекивался.
 Восемь дней — берегом
 шел.
 Девять дней — окуней ел.
 Десять дней — песню под-
 певал.

11. На той стороне реки —
 остров открыл.
 Вверх по реке — колон-
 ка добыл.
 Дальше — чай пил.
 Далеко — в дом вошел.

12. За ним — березка.
 Под ним (по склону) —
 трава.
 Под ним (внизу) — брюки.
 Позади его — стегно мяса.
 Впереди (тебя) — оса.
 Вверх (по течению реки) —
 колонок.
 Вниз (по течению реки) —
 глухарь.

13. Вверх — белка.
 Вниз — брюки.

Амаски — амака.
Дюлэски — диятаки.
Эёки — эсакап.
Солоки — солоуто.

Назад — медведь.
Вперед — росомаха.
Вниз по реке — глазок.
Вверх по реке — колонок.

14. Вагдама — бира.
Коңномо — конни.
Улама — тукала.
Сиңама — торго.
Кимас — килтырэ.
Коңнос — калакачан.

14. Белая — река.
Черная — овца.
Красная — глина.
Желтая — материя.
Беловатый — сухой хлеб.
Черноватый — котелок.

Образцы скороговорок

1. Пурта, пурта,
Куртун, куртун,
Курдявискал, эхэгай.

1. Нож, нож,
Куртун, куртун,
Поиграй на скрипке, эхэгай.

2. Туксугдэн, туксугдэн,
Тургандяран дёрдодун.
Мосагдын, мосагдын,
Молакичин тылдыкэ.

2. Туча, туча,
Навстречу рыжему.
Лесовик, лесовик,
К лесу гладкая дорога.

3. Куренгула, курела
Сөвсәкур минела.
Соңкирэвэ соворды,
Мучуктөвэ муныга.

3. Во двор, во двор
Скачи ко мне.
Трава колючая,
Хвоя зеленая.

Скороговорки, непереводимые на русский язык

1. Сичак, мачак, куикэткэн,
Мачак, сичак давайдэкэн.
2. Баяс, каяс эгэдикэл,
Маяс, каяс, каядикэл.
3. Сучук, мучук, увэй,
Мучук, сучук, эгэй.
4. Кэвэй, кэвэй, кэвэйдэкэн,
Эгэй, эгэй, мейкэйдечэн.
5. Таскан, таскан, тэссидечэн,
Мургун, мургун, эвидечэн.
6. Чулум, чулум, арбас,
Эда-ка си гадяс?

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Гунмэкил (гумэкил) — пословицы и поговорки — это краткие и мудрые изречения, вошедшие в оборот разговорной речи.

Термином «гунмук» («гумук») в эвенкийском языке называются народные приметы. Иногда под термин «гунмук» подводят отдельные идиомы, меткие выражения; например, глупого неряшливого неприспособленного к жизни человека могут назвать «ивулкокун», по имени одного из отрицательных героев сказки Ивуля.

Народные приметы и некоторые поговорки имеют древнее происхождение. Пословицы же в большинстве своем заимствованы эвенками от русских и особенно от якутов. У якутов пословицы широко бытуют, и их зарегистрировано несколько тысяч. Этим и объясняется, что пословицы распространены главным образом в эвенкийских районах, граничащих с Якутской АССР.

Эвенкийские народные пословицы не только не исследованы, но до недавнего времени о них ничего не упоминалось в этнографической литературе. С развитием национальной письменности и литературы бытование эвенкийских пословиц и поговорок начинает приобретать более устойчивый характер. За последние годы несколько раз публиковались тексты народных примет, поговорок и пословиц на эвенкийском языке в окружной газете «Советская Эвенкия».

Незначительные записи текстов эвенкийских пословиц и поговорок не позволяют провести подробной классификации, остановиться на их композиции и художественной форме.

1. НАРОДНЫЕ ПРИМЕТЫ

Больше всего текстов имеется по народным приметам. Они зафиксированы в фольклорных материалах К. М. Рычкова, И. М. Суслова, Н. П. Никульшина, И. И. Суворова.

В течение многих веков у эвенков вырабатывались практические знания природы. Эти знания основывались на наблюдении за солнцем, луной, созвездиями, морями, реками, озерами, животным и растительным миром. Некоторые народные приметы стали поговорками, другие приближаются к ним. Условно приметы можно подразделить на две группы: 1) приметы, основанные на практическом знании природы и 2) приметы, основанные на суеверии.

К первой группе относятся, например, такие: «Сильный весенний ветер помогает таять льду»; «В глубоком снегу никогда не замерзнешь»; «Собачьи шкуры самые теплые»; «Мошки в тесную одежду набирается больше»; «Таймень-самец со своей парой всегда рядом по воде плавает»; «Самое слабое место у медведя — это его лоб»; «Перед дождем комары очень сильно кусаются»; «Когда появляется больше соболя, белка исчезает».

Ко второй группе примет относятся различные изречения, основанные на суевериях, например: «Не клади рядом щуку с осетром, плохо будет: дети умрут»; «Не садись за пустой стол: не будешь богатым»; «Если выпал зуб у человека в ночное время, на стойбище покойник будет» и т. д. В подобных приметах — отголоски мифологии, почитание некоторых животных, страх перед отдельными явлениями природы, неумение объяснить причины болезни человека и домашних животных, страх перед эпидемией в оленьем стаде и т. д.

С подъемом экономики и культуры у эвенков постепенно исчезают приметы, основанные на суеверии. И. И. Суворов, проводивший работу среди кочевого эвенкийского населения, вспоминает о многих приметах-суевериях, в которые еще верили охотники и оленеводы в тридцатых годах. «Но терпеливая разъяснительная работа, — пишет И. И. Суворов, — подкреплённая годами, опытом и фактами, сыграла свою положительную роль. Теперь у эвенков многие суеверия давно уже отмерли, а иные находятся на грани исчезновения»¹.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Пословицы и поговорки эвенков можно сгруппировать следующим образом:

- 1) о труде, трудолюбивых и лентяях;
- 2) о дружбе и коллективизме;
- 3) о подвиге, отваге и трусости;
- 4) о правде и лжи;

¹ И. И. Суворов, Мой опыт собирания эвенкийского фольклора, его использование в школьной практике и в работе с родителями учащихся, сб. «В помощь учителям школ Крайнего Севера», выпуск 6, 1956, Л., стр. 177.

5) о мудрости и глупости;

6) о больших городах, столице нашей Родины — Москве;

7) о борьбе с шаманами;

8) о мире между народами.

Больше всего имеется эвенкийских пословиц и поговорок о труде:

Этэннэ хавалла — этэннэ коло-
бой дэвэра.

Дэвннэ савка бисинннэ, хавалла
эчнэс.

Хава хаваминт ралеттэн.

Не будешь работать — не бу-
дешь хлеб есть.

Есть ты мастер, а работать нет.

Труд работника бонтея.

Эти пословицы и поговорки направлены против лодырей, которые, прикрываясь ниматом (древним обычаем раздачи мяса убитого животного всем жителям стойбища), выступали против распределения продуктов по трудодням.

В настоящее время всюду в эвенкийских колхозах созданы охотничьи, рыболовецкие, оленеводческие бригады, звероводческие и молочно-товарные фермы.

Заслуженной славой пользуются лучшие охотники, оленеводы, рыболовы, звероводы, доярки. О таких людях создана пословица:

Тар ҕча ая бира, ҕи гудей. Тар
ая—ҕи хавату ая.

Не тот хорош, кто красивый, а
тот хорош, кто в работе хороший.

Суровые морозы и метели в тайге, передвижение по тропам верхом на оленях, переправы через бурные реки на лодочках-берестянках, встречи с хищными зверями требовали от людей смекалки, смелости, сморокви и отваги. Эвенки всегда относились с презрением к трусам, и, наоборот, большим уважением в народе пользуется тот человек, который не оставил друга в беде.

Об этом есть такая пословица:

Си акинннэ бисинннэ, би сикэ ала
кэсэду сачча.

Хотя ты и брат мне, но узнал
и тебя лишь в беде.

У трудового эвенкийского народа из поколения в поколение передавалось уважение к честности и правде. У эвенков существовал обычай, по которому применялись различные телесные наказания к тем, кто совершал обман. В фольклорных записях К. М. Рычкова рассказывается, что за обман били прутом. За второй обман этого человека били связкой прутьев и, наконец, за третий обман подвешивали на несколько минут за руки в чуме под дымовым отверстием.

Едкая сатира, направленная против обманщиков, звучит в такой пословице:

Сулака бираду аднуэн бира.
Улак дулаа эчнэн эмерэ.

Лиса в реке жить не будет.
Пусть в мой дом луги не приходит.

В обычной разговорной речи эвенков встречается много устоявшихся, отшлифованных выражений, осуждающих глупцов и болтунов. Осуждаются отсталые, консервативные люди; восхваляются умные, передовые, стремящиеся к культуре, к знаниям. Этой теме посвящены такие поговорки:

Далъя ачин — этэнне иня.

Газетая таучая ая — далъя бакачан.

Ума нет — не проживешь.

Газету прочитал — добрых мыслей набрал.

Исчезновение шаманизма выражено в поговорке:

Шаманна музейду бакадан.

Ищи шамана в музея.

Поговорка:

Баная ачин адирэс бирэ.

Без бани жить не будешь.

также отражает культурные преобразования в тайге за годы советской власти. Известно, что до революции эвенки никогда не мылись в бане. Теперь же «без бани жить не будешь».

Чрезвычайно выразительна в своей лаконичности пословица:

Агидук Москвала умукан ануз-
кит.

От тайги до Москвы одна по-
чекка.

Она убедительно говорит о силе советской авиации и близости столицы нашей Родины Москвы ко всем трудящимся Крайнего Севера.

Как мы уже говорили выше, в связи с незначительными записями текстов пословиц и поговорок трудно еще анализировать их художественную форму. Пословицы и поговорки встречаются и прозаические, и поэтические.

Прозаические, например:

Этэнне кавалла, этэнне коллобой
дере.

Не будешь работать, не будешь
хлеб есть.

Поэтические, например:

Ленинградту бидене, агитэв анал
окуроро.

Живя в Ленинграда, помни тайгу.

Агидук Москвала умукан акучикит.

От тайги до Москвы одна по-
чекка.

Поэтические пословицы и поговорки напоминают стихотворный размер произведений молодых авторов из среды евреев. В пословицах и поговорках встречаются метафоры, сравнения. Для некоторых пословиц и поговорок характерны ритм и рифма:

Гукчанмакит энэлгеду — букит. Сорезиованне для лодыря —
смерть.

В пословицах и поговорках не всегда соблюдаются нормы синтаксических конструкций простых и сложных предложений. В переводной художественной литературе заметно стремление к инверсии слов в простых предложениях. Это также характерно для построения пословиц и поговорок.

Приметы и поговорки, основанные на практическом знании природы

1. Хэгды неңнерды эдын сиңилгәнмә уңиңки.

2. Вәйрәл, дөгил, интын әру оракин, иләдук бәләгәнә гәләкил.

3. Гуниңнәрә, мәдыт медунидадук эсәлвә аңчиңнара. Бәлзәки.

4. Бега мәрүмә оңнаран, туг илана тырганила биңнәрән.

5. Илә тәтыгән тыелин хуниңктал угдусинивкил.

6. Эделин тыгдәллә, чукаг цоливки.

7. Дылача туксулду ичәвулләкин, тәли ая тыргани одаңан.

8. Мудәлләкин бираду, тыгдә этән ора.

9. Җинакин чукава депилләкин, тыгдәлдеңән.

10. Тыматнә, тыгдә эделин ора, тамнакса-да, силәксә ачир биңнәрә.

11. Җинакин чукава девдеки — эделин тыгдәлдә.

12. Кукаки кукавки — кукакар әлбәскәчилдә.

13. Чоно тогово цәләки.

14. Җинакин дянтакива окмат-вәл эдиңән дәвдыра.

15. Со кәтә дәгиниңктал бисиктын, улукникәр бивкил.

16. Җинакир бунивкил — волкал дагадутын.

17. Дюдук саңнан яркола дагамаракин, эдиңән иңилдә.

18. Суңта имандаду окмат-вәл эдиңәс доңоторо.

19. Дәрүксә, имандаду әкәл укләрә. Доңотодиңәс.

1. Сильный весенний ветер помогает таять снегу.

2. Животные и птицы при опасности ищут защиты у человека.

3. Говорят, медом от медуницы глаза лечат. Помогает.

4. Как народится луна полностью, три дня такой бывает.

5. Мошки в тесную одежду набирается больше.

6. Перед дождем травой пахнет.

7. Если солнце в морозе появилось — хороший день будет.

8. Когда вода в реке прибывает — дождя не будет.

9. Собака траву ест — дождь будет.

10. Утром перед дождем росы и тумана не бывает.

11. Собака ест траву перед дождем.

12. Кукушка кукует — дети начинают купаться.

13. Волк огня боится.

14. Собака росомеху никогда не поборет.

15. Если будет много грибов, белки будет больше.

16. Воят собаки — волки близко.

17. Когда дым из чума к земле идет, мороза не будет.

18. В глубоком снегу никогда не замеранешь.

19. Устав, не ложись на снег. Замеранешь.

Мото'йаа шараа Огонт айлаах зунаах
 хинсуга - дага хоёрдугаа: Огонт - хинсугаа зунаах
 ёдх ирхеге? Каш иингэ дүү?
 Мото' араах хинсуга - Огонт хинсугаа зунаах -
 дага хинсуга - суга ага хинсугаа хоёрдугаа - хинсугаа
 улаахуга - ирхеге. Ага: хинсугаа - хинсуга - сугаа
 хинсуга - дугаа хинсугаа - хинсугаа - хинсугаа
 дугаа улаахуга. Араах хинсугаа хинсугаа хинсугаа
 хинсуга - ага - дугаа хинсугаа хинсугаа хинсугаа - дага
 хинсугаа.

Автограф из записей К. М. Рычкова.

20. Үинакиксал упкаттук
няматмар.

20. Собачьи шкуры самые
теплые.

Приметы, основанные на суеверии

1. Пустой столду экэл тэ-
гэра — баян эдэгэс бира.

2. Гулуунду окин-да так-
тыкадыл молва экэл нэре —
орор эсалигын, халгартын
энуидиэгын.

3. Гуткэн тананун умукэн-
ду экэл нэре — эру бидиэгэн,
хутэл сомнидиэгын.

4. Хоктоли нэнэдэнэ, би-
рала дёлокорово экэл ганада-
ра — эру бидиэгэн, хутэл сом-
нидиэгын.

5. Кулима эсикис варэ,
сокоривидиэн — беда одиэн,
окмат-вал амаа эдэгэс ба-
кара.

1. Не садись за пустой
стол — не будешь богатым.

2. Никогда не клади в ко-
стер кедровых дров — будут
болеть у оленей глаза и ноги.

3. Не клади вместе щуку
с осетром — плохо будет, дети
умрут.

4. Идя по дороге, не бро-
сай в реку камушки — плохо
будет, дети умрут.

5. Ежели не убьешь змею
и она исчезнет — беда будет,
никогда медведя не найдешь.

Современные пословицы и поговорки

1. Ленинградту биденэ, аги-
ва экэл омчоро.

1. Живя в Ленинграде,
помни тайгу.

2. Шаманма музейду ба-
кадави.

3. Гукчанмакит энэлгэду—
букит.

4. Агидук Москвала уму-
кэн анжкит.

5. Баня ачин—эдеүс
бирэ.

6. Севергидаду яблокол
балдыдяңатын.

7. Кэз хавалдыңас—ху-
нил аялдыңатын.

8. Эдеүс аят хавалла, эде-
үс аят бэюрэ.

9. Советыл, агила эмәксэл,
эвенкилду кутучивэ эмәврэ.

2. Иңи шамана в музее.

3. Соревнование для ло-
дыря—смерть.

4. От тайги до Москвы
одна ночевка.

5. Без бани и жизни нет.

6. И на Севере будут ябло-
ки расти.

7. Будешь много рабо-
тать—девушки полюбят.

8. Хороший промысел без
труда не бывает.

9. Советы в тайгу пришли
и эвенкам счастье принесли.

Пословицы и поговорки, записанные в Эвенкийском национальном округе

1. Тар эчэ ая бирэ, ңи гу-
дэй. Тар ая—ңи хаваду ая.

2. Этэннэ хавалла—этэннэ
колобоё деврэ.

3. Умун дия ая, идюр дия
аятмар.

4. Девми савка бисинии,
хавалми өчэс.

5. Дялъя ачин—этэннэ
инэ.

6. Экал сот гуиэ чолигви—
халинде хавалкал.

7. Эя дара гундэдэп, упкат
гунмувчэ.

8. Эва сиралэдеми—нэут-
марит гуча бимчэс.

9. Хава хавамнит нэлэттэн.

1. Не тот хорош, кто кра-
сивый, а тот хорош, кто в
работе хороший.

2. Не будешь работать, не
будешь хлеб есть.

3. Одна мысль хороша, а
две лучше.

4. Есть ты мастер, а рабо-
тать нет.

5. Ума нет—не прожи-
вешь.

6. Меньше языком болтай,
удалее работай.

7. Что десять раз говорить,
все уже сказано.

8. К чему было молчать,
лучше бы раньше сказал.

9. Труд труженика боится.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОБРАЗЦЫ ТЕКСТОВ И ИХ ТРАНСКРИПЦИЯ

Публикуемые фольклорные тексты в настоящем издании в основном были записаны на местах в различных эвенкийских районах Сибири, Дальнего Востока, Якутии и Сахалина. Некоторые материалы были получены специалистами во время их занятий со студентами эвенками в ленинградских учебных заведениях.

Специалисты-тунгусоведы свои полевые (первичные) записи производили академической транскрипцией. В настоящем же издании образцы текстов даны в практической транскрипции, но с сохранением диалектальных особенностей.

В образцах текстов отражены все три наречия — с е в е р н о е («хулани» — леса и «ахатман» — девочка); ю ж н о е («сиуналган» — снег и «эса» — глаза); в о с т о ч н о е («сарен» — он знает и «эха» — глаза). В текстах нашли свое отражение и другие фонетические, а также морфологические, синтаксические и лексические особенности эвенкийских говоров, которых насчитывается больше тридцати.

Одно и то же слово по значению в различных текстах дано соответственно фонетическим нормам определенного говора, например: «манакан», «манизин», «монокон» — он сам. Долгие гласные звуки в практическом написании особыми знаками не выделяются.

В текстах встречаются слова, в которых начальный «х» выпадает, например «окто» (дорога). Встречаются различные случаи ассимиляции согласных звуков: «дюкта», «дюкра», «дюкте», «дюкса» (видосем), «олдо», «олдро», «олло» (рыба). В некоторых говорах звук «с» произносится как «ш». Это отражено в текстах: «сурурен» и «шурурен» (ош ушел).

Все переводы очень близки к оригиналам, но не подстрочные и сделаны соответственно нормам литературного русского языка.

СЛОВАРЬ

(Этнографические и топонимические термины, областные слова и географические названия, встречающиеся в текстах.)

Абахи (абахи) — злые духи, обитавшие, по представлениям якутов и эвенков, в верхнем, среднем и нижнем мирах.

Арганиш — перекочевка на оленях; караван из нарт — оленьих самцов.

Баргузин — центр Баргузинского района, Вурятской АССР.

Баргуты — племена, обитавшие до прихода бурят и якутов в Прибайкалье.

Бармас — большая лодка для перевозки рыбы и груза.

Верхний, средний и нижний миры — по представлениям многих народов Севера, вселенная разделена на три яруса. Верхний мир находится на небе, где обитают главным образом высшие божества — покровители людей. Средний мир находится на земле, где обитают люди, а также некоторые злые и добрые духи. Нижний мир — подземный мир, где обитают самые темные и злые силы, приносящие людям различные беды.

Гальдегир — название одного из родов у баргузинских эвенков.

Гальны — вид мелкой рыбы. В большом количестве водятся в озерах и реках Сибири и Дальнего Востока.

Гарнииндя — от слова «тарша» (стрелок), один из героев эпоса сахалинских эвенков.

Дыггор — один из родов эвнисейских эвенков.

Дылма — имя героя в эпосе баунтовских эвенков.

Дябдар (длбтар) — мифический зверь эвенкийского фольклора.

Ербогачён — центр Катангского района, Иркутской области.

Няюбр — животное из семейства оленей. Из неокостенелых рогов (пантов) няюбра вырабатываются целебные препараты.

Кабарга — животное из семейства оленей; распространена в Сибири и на Дальнем Востоке. Вес кабарги не больше 16 килограммов.

Камусы (каммысы) — шкурки с ног оленя, употребляемые эвенками для изготовления теплой обуви, носков, рукавиц и головных уборов.

Катанга — Катангский район, Иркутской области.

Кильдыниная — герой из эпоса дальневосточных эвенков.

Козмыр — имя декушки, которая воспевается в песнях кучугских эвенков.

Колодки — деревья, сваленные на землю ветром или грозой.

Кинадыгир — название эвенкийского рода. Один из распространенных родов в Забайкалье.

Куладай Мурган — имя героя в сказках и эпосе забайкальских эвенков.

Курумкан — центр Курумканского района, Бурятской АССР.

Кушмба — поселок в Эвенкийском нац. округе.

Лабаз — амбар или склад для хранения продуктов и домашних вещей, устраиваемый на деревянных сваях или столбах. Высокие сваи предохраняли запасы пищи и имущество от хищных зверей.

Люди в рыжиих одеждах — название сказочных героев у забайкальских эвенков. «Рыжие одежды» — т. е. одежды, покрашенные в рыжий цвет.

Малюкчен — название рода у забайкальских эвенков.

Можжевельник — хвойный кустарник с душистыми ягодами, из подсемейства кипарисовых.

Нгадигир — один из родов баунтовских эвенков.

Ойгар — персонаж эпоса забайкальских эвенков.

Орочен — самоназвание некоторых групп эвенков в Забайкалье и на Дальнем Востоке.

Оскоба — поселок в Эвенкийском нац. округе.

Отог — место, где охотники или путники разжигают костер (постоянное огневище).

Пальмá — длинный нож с односторонним широким лезвием и острым концом, прикрепленный к длинному древку; пользовались пальмой как режущим и колющим оружием.

Соду Сэрдончо Сэлдани — имя героя эпоса дальневосточных эвенков.

Солонго — небольшой зверек желтого цвета, похож на колонка.

Таймень — сибирский лосось.

Тарбаган — сурок (семейства беличьих) — в настоящее время встречается редко, главным образом в Забайкалье.

Тура — центр Эвенкийского нац. округа.

Туруагир — один из родов баунтовских и нерчинских эвенков.

Убду — одно из диалектных названий оленьего желудка.

Унты — общее название обуви.

Чальчигир (чильчагир) — название рода у забайкальских эвенков.

Чум — жилище кочевых населения эвенков. У ряда эвенкийских групп чум называют юртой; по-эвенкийски: дю, харая, аран.

Шулентá — старшина эвенкийского рода. В дореволюционное время царская администрация в отдельных случаях ставила шулент во главе инородческой управы.

Эиги — одно из диалектных названий оленьего желудка.

Леак — подать, которую платили народности Севера до революции в царскую казну.

Ятэка — один из героев эпоса забайкальских эвенков.

УКАЗАТЕЛЬ ТЕКСТОВ

Сказка — Нимукаан

1. Сулаки.—Лиса. Рассказал в 1936 г. в Ленинграде Н. А. Мартынов из поселка Талакан, Кур-Урмийского района, Амурской области. Записала и перевела В. А. Горцевская.
2. Сулаки.—Лиса. Рассказала в 1952 г. А. П. Салаткина, 75 лет, из поселка Нешы, Катангского района, Иркутской области. Записали и перевели В. А. Горцевская и В. Д. Колесникова.
3. Сулаки амакачи.—Лиса и медведь. Рассказала Т. И. Торпушонок из поселка Ванавара, Эвенкийского нац. округа. Записала и перевела В. А. Горцевская.
4. Амака-да сулаки.—Лиса и медведь. Рассказал в 1927 г. в Ленинграде Осип Салаткин из Катангского района, Иркутской обл. Записала и перевела В. И. Ципикус.
5. Кукоктан сулакима удокчинен.—Сойка лисицу обманула. Рассказала в 1953 г. Т. И. Торпушонок из поселка Ванавара, Эвенкийского нац. округа. Записали и перевели В. А. Горцевская и В. Д. Колесникова.
6. Сулаки, чивкаан.—Лисица и птишка. Рассказал С. А. Ваксанаев из поселка Талакан, Читинской области. Записал и перевел Е. И. Титов. Опубликовано в «Фольклорном сборнике» Г. М. Васильевич, стр. 209.
7. Мунукуан.—Заяц. Рассказал в 1953 г. Г. В. Владимиров из поселка Тутур. Записала и перевела Т. З. Пушкинская.
8. Эвенки тадук мунукуар.—Эвенки и зайцы. Рассказала в 1953 г. А. Полигус из поселка Полигус, Байкитского района, Эвенкийского нац. округа. Записала и перевела В. Д. Колесникова.
9. Бэеткен алтама гаткэчи.—Мальчик с золотым затылком. Рассказала в 1947 г. Галина Нанканчина из Баунтовского района Бур. АССР. Записал и перевел М. Г. Воскобойников.
10. Маун. Рассказала в 1952 г. А. П. Дзенкоуль из поселка Ванавара, Эвенкийского нац. округа. См. указатель к сказке 2.
11. Нивзаникен. Рассказал в 1943 г. студент Никольевского-на-Амуре педучилища народов Севера Дьячковский из Алянского района, Хабаровского края. Записала и перевела Е. П. Лебедева.
12. Ауадьякан-да дылача.—Сиротка и солнце. Рассказала Ю. С. Семириконова. См. указатель к сказке 9.
13. Ауадьякан-бэга.—Сиротка и месяц. Рассказал А. С. Нанканчин. См. указатель к сказке 9.
14. Гуш.—Орел. Рассказал в 1936 г. в Ленинграде С. И. Колманов из поселка Томпа, Северо-Байкальского района, Бур. АССР. Записала и перевела В. А. Горцевская.
15. Дябдар.—Чудовище. См. указатель к сказке 8.

16. Хуна́т.—Девушка. Рассказал в 1954 г. Г. С. Ковширчин из поселка Ванавара, Эвенкийского нац. округа. Записала Д. Платонова, перевела В. А. Горцевская.

17. Иву́л. Перепечатана из «Фольклорного сборника» Г. М. Василевич, стр. 121—122. Подготовлена к печати М. Г. Воскобойниковым.

18. Иву́л-да Чо́ра.—Иву́л и Чо́ра. Рассказал в 1927 г. в Ленинграде Салаткин из Ербогачинского района, Иркутской обл. Записала и перевела В. И. Цинциус.

19. Кодон-да Иву́л.—Кодон и Иву́л. Рассказала в 1946 г. Е. Г. Корсакова из Баунтовского района, Бур. АССР. См. указатель к сказке 9.

20. Он эвенки баял очан.—Как эвенки стал богатым. Рассказал в 1958 г. П. Ф. Валяки из поселка Подпугус, Байкитского района, Эвенкийского нац. округа. Записала и перевела О. А. Константинова.

21. Ал бэе бидерен.—Живет хороший человек. См. указатель к сказке 20.

22. Вээлду́л ула́мал тэтэгэ́нд, ба́рке о́могги́л.—О людях в рыжих одеждах и храбром юноше. Рассказала в 1947 г. Ю. С. Семириконова. См. указатель к сказке 9.

23. Вээ́ткэм о́сикта́дм.—Мужичок с ноготок. Записал от разных лиц в Эвенкийском нац. округе И. И. Суворов.

24. И́йма.—Иголка. См. указатель к сказке 23.

25. У́лта.—Эхо. Записал у баунтовских эвенков в 1946 г. М. Г. Воскобойников.

26. У́ливу́на—у́ливу́кача́на ба́кам!—Весло—весельце нашел! Записал в 1909 г. у туруханских эвенков К. М. Рычков. Подготовил к печати М. Г. Воскобойников.

27. Чы́э́кэ. Перепечатано из «Фольклорного сборника» Г. М. Василевич, стр. 131.

28. Дю́р бээ́л бичэ́тм.—Жили два человека. Рассказала Т. И. Торпушенок из поселка Ванавара, Эвенкийского нац. округа. Записала и перевела В. А. Горцевская.

29. Ни́му́кава́ун.—Сказка. Рассказал Е. Г. Тортонов из поселка Талочка, Читинской обл. Записал и перевел Г. А. Наргунов. Перепечатано из «Фольклорного сборника» Г. М. Василевич, стр. 158.

30. Хи́ла́кта.—Дятел. Записал у туруханских эвенков К. М. Рычков. Подготовлена к печати М. Г. Воскобойниковым.

31. У́лгучэ́вун-э́вэн.—Рассказик-шутка. Рассказала в 1946 г. Н. Т. Лоргантова. См. указатель к сказке 9.

32. Ле́нэ́шка. Рассказал в 1946 г. В. Д. Лоргантов. См. указатель к сказке 9.

33. Ё́н э́вэнки́лду́ ды́лача́ва бу́рен.—Кто дал эвенкам солнце. См. указатель к сказке 9.

Героический эпос — у́лгур

1. Ки́ляды́нникэ́н. Записала в 1931 г. в Ленинграде от Слепцовой (Сахалин) Г. М. Василевич. Опубликована в «Фольклорном сборнике» Г. М. Василевич. Перевод подготовлен к печати В. И. Цинциус.

2. Со́ду Со́рдончо́ Со́лдани. Записана в 1933 г. в Ленинграде от В. Эден (Кур-Урмийский район). См. указатель к предыдущему тексту.

3. Я́те́кэ. Рассказал в 1947 г. П. И. Нанканчин. См. указатель к сказке 9.

Предания и устные рассказы — у́лгу́рлэ

1. Он Дай́ван бая́л очан.—Как Дай́ван стал богатым. Записано от баргузинского эвенка П. Баранова и опубликовано в «Материалах для исследования тунгусского языка», изд. АН СССР, Л., 1927 г.

Национальный и русский тексты подготовлены к изданию М. Г. Воскобойниковым.

2. Корчокол.—Варгуты. Рассказал в 1958 г. Е. Н. Варамов из рода гальдигир, поселка Алла, Варгузинского района, Бур. АССР. См. указатель к сказке 9.

3. Киндыгир.—О роде киндыгир. Рассказала в 1948 г. Тэнли-кен Ауульва, 83 лет, из Северо-Байкальского района, Бур. АССР. Записала и перевела Н. И. Гладкова.

4. Хэвоко. Рассказала в 1952 г. А. П. Дэнкоуль из поселка Ванара, Эвенкийского нац. округа. Записали и перевели В. А. Горцевская и В. Д. Колесникова.

Устные рассказы

1. Он эвенкил индечотын амаски.—Как эвенки жили раньше. Рассказал в 1932 г. В. З. Канчульсон, 60 лет, из поселка Кукумба, Эвенкийского нац. округа. Записали и перевели В. А. Горцевская и В. Д. Колесникова.

2. Он би Москвада уенедечев.—Как я ездил в Москву. Рассказала в 1958 г. К. Н. Шангина из поселка Холодное, Северо-Байкальского района, Бур. АССР. Записал и перевел М. Г. Воскобойников.

Песни — икэвур, хэгэвур, давлэвур

Песни колыбельные

1, 2, 3, 4, 5. Записаны в 1946—47 гг. М. Г. Воскобойниковым от Ирижи Уринуловой и Н. Т. Лоргиктоевой из поселков Хойтот и Усой, Баунтовского района, Бур. АССР. 6. Записана Г. Гуттом у енисейских эвенков. 7. Записана Е. И. Титовым в Северо-Байкальском районе, Бур. АССР. 6 и 7 перепечатаны из «Фольклорного сборника» Г. М. Василевич, стр. 201 и 238.

Песни свадебные

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7. Записаны в 1946—47 гг. М. Г. Воскобойниковым от Н. Т. Лоргиктоевой и А. С. Наиканчина, Баунтовский район, Бур. АССР.

Песни сиротинки

1, 2, 3, см. указатель «Песни колыбельные» 1—5. 4. Записано в 1897 г. Г. Гуттом. Перепечатано из «Фольклорного сборника» Г. М. Василевич, стр. 240. 5. Записано в 1938 г. М. Г. Воскобойниковым от П. Г. Маркова из Северо-Байкальского района, Бур. АССР.

Песни о старой и новой жизни

1. Эсикты бинивун.—Современная наша жизнь. Записал в 1958 г. М. Г. Воскобойников от П. Г. Маркова из поселка Холодное Северо-Байкальского района, Бур. АССР.

2. Ленин гундэлиж.—Заветы Ленина. Записала в 1949 г. от Тамары Ганжутиной из поселка Холодное, Северо-Байкальского района, Бур. АССР, Н. И. Гладкова.

3. Мирдули.—За мир. Песня, исполняющаяся в коллективах художественной самодеятельности Эвенкийского нац. округа. Перевод М. Г. Воскобойникова.

4. Давлавун.—Песня. Записал от Лоргантовой Н. Т. в 1958 г. в Ваунтовском районе М. Г. Воскобойников.

5. Ленинградтала.—В Ленинград. От студентов, обучающихся в Ленинграде, в 1954 г. записал М. Г. Воскобойников.

6. Козыр.—Песня о девушке Козыр бытует у эвенков Качугского района, Иркутской обл. Перенес М. Г. Воскобойников.

7. Дагисел.—Птички (песня-пляска). От студентов эвенков записал М. Г. Воскобойников.

8. Давлавун.—Песня. Обработка народной песни эвенком А. Хромовым.

9. Давлавун.—Песня. Записал в 1958 г. М. Г. Воскобойников от учащихся Вагдаринской эвенкийской школы, Бур. АССР.

10. Бугунтитта.—Я рыбаку. Записала в 1949 г. Н. И. Гладкова от К. Н. Шатиной из поселка Холодное, Северо-Вайкальского района, Бур. АССР.

11. Онкочо.—Лодка. Записала в 1958 г. Вера Карпушкина от участниц кружка художественной самодеятельности эвенков Ваунтовского района, Бур. АССР.

Загадка — поэзия

Загадки ваунтовских эвенков

1—134. Записаны в 1946—47 г. М. Г. Воскобойниковым от В. Д. Лоргантовой, П. И. Наиканчина, Г. Наиканчиковой, Ю. С. Семяриконовой и др. в поселках Хойгот, Усой, Вагдарин, Ваунтовского района, Бур. АССР.

Загадки баргузинских и курумканских эвенков

1—15. Записаны в 1958 г. М. Г. Воскобойниковым от Сысек Сыдыковой, Е. Баранова, М. Туракиной и др. в поселках Алда, Таза, Курумкан, Курумканского района, Бур. АССР.

Загадки ербогаченских эвенков

1—10. Перепечатаны из «Фольклорного сборника» Г. М. Василевич, стр. 133—135.

Загадки сымских (туруханских) эвенков

Перепечатаны из «Фольклорного сборника» Г. М. Василевич, стр. 133—135.

Загадки, записанные в Эвенкийском нац. округе

1—16. Записал в 1934—57 гг. от разных лиц Н. И. Суворов.

Загадки якутских эвенков

1—8. Записал в 1959 г. в Ленинграде от студента Михаила Николаева М. Г. Воскобойников (Ольгинский район, Якутской АССР).

Загадки сахалинских эвенков

1—6. Записаны в 1927—34 гг. Г. М. Василевич в Ленинграде от студентов Института народов Севера. Перепечатано из «Фольклорного сборника» Г. М. Василевич, стр. 133—135.

- 1, 1а, 2. Записаны в 1946 г. М. Г. Воскобойниковым от учащихся-эвенков Вагдаринской школы, Бур. АССР.
 - 3, 4. Записал в 1956 г. в Ленинграде М. Г. Воскобойников от Е. Н. Худавой (Читинская обл.).
 - 5 и 6. Записал в 1958 г. М. Г. Воскобойников от учащихся Холоднинской школы, Северо-Байкальского района, Бур. АССР писателя Усой, Баунтовского района, Бур. АССР.
 - 7, 8, 9. Записал в 1958 г. М. Г. Воскобойников от Сымак Сымдыковой в поселке Алла, Курумканского района, Бур. АССР.
 11. Записал М. Г. Воскобойников от студентки Дарьи Мироновой в 1959 г. в Ленинграде (Курумканский район, Бур. АССР).
 12. Рассказал Яков Валинов в 1946 г., 50 лет, из Баунтовского района, Бур. АССР. Записал и перевел М. Г. Воскобойников.
 - 13 и 14. Записал М. Г. Воскобойников в 1958 г. от детей эвенков в поселке Усой, Баунтовского района, Бур. АССР.
- Образцы скороговорок в 1930—58 гг. записал М. Г. Воскобойников у эвентских эвенков.

Приметы, поговорки и пословицы — гунмекил

Приметы и поговорки, основанные на практическом знании природы.

- 1—10. Записаны в 1934—57 гг. И. И. Суворовым от эвенков Эвенкийского нац. округа.
- 11—20. Записаны в 1930—59 гг. М. Г. Воскобойниковым от эвенков Баунтовского района, Бур. АССР.

Приметы, основанные на суеверии

- 1—4. Записаны И. И. Суворовым в Эвенкийском нац. округе.
5. Записано М. Г. Воскобойниковым у эвенков Баунтовского района, Бур. АССР.

Современные пословицы и поговорки

- 1—9. Записаны М. Г. Воскобойниковым в 1949—58 гг. от студентов эвенков, обучавшихся на Северном отделении Педагогического института им. А. И. Герцена.

- 1—9. Пословицы и поговорки, записанные в Эвенкийском нац. округе И. И. Суворовым.

Фотографии, иллюстрирующие книгу, были любезно предоставлены автору И. М. Сусловым, И. И. Сусловым, А. И. Титовой, Н. И. Гладковой, Ф. Ф. Сорокиным, Н. Петровым, Н. Костромыкиным, В. Н. Ощепковой, Г. И. Ворониным, И. И. Суворовым. Всем этим североведам, учителям и общественным деятелям автор и редактор выражают глубокую благодарность.

БИБЛИОГРАФИЯ

- *1. Анисимов А. Ф., Родовое общество эвенков (тунгусов), Тексты эвенкийских преданий, изд. Института народов Севера, Л., 1936.
2. Анисимов А. Ф., Шаманские духи по воззрениям эвенков и тотемические истоки идеологии шаманства, сб. МАЭ, т. XIII, 1947.
- *3. Василевич Г. М., Игры тунгусов, ж. «Этнограф-исследователь», вып. 1, Л., 1927.
- *4. Василевич Г. М., Первая книга для чтения на тунгусском языке, на правах рукописи, изд. северн. фак-та Ленинградского восточного института, Л., 1929.
5. Василевич Г. М., Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям тунгусов, «Этнография», XI (3), 1930.
- *6. Василевич Г. М., Эвэдлл пйуакал, Учпедгиз, Л., 1934.
- *7. Василевич Г. М., Соду Сордончо Солдон, Л., 1935.
- *8. Василевич Г. М., Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору под ред. Я. П. Алькора, изд. Института народов Севера, Л., 1936.
- *9. Василевич Г. М., Торганэй (Сборник сказок), изд. «Главсевморпуть», Л., 1939.
- *10. Василевич Г. М. и Магид С. Д., Новая эвенкийская песня, «Советский фольклор», 1941, № 7.
- *11. Василевич Г. М., Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов, «Краткие сообщения Инст. этногр. АН СССР», 1946, № 1.
- *12. Василевич Г. М., Очерки диалектов эвенкийского языка, Тексты эвенкийских сказок и устных рассказов, Учпедгиз, Л., 1948.
- *13. Василевич Г. М., К вопросу о киданях и эвенках, «Советская этнография», 1949.
14. Василевич Г. М., Древнейшие охотничьи и оленеводческие обряды эвенков, сб. МАЭ, т. XVII, 1952.
15. Васильев В. Н., Тунгусские предания, «Живая старина», вып. 1, 1908, СПб., и вып. 1, 1909, СПб., опубли. в «Материалах по эвенк. (тунг.) фольклору», Л., 1936.
16. Васильев В. Н., Образцы тунгусской народной литературы, Записки РГО по отд. этногр., т. XXXIV, СПб., 1909, опубли. в «Материалах по эвенк. (тунг.) фольклору», Л., 1936.
17. Воскобойников М. Г., Образ Ленина в литературе и устном творчестве народов Севера (статья), «Звезда», 1950, № 4.
- *18. Воскобойников М. Г., Устное творчество баунтовских эвенков (тунгусов), автореферат кандидатской диссертации, «Вестник ЛГУ», 1948 № 3.
19. Воскобойников М. Г., Эвенкийская народная сказка (статья), сб. «В помощь учителю школ Крайнего Севера», вып. 2, Л., 1950.
20. Воскобойников М. Г., За развитие литературы и устного творчества народов Севера (статья), «Звезда», 1951, № 2.

Об них нам не жаль

- * 21. Воскобойников М. Г., Эвенкийская народная поэзия (статья), «Советская этнография», 1951, № 1.
- 22. Воскобойников М. Г., Устно-поэтическое творчество эвенков Вурят-Монголии (статья), журн. «Свет над Байкалом», 1954, № 1.
- 23. Воскобойников М. Г., Храбрый Хурюнан (сб. сказок для детей), Улан-Удэ, 1956.
- * 24. Воскобойников М. Г., Эвенкийская загадка, Ученые записки Лен. пед. ин-та им. А. Н. Герцена, том 182.
- 25. Воскобойников М. Г., О социальных противоречиях в сказках эвенков, сб. Труды по филологии, вып. 3, Вурятский комплексный научно-исследовательский институт, Улан-Удэ, 1958.
- 26. Воскобойников М. Г., Фольклор эвенков Вурятки, Улан-Удэ, Иркутск, 1958.
- 27. Воскобойников М. Г., Эвенкийские народные сказки, Якутск, 1960.
- 28. Георгий Н., Тунгусское сказание, „Bemerkungen einer Reise im Russischem Reich im Jahre 1772 Von Jottl, Erster Band, Sp. 1775, стр. 228—296. В переводе на русский яз. опублик. в «Материалах по эвенк. (тунг.) фольклору», Л., 1936.
- 29. Горцевская В. А., Очерк истории изучения тунгусо-маньчжурских языков, Институт языкознания АН СССР, Л., 1959.
- 30. Гуревич А. В., Фольклор Восточной Сибири, Тексты эвенкийских сказок, Иркутск, 1933.
- * 31. Гут Г., Тунгусская народная литература и ее этнолингвистическое значение, Известия Академии наук, т. XV, № 3, 1901, СПб., опублик. в «Материалах по эвенк. (тунг.) фольклору», Л., 1936.
- * 32. Гут Г., Фрагменты из вариантов тунгусских преданий (из полевых записей), рукописный архив Института востоковедения АН СССР, опублик. в «Материалах по эвенк. (тунг.) фольклору», Л., 1936.
- 33. Дубровский С., Северные сказки, М., 1918, изд. «Залюта».
- 34. Иттер В., Две сказки, опублик. в «Материалах по эвенк. (тунг.) фольклору», Л., 1936.
- * 35. Козловский А. П., Сказки тунгиро-олимкинских эвенков, опублик. в «Материалах по эвенк. (тунг.) фольклору», Л., 1936.
- 36. Кокеники В., Эвенкийские сказки, ж. «Новая Сибирь», 1940, № 6, Иркутск.
- 37. Ксенофонт В., Ураингкэй — Сахалар, т. 1, Иркутск, 1937.
- 38. Лебедева Е. П., Об использовании устного народного творчества в начальной северной школе, «В помощь учителю школ Крайнего Севера», Вып. пятый, Учпедгиз, Л.
- * 39. Лебедева Е. П., Северное наречие эвенкийского языка, Ученые записки Лен. пед. ин-та им. А. Н. Герцена, том 167, 1950.
- * 40. Левин В. И., Две сказки аляских эвенков, опублик. в «Материалах по эвенк. (тунг.) фольклору», Л., 1936.
- 41. Малыш П. П., Несколько слов об орочонах и их фольклоре, сб. «Изучайте родной край», Записки Забайкальского отд. РГО, Чита — Владивосток, 1924, опублик. в «Материалах по эвенк. (тунг.) фольклору», Л., 1936.
- * 42. Материалы для исследования тунгусского языка, Изд. АН СССР, Л., 1927.
- * 43. Мыльникова К. М. и Цинциус В. И., Материалы по исследованию негидальского языка, Тунгусский сборник № 1, Изд. АН СССР, 1950.
- * 44. Нергунеев Г. А., Две сказки талочских эвенков, опублик. в «Материалах по эвенк. (тунг.) фольклору», Л., 1936.
- 45. Неплюхов, Большой шаман — Кындыгыр, ж. «Жизнь Вурятки», №№ 4—6, Верхнеудинск.
- 46. Ошаров М., Северные сказки, Новосибирск, 1936.
- 47. Ошаров М., Тунгусские сказки, «Сибирские огни», 1933, № 9—10.

48. Ошаров М., Тунгусские песни, ж. «Будущая Сибирь», 1933, № 4, Иркутск.
49. Пажемский В. С., Две легенды ербогаченских звенков, опубли. в «Материалах по звенк. (тунг.) фольклору», Л., 1936.
50. Пажемский В. С., Эвенкийские сказки под ред. Г. Кунгурова, Иркутск, 1937.
- * 51. Петрова Т. И., Сказки звенков Приангарья, опубли. в «Материалах по звенк. (тунг.) фольклору», Л., 1936.
- * 52. Пухшанская Т. З., Говор Тугуро-Чумкянских звенков (кандидатская диссерт.), рукопись хранится в Фунд. библиотеке Лен. пед. ин-та им. А. Н. Герцена.
53. Рычков К. М., Из области тунгусского творчества, Сибирский архив, 1913, № 12, опубли. в «Материалах по звенк. (тунг.) фольклору», Л., 1936.
54. Рычков К. М., Из области тунгусского творчества, «Сибирский архив», 1914, № 11, опубли. в «Материалах по звенк. (тунг.) фольклору», Л., 1936.
55. Рычков К. М., Енисейские тунгусы, Землеведение, М., кн. 1—2, 1917, кн. 3—4, 1922.
56. Рычков К. М., Сказки сибирских инородцев, Петроград, 1917.
- * 57. Рычков К. М., Записи по эвенкийскому фольклору, произведенные у звенков Туруханского края Енисейской губернии в 1903—13 гг., хранящиеся в Рукописном отделе Института востоковедения АН СССР, фонд 49. См. подробно о материалах К. М. Рычкова в статье М. Г. Воскобойникова: 1) «Рычков К. М. как собиратель эвенкийского фольклора», «Советская этнография» (печатается) и 2) «О собирании и публикации устного народного творчества звенков за годы советской власти», Ученые записки Лен. пед. ин-та им. А. Н. Герцена, том 187, 1960.
- * 58. Салаткина Алексей, Гегдаллукин и улугрижкен (эпическое сказание в литературной обработке), под ред. Г. М. Васильевич, Учпедгиз, Л., 1935. Перевод на русском языке опубли. в сб. «Север поэт», Л., 1939, ГИХЛ.
- * 59. Салаткина А., Итуылгучан (Совенон), под ред. Г. М. Васильевич, Учпедгиз, Л., 1948.
- * 60. «Северинки». Рукописный журнал студентов отделения народов Севера Лен. пед. ин-та им. А. Н. Герцена, №№ 1—3, Л., 1964—60 г.
61. Стещенко-Куфтина В., Элементы муммальной культуры у палеоазиатов и тунгусов, «Этнография», под ред. Богораза-Тана и др., М.—Л., 1930.
62. Суворов И. И., Эвенкийские сказки (тексты), альманах «Енисей», кн. 17, Красноярск, 1956.
- * 63. Суворов И. И., О собирании и использовании на занятиях с учащимися и их родителями устного творчества звенков, сб. «В помощь учителю школ Крайнего Севера», вып. 6, 1964, Л.
64. Суворов И. И., Верный друг (сб. сказок), Новосибирск, 1967 г.
- * 65. Суворов И. И., Северные цветы (сб. сказок), Красноярск, 1958.
- * 66. Суелов И. М., Шаманизм у тунгусов (материалы по шаманству у тунгусов Енисей). Рукопись хранится в Институте этнографии АН СССР.
67. «Тайга и Тундра», Студенческий журнал, 1928, № 1: 1930, № 2; 1933, № 23, Л., изд. северн. фак-т Восточного института и Института народов Севера.
- * 68. Титов Е. И., Материалы по устному творчеству звенков Прибайкалья, опубли. в «Материалах по звенк. (тунг.) фольклору», Л., 1936.
69. Толмачев И. П., Заметки по поводу «Образцов тунгусской народной литературы», в переводе В. Н. Васильева, Записки РГО по отд. этногр., т. XXXIV, СПб., 1909, опубли. в «Материалах по звенк. (тунг.) фольклору», Л., 1936.
- * 70. Цянцхус В. И., Эвенкийские тексты, пособие для студентов Лен. пед. ин-та им. А. Н. Герцена, Л., 1930, отпеч. на стенографе.

- *71. Цинциус В. И., Образцы материалов по негидальскому фольклору, учебное пособие для студентов ЛГИФЛИ, Л., 1936, на правах рукописи.
- *72. Цинциус В. И., Загадки негидальцев, Ученые записки Лен. ин-та им. А. Н. Герцена, том 132, 1957.
- 73. Цинциус В. И., Негидальские сказки, сб. «Сказки народов Севера», изд. 1, 1951 и изд. 2, 1959, Гослитиздат, Л.
- *74. Чинков-Эдян Г., Гарпаниндя, под ред. Г. М. Василевич, изд. Главсевморпуть, Л., 1939.
- *75. Чинков-Эдян Г., Сулакичан, под ред. Г. М. Василевич, Учпедгиз, Л., 1940. Русский перевод в литобработку В. Наумовой опубликован Детгиз, 1940.
- *76. Эвенкийские сказки, Тура, 1952.
- 77. Эвенкийские сказки в сб. «Сказки народов Севера», сост. М. Г. Воскобойников и Г. А. Меновщиков, под ред. М. А. Сергеева, Гослитиздат, Л., 1951 и «Сказки народов Севера», сост. М. Г. Воскобойников и Г. А. Меновщиков, Гослитиздат, Л., 1959.
- 78. Эвенкийские сказки, сост. М. Л. Пинегина со вступ. статьей М. А. Сергеева, Чита, 1952.
- 79. Эвенкийские песни и сказки, сб. «Великие батыры», Улан-Удэ, 1947.
- 80. Эвенкийские песни и сказки, сб. «Творчество народов СССР», изд. «Правда», М., 1937.
- 81. Эвенкийские сказки, сб. «Сказки народов Сибири», сост. Каптелов А. Л., Новосибирск, 1949.

Примечание. Все названия, отмеченные звездочкой, опубликованы на эвенкийском языке или содержат примеры из фольклорных текстов на эвенкийском языке. Названия, не отмеченные звездочкой, опубликованы только на русском языке.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие	2
Введение	3

Сказка — нимуанан

Сказки о животных

Сулаки	34
Лиса	37
Сулаки	40
Лиса	41
Сулаки, амакачи	42
Лиса и медведь	43
Амака-да сулаки	44
Медведь и лиса	—
Кукокчи сулакина улокчинан	45
Сойка лисицу обманула	46
Сула, чивкан	47
Лисица и птишка	48
Муинукан	—
Заяц	50
Эвэнки тадун муинукан	51
Эвэнки и зайцы	—

Волшебные сказки

Бэсткэн алтама гыткэчи	59
Мальчик с золотым затылком	61
Мауи	64
Мауи (перевод)	69
Нивэникан	75
Нивэникан (перевод)	79
Арадякан-да дылача	83
Сиротка и солнце	86
Арадякан-да бега	90
Сиротка и месяц	91
Гуш	92
Орел	99

Дябдар	106
Чудовище (Змея)	107
Хумат	108
Девушка	110

Выставные сказки

Ивул	119
Ивул (перевод)	120
Ивул-да Чора	122
Ивул и Чора	124
Кодон-да Ивул	126
Кодон и Ивул	128
Он эвенки бани очан	130
Как эвенк стал богатым	132
Ал бэе бидерен	133
Живет хороший человек	135
Воселдули уламал татыгчин, бериз омонгили	136
О людях в рыжих одеждах и храбром юноше	141

Сказки-шутки

Беекин осиктадын	146
Мужичок с поготов	—
Ниско	—
Иголка	147
Улта	—
Эхо	—

Детские сказки

Уливуна уливуначанэ бакам!	151
Весло-весельце нашел!	—
Чиникэ	—
Чиникэ (перевод)	152
Дюр бөөл бичотын	153
Жили два человека	—
Нимукакаун	154
Сказка	—
Хилакта	155
Дател	157
Улугучаун-эвин	159
Рассказки-шутка	—
Лешашна	160
Лешашна (перевод)	161

Новая сказка

Эн эвенкилду дылачанэ бурэн	165
Кто дал эвенкам солнце	168

Героический эпос — улгур

Килдыникан	187
Килдыникан (перевод)	194
Соду Сордончо Солдани	202
Соду Сордончо Солдани (перевод)	206
Ятэке	209
Ятэке (перевод)	211

Предания и устные рассказы — улгурил

Предания

Он Дайван банк очан	224
Как Дайван стал богатым	225
Корчохол	226
Баргуты	—
Киндыгир	227
О роде киндыгир	229
Ховоко	231
Ховоко (перевод)	234

Устные рассказы

Он звонкая индочетый эмаски	237
Как эмаски жили раньше	239
Он би Москвада уенечен	240
Как я ездила в Москву	242

Песни — икэвун, хэгэвун, давлэвун

Песни колыбельные	262
Песни свадебные	263
Песни сиротинки	267
Песни о старой и новой жизни	269
Эсипты бинивун	—
Современная наша жизнь	270
Ленин гулдэлэн	—
Заветы Ленина	271
Мирдули	—
За мир	272
Давлавуун	—
Песня	273
Ленинградтула	—
В Ленинград	274
Кошмыр	—
Кошмыр (перевод)	275
Дэгнел	276
дэгнел	277
Давлавуун	278
Песня	—
Давлавуун	279

	Стр.
Песня	279
Би гунчитчам	—
Я рыбацу	280
Ойкочо	—
Лодка	281

**Загадка — кензика
Считалка — таджика
Пословица и поговорка — гунмак**

Загадка

Загадки баунтовских эвенков	292
Загадки баргузинских и курумканских эвенков	301
Загадки ербогачинских эвенков	302
Загадки сымских (туруханских) эвенков	303
Загадки, записанные в Эвенкийском нац. округе	304
Загадки якутских эвенков	306
Загадки сахалинских эвенков	—

Считалка

Пословицы и поговорки

Приметы и поговорки, основанные на практическом знании природы	321
Приметы, основанные на суеверии	322
Современные пословицы и поговорки	—
Пословицы и поговорки, записанные в Эвенкийском нац. округе	323

Примечания

Образцы текстов и их транскрипция	324
Словарь	325
Указатель текстов	327
Библиография	328

Михаил Григорьевич Воскобойников

ЭВЕНКИЙСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Редактор *Э. И. Ковалева*

Переплет художника *Л. А. Красовского*

Художественный редактор *В. Б. Михайлич*

Технический редактор *Н. И. Аснина*

Корректор *И. П. Сидоренко*

Сдано в набор 21/III 1960 г. Подписано к печати 8/VII 1960 г.
М 23381. Формат бумаги 60×82¹/₂ Печ. л. 21,25. Уч.-изд. л. 19,25.

Тираж 1000 экз. Заказ № 593.

Цена без переплета 3 р. 85 к.

Переплет лакированный 3 р.

С 1/1 1961 г. цена 59 к.

Ленинградское отделение Учпедгиза. Ленинград, Невский пр., 28

Тзд. № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3